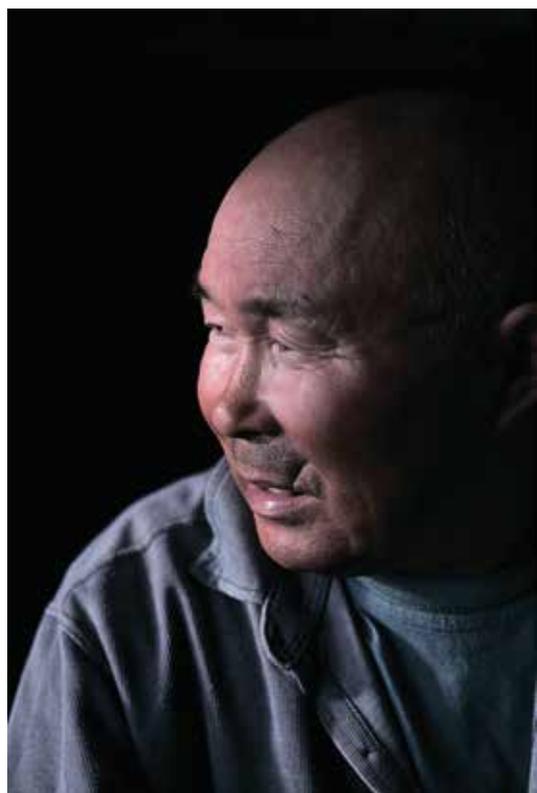

ЮРИЙ ВЭЛЛА

Избранное

В ТРЁХ ТОМАХ

2024

ЮРИЙ ВЭЛЛА

Избранное

ТОМ ТРЕТИЙ

БИОГРАФИЯ

ДОКУМЕНТЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

БИБЛИОГРАФИЯ

Делай то, о чём тебе не
просят, говори то, что
тебе не разрешают, думай
о том, о чём никто не
думает — это будет
твой Автопортрет.

Юрий Взмол.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Нен)
В97

Автономная некоммерческая организация содействия
информационно-просветительской деятельности «Югорский свет»

<i>Руководитель проекта</i>	<i>Ольга Корниенко</i>
<i>Редактор-составитель</i>	<i>Татьяна Юргенсон</i>
<i>Художник</i>	<i>Надежда Талигина</i>
<i>Дизайн</i>	<i>Оксана Шпилева</i>
<i>Фото</i>	<i>Георгий Корчёнкин</i>

Вэлла, Юрий Кылевич (1948–2013)

В97 Юрий ВЭЛЛА. Избранное. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3 ; худож. Н. М. Талигина. – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 2024. – 464 с.: ил.

ISBN 978-5-85383-966-3

Настоящее издание представляет широкую палитру творчества Юрия Вэллы, включая его публицистику и публикации о нём. Главная цель составителей трёхтомника – показать глобальный масштаб личности, внёсшей огромный вклад не только в дело сохранения родной культуры небольшого по численности народа – лесных ненцев, но и во всю мировую культуру.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Нен)

ISBN 978-5-85383-969-4 (т. 3)
ISBN 978-5-85383-966-3 (общ.)

© Ольга Корниенко, 2023
© Татьяна Юргенсон, 2023
© Надежда Талигина, 2023
© Оксана Шпилева, 2023

О. Корниенко

ГЕРОЙ МОЕГО ВРЕМЕНИ

В одном из интервью я спросила его: «Кем Вы себя больше ощущаете – поэтом, оленеводом или общественным деятелем?». Он ответил: «Я просто человек. Я живу так, как подсказывает мне время».

Времена не выбирают,
В них живут и умирают...

Это стихотворение Александр Кушнер, современник Вэллы, написал в 1978 году. Только одному было уже 42, а второму едва исполнилось 30. В Литературный институт Вэлла поступит только через четыре года. А пока он всеми фибрами своей души впитывает в себя время.

...Время – это испытанье.
Не завидуй никому.
Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

Его время было очень сложным. Он пережил девяностые в одной из самых жутких, на мой взгляд, реалий: почти ничем и никем не контролируемого ничего. В его случае – наступления технологического прогресса на хрупкий мир природы, единой и неразделимой частью которой являлся и до сих пор является его народ. Но ему было за что держаться – его земля помогала ему.

Он не отсиживался в стороне, вёл беспрестанный диалог – стихами, поступками, всей своей жизнью. Был Гражданином, яростно формулируя свою точку зрения, болея за интересы не только своего стойбища, но и своей страны.

Человек жив, пока чувствует на душе боль...

В любом случае, он был честен. И он был бесстрашен. И он стал героем. Героем моего времени. И да – времена не выбирают.

Сегодня его называют символом нашего современника, опередившего время по глубине понимания конфликта между Цивилизацией и Человеком. А он просто жил.

Он был настоящим. Как настоящим, истинным, не подменным было и то, что он защищал.

Родина. Род. Семья.

Он и сегодня возвращает нас к вечному, незыблемому. Для чего человек приходит на эту землю? Что он оставит после себя? И не потерялось ли понятие родины в бурном течении современной жизни?

Жанровую природу книг Юрия Вэллы профессор Ольга Константиновна Лагунова определяет как книга-слово. А чем определить его жизненный феномен? Он придумал слово ойлизм, обозначающее срастание нефтяного капитала с властью. Для такого явления как Вэлла тоже необходимо слово. Вэллизм, например. Вэллизм, как особый способ жизни. Книга, которую вы сейчас держите в руках – об этом.

В третьем томе мы постарались собрать его мысли, мысли о нём его соратников, редкие документы и фотографии, биографические данные – всё, что нам кажется нужным и важным для других людей. Если кому-то сейчас трудно – он непременно найдёт поддержку в этом человеке, как когда-то мы укрепляли свою душу и свою жизнь, равняясь на его стойкость и мужество.

Время сейчас такое, что многие из молодых, особенно здесь, на Севере, хотят, но не могут найти себя в мире иной цивилизации, иных реалий. Перед вами – достойный пример того, кто сумел не растерять себя во всех мирах, построил крепкий дом, семью, и даже сегодня, ушедший, приносит огромную пользу многим людям.

Он всегда использовал прессу как площадку для выражения своих мыслей, нас, журналистов, как проводников, способных помочь ему донести его мысль до более широкого круга слушателей, читателей, зрителей. И мы помогали. Точнее, помогали те, кто понимал и разделял его мир, его чувства. Те, кто не разделял – стояли в стороне. Были и такие, которые, пользуясь моментом, ловили волну и добывали себе славу на его неординарных экспериментах, акциях, протестах.

Итак, перед вами творческая и не очень биография гениального ненецкого поэта и великого авантюриста своего времени – Юрия Вэллы – в воспоминаниях, фотографиях, стихах и документах, написанная им самим, его современниками, родственниками, друзьями и самой жизнью.

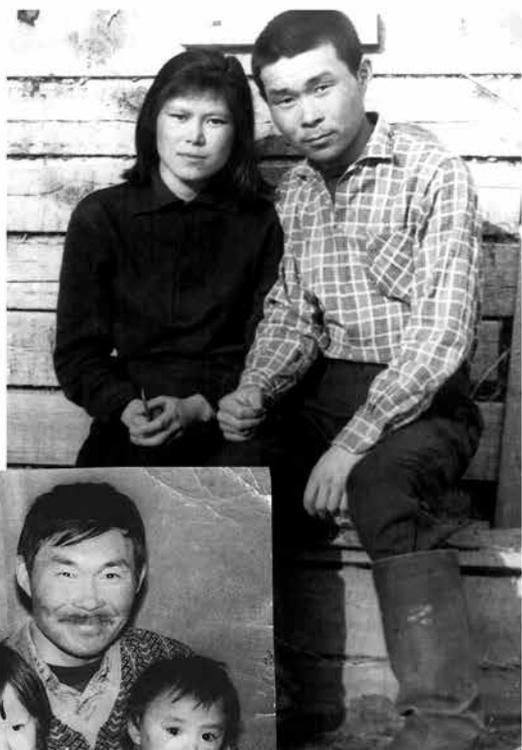

1948 – 1980

*Достичь возраста
Полноценного
Поцелуя...*

Юрий Абаевца по национальности немец. Он участвует в программе "Послание его родителей и сейчас работает корреспондентом Агаского, Рыбухтинского". Юрий активно участвует в общественной жизни города. Жители любят пошутить о его участии.
-МА СНИМКИ: Ю. Абаевца во время выступления.
Фото: А. Сидоркин/2000

1972 г.
КАР

12. 03. 1948

Родился на берегу реки Варьёган Сургутского (ныне Нижневартовского) района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области.

1955–1965

Учёба в школе-интернате (п. Варьёган, п. Аган, г. Сургут).

1963

Принят в ряды ВЛКСМ. Позже будет избран секретарём первичной комсомольской организации.

1965

Опубликовано первое стихотворение (газета «К победе коммунизма», Сургутский район).

8. 06. 1967

Женился на Елене Фёдоровне Айваседа (в девичестве Тайлакова).

14. 06. 1967

Первая запись в трудовой книжке:

«Зачислен рабочим Аганского рыбоучастка Сургутского рыбокомбината (п. Аган)».

1968–1970

Депутат Аганского сельского Совета.

В качестве заведующего Красным чумом едет с агитбригадой «Прометей» по Сургутскому району. На основе этой поездки напишет своё первое крупное произведение – повесть «Дари огонь» (в 1969 участвует с этой повестью в областном конкурсе, а в 1971 – фрагмент повести в виде очерка опубликован в «Сургутской трибуне»).

1969

Родилась первая дочь – Тайна.

1970–1972

Во время службы в Сибири и на Дальнем Востоке пишет цикл военных стихов и балладу «Слово о военных строителях».

1973

Родилась вторая дочь – Лада.

1975

Родилась третья дочь – Аэлита.

1. 02. 1976

Принят на работу художественным руководителем Варьёганского сельского Дома культуры.

К этому времени в селе уже всю поют его песни «Варьёганский вальс», «Песня водителя снегохода», «Шуточная песня охотника» и др.

15. 11. 1976

Зачислен в штат Варьёганского промыслово-охотничьего хозяйства охотником-промысловиком: «Я с раннего детства считал, что самая почётная работа – это работа охотника-промысловика, и я мечтал о ней».

1978

На заработанные охотой деньги покупает первый снегоход.

1978–1980

Депутат Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов.

1980

Родилась четвёртая дочь – Сёма.

Принимает участие в семинаре молодых литераторов в Сочи.

1948 год

12 марта родился на берегу реки Варьёган Сургутского (ныне Нижневартовского) района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области.

Атени Айваседа

Из рассказов о сыне

В пойме реки Варьёган, а по-ненецки она называется Пящита, есть небольшой сосновый бор, который так и называется – «Юрин борик». В 1948 году весной там стоял чум, в котором мы жили с Айваседой (Вэлла) Кыли Калывичем и с Вэлла Ненги Хэшевной (мать Кыли). Я была беременна.

12 марта был морозный, солнечный день. Кыли ушёл проверять мордушки (ловушки для рыбы), Ненги занималась хозяйством. В это время у нас в гостях находилась ещё одна сноха Ненги Хэшевы, звали её Пальта Ханевна (жена Вылжкюлю – младшего сына Ненги), она помогала по хозяйству. Пришло время рожать. Свекровь заранее подготовила всё для родов и сама начала принимать их. И вот в чуме раздался детский крик. У нас родился сын. Кто уж из нас предложил назвать его Юрой, точно и не вспомню. Но споров по выбранному имени не было. А с первых минут рождения малыша теперь уже бабушка Ненги ему что-то приговаривала на ненецком языке. Расслышала тогда только несколько фраз: это пожелания внуку, чтобы он рос здоровым, сильным, смелым, добрым, отзывчивым, чтоб вырос хорошим человеком и помогал людям.

1955–1965 ГОДЫ

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

Я окончил четыре класса в Варьёганском интернате, до восьмого класса учился в Агане, затем в Сургуте. Проучился в десятом классе только два месяца – и сбежал. Я тогда начал писать стихи, а учился плохо. Учительница мне говорила: «За что я тебе отметки буду ставить? За стихи, что ли?». И в очередной раз, когда она меня выгнала из класса, я, не раздумывая, уехал последним катером из Сургута домой, в Варьёган...

1 мая 1965 года в газете Сургутского района «К победе коммунизма» появляется первая публикация ученика 9 класса Сургутской средней школы Юрия Айваседы.

СЕГОДНЯ ПЕРВОМАЙ

Я сегодня раньше всех проснулся
И с утра в веселье окунулся,
И сказал я песне: Ну, взлетай,
Ведь сегодня праздник Первомай!
Ты лети, лети над всей землёю,
Пусть все песни полетят с тобою.
Им свои приветы передай
И скажи: сегодня Первомай.
Ты лети в края мои родные
Через реки и леса густые.
Жёлтым, чёрным, белым передай,
Что сегодня праздник Первомай!

4 июля за такой же подписью в газете опубликован и первый рассказ начинающего автора. А вот заметку молодого Айваседы «На далёкой звероферме», вышедшую 25 июля, газета публикует уже за подписью «Наш юнкор».

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

В Варьёгане я, кажется, прошёл через всё, что можно было испытать в те годы. Самое-самое моё первое дело после школы: на оленях сено для колхозных коров возил. Их тогда разводили у нас для комплексности хозяйства. Я сбежал из десятого класса с катером, хотел работать на реке. Но мой дядя возил сено для колхозных коров и лошадей в Варьёгане. И я стал заниматься тем же.

А потом пошёл работать на звероферму. Там выращивали чернобурок. Я увидел там полный цикл работ: гон, щенение, ухаживание за молодняком, выбраковка, забой. А после работал в Красном чуме, ездил по стойбищам. Был у меня там и киномеханик, и библиотекарь, а медика – молодого паренька, окончившего медучилище, – выманил из Сургута. Очень хорошо работали. Но я поссорился с Отделом культуры – не сдал отчёт – и меня уволили без трудовой книжки.

Той осенью на Агане замёрз катер, да так и перезимовал. Весной мы с Алексеем Вальчевичем его «направили», и всю весну я проплавал помощником судоводителя. Потом женился и уехал в село Аган.

Моя жена – младшая в семье. По нашему обычаю я обязан жить с тещей до её смерти...

1967 ГОД

8 июня женился на Елене Фёдоровне
Айваседа (в девичестве Тайлакова).

Елена Айваседа
Из рассказов о семье

Мы с ним с пятого класса дружили. Мне уже 20 лет было, а ему 19 с половиной, он на полгода младше меня. Он сперва

спросил у моей матери, согласна ли она выдать меня за него замуж. Она ответила: «Да, ты так-то парень хороший, ты мне нравишься». А потом он мне сделал предложение.

Вечеринку сыграли и всё, стали жить вместе. Это было в 1967 году. Как мы поженились, он переехал жить в посёлок Аган.

14 июня в трудовой книжке появилась первая запись:
«Зачислен рабочим Аганского рыбоучастка
Сургутского рыбокомбината (п. Аган)».

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

После женитьбы работал разнорабочим на рыбоучастке. Заготавливал лес, заправлял морозильную камеру, заготавливал лёд, даже научился класть печи.

Два-три месяца работал кассиром-учётчиком (женщина ушла в декрет). В одном отчёте потерял тридцать рублей.

Работал при клубе на общественных началах, организовал агитбригаду. Был секретарём комсомольской организации, и чуть не загнал в гроб секретаря парторганизации.

1969 ГОД

25 августа родилась первая дочь – Тайна.

Летом 1969 года мы, бригада Суровцева Валерия из Аганского рыбоучастка, расчистили от топляков песок НАҢКЯВУН ОҢ СЫЙ и стали на нём рыбачить.

Утром 25 августа мы приехали в деревню сдавать свой улов, на берегу нас встретила фельдшер Ефросинья Павловна Сайгатина и поздравила нашу бригаду с рождением моей первой дочери.

Елена Айваседа
Из рассказов о семье

...Мы её назвали Тайной. А в мае 1970-го ему пришла по-
вестка – явиться в военкомат, и там сообщили, что он идёт слу-
жить в армию. Через людей он сообщил мне, что его забирают
в армию и чтоб я приехала провожать его. Я собралась, взяла
дочь с собой, ей было 8 месяцев, и мы поехали в Сургут на
теплоходе. Проводив Юру, на следующий день этим же тепло-
ходом вернулись домой.

С армии Юра писал письма, отправлял фотографии, сти-
хотворения, посвящённые мне, ещё отправил из армии аль-
бом со стихами, в нём сделал отверстие и туда вложил колеч-
ко. Оно мне по размеру подошло, и я его носила...

1970–1972 годы

Служба в армии. Пишет цикл военных стихов
и балладу «Слово о военных строителях».

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

В армии был военным строителем. Служил в Сибири и на
Дальнем Востоке – строили дома для лётчиков. Получил там
официальную специальность – деревообработчик, плотник
третьего разряда. Научился всему, только штукатурить не полу-
чалось. Как-то подсчитал, что изрезал в армии двадцать киломе-
тров стекла. Часть бросали в разные места, побывал в Енисей-
ске, Новосибирске, Камне-на-Оби... Совершенно мы не знали,
что такое дедовщина. Помню, в деревне под Новосибирском хо-
дили строевым шагом под дождём и под песенку «Чёрный кот»,
которую я запевал. Кстати, я сочинил в армии «Балладу о воен-
ных строителях». Она даже понравилась начальнику штаба.

После армии вместе с женой три навигации провели на плашкоуте. Летом принимали рыбу, а осень я работал на лесоповале. Потом я опять поссорился с начальством, и мы уехали в Варьёган.

1976 ГОД

С 1 февраля работает художественным руководителем Варьёганского сельского Дома культуры.

15 ноября зачислен в штат Варьёганского промыслово-охотничьего хозяйства охотником-промысловиком.

Два года был исполняющим обязанности председателя сельсовета в Агане. Из охотников туда ушёл, в охотники же и вернулся.

Писал заявление в партию: «В связи со смертью Суслова переделали партийные ряды, прошу принять меня на его место».

Формулировку не приняли. Я был тогда единственным беспартийным председателем на всю округу. На съезде оленеводов в Когалыме одна женщина из исполкома призналась позже: «Мы от Айваседы лет на десять отстаём по мышлению».

Пока был охотником – сотрудничал с Всероссийским научно-исследовательским институтом охотничьего хозяйства и звероводства имени Житкова в Кирове. Испытывал в полевых условиях снегоходы, занимался биотехникой соболя.

Люди из института открыли мне глаза на простейшую вещь: соболя не надо охранять, полностью его истребить почти невозможно. Природе необходим охотник, и даже браконьер (в разумных пределах) запланирован самой природой, она без них неполноценна. Мы с Леной тратили на охоту примерно две недели осенью, неделю в Новый год и неделю весной – для проверки ловушек – кулём. Кулёмный способ охоты отличается от выслеживания и капканного способа, даёт отбор природе и высвобождает время охотника...

Еремей Айпин,
журналист

РИФМЫ ОХОТНИЧЬЕЙ ТРОПЫ

«Ленинская правда», 11 июля 1979 года

Каждый год в день перевозимья уходит он в тайгу на промысел зверя и птицы. Путь его лежит через урманы, леса, болота и озёра, живописные в своей суровой зимней красе ручьи и реки. И были его удачей не только белка или соболь, но и пришедшие на охотничьей тропе рифмы и поэтические образы. К удачным стихам, вернувшись вечером в зимовье или палатку, он подбирает мелодию на балалайке или мандолине. Так рождаются его песни, которые он сам исполняет. Большой популярностью пользуются среди жителей его родного Варьёгана песни «Варьёганский вальс», «Шуточная песня охотника», «Песня водителя снегохода» и другие.

Удачно сочетаются у него любимая работа, поэзия и общественная деятельность. Пять лет назад был секретарём первичной комсомольской организации, неоднократно избирался депутатом сельского Совета. А сейчас – один из активных депутатов окружного Совета народных депутатов шестнадцатого созыва.

Юрию Айваседе (псевдоним Вэлла по названию его древнего рода) тридцать один год. Он с детства мечтал всё узнать и всему научиться. Его, сына неграмотного ненца-охотника, интересовали тайны многих профессий и ремёсел. Был звероводом и приёмщиком рыбы на плашкоуте, печником и плотником, лесорубом и рабочим пилорамы, заведующим производством и воспитателем интерната, заведующим Красным чумом и директором сельского Дома культуры. Многие из этих профессий оченьгодились ему, когда призвали в ряды Советской армии.

Есть у него цикл стихов об армии, но самое значительное из этого цикла – маленькая поэма «Баллада о военных строителях».

Сейчас Юрий – рыбак-охотник Варьёганского отделения Охтеурского госпромхоза, живёт в национальном посёлке Варьёган Нижневартовского района.

Первое стихотворение «Был у майора Гагарина друг майор Титов» написал ещё в школе, в пятом классе. В школьные годы начал печататься в сургутской районной газете «К победе коммунизма» (в то время Варьёган относился к Сургутскому району). Затем его стихи публиковались в окружной газете, выступал с ними по окружному радио.

Пишет на русском и ненецком языках.

Что ещё сказать о Юрии Вэлле, о его поэзии?

Конечно, стихи его не безупречны, особенно в отношении формы, техники стихосложения. В этом плане можно высказать много замечаний. Но что бесспорно – в его произведениях есть поэтическое начало, своё видение мира, своё отношение к этому миру. Подчёркиваю – своё! Это можно отрицать или не признавать, но этого у него не отнять.

Юрий Айваседа,
*рыбак-охотник Варьёганского промохототделения,
депутат окружного Совета народных депутатов*

«Ленинское знамя», 30 декабря 1982 года

СУДЬБА СЕМЬИ В СУДЬБЕ СТРАНЫ

65 лет мы живём при Советской власти. 60 лет – в составе Союза Советских Социалистических Республик. Это возраст моего дедушки, и для него это много. А для страны, для народа моего, например?..

Я люблю расспрашивать своего дедушку о тех временах. И он охотно рассказывает. В его памяти тяжёлые дни начала века, шаманский разгул, кулацкий гнёт.

Всю жизнь он промышлял белку, соболя, дичь, ловил рыбу. И я выбрал его дело. Конечно, в отличие от него, я мог стать и геологом, и строителем, и механизатором. Дед раньше и представления не имел об этих профессиях, а я учился в школе в посёлке нефтеразведчиков, служил в армии в строительных войсках. Но я стал рыбаком и охотником. И не только потому, что мне дорого родительское дело, а и потому, что люблю свою деревню и всё, что её окружает. Я подумал: пусть это будет моей главной работой, а к чему потянется душа, научусь. Может, на промысле я ещё не так удачлив, как был мой дед. Но считаться в первой пятёрке охотников – тоже неплохо.

Наша деревня Варьёган раньше была в стороне от больших дорог. Дедушка и сейчас по привычке меряет путь не километрами, а днями оленьих перегонов. Вернувшись два года назад из Сочи, где мне довелось участвовать в семинаре молодых литераторов, я показал деду на карте этот южный город. «О, такой путь не под силу оленям!», – сказал он.

Но его теперь трудно удивить. Жизнь менялась у него на глазах. В восьми километрах от нас вырос большой посёлок геологов – Новоаганск, куда мы возим своих детей в школьный интернат. Он почти ежедневно видит, как винтокрылые машины несут по небу мачты электропередачи, оборудование для буровых вышек. Он не расстаётся с портативным приёмником даже в оленьих нартах и много знает. Услышав из эфира отрывок из повести Еремея Айпина, он заметил: «Хорошо Еремей думает, правильно пишет».

Ханты Еремей Айпин, член Союза писателей – из нашей деревни. Это он, в своё время прочитав мои стихотворения, пригласил на окружной слёт начинающих литераторов. Там я встретился с известным московским поэтом Алексеем Смоль-

никовым, позже был приглашён на семинар для разговора о поэзии в Сочи. Дедушка искренне радовался моим поездкам. В его время и подумать было невозможно, чтобы простой рыбак-охотник из ненцев, которые и письменности не имели, публиковал свои стихи в газетах и журналах, лично знал «больших» людей.

Конечно, приятно это знакомство. Но замечательных людей я встречаю ежедневно в своей деревне. Они делают обычное дело – ловят рыбу и учат детей, промышляют зверя и делают хорошие сувениры, которые везде пользуются славой. Я встречаю их в Новоаганске, Нижневартовске. С их рабочими коллективами у нашей небольшой деревни добрая дружба. Они оказывают большую помощь. Вот совсем недавно работники управления Энергонефть-2 закончили строительство ЛЭП, и к нам пришла государственная электроэнергия.

Моё охотничье угодье находится в восьмидесяти километрах от Варьёгана. Это два дня перегона на оленях деда. А я сажусь на стальные мотонарты и за три часа одолеваю путь. В декабре я вернулся из тайги с очередными трофеями. Мне надо было ехать в Ханты-Мансийск на сессию окружного Совета народных депутатов, куда уже второй созыв односельчане меня избирают своим представителем. Там предстояло обсудить народнохозяйственные планы автономного округа на третий год пятилетки. Сессия собиралась накануне торжества в честь 60-летия образования СССР. Тогда я и подумал: судьба нашей семьи, нашего небольшого народа, обретших счастливую долю в союзе разных наций – вот смысл моего труда, тема моей поэзии.

Владимир Двоеглазов
Тюмень – Варьёган

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

«Братство» – Новосибирск, 1982 год

*Ненец, энец и долган,
Русский, чукча, нганасан –
Все пустились танцевать,
Чтоб весну приветствовать!
Хейро! Хейра!
Так теперь всегда у нас:
Жизнь на дружбу оперлась.
Сыновья большой страны,
В дружбе стали мы сильны.
Хейро! Хейра!*

Перевёл с ненецкого А. Пчёлкин

В своей деятельности депутат руководствуется общегосударственными интересами, учитывает запросы населения избирательного округа, добивается претворения в жизнь наказов избирателей.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик, статья 103.

В Нижневартовске я подошёл к секретарю горкома партии Лидии Алексеевне Золиной, педагогу по профессии, но, как и все, кто живёт вблизи знаменитого Самотлора, хорошо разбирающейся в «нефтяных делах». Сказал, что хочу написать не о нефтяниках, а о представителе местного коренного населения.

– Тут всё связано с нефтью, в том числе и коренное население. У вас есть кто-нибудь на примете?

– Есть. Айваседа.

– Леонид Соболевич? – оживилась Лидия Алексеевна. – Очень интересный человек. Был комсомольским работником. Теперь заведует клубом. Секретарь партийной организации, общественник...

– Да нет! – возразил, появляясь в дверях, председатель райисполкома Владимир Дмитриевич Салмин, слышавший наш разговор. – Он имеет ввиду Юрия Айваседу, депутата окружного Совета.

Всё объяснилось просто: Лидия Алексеевна – партийный работник и лучше знает варьёганского секретаря партийной организации, а Владимир Дмитриевич – советский работник, у него больше контактов с варьёганским депутатом. Впрочем, я действительно имел в виду Юрия Айваседу, так как знал его давно, а о Леониде Соболевиче услышал впервые.

– Только почему ты не позвонил мне раньше, чем ехать, мы же старые знакомые! – продолжал Салмин. – Юрий сейчас в Ялте.

Вот так новость! В разгар охотничьего сезона оставить бригаду, промысел и поехать в Ялту!

– Давно?

– Да уже почти месяц... Тут целая история, – сказал Салмин. – Пришла телеграмма за подписью Сергея Михалкова: прошу направить рыбака и охотника Охтеурского госпромхоза Юрия Кылевича Айваседу на семинар молодых литераторов Крайнего Севера. Юра сначала растерялся: охотничий сезон, он бригадир. Но тут управляющий отделением госпромхоза говорит: поезжай, такой случай не часто представляется. А главное – бригада поддержала, обещала план и без него выполнить...

– И как?

– Бригада слово сдержала...

Молодой коммунист Юрий Айваседа (фамилия переводится – «Безголовый», то есть бедняк, не имеющий оленей) живёт в национальном посёлке Варьёган Нижневартовского района. Ханты – Айпины, Сардаковы, Казымкины, Покачевы,

ненцы – Айваседы, Иуси, русские живут здесь дружной семьёй. Впрочем, есть и Айваседы – ханты, и Айпины – ненцы: девушки, выходя замуж, берут фамилии мужей. А на окружающих Варьёган нефтяных месторождениях и в Новоаганской экспедиции трудятся башкиры, татары, украинцы, азербайджанцы, – почти все представители народов нашей страны, участвующие в освоении северных районов. Варьёганские дети учатся в общих школах-интернатах и говорят на трёх языках, как и все взрослые.

Еремей Айпин, молодой хантыйский писатель, выходец из Варьёгана, прекрасно знает ненецкий, не говоря уже о русском, – он окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Леонид Соболевич Айваседа – чистокровный «лесной ненец» – спел на слёте рыбаков и охотников в Ларьяке «Песню о Ленине» на хантыйском языке – так, как сложилась у него эта песня.

Юрий Айваседа пишет стихи на том языке, на котором приходят образы: на русском, ненецком или хантыйском. Стихи приходят к нему, когда он ставит сеть или гонит по тайге соболя. А вечером, сидя после удачной охоты у чувала (своеобразного северного камина), берёт мандолину и подбирает мелодию. И жители его родного Варьёгана с удовольствием поют «Варьёганский вальс», «Шуточную песню охотника» или «Песню водителя снегохода».

Он взял себе псевдоним Вэлла – по названию своего древнего рода. В пятом классе Юра написал стихотворение: «Был у майора Гагарина товарищ – майор Титов...».

Можно улыбнуться наивности поэта. Но меня поразили эти строки. Их написал ненецкий мальчик, сын охотника из глухого таёжного селения. Это не просто подражание хрестоматийной советской балладе. И даже не просто интересный пример ассоциативного мышления ребёнка. Эти стихи – открытие целого мира, соединившего в себе и разительные перемены в судьбе народов Севера, и подвиг советских людей в минувшей войне, и полёты первых космонавтов планеты, и

многое другое. Маленький ненец увидел всё это из далёкого, затерянного в болотах урочища и не задумывался над тем, что первые строки, лишь заменив фамилии, он взял из школьной хрестоматии. Просто они подошли ему, и он ими воспользовался. Он вправе был счесть их своими – вся культура великой страны принадлежала ненецкому пятикласснику.

Закружит позёмкой утренняя вьюга,
Горностаем белым скроется в кустах,
Я надену лыжи и уйду, покуда
Не нашла покоя вьюга на снегах...

Так пишет поэт Юрий Айваседа-Вэлла.

...Когда Юрия Айваседу избрали депутатом окружного Совета, он не удивился. Были, конечно, и радость, и гордость, и благодарность за доверие, и сознание ответственности, но особенной неожиданности не было. Юрий как бы готовился к этому своей предыдущей жизнью.

Он родился 12 марта 1948 года на берегу Варьёгана, в чуме охотника и рыбака. Отец Айваседы был комсомольцем, работал в стахановской бригаде рыбаков. В 1939 году Варьёганская рыбартель выполнила четыре государственных плана, и Айваседа был удостоен поездки на сельскохозяйственную выставку в Москву. Вернувшись, взялся за дело ещё с большим рвением. Всю войну оставался стахановцем. Озеро, на котором он работал со своей бригадой, было названо Комсомольским, а плёс на реке Аган – Стахановским.

С семи лет Юра, как и все советские ребята, пошёл в школу. Учился в Аганском интернате до восьмого класса, затем в средней школе в Сургуте (в то время Варьёган был Сургутского района) на полном государственном обеспечении.

Потом – армия. Служил в Новосибирске, написал там «Балладу о военных строителях», за которую получил благодарность от командования. Вернувшись из армии, стал художественным

руководителем сельского Дома культуры. С работой не просто справлялся, но был на хорошем счету. И вдруг подал заявление об уходе. Районный отдел культуры всполошился. Но Юрий твёрдо решил стать охотником...

Через три года Юрия назначили бригадиром экспериментальной механизированной охотничьей бригады. Бригада интернациональная: два ненца, два ханты и два русских, один из них – Франчески – имеет какую-то часть итальянской крови: когда-то его отец, ещё до революции, приехал в Россию, да так тут и остался.

Русские ребята – сотрудники научно-исследовательского института охоты и звероводства – работают в бригаде Айваседы уже несколько сезонов. Цель – установить, целесообразно ли применение снегоходов «Буран» для охоты в тундре. Поэтому бригада называется экспериментальной. И пока, кажется, эксперимент даёт положительные результаты. Во всяком случае, бригада Айваседы – лучшая в госпромхозе.

Бригадир хорошо знает устройство и эксплуатацию снегохода, более того, даже усовершенствовал его: облегчил килограммов на сорок и перевёл рукоятку управления дросселем на левый рычаг, чтобы правая рука была свободна. Он с закрытыми глазами разберёт и соберёт лодочный мотор последней конструкции.

Впрочем, это свойственно всем северным народам: быстро перенимать новое и с успехом использовать в своей жизни. Когда вместе с первыми русскими поселенцами к народам Севера попало огнестрельное оружие, они в кратчайший срок научились владеть им и использовать в охоте лучше своих учителей. То же самое произошло и с рыболовными снастями. Ненцы и ханты легко овладевали снегоходами и лодочными моторами, не потеряв при этом навыков, приобретённых предками.

Ещё до армии Юрия избирали депутатом Аганского поселкового Совета, секретарём комсомольской организации Варьёгана, членом бюро райкома комсомола. В армии он редактировал стенную газету, где публиковал свои стихи, которые

с удовольствием читали сослуживцы. Поэтому избрание его депутатом ни для кого не было неожиданным. Но была – это он понял сразу – огромная ответственность. Юрий не растерялся. Ведь сила народного депутата в том, что он живёт среди народа, хорошо знает его нужды и заботы, нерешённые проблемы и трудности, местные условия. Отремонтировать клуб, организовать воскресник, помочь охотнику, живущему в лесу, купить бензопилу и лодочный мотор – вроде бы мелкие, но очень нужные и ценимые людьми дела.

Но бывают дела и покрупнее.

Через Варьёган проходит дорога на одно из нефтяных месторождений. И строители не нашли ничего лучшего, как провести её по улице селения. Конечно, понять их можно: Варьёган стоит на сухой гриве, а вокруг – болота, нужно делать отсыпку, а сроки подгоняют. Но каково жителям селения: пыль, рёв и гарь дизелей день и ночь, пугаются олени, по улицам бегают маленькие ребяташки – недалеко до беды, а водители спешат, им нужно успеть завезти грузы...

Айваседа обращается в одну, другую, третью инстанцию... И строителей заставляют делать обходную дорогу. Это была крупная победа молодого депутата.

И в то же время, несмотря на большую занятость, он остался лучшим охотником и рыбаком госпромхоза. Охотником он, конечно, родился. Так считают все жители Варьёгана. Ещё бы: соболей добыл больше всех! Айваседа, однако, вздыхает:

– Нет. Знаю ещё мало. Уж никак не всё... Ну и что ж, что больше всех добыл? А вот у меня в бригаде старик пенсионер есть. Да, пенсионер в экспериментальной бригаде, рядом с научными сотрудниками работает, так я его ни на кого не променяю! Так ставить капканы, как он, я ещё не умею. Может, научусь когда-нибудь, но пока не умею...

Неподалёку от Варьёгана течёт небольшая речка. Испокон веков по ней передвигались рыбаки к богатым карасёвым озёрам – раньше на долблёнках, а теперь уже и на моторных

лодках: для маломерного флота речка судоходна в течение всей навигации. Да и сама речка богата рыбой. Но вот встала она на пути строителей, прокладывающих дорогу к нефтяному месторождению. Не мудрствуя лукаво, они завалили русло железным ломом: списанными двигателями, автомобильными рамами, придавили бетонными блоками – в общем, использовали всё, что оказалось под рукой, насыпали сверху грунт – и мост готов.

Рыбакам пришлось перетаскивать лодки берегом. Попробуй перетащи посуху дюралевую лодку с мотором... А обратно, с добычей? Пока перед мостом выгрузишь рыбу, да переволочишь лодку, да мотор, да опять погрузишь рыбу, она в лучшем случае пойдёт вторым сортом. Ну, а хуже всего пришлось рыбе, что жила в речке: она не могла пройти на нерест.

Река пропадала.

Айваседа обратился к дорожникам:

– Постройте нормальный мост, на сваях, на опорах! И мы будем проезжать беспрепятственно, и живой рыбе хорошо, и вам же лучше: не придётся после каждого паводка перекрывать русло!

Отмахнулись. Айваседа начал писать, посылать депутатские запросы. В трест. В главк. В министерство. Ответы приходили (на депутатский запрос не ответить нельзя): вопрос будет поставлен, обсудим, подумаем и т.д.

И тогда Айваседа написал в «Известия».

– Недели через две, – рассказывает Юрий, – говорю тестю: «Поехали за карасями». Он отвечает: «Съездить-то неплохо бы, да лодку неохота перетаскивать...». Говорю: «Ну, подумаешь, перетащим, не в первый раз...». Уговорил, поехали.

Только подъезжаем к плотине – глазам своим не верю: там уже техники нагнали – машины, бульдозеры, сваебойные агрегаты, сварка идёт – искры во все стороны... Работа кипит. И так дружно всё идёт, смотреть приятно. Причалили, вышли из лодки. Подходит прораб. Говорит: «Вы и есть тот самый

Айваседа? Вот, смотрите, мост строим. На опорах, высота – 8 метров, хоть на пароходе под ним катайтесь, не то что на лодках!». Я спрашиваю: «Ну и когда он будет готов?». Прораб отвечает: «Да где-то через недельку-другую и построим... Нам же в «Известия» отвечать надо!..».

Мост был готов через четыре дня.

Вот такой он, рыбак-охотник, поэт, депутат окружного Совета. Конечно, в истории с мостом он выступал как депутат, защищавший интересы своих избирателей, но и как рыбак, и как поэт.

Юрий гордится тем, что в 1970 году написал стихотворение «Над Аганом тучки, как пушинки...», в котором уверял читателей районной газеты, что вскоре Варьёгану и Самотлор позавидует. Тогда в бассейне Агана только начинались изыскательские работы. А ныне там найдены месторождения: Аганское, Покачёвское, Варьёганское, Северо-Варьёганское, Повховское, Нонг-Ёганское...

В конце февраля 1980 года вышло в свет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». В постановлении отмечалось, что в ряде северных районов «...осваиваются богатые природные ресурсы, осуществляется строительство крупнейших предприятий, энергетических и транспортных объектов».

Айваседа сказал:

– К нашему округу это относится как нельзя более. Цифры о его развитии публикуют в газетах, объявляют по радио и телевидению, да и устаревают они быстро – с каждым днём увеличиваются.

Вот пригласили нас в Нарьян-Мар на юбилей Ненецкого автономного округа. В нашей делегации были Екатерина Ивановна Мухина, член Президиума Верховного Совета СССР, врач Сургутской больницы, и Антонина Георгиевна Григорьева, председатель исполкома окружного Совета, депутат

Верховного Совета РСФСР. Они обе ханты, я – ненец. Были представители всех автономных округов. Все выступают, поздравляют, говорят о своих достижениях. И вот слово предоставили Антонине Григорьевне. Говорит о нашем округе, приводит цифры. И зал притих. С трудом верят: всё миллионы, да миллиарды, главная топливно-энергетическая база страны. И я тогда как бы со стороны себя увидел.

– Чем мне это постановление нравится? – продолжал Юрий. – У нас любят задавать вопрос: «Что дала советская власть народностям Севера?». И отвечают примерно так: «Раньше народности Севера были поголовно неграмотны, а сейчас у нас врачи, инженеры, писатели, учёные, учителя – короче говоря, своя интеллигенция...». Правильно, конечно. Наличие интеллигенции у народа, который до революции не имел своей письменности, – выдающийся показатель, которым надо гордиться. Но советская власть дала не только это. И это даже не самое главное. Ведь интеллигенция и у любого великого и, как говорится, цивилизованного народа не составляет всего населения. Основная часть народа – всё же рабочие и крестьяне, а применительно к нам – рыбаки, охотники, оленеводы, звероводы. И вот тут-то ЦК КПСС и Совет Министров и обращают особое внимание на развитие традиционных промыслов народностей Севера...

Он помолчал.

– Нефть стране нужна, – сказал он, подумав. – И нефтяники люди хорошие... Жили у нас в урочище три семьи. И располагается рядом с урочищем экспедиция. Говорят: «Давайте, мы вам свет в избы проведём!». Взяли и провели. Стоят в лесу три избы – и с электрическим светом! Где ещё такое было? Потом смотрят нефтеразведчики: ханты дрова заготовливают. «Э, да чего это вы вручную-то? Техники нет, что ли?». Взяли трактором лесу натаскали, рабочий пришёл с бензопилой, напил на три зимы вперёд. Потом говорят: «Ходите обедать

в нашу столовую». Всё хорошо. И нефтяники люди хорошие. Но ведь человек живёт не для того, чтобы есть, спать, печку топить и сидеть при электричестве. Он должен зверя добывать, рыбу ловить. А зверь ушёл, рыба ушла, потому что пришла экспедиция. И надо эти семьи переселять в другое место. Это уже моя забота как депутата. А экспедиция берётся на новом месте дома поставить. Потому что и нефть нужна, и уголья нужны. Вот это-то и учитывает новое постановление.

На прощанье Юрий сказал:

– Хочу посоветоваться. Понимаешь, не всё я успел сделать как депутат. Много осталось. Вот, школу надо строить в Варьёгане, да и другие дела. А депутатские полномочия скоро заканчиваются. И я вот что подумал: а что если я на собрании встану и скажу: «Товарищи, изберите меня снова депутатом, не могу я уйти, когда не всё сделал». Но вот боюсь: правильно ли поймут, если так скажу?

Я ответил:

– Не знаю. Я не варьёганский избиратель. Но если бы был им, то понял бы правильно.

...А потом я узнал, что выступить на собрании Юрию не пришлось: его единодушно выдвинули кандидатом в депутаты на новый срок...

1980 – 1989

— ❧ —
*Достичь возраста
Выбора
Своего Пути...*

Первая экскурсия в парк-музее

1980–1982

Депутат Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов.

С 1982 года регулярно печатается в периодических изданиях, в журналах «Полярная звезда», «Костёр», «Урал», «Нева», в еженедельнике «Литературная Россия», в коллективных сборниках. Его стихи звучат по радио Дудинки, Ханты-Мансийска, Тюмени, Крымскому и Магаданскому телевидению.

1982–1984

Депутат Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов.

1983

Заочно окончил Новоаганскую вечернюю среднюю школу.

По приглашению Сергея Михалкова принимает участие в Ялтинском семинаре молодых литераторов Крайнего Севера.

1983–1985

Председатель исполкома Аганского сельского Совета.

В эти же годы работает над созданием сельсовета в Варьёгане.

С 1985 по 1991 год – депутат Нижневартовского районного Совета народных депутатов.

1983–1989

Учился и заочно окончил Московский Литературный институт им. А. М. Горького.

ДЕКАБРЬ 1986

В селе Варьёган открывается общеобразовательная школа, к строительству которой Ю. Вэлла приложил немало усилий.

1–2. 07. 1987

Принимает активное участие в Днях «Литературной России» в Ханты-Мансийске.

1987

Основал Этнографический музей под открытым небом в селе Варьёган и стал его хранителем на общественных началах.

1988

Выходит 10-й номер журнала «Сибирские огни» с подборкой произведений Юрия Вэллы под названием «Вести из моего стойбища». Во вступительной статье профессор М. Н. Мельников пишет: «Так увидеть жизнь, так о ней написать, как увидел и написал Юрий Вэлла, не сможет ни русский, ни алтайский, ни якутский писатель. Это может сделать только законный наследник многовековой производственной, бытовой и художественной культуры ненецкого народа».

28. 05. 1989

Родился первый внук, Анет.

1989

Член окружной Ассоциации «Спасение Югры».

В этом же году получает свидетельство, в котором говорится, что Ю. К. Айваседа признан лучшим охотником госпромхоза.

Принимает участие в съёмках документального фильма «Колыбель» (пишет сценарий). Фильм снимается новосибирскими кинематографистами по заказу Центрального телевидения в рамках подготовки к предстоящему Пленуму ЦК КПСС по международным отношениям.

4–6. 05. 1989

В качестве хранителя музея участвует в научно-практической конференции «Человеческий фактор в ускорении социального и научно-технического прогресса» (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Сибирское отделение Академии наук, г. Новосибирск).

1980 год

Охотник Айваседа получает телеграмму от Сергея Михалкова¹:
«Срочно выезжай в Ялту на семинар молодых литераторов».
Так началось профессиональное вхождение в литературу.

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

На тот момент были кое-какие армейские тетради со стихами (к сожалению, они не сохранились – погибли в пожаре со старым домом). Ночью на мотоцикле «Восход» по зимнику, который шёл на геологические буровые, стогнял на стойбище за рукописями (туда-обратно 240 км). Приехал в деревню, там Сельский совет дал мне машину в аэропорт, и я улетел.

1983–1985 годы

Когда я поступил на заочное отделение Литературного института – я исполнял обязанности председателя исполкома Аганского сельского Совета. Однажды приехал ко мне представитель от Лангепаснефтегаза и говорит: «Мы построили лежнёвки, дороги по болотам к скважинам, это территория Аганского сельсовета, нам надо подписать акт о списании средств, использованных на эти дороги». Я говорю: «Братцы, вообще-то

---

¹ Сергей Владимирович Михалков – советский и российский писатель, драматург, общественный деятель, с 1970 по 1990 г. – председатель Союза писателей РСФСР.

надо сначала приходить за землеотводом, раз это территория Аганского сельсовета. Надо сначала приходить оформлять, как положено, эту землю, получить право работать на этой земле, а потом уже вести разговор о том, что надо подписывать акты о списании, и так далее...». Они: «Ах вы, такие-сякие! Вы тут не власть и вообще никто!». Я ему отвечаю: «Раз мы никто, ты чего тогда сюда пришёл? Собирайся и уходи».

Он ушёл восвояси, через несколько дней приезжает с портфелем. Прежде чем начать разговор, из портфеля достаёт коньяк (ром, шампанское, – я не разбираюсь в этом). Поставил на стол, мол, я от всей души, закуска, то-сё... Рядом – бумаги. «Нет, – говорю, – дорогой, до свиданья, я тебе всё сказал». Он опять разворчался: «Да какая вы тут власть, вы вообще тут никто, мы – хозяйева на этой земле». Я снова говорю: «Зачем тебе тогда моя подпись? Иди, решай вопрос по-своему».

И вот тогда представители этой организации пошли (я тогда ещё не знал, после узнал, где-то через год, через два, что генеральным директором этой организации был Юрий Шафраник) в райисполком, и там на меня то ли жалобу накатали, то ли что... Звонит мне председатель райисполкома: «Чего это ты там нефтяников обижаешь?». Я говорю: «Когда-то это же всё равно должно закончиться? Приезжают, начинают работать на земле, ни у кого не спрашивают разрешения: ни у нас, ни у вас... Мы власть, в конце концов, или не власть? Ведь положено-то сначала оформлять землеотвод, право на работу на этой земле, а потом уже начинать работать». «Да, – говорит он, – ты прав. Но это же государственный план». Я ему: «Вот если мы сейчас уступим, на будущий год так будет, потом ещё так будет. Если не мы с вами, то кто-то в следующем поколении, кто-то же должен это остановить!». Вот тогда Александр Иванович Пустовалов мне сказал золотую фразу: «Ну, что ж, давай попробуем».

Приходят они к нему как к вышестоящему начальству (раз я не подписываю), а он их отослал снова ко мне. «Я, – говорит, – не могу подписать. Вот у нас есть сельсовет, подпишете у него,

приходите ко мне». И в третий раз они ко мне пришли. И в третий раз я им бумаги не подписал.

Но постольку поскольку я уже учился в институте, мне пришлось уехать на учебную сессию. За себя я оставил заместителя, Георгия Григорьевича Соколова (он тогда был начальником рыбоучастка), исполнять обязанности председателя сельского Совета, и всё это объяснил.

Я уехал на сессию. Обрато приезжаю, – оказывается, он подписал. Мне секретарь доложила: только я уехал, приехал представитель нефтяников, все акты подписал. Но тем не менее после этого случая уже через полгода ли, через год представители Покачёвнефтегаза приехали к нам в сельский Совет за землеотводом.

Мы уже с ними обговаривали: где должна пройти будущая дорога, где лежнёвка, где брать лес для этой лежнёвки, и так далее, и так далее. Но уже с разрешения исполкома сельского совета: я подписал, обговорили маршрут, потом только с этими бумагами они пошли в райисполком, и уже дальше пошёл процесс оформления.

Я думаю, что это был как раз тот самый первый случай, когда мы начали налаживать взаимоотношения с нефтяниками. Я был представителем власти, к власти они уже стали обращаться, они не обращались к нам как к коренным жителям. Законодательство было, что надо оформлять землеотвод, просто здесь, на Севере, его никто не исполнял.

1983–1989 годы

Учился и заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького (г. Москва), на «отлично» защитив дипломную работу «Вести из стойбища» (диплом № 126051).

На третьем курсе у меня уже была готова дипломная работа. Стало скучно, я уже собирался бросать институт, ди-

плом мне не нужен был, но деканат меня уговорил остаться: «Ты, братец, разрядись, съезди куда-нибудь». Я съездил в Нарьян-Мар и Воркуту, получил представление о Европейском Севере. Встречался с ненцами, с коми. В Сыктывкаре, в университете, заинтересовались археологическими памятниками на реке Аган: «Ведь наши там у вас прошли. Возможно, мы сможем найти следы своих родственников». Оказывается, первые русские воеводы, которые ходили на Югру, брали служивыми людьми крепких мужиков из покорённых народов европейской части Зауралья – коми, удмуртов, марийцев и т.д.

С тех времён, помимо литературы, я стал интересоваться вопросами истории, культуры...

1987 год

Начал строительство Этнографического музея под открытым небом
в селе Варьёган Нижневартовского района.
1987 год официально считается датой основания музея.

Агафья Казамкина,
*директор Этнографического парка-музея
с. Варьёган с 2000 по 2007 год*

Когда Вэлла организовал музей в Варьёгане, никто не понимал, для чего. Стойбища были повсюду. Но он оказался прав. Вскоре многие стойбища забросили. А он ездил по ним и собирал ценный материал. Сегодня этих вещей уже не найдёшь – ханты не используют старинные свёрла, традиционные снасти. Вэлла выполнил свою миссию и ушёл пасти оленей, а музей передал нам.

Ольга Корниенко
Москва – Резекне – Мытищи

ПЕРЕСТРОЙКА

*Воспоминания сокурсников
по Литературному институту*

Специально для «Юрий Вэлла. Избранное»

Вера Ларионова,
журналист, г. Москва

– Мы поступили в литинститут в начале восьмидесятых, с разницей в один год. Это же была эпоха позднего застоя, а литинститут в то время был таким оазисом свободы, где дышалось легко, преподаватели были властителями дум... То есть там можно было говорить то, что ты думаешь, там можно было свободно дышать. Это были удивительные люди.

В литинституте каждый человек «мнил всех нулями, а единицею себя», да? Каждый был личностью. То есть понятно, что за люди там собрались. Но Юра не затерялся среди остальных. Хотя он был постарше многих, когда поступил, но за счёт того, что был маленький и худенький очень, – казался подростком.

И представляете: в литинституте этом он пел. Вот идёт по коридорам общежития и поёт. И везде поёт. Плюс – он всегда был в хорошем настроении, не было у него какого-то смурного выражения лица. Он уже тогда был отец семейства. Представляете, сколько у него было проблем? Он приезжал, закупал какие-то вещи всё время, таскался, как говорится, навьюченный, из Москвы туда к себе. Потому что многих вещей – тогда же была эпоха дефицита, – многих вещей тогда просто

не было, а он решал и такие проблемы, чисто бытовые, кроме того, что учился, принимал участие во всяких диспутах... Он был светлый человек. Он всегда был весёлый, в хорошем расположении духа...

Как он сам написал – литинститут очень большое влияние на него оказал. Мир предстал перед ним, и именно там сложилась концепция его жизни. Хотя многие, кто закончил этот институт, – не усвоили эти уроки. Никем не стали, и в творчестве своём не преуспели. Потом началась перестройка, и никому на фиг не нужны стали ни стихи, ни проза... Все торговали. Но Юре повезло, всё-таки были национальные программы, в которые он вписался. В этом смысле он оказался более-менее защищённым от разрушительных социальных процессов и встающих выборов, которые испытывали все и особенно те, кто занимался творчеством. Запрос общества худо-бедно поддерживал тех, кто писал там какие-то эротические романчики или детективы. А вот если что другое или человек писал стихи – это было очень тяжело. То есть поэтов в это время... Просто они гибли пачками, но у Юры была своя земля, он был привязан к своей земле, к хозяйству. Это его стабилизировало.

Литинститут тоже ему прибавил вес, я думаю, в том месте, где он жил. Через несколько лет включила телевизор, это уже были времена перестройки, и увидела... Или в газете я увидела его статью, и там было написано: депутат Юрий Вэлла. То есть он уже стал каким-то общественно значимым лицом там, где он жил. Уже не просто студент, который приехал со стойбища и впервые увидел Москву, и услышал, о чём вообще говорят.

Он закончил литинститут в 1989-м, причём у него одного из немногих дипломная была на «отлично». Диплом «Вести из стойбища». И он это «отлично» получил заслуженно, не было даже иного мнения.

Анна Рансене,
поэт, драматург, г. Резекне (Латвия)

– Конечно, это лицо я сразу запомнила, потому что все другие – это обычные лица, у Юры это лицо коренного человека. И улыбка. Улыбка такая добрая очень.

Мне было интересно с ним, потому что я тоже родом из деревни, из Латгалии². У нас тоже есть свой язык, на котором до 20-х годов ещё учили в школе, и литература была.

Я первый раз видела человека, который из такого экзотического места, оленевод. Нам было интересно делиться друг с другом своими мыслями, наши миры были похожи.

Ему было трудно в Москве. Он мало ездил троллейбусами, всё больше ходил пешком. Мы спрашивали: «Юра, как ты вообще не заблудился?». А он смеётся: «А я по сторонам смотрю и нахожу направление». И когда ему было тяжело, он говорил: «А я лучше пойду гулять». Вообще, Москва очень давит на человека. И я думаю, что ему было довольно трудно.

Вот помню эти чёрные глазки, такой прищур: зайдёшь в комнату, а он сидит, скрестив ноги на кровати, и смотрит. Он очень выделялся из всей нашей компании. Я потом только поняла, что мы все были, ну, может быть, немножко ветреные, не очень-то серьёзные. Он был самый серьёзный. На нём уже тогда была ответственность не только за семью, но и за свою землю, что ли. Я, наверно, со своей Латгалией его поэтому и заинтересовала.

Говорил он мало, но то, что он сказал, было наполнено таким глубоким смыслом...

Он был образован, и это чувствовалось. Образование ведь не только из книг можно получить.

– Как, по-Вашему, откуда это у него?

– Из природы. Он столько знал о природе, сколько современный человек уже не знает.

---

² Одна из историко-культурных областей Латвии. – Прим. сост.

Юрий Меньшов,
писатель, г. Мытищи, Московская область

– Перестройка была глотком воздуха тогда, а всё, что было до того – вот это было невозможностью жизни. Понимаете? А мы это прекрасно прочувствовали. Такое духовное, человеческое безвременье, когда без бутылки жить было просто невозможно. Когда для того, чем бы хотелось заниматься, чем, скажем, тогда мог бы заниматься живой человек, – возможностей не было. И поэтому тут себе каждый искал нишу какую-то или придумывал возможность для ухода из страны...

Для меня такой нишей стал лес, в силу различных моментов. Естественно, когда мы встретились с Юрой, нам было о чём поговорить. Просто для меня, как для представителя титульной нации, мой лес был потерян. А ему его подбросили на какое-то время, хотя потом оказалось, что обманули в очередной раз. Я не верю государству своему, так же как и Юра не верил. Просто он был весьма толковым и умелым и не бряцал глупостями на каждом углу. Но бороться ему приходилось с теми людьми, которые завоевали его мир, а затем разрушили. Разрушили его детство, разрушили его жизнь...

То, что он делал, – это попытка живого организма восстановить этот живой организм.

Он жаловался, что не может читать всего того, что стоит в учебном плане, говорил: у нас этого нет в библиотеках. А из института книг не давали на долгое время и так далеко. Но ему как-то прощали такие вещи, сдавал он.

У него был и голос свой, и тема своя, и мир свой, который он хотел уберечь, спасти, не дать этому миру погибнуть. В том виде, в каком он его знал, понимал и представлял. Поэтому всё, что, на мой взгляд, он делал – он делал во спасение этого мира, ибо он понимал одну такую вещь, что если будет этот мир жив – то будет жив его род, будет жив он.

МЕЛОДИЯ ЖИЗНИ

Художественно-автобиографический очерк³

*Мы белее мёрзлой рыбы,
Без тебя пропасть могли бы,
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай...*

Юван

Солнце, разрумившееся от мороза, поднялось на вершок и спешило опуститься. Скрип полозьев уплывал куда-то вдаль, уже не возвращаясь эхом. Мы ехали по огромному болоту, и урман чернел вдали тоненьким тынзяном. Окружали нас редкие карликовые сосёнки. Чувствовалась близость тундры.

От оленей валил пар, стелившийся над дорогой и тянувшийся вслед за нами. Ехавший сзади мог еле-еле видеть переднего и, ослабив вожжу, отдавался воле упряжки, лишь изредка подгоняя её окриком или свистом.

Морды оленей покрылись инеем. Они стряхивали его, поводя носом по шее соседа. В таких случаях часто какой-нибудь крайний оказывался вне дороги, и на какое-то время происходило замешательство. Но хлопок вожжей и удар валеком⁴, сопровождавшиеся громким окриком, приводили их в порядок.

На своё лицо я уже не обращал внимания, и иней, приросший к пушистому краю головы кумыша⁵, не морозил,

---

³ Первый вариант очерка был опубликован в 1970 году в газете «Тюменский комсомолец» под названием «Мать-тайга».

⁴ Валец – шест, которым погоняют оленей.

⁵ Голова кумыша – капюшон кумыша или малицы называют головой.

а наоборот, защищал от холода. В ногах начинало покалывать, и чтобы совсем не замёрзли, я начал шевелить ступнёй и пальцами, ударяя их о полоз. По спине пробежал холодок, щекоча своими колючками. А дорога без конца...

Обычно спасают остановки, во время которых, пока олени питаются ягелем на болотном островке-кой, бегаешь вокруг нарты, скинув кумыш⁶, или дурачишься с товарищем, валяя друг друга на снегу. Мороз резкой и колючей струёй врывается в горло, душа и щекоча, а потом вырываясь тяжёлым кашлем, от которого вздрагивают олени. От такой «бани» обычно становится жарко, и если вовремя не остановиться, то горячие струйки пота могут побежать по спине, готовые превратиться через некоторое время в лёд. Но стараешься до этого не доводить. Только стоит одному оленю закончить свою трапезу и лечь на снег, развязываешь вожжу и трогаешь дальше...

В этот день мы не смогли добраться до места и уже не мечтали о тёплом чуме, а спешили лишь доехать до хорошего пастбища для оленей. Они торопились преодолеть последний перебег⁷, ожидая впереди добрую сытную ночь.

На небе появились первые звёзды. Юго-запад обогрился, словно закутался в яркую шаль юной хантыйки. Но уже в следующий миг длинная северная ночь приняла нас в свои владения.

Мы распрягли оленей, нарубили дров. С первым вспыхнувшим огоньком весь ночной мир исчез за невидимой стеной, внутри которой остались только наши розовые лица, руки, хлеб, поставленный к огню для подогрева, и котелок, повисший над костром.

Пожинав, мы нарубили сосновых веток, постелили на них шкуры и, снова надев кумыши, завалились спать, придвинувшись вплотную друг к другу.

---

⁶ Кумыш – мужская одежда, сшитая мехом наружу.

⁷ Перебег – расстояние, которое преодолевают олени между передышками.

Только погас костёр, морозный ночной мир снова окружил нас, но тело, разгорячённое живительным чаем, не поддавалось холоду, и можно было спокойно спать до утра. Где-то рядом были слышны удары рогов, фыркание разодравшихся хоров⁸, шорох откапываемого копытами снега и зов важенки⁹ отбившегося оленёнка. Перед лицом мигали звёзды, и они казались очень близкими, а между ними, словно юркий обласок, скользил огонёк искусственного спутника Земли, казавшийся ничтожно маленьким в огромном пространстве Вселенной, но тем не менее он был упрямым, сильным и настойчивым.

Вдруг где-то неуловимо тихо и тонко, переливаясь на очень высоких шипящих полутонах, нет, не на бемолях и диезах, а где-то ещё между ними, на каких-то ещё неведомых звуках родилась мелодия. Чем-то непонятно знакомым, услышанным, но забытым давно, может, даже до рождения, повеяло на меня. Какой-то невообразимый, но знакомый музыкальный инструмент воспроизвёл во мне свою таинственную песню. Я пытался вспомнить, я напрягал свою память и память предков. Я затаил дыхание, чтобы оно не мешало слышать, я приглушил удары громкого сердца, чтобы оно не нарушало такта музыки. Нет, неправда, у этой мелодии не было такта. Вся песня, как один бесконечный такт, вселилась когда-то и жила во мне, без моего ведома, долгие годы.

Но, подумалось мне, откуда же взяться здесь музыке, если поблизости на несколько дней езды на оленях нет ни одного жилья? И эта мысль прервала песню. Она исчезла. Только слышно было ровное дыхание спящего товарища.

А я ещё долго не мог заснуть. Эта таинственная мелодия, как сильный допинг, заставила мой мозг работать. Я снова и снова, как каждый вечер перед сном, спорил, доказывал кому-то, а может быть, и самому себе, правду о нерешённых проблемах сегодняшнего дня. Снова, как несколько дней

---

⁸ Хор – олень-самец.

⁹ Важенка – олениха.

назад, я обращался к депутатам с трибуны сессии Совета автономного округа:

– ...Товарищи депутаты! В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока» вопросы развития культуры наших малых народностей решаются сегодня в общегосударственном масштабе. Преподавание родных языков ведётся во многих национальных школах. Только дети жителей Варьёгана не имеют такой возможности.

Ведь изучать свой язык нужно не просто для того, чтобы только разговаривать или писать на нём, чтобы наша общая культура страны пополнялась лучшими качествами культуры и быта малых народностей. Для того, чтобы мудрые мысли предков находили применение в наши дни. Потому что все мы стремимся к тому, чтобы жизнь человечества стала чище и светлее.

Отрывая своих детей от родной среды и обучая в индустриальном посёлке нефтяников, мы убиваем в них национальную культуру и быт. Но это ещё не главная беда. Забывая свои обычаи, они ещё не в силах привыкнуть к обычаям цивилизации. Ребёнок, вышедший из лесной семьи, привыкший к честным, открытым законам природы, сталкиваясь в крупном индустриальном посёлке с нравами цивилизации, с неписаными законами тех, кто приехал сюда не «за туманом и за запахом тайги», теряется, замыкается в себе, становится дичком. Так ломаются судьбы. Хотя поэты и писатели пишут о том, как охотники бросают свои стойбища и уходят работать на буровые – так должно быть, но в жизни это далеко не так. Были в нашем стойбище и такие, которые после школы или службы в армии ушли работать в нефтеразведочную экспедицию. Но через два-три года они вернулись. И уже потеряв связь с природой, они не стали настоящими промысловиками. Они превратились в тунеядцев, в пьяниц, в бичей-браконьеров на

своей земле. А вина в этом наша, потому что мы не смогли дать им школы с нормальным воспитанием.

Вопрос о строительстве школы в Варьёгане много лет поднимался в райисполкоме, в окрисполкоме, но на сегодняшний день он не сдвинулся с места. Видимо, я не смог убедительно объяснить нашим руководителям, насколько важен этот вопрос.

Товарищи руководители! Как я буду смотреть в глаза своим товарищам? Что я скажу своим детям, детям братьев и сестёр? Как я оправдаюсь перед своей женой, матерью, дедом? Ведь все варьёганцы ждут от меня радостных вестей по поводу положительного решения вопроса.

Товарищи депутаты! Я обращаюсь к вам за помощью. Сельчане, выбирая меня депутатом восемнадцатого созыва, снова дали наказ: решить вопрос о строительстве школы-интерната в национальном посёлке Варьёган. Я прошу, чтобы председатель и секретарь зарегистрировали этот наказ, данный избирателями, а вы утвердили его.

Товарищи представители крупных индустриальных организаций округа! Ни в райисполкоме, ни в окрисполкоме денег на строительство этой школы нет. Подумайте, ведь вы работаете на нашей земле, поищите, может, у кого-то из вас найдутся средства на её строительство. Возьмите, пожалуйста, важный объект сегодняшнего дня национального села под своё шефство...

И снова, как несколько дней назад, я ощущал дыхание просторного зала, где слышал свой, усиленный динамиками, взволнованный, но уверенный голос. Снова видел перед собой сотни глаз, которые ободряли. И я рассчитывал на их помощь. Я знал, что они меня поддержат...

Мозг ещё работал, но тело требовало отдыха. На лице и по краям головы кумыша появился иней, который не хотелось трогать, боясь, чтобы какая-нибудь неосторожная струйка не потекла за шиворот. У изголовья склонились деревья, как над дужкой люльки мать, словно ласково нащёптывая: «Спи, спи, спи, сынок...».

В конце концов, я постепенно стал засыпать. Но в самый последний момент мне снова показалось, что я услышал свою таинственную песню. И во мне шевельнулась, но не смогла дальше развиться слабая догадка: а может, это тайные струны природы держат связь со мной через эту мелодию?..

Юрий Шарапов

ПРАЗДНИК СЕВЕРА

Литературный портрет

«Ленинское знамя», 14 июля 1984 года

Ненца Юрия Айваседу (Вэллу) в общежитии Литературного института имени Горького знают все. Кто-то из местных поэтов даже стишок сочинил: «В мире лучше нет соседа, чем писатель Айваседа...». И действительно, свой студенческий быт Юра организовал с редкой для литературной среды обстоятельностью: над кроватью висит расписание экзаменов, стопкой разложены на столе учебники, в комнате прибрано, уютно. Да и сам Айваседа вроде бы всегда улыбочив, готов пошутить, посмеяться за компанию, но при этом ясно чувствуешь, что приехал человек сюда работать, и поэтому поневоле стараешься не мешать.

Литературный институт им. А. М. Горького в Москве – место не совсем обычное. Здесь собрались начинающие писатели со всего Советского Союза, и поступить сюда очень непросто. Сначала необходимо пройти громадный творческий конкурс (3 000 работ было подано на 125 свободных мест в 1983 году), а затем ещё сдать вступительные экзамены на «4» и «5», и тогда лишь тебе выдадут студенческий билет

с золотистым тиснением «Союз писателей СССР». В аудиториях «дома Герцена» на Тверском бульваре учились Юрий Бондарев и Юрий Казаков, Николай Рубцов и Юрий Кузнецов... Войти в эти стены почётно и боязно каждому из молодых, кто сейчас только-только начинает свой путь в литературе. И, конечно же, то, что тебя выбрали из многих и многих, налагает немалую ответственность.

Мы сидим с Айваседой в комнате, пьём крепкий, по-таёжному заваренный чай и беседуем о литературе. О том нелёгком пути, который приходится проходить каждому начинающему писателю. Юра с увлечением рассказывает о своём творческом пути. Как давно, ещё мальчишкой, начал писать в интернате стихи, конечно же, поначалу корявые и неуклюжие, как потом, работая охотником-промысловиком, ощутил в себе тягу к настоящей большой поэзии. С жадностью стал зачитываться Пушкиным и Лермонтовым, Маяковским и Блоком, открывая для себя всё великое наследие нашей многонациональной литературы.

Молодого ненецкого поэта сразу заметили. Появились первые газетные публикации, в журнале «Полярная звезда» вышла подборка стихов. Критики хвалили его за умение видеть мир по-своему, каким-то особенным, только ему присущим взглядом. На втором Всероссийском семинаре молодых писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока известный мансийский поэт Юван Шесталов сказал Юре: «Нужно тебе учиться. Стихи у тебя хорошие, они подкупают своей простотой и понятностью. Это как бы голос твоего маленького народа, звучащий именно на его ступени развития. Для своих сельчан ты как раз тот связующий мосток, который соединяет их с громадными достижениями советской культуры. Нужно, чтобы кто-то будил в людях веру и поддерживал любовь к своей земле, к родному краю. И пускай ты будешь для своих земляков «красным шаманом», настоящим национальным поэтом. Но твой голос должен звучать и для всесоюзного читателя, а поэтому я рекомендую тебе поступить в Литературный институт имени Горького».

Вот тогда Айваседа впервые задумался над проблемами своего дальнейшего развития, так как чувствовал, что не хватает ему знаний, беден и ограничен язык, многому, очень многому ещё только предстоит научиться.

А ведь на вступительных экзаменах спрашивают со всех одинаково и не делают скидки на тайгу, на суровую жизнь охотника, на различие между севером и другими, более освоенными человеком местами. И легко ли это, имея большую семью, девять классов школы-интерната, начинать заново учиться, буквально продираясь через дебри вечернего образования?

Сейчас он подсмеивается над своими тогдашними мучениями. И вообще говорить об этом не любит, словно и не было двух с половиной лет упорной подготовки. Он готов скорее пошутить над проделанной работой, помянуть о ней как о сущей безделице, хотя за каждым сданным экзаменом – много месяцев копчения над учебниками, тысячи прочитанных страниц. Гораздо с большим интересом он рассказывает о своём любимом Севере, о прекрасной его природе, о незаметной красоте живущих там людей. И как будто невзначай поминает те большие проблемы, с которыми приходится сталкиваться ему – председателю сельского Совета маленького таёжного посёлка Аган.

Даже здесь, в Москве, он всё время возвращается к своей работе. Говорит о ней горячо, увлечённо, невольно зажигая слушателей своими рассказами. То возьмётся описывать, как проходит в посёлке Варьёган праздник Севера, как бегут по твёрдому насту олени упряжки и какое это удовольствие – обогнать своих соперников и нестись по снежной тундре впереди, подгоняя оленей: «Кыс-се!.. Кыс-се!..». Или вдруг примется изображать, как крадётсся он по тайге за лосем и несколькими словами нарисует зимний лес, редкий частокол деревьев, тусклое северное солнце. Слушать его – большое удовольствие. Рассказчик он замечательный. Краски живые, образы выпуклые, зримые, точные детали, узнаваемые подробности.

*Об изменении
адреса на
карточке.*

Управляющему
Треста Варьегантрубопроводстрой

10

копия: Райтсполком, Пуотвалову А.И.

копия: Р О В Д, Калашникову

Когда-то в полукилометре от нашего поселка Варьеган разместилась организация СУ-44. Тяжелая техника этой организации проходила с грохотом под навесами оконнами с люктами-трубами, месил песок и поднимал тучи пыли. А вечерами почему-то пьяные водители превращали наш поселок в полigon для гонок.

Так, только возле конторы госсправкоза три раза был раздвоен наливсадинок. У жителей Аивасаеди В.С. и Аивасаеда Т.Т. были свороочени углы домов. Угол был обит у старой конторы. Почти ежемесячно в каком-нибудь конце поселка была свалена опора электролинии. Отрадали ограды жителей, разрушались приусадебные строения. Несколько раз был восстановлен и снова сломан забор возле клуба. У рабочих СУ-44 был свой красивый уголок, магазин, но тем не менее они стидили в нашем клубе, посадили наши магазин, ели хлеб из нашей пекарни. А они по проекту рассчитаны только на наших людей. Поэтому в магазинах /особенно в продуктовом/ стали создаваться очереди, выечки хлеба стало не хватать населению, а в клуб стало неинтересно ходить, потому что его заюмили в основном нетрезвые мужички в спонюках. С причаи стали пронадевать люди с моторами.

С уюдом из нашего поселка организация СУ-44, мы - жители поселка Варьеган стали жить лучше, свободнее. На одной из сессий Новооганского поселкового Совета отмечено, что Варьеган стал лучше выивидеть, что возле домов стали появляться парадные огинальные наливсадинок, тротуары. Построили новый магазин. В клубе стал успешно работать фольклорный ансамбль "Явита".

но вот уже второй месяц, как на бывшей территории СУ-44 поселились наши люди. Поселились, несмотря на нашу просьбу перед райтсполкомом о выделении нам другого места. И теперь мы снова начинаем возвращаться к своим древним бедам. Снова в магазинках очереди, снова нехватка хлеба, снова по вечерам тяжелая техника на улицах, снова пьяные мужички в спонюках в клубе, снова начнут и уже начинали страдать наливсадинок.

Так 8-го мая около 10 часов вечера тяжелый тички марки МАЗ с драпюном, который в народе называется "ракотозов", гонил

К

по поселку без ознакомительных знаков и в итоге сворочил ограду из штакетника в новом микрорайоне жилых домов. Накануне случайно, а уменьшено, потому что забрался в туник и уже не мог развернуться, или выехать задом. После этого он попытку убраться по дороге в сторону Радуманого. Водитель КРАЗа с номером 50 - 53 и с эмблемой АП ВПС, который тоже в этот вечер ездил по поселку Варьеган, показал, что тягач-"ракетонос" принадлежит тресту Варьегантрубопроводстрой.

Если все-таки райисполком из экономических целей разрешил вам базироваться в нашем поселке, просим проинструктировать и навести порядок среди своих рабочих, наладить объездную дорогу для перевозки грузов на месторасположении. Технику использовать для работ, а не для гонок по поселку. Предупреждаем: если, особенно летом, ваша техника будет появляться без всякой нужды и в нетрезвом виде на наших улицах, будем выводить ее из строя, потому что попытке оставить её, или /водителя/ не подчиняться. В порядке помощи просим построить у нас в поселке еще одно помещение для магазина, чтобы разделить продовольственные и промышленные товары с таким расчетом, чтоб увеличился торговый зал; и осыпать шпалы для строительства тротуаров и штакетника для ограды, ведь в основном все-равно они будут разрушаться валик техники. Просим выделить земельное участие в строительстве дома культуры в Варьегане, ибо и ваши рабочие будут посещать наш клуб. Просим купить для нашего клуба музыкальные инструменты и пополнить библиотеку новыми книгами. Просим выделить зарплату для сторожской лодочной станции, пекаря.

Если наши условия не будут приняты, у б е д и т е л ь н о п р о с и м освободить территорию возле нашего поселка и дать нам возможность жить самостоятельно.

Миваседа В.К. - народный депутат районного Совета

Миваседа А.Т. - секретарь партийной организации

Кавалон Т.А. - председатель местного Комитета профсоюза

Миваседа В.С. - художественный руководитель ансамбля "Шанга"

Карымова Л.А. - библиотекарь

Словно сам побывал на охоте, участвовал в празднике Севера, ездил с Айваседой по стойбищам.

Но особенно подробно Юра объясняет те трудности, которые возникают у лесного человека после прихода в тайгу индустриализации. Как сложно бывает сохранить национальное сознание в большом промышленном посёлке местному человеку, который, отвыкнув от тайги, никуда от неё уйти не может и поэтому вынужден мыкаться между своим и чужим, постепенно теряя своё лицо. Как хотелось бы ему организовать в родном Варьёгане школу, где преподавали бы хотя бы часть предметов на хантыйском и ненецком языках, и каким бы подспорьем явилось это в будущем для десятков ребятишек, которые тоже, быть может, поедут учиться в далёкие места.

– И вообще, проблем у меня хватает... – улыбается Юра. – Их искать не надо, сами приходят. Вот, например, сегодня собирался подарить друзьям по институту оригинальные северные сувениры. Эти сувениры лежат у нас в каждом магазине, и никто их особо не покупает: нефтяники и газовики уже набрались, а местному населению сувениры не нужны. Кинулся искать, обегал всю Москву и нигде ничего не нашёл. Обидно. У меня в Варьёгане сувенирная мастерская работает вполсилы, жёны рыбаков и охотников ждут, когда придёт заказ на их изделия. Может быть, кто-нибудь из местных руководителей даже подумывает, не прикрыть ли совсем «невыгодный объект». А я вот вижу, что это неправильно. И меня, как народного депутата Совета автономного округа, такая проблема волнует в первую очередь.

Неожиданно разговор сбивается на другое. Вспоминаем дом, семью и, конечно же, Айваседа и тут оказался на первом месте. Как-никак четверо ребятишек, жена, племянница ждут в Агане. Не у каждого писателя (даже и начинающего) наберётся такое количество «преданных» читателей. Юра часто любит читать им свои стихи, и когда стихотворение получается, это сразу видно по реакции «читателей-почитателей». И теперь

мы считаем дни и прикидываем, сколько ещё остаётся до конца сессии.

В мае проходило в Москве совещание молодых писателей. И на нём было сказано, что большие резервы развития нашей советской литературы заложены в литературах национальных. Это та свежая струя, которая благотворно повлияет на весь литературный процесс. И когда наблюдаешь, как сидит упорный ненецкий поэт Юрий Айваседа над учебниками, как старается оправдать ту высокую ответственность, которую он чувствует здесь, в Москве, перед своими соплеменниками, как работает он над своими стихами, веришь, что именно такие, как он, и несут в себе ту свежую струю, то «новое сознание» в нашу литературу. Он, простой ненецкий охотник, хочет стать писателем. Писателем своей, северной тематики. Писателем, который пригласит нас увидеть «Праздник Севера»...

Юрий Вэлла

«Полярная звезда», 1987, № 1

ВЫПУСКАТЬ ТОЛЬКО БЕЛОГО ОЛЕНЯ

Несколько мыслей

о романе Николая Шундика «Древний знак»

Творчеством Николая Шундика я особенно заинтересовался, когда из печати вышел роман «Белый шаман». Дело в том, что я с детства привык к тому, что все вокруг меня (я имею в виду: учителя в школе, пропагандисты, культурно-массовые работники и т. д.) всячески критиковали шаманов. И всё моё поколение привыкло считать, что шаманы приносили только

вред, что они наживались на обмане своего народа. А ведь в детстве от бабушки я слышал сказки, в которых шаманы были мудрыми, добрыми вождями своих родов. Будучи пионером, а потом и комсомольцем, даже пытался спорить, переубеждать бабушку. Когда стал более самостоятельным в своих суждениях, появилось сомнение: почему же мой народ в своих сказках рисует шамана мудрым и отзывчивым, ведь народ не слеп, подмечает же он недостатки, высмеивает жадность, корыстолюбие у тех, кого называет «шаманишками» (тачипях-кулы)?

Шундик вывел такого «шаманишку» в образе Вапыската. И показал настоящего шамана в образе Пойгина. Я, к своей радости, его узнал. Да, это он, шаман моей бабушки! Правда, немного идеализированный (особенно в кинофильме), но это он – человеческий человек, вселяющий в души людей веру в свои силы, веру в свои возможности, защитник справедливости и доброго начала. Шундик словно угадал мои мысли и, наверно, не только мои.

И вот новая встреча с полюбившимся автором – роман Н. Шундика «Древний знак».

Действие романа происходит в наши дни в одной из западных стран в Заполярье. Автор сталкивает маленький северный народ с его первобытными законами, существовавшими и сто, и двести лет назад, с сегодняшней Западной Европой, вооружившейся, довооружающейся (?) ядерным оружием.

Каждый день по радио, с экранов телевизоров, со страниц газет на нас идёт широкий поток информации о том, что мир сегодня как нельзя ближе находится от ядерной катастрофы, что на каждого человека заготовлены десятки тонн взрывчатки. И постепенно наше сознание начинает притупляться, привыкая к этому. Н. Шундик той же теме придаёт новую, художественную окраску. Он заостряет мысль, что человек своей неразумной деятельностью может разрушить не только отдельные участки поверхности Земли, но и всю Планету – возможно, единственную в своём роде живую точку

во Вселенной. Он говорит словами Юна Энгена: «Вы можете стать преступниками космического масштаба». Писатель сталкивает между собой два мира: добра и зла, разума и безрассудства, наивную мудрость древнего племени, видящего главную задачу в продолжении рода человеческого, и устремления Стайронов, Гонзагов, Фулдалов, считающих, что для предотвращения демографического взрыва нужно уничтожить (Фулдал), обезличить (Стайрон) большую половину человечества. Этим самым роман очень современен и своевременен.

Автор ставит проблему бережного отношения к окружающей среде и предостерегает: «Вы испоганите здесь всё!.. Завтра я вам покажу, что происходит с тундрой, едва по ней пройдёт трактор. Поймите, природа севера... это лик младенца».

Так говорит Томас Берг Гонзагу, разворачивающему на острове геологические работы. А журналист Ялмар добавляет: «Такие как вы всё, всё вокруг себя превращают в свалку. Дым из труб в небо, как в свалку. Грязь из трюмов супертанкеров, а то и нефть после катастрофы – в море, как в свалку. Отходы из дьявольских реакторов атомных или химических котлов, из бактериологических инкубаторов – в землю, в море, как в свалку. И становится земной шар сплошной свалкой, где может произойти самоуничтожение».

Неописуем ужас члена племени по имени Брат кита, когда он узнаёт, как ужасна будет судьба даже и тех, кто уцелеет после ядерного взрыва: «Чем они будут дышать? Стронцием. Что они будут жрать и пить? Стронций. Чем они будут, извините, мочиться? Стронцием. Кого они будут завтра рожать, если вообще окажутся способными на это? Безруких, безногих уродцев о двух головах...». Вот что ждёт людей, оставшихся в живых после ограниченной ядерной войны, о которой в недавнее время было модно говорить за океаном.

Шундик противопоставляет законам «свободного мира», мира наживы, властолюбия, шантажа (Стайрон пытается

шантажировать Ялмара, чтобы тот отказался от своей на шумевшей статьи) простые, неписанные, но человеческие законы племени: «В каждом человеке живут два оленя – Чёрный и Белый, но очень важно, которого из них ты в себе заарканишь, а которого выпустишь на волю, к людям». И Брат орла выпускает на волю Белого оленя – добро побороло зло. И Гедда, прежде избегавшая Брата орла, оценила это. Наивно? Да! Но это жизнь! А значит, достойно подражания.

Сселение стойбищ в крупные населённые пункты ведёт к переопромыслению в охоте и в рыбалке, к оскудению оленьих пастбищ, к неравномерному восстановлению, воспроизводству племён. Эта мысль, выраженная в романе в яркой художественной форме, убедительна. Она заставляет задуматься читателя...

Язык романа ярко метафоричен, насыщен образами. Н. Шундик не описывает внешность людей, он показывает их в действии. И поэтому каждый персонаж зрим, осязаем, легко воспринимаем. Это мудрый человек с поэтическим мироощущением Брат оленя, это великий жизнелюб Брат медведя, это по-детски простая, но глубоко мыслящая Чистая водица, это злой на весь мир Фулдал.

Н. Шундик в романе постоянно проводит нас сквозь мысли и чувства Волшебного оленёнка – сына всего сущего. Этот приём он использовал уже до этого в другом романе – «Быстроногий олень». Через образ оленёнка он показывает зло браконьерства и жажду всего живого – не уйти из этого мира навсегда, а повториться – повториться на Земле через тысячелетие!

Место действия романа, как уже было сказано, – северная окраина одной из западных стран. Но у всех северных народов много общего, и в обычаях, образе жизни, одежде племени, описанного в «Древнем знаке», я нахожу многое из того, что знаю о собственном роде. Например, обряд похорон. Люди племени в тяжёлую минуту утраты дорогого человека, после похорон находят в себе силы на шутку. Это звучит, словно вызов смерти. Такой обычай существует и у нас: в последнюю

ночь прощания с умершим (с мужчиной прощаются пять ночей, а с женщиной – четыре) нужно рассказывать смешные истории и случаи из жизни покойного, смеяться при этом, насколько хватит мужества.

Зачастую, когда писатель несеверной национальности пишет о народах Севера, он допускает некоторое количество ошибок. Это естественно, поскольку взгляд такого автора направлен на нас со стороны. Многого в нашей жизни он не знает, не понимает и преподносит так, как сам представляет.

Взять, например, повесть М. Анисимковой «Ваули» – о прошлом ненецкого народа, то есть моих предков. Читая эту книгу, я невольно подчёркивал неточности и несоответствия, встречающиеся в тексте. В результате страницы оказались испещрёнными. На некоторых из них я отметил даже по две фразы.

Вот Ваули со своими друзьями угнал у богачей стадо оленей. Автор пишет, что им было тяжело уходить от погони, так как они были на лыжах, у них не было нарт. Хонзали, друг Ваули, – жалуется: «Если бы у нас были нарты, как далеко унесли бы нас олени!». Анисимкова, коль взялась описывать ненцев, должна знать, что оленивод, не имеющий нарт, всё равно запрягает оленей в упряжь и едет за ними на лыжах. Если нет упряжи, обходится арканом. Арканы же у Ваули и Хонзали есть. Кстати, такие гонки часто показывают сейчас по телевизору с северных праздников.

Ещё: «Старшая жена Хозовыко Ватана (правильнее: Ватане) в это время вошла в чум. Она положила на берестяную скатерть мороженую печень – любимое лакомство хозяина. Низенькая, располневшая, в пушистой песцовой шапке, она опасно смотрела на Хозовыко, втянув голову в плечи». Здесь в одном маленьком абзаце сразу два ляпсуса: у нас, у ненцев, берестяные предметы в хозяйстве – это символ бедности, а такой богатый человек, как Хозовыко, должен был бы пользоваться чашками, ложками и медными подносами,

приобретёнными у русских купцов. В некоторых семьях они сохранились и сейчас как память о тех временах. Такова уж ненецкая психология – признавать берестяные предметы как признак бедности, а добытого в мордушке налима как признак неудачливости. Вот и создаётся у меня впечатление: либо богач Хозовыко совсем не богач, либо он вообще не ненец.

Второй же ляпсус – песцовая шапка на голове Ватаны. Это сейчас наши модницы носят песцовые шапки (ну и на здоровье!), а ещё 20–30 лет назад ненецкая женщина носила шапку, сшитую из оленьих лбов, украшенную полосками из тряпиц, кожи, вышитую бисером и яркими пуговицами. И тем более 150 лет назад ни одна женщина не могла носить песцовой шапки, а вот героини Анисимковой, оказывается, носят.

Но я отвлёкся, речь-то у нас о Шундике. В его романе «Древний знак», как я ни старался, нашёл всего два несоответствия. Первое: «Вон, смотри – надвигается стадо. Слышишь треск? Будто электрические разряды. Это олени касаются друг друга рогами...». Это слова Ялмара – сына хозяина оленьего стада. А сын хозяина стада, как любой оленевод, наверняка знает, что во время бега олени ни в коем случае не касаются друг друга рогами, стараются не касаться. Для них это очень неприятно. Треск же, который раздаётся над бегущим стадом – это треск захлопывающихся копыт. Когда олень ступает, копыта растопыриваются, а когда поднимает ногу – захлопываются с треском. Кстати, эта ошибка есть и у Анисимковой. Второе (племя собирается перекочевать на новое место): «Через несколько часов Чистая водица уже сидела на грузовой нарте вместе с братишками и сестрёнками».

Грузовая нарта без каюра во время перекочёвок – самая опасная для перевозки детей. Если в пути какая-то нарта опрокидывается, то это обязательно грузовая. Потому что, во-первых, у неё очень высоко расположен центр тяжести и, во-вторых, её некому поддержать, потому что на ней нет седока-погонщика. Поэтому дети всегда ездят на одной нарте

со взрослыми, если же на отдельной, то только в том случае, если кто-то из них имеет навык самостоятельной езды, но и в этом случае никак не на грузовой.

Всего две неточности на роман для человека несеверной народности, сына серба и украинки, конечно, простительны. Тем более что эти два предложения никак не влияют на всё произведение, их без всякого труда можно исправить.

Игорь Кириллов

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ОЛЕНЬИХ ПУТЕЙ

«Ленинская правда», 11 февраля 1988 года

Гостим у Айваседы. Настоящая фамилия его Вэлла.

«...Давным-давно к нам в стойбище пришли двое в шинелях, с винтовками, потребовали от деда, чтобы он отвёз их в Сургут. Дед ещё с одним ненцем повёз. Но по дороге почувствовал враждебность седоков. Бушевала гражданская война, дед не был ни красным, ни белым, просто не доверял людям, которые привыкли убивать себе подобных. На одной из стоянок ненцам удалось обмануть седоков и убежать от них, прихватив с собой винтовки. Затем, опасаясь мести, дед увёл свой род на реку Аган, там основал стойбище, которое и носит название Варьёган. А чтобы не отыскали его колчаковцы, сменил фамилию, и с тех пор их род носит фамилию Айваседы...».

Эту историю Юрий Вэлла описал в одном из очерков, который был опубликован в газете «Новости Радужного». Всякий раз, когда Юрий приезжал в Нижневартовск, мы встречались, и всякий раз он открывался с новой стороны. Но мне хотелось увидеть, как же он живёт у себя в Варьёгане, его рассказы о котором были полны поэтического очарования.

И вот – гостим у Айваседы.

Живёт он с семьёй в деревянном доме из бруса. Дом на три хозяина, у Юрия Вэллы две комнаты. Семья – шесть человек, правда, сейчас старшая дочь работает в Нижневартовске после окончания торгового училища, но, тем не менее, и для пяти квартиры маловата, а тут ещё гости.

Для гостей во дворе Юрий построил небольшой деревянный дом, точную копию его промысловой избушки – такое же небольшое окошко, такая же железная печка. Этот домик он называет «общежитием литинститута» – не так давно здесь жили студенты-заочники этого вуза, один приехал даже с Дальнего Востока. Теперь живём мы.

Хозяев дома мы не застали. Вся деревня и Юрий с женой Еленой были на ягодах. Норма для мужчины – 600 килограммов ягод за сезон, для женщины – триста. А вся семья должна сдать госпромхозу за месяц чуть больше тонны брусники. Сопоставьте, дорогие горожане, свои победы – ведро ягод, два, три, четыре, пусть центнер ягод, с планами, которые должны выполнить жители посёлка Варьёган. План по сбору дикоросов для рабочих госзверопромхоза «Охтеурский», где работают Вэлла и его жена в этом году, по сравнению с предыдущим увеличен в два с половиной раза. А тут как на грех и урожай брусники слабоват, приходится далеко ездить в верховья реки Варьёганки, там ставить палатку, чтобы справиться с заданием.

До приезда хозяев топим баню. Её построил сам Юрий. В основе всё та же железная печурка, обложенная камнями (камни – редкость в Варьёгане, их специально нужно везти издалека), к бане проведён водопровод, ловко сколочены деревянные полаты. По всему видно, что хозяин – незаурядный плотник, с такой любовью и умением всё подогнано и слажено.

В доме хозяйничают три девочки. Одну зовут Лада, другую Аэлита, третью, самую младшую – Сёма (видно, ждали родители сына, а родилась девочка). Что удивляет в этих детях? Уверенность и самостоятельность. Родители далеко уехали и

надолго. Они прекрасно понимают это и совершенно спокойны. Никаких слёз, уныния и прочих «прелестей» городских избалованных детей. Жизнь продолжается – Аэлита с младшей сестрой организовала уборку, на печке разогревается обед, гостям предложен чай.

Наконец, часов в девять вечера, река начинает оживать. Всё чаще и чаще раздаётся на ней рёв лодочного мотора. Вот и Юра причалил. Мотор и лодка остаются на берегу. Рядом ещё с десяток таких же.

Встречаем хозяев. И далеко за полночь тянется наша беседа. Спрашиваю у Вэллы:

– Что заботит тебя сегодня?

Я не зря начинаю разговор с ним с этого вопроса, знаю, у Юрия всегда в голове рой проблем. В этот раз главная – музей в Варьёгане.

– Хотим перенести жилой дом, лабаз рядом поставить, воссоздать обстановку такую, будто бы хозяева только что покинули своё жильё. Уже место выбрали, один дом перенесли. Настоящий, со стойбища. В нём выросло не одно поколение.

Ещё меня заботят наши святые места.

– ?

– Да, а что ты удивляешься? У ненцев ведь бога как такового не было. Язычники, они молились природе, дереву, реке. Перед охотой выходил человек на святое место, приносил жертву идолу, бросал монетку, очищал душу, настраивал себя на долгую и опасную работу.

Сейчас это называется аутотренинг, тогда – молитва. Дело ведь не в названии, а в сущности. Срубил человек дерево – принёс жертву, прощение попросил у природы. Чувство вины в нём было за то, что по необходимости дерево свалил. А уж о том, чтобы без надобности – и речи быть не могло, страшным преступлением это считалось. Так вот народными традициями и прививалось человеку бережное отношение к окружающему миру. А теперь всё больше покоряем...

Договор.

8

Мы, ниже подписавшиеся, Аibasera Юрии Келевн - хранитель Варягского этнографического музея, Токарев Кузьма Михайлович - рибак Анского уездного уезда, в присутствии свидетелей Аibasera Элеми Федоровны и Аишкан Любви Николаевны составили настоящий договор в том, что Аibasera Юрии Келевн упродает для Варягского этнографического музея у Токарева Кузьмы Михайловича икоту принадлежавшую роду Токаревых-Мохтикёвских и хранящуюся в семье деда Кузьмы Михайловича у Токарева Павла Ивановича за 100 руб (сто руб 00 коп). В том и подписываемся:

1. Аibasera Ю. К.
2. Токарев К. М.
3. Аibasera Э. Ф.
4. Аишкан Люб. Н.

30 апреля 1889г. с. Пойдиче Варягского уезда.

Узнал я удивительную вещь. Оказывается, раньше все святые места находились в самых доступных уголках тайги, на перекрёстке путей, у приметного дерева. Это потом уже, когда в тридцатых годах начали бороться с шаманами и культами, святые места ушли в подполье. Стали прятать люди свои святыни от постороннего, который ничего не понимал в народных традициях, а лишь выполнял директиву – хватал, ломал, истреблял, не допускал.

А в подполье что? Стал сокращаться ритуал, исчезли многие речитативы. Скорее, всё скорее пытались люди сделать. Начала вырождаться традиция поклонения природе, лесу перед охотой, исчезало чувство вины, притуплялась совесть. Молодым уже сегодня неинтересно бывать на святых местах, природе поклониться, перед речкой извиниться, перед тайгой. А что же им интересно, этим молодым?

– Ну, – вскричит иной ортодокс, – да этот Вэлл култ возрождает! Шаманов хочет вернуть, поклоняться идолам хочет нас заставить!

А учёный-этнограф из Новосибирска, который гостил недавно в Варьёгане, считает по-другому. Он считает, что корни фольклора лежат в этих верованиях. Вместе с Юрием они ездили на святые места, подробно записывали содержание обряда и речь того, кто говорил с духами, тем более что осталось таких людей немного. Вот не станет их, и ещё один пласт народных преданий, сказок, легенд уйдёт в небытие. И Юрий записывал – это ведь корни его творчества, его поэтическая мастерская, откуда черпает он свои образы, сравнения, метафоры.

А с шаманами тогда, в тридцатые годы, боролись, да ещё как. Однажды приехал уполномоченный с пистолетом и арестовал десять человек. Среди них – один истинный шаман. Он-то один и вернулся в родное стойбище, остальные в безвестность канули.

– А потому – что настоящий шаман, – сделали вывод тогда люди, – потому и вернулся, потому и вырвался из рук властей.

Часто мелькает в нашей полуночной беседе слово «уполномоченный», «человек с пистолетом». Здесь, на далёком Обском Севере, бывало, творился и произвол. Не обходилось, правда, и без курьёзов. В один год рыба плохо ловилась. Вернее, не плохо, а как обычно, тонн двадцать в год брали. Но надо было больше. Приехал уполномоченный на Варьёганку. А там рыбаки только что пустой невод вытащили, сидят, кипятком греются. Рассвирепел уполномоченный, саботажники, кричит. Выхватил пистолет, Юриному деду в лоб нацелился. Дед потом рассказывал внуку: «Ну, думаю, смерть моя пришла. Выстрелит – и всё...». Забросили рыбаки невод, а он пустой пришёл. Ещё и ещё – несколько раз подряд. И как назло – ни единой рыбёшки. Вот тут-то рассвирепел уполномоченный ещё пуще. Велел собрать всё стойбище от мала до велика и повёл к озеру.

Озеро это в Новоаганске, напротив поселкового Совета. Юра говорил, как оно называется, да я запомнил. Но дело не в названии. Велел уполномоченный прокопать ручеёк из озера: скоро, говорит вода из него выйдет вся, а мы потом по дну пройдем и мешками рыбу брать будем.

Прокопали ручеёк, сели, ждут. Вот уже сорок лет с тех пор прошло, ручей бежал и бежал, а озеро, как стояло, так и стоит. Недавно поселковый Совет приказал засыпать ручей, правда, и рыба давно в озере не водится.

Время «уполномоченных» давно прошло. Но вот как-то стали закидывать ненцы на Варьёганке невод. А тут по берегу люди ходят то ли из экспедиции, то ли ещё откуда, но, судя по всему – начальники. Ходят, шумят, блёсны кидают. А почему не кидать? Рыба возле запора всегда есть – верный улов. Кидать-то кидают, а не знают того, что язь – рыба осторожная. Услышит она шум шагов на берегу, встанет за поворот и к запору не подойдёт. Им вежливо объяснили, что, мол, мешаете работать, дорогие това-

рищи. Вы тут десяток рыб поймаете, а мы центнеры не доберём. Эх, обиделись начальники, амбиция разыгралась. Да мы, говорят, да вам... И пошло-поехало. Так и не поняли, что к чему...

А на следующий день мы с Юрой поехали на эту самую Варьёганку. И тут я узнал ещё одну лесную мудрость, о которой даже не догадывался. Разобрали мы запор на реке, а в воде рыба бьёт хвостом. Не удержался я:

– Давай блесну бросим.

Посмотрел на меня Юрий своими круглыми хитрыми глазами. Дал блесну, ничего не сказал. Я раз бросил, другой, третий. А он говорит:

– Если поймашь рыбу, то об этом в газете самыми крупными буквами написать надо будет.

– Почему? – удивлённо спрашиваю я.

– Луна на закате. В это период у щуки совсем нет зубов, выпадают, а новые отрастут, когда молодой месяц появится. Вот тогда у неё и жор начинается. А сейчас бесполезно блесну метать.

Вот такая, казалось бы, мелочь, а человек, равнодушный к природе, не чувствующий своей вины перед ней, не несущий перед своей совестью ответственности за реку, не углядит такой мелочи, не откроется ему природа. И будет он попусту блесну метать.

Идём домой мимо будущего музея. Юра сам выбрал для него место, сам распланировал, что где будет стоять. Организовал земляков на субботник, во время которого был собран перенесённый со стойбища деревянный дом.

– Что вот это за тропка, как ты считаешь? – спрашивает он меня.

– Тропка как тропка. Тут вот несколько таких пересекаются.

– А ты знаешь, что это олений путь рода Иуси, а вот это – рода Вэлла, а это – Айваседы? И все они сходятся здесь в одном месте. Поэтому и место для музея на перекрёстке дорог выбрал. Представляешь, выезжает отсюда богато украшенная оленья упряжка. На ней охотник во всём своём праздничном снаряжении... Мечта у меня есть. Хочу добиться, чтобы не просто музей

был, а что-то вроде заповедника. Территория – десять на десять гектаров. Там стойбище. Семья охотника в стойбище живёт, с десяток оленей у ней. Охотится ненец или ханты, рыбачит. А люди приезжают и смотрят на быт, уклад наших поселений...

Мы ещё долго говорили, а я думал о том, что неужели столь сильно вторжение цивилизации в эти края, что быт и уклад этого народа сохранится только в заповеднике, в национальном парке, и его будут показывать туристам и прочему охочему люду за деньги...

Юрий Вэлла

«Ленинское знамя», 12 ноября 1988 года

СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ, ЛАНЭЙ!

Я всегда считал, что мы, ненцы и ханты, на реке Аган обеднели духовно. Мы слишком «обрусели». Большинство наших детей не говорят на своём языке, выбирают профессию не отцов и дедов, а идут в индустрию. У нас в Варьёгане около двадцати трактористов, шоферов, судомехаников, слесарей, и ни одного охотоведа коренной национальности. Родом из Варьёгана около десяти учителей, пять медработников, два литератора, есть продавцы и кулинары. И ни одного ихтиолога. Мы собираемся строить крупную звероферму, а у нас нет зооветеринара. Средний возраст рыбака-охотника – 45 лет, но сегодня мы не готовим себе смены, и что будет, когда наш охотник уйдёт на пенсию?

С прошлого года я занимаюсь святыми местами на Агане. Это, в первую очередь, связано со строительством музея в Варьёгане.

Во-первых, что такое Святой Бор? Это уголок живой природы, куда приходит человек, чтобы очистить мысли свои и помыслы, чтобы оправдаться перед Природой за изъятие части её – повиниться за срубленное для строительства дома дерево, повиниться за рыболовную запруду на реке. И обращается он не к деревьяшке, закутанной в одежды и поставленной в лабазе на ножках, а к живому образу Хозяйки Агана или Дочери Хозяина Тайги, или к Хранительнице Рода, которые живут (ещё пока живут!) в душе охотника, в сердцах его сородичей.

И конечно, слова его направлены, в первую очередь, не к лунгу-духу, а к людям, к братьям и сёстрам, к детям и племянникам, к внукам, которые стоят рядом. Он воспитывает в них чувство безмерной вины перед своей землёй. А как нам в современном мире всё чаще и чаще не хватает именно этого чувства – вины перед травой, деревом, рекой, озером, перед облаком, которые молят нас о пощаде!

Речь человека на Святом Бору – это высокохудожественная народная поэзия. Обороты речи отработаны многими поколениями, многовековой традицией. Каждое такое обращение не похоже на другое. Каждый говорит то, что думает, чувствует, знает. Качество речи его зависит от настроения, от погоды, от возраста и настроения окружающих людей. Это поэтическая импровизация, а не заученный текст. И поэтому в первую очередь её художественное качество зависит от исполнителя, от его поэтического, художественного дара, который он получил от природы, и от того, как развит этот дар жизнью и знаниями, обогащён общечеловеческой и национальной культурой.

Но постепенно зарастают тропинки к святым борам, часть их попадает под месторождения. А одно святое место занял город Радужный. Сможет ли музей взять на себя функции Святого Бора? Сможет ли Варьёганский музей стать воспитателем Человека?

Недавно я вернулся из творческой командировки по Пу-ровскому району Ямало-Ненецкого автономного округа.

Возникла потребность такой поездки, потому что мы собрались впервые составить букварь лесных ненцев, нам нужно собрать фольклорно-этнографический материал для своего музея. Что же я там увидел?

У многих жителей Халясавинского сельского Совета (побывал я только в этом посёлке и в его стойбищах) очень бедны потребности, интересы. Основная жизненная потребность – добыть зверя или поймать рыбу и пропить. Может быть, это слишком грубо, но таково моё основное впечатление от поездки. С кем бы я ни встречался, разговор всё время срывался к спиртному, как будто в нашей жизни нет ничего более интересного. Когда спрашивал о сказках, песнях, побывальщинах – люди на меня глядели как бы со снисхождением – «эка бездельца тебя интересует». А когда спросил о святых местах, об именах местных духов, о людях, которые ещё могли бы держать бубен, тут я встретил совершеннейшее непонимание. Почувствовал, что мы говорим на разных языках, что этот народ далёк от искусства, от своей культуры.

Несколько ненецких загадок я нашёл у детей школьного возраста, но, оказывается, это те загадки, которые записаны в учебниках тундровских ненцев – эти загадки детям привиты школой, а не родителями и не их тундровской или лесной жизнью.

Если у человека бедны интересы и потребности – беден и его внутренний мир. Поэтому у халесовинцев оскудел словарный запас. Речь стала примитивной, без художественных оборотов: эпитетов, сравнений, метафор, иносказаний. Хотя таланты есть и у них. Для своего музея я привёз из Халясавя барельеф В. И. Ленина, вырезанный ножом на обыкновенной доске. Смастерил его Григорий Тимофеевич Кельчин – ханты по национальности.

На устье реки Ненянг встретился с пожилым человеком по имени Чала. По всему чувствуется, что у него поэтическая натура, что он слышит, видит, чувствует гораздо глубже своих сородичей. Он пытается это как-то выразить, передать, но у него ничего не получается, ибо речь его бедна. Выглядит он

жалким, обделённым. А ведь в своё время он закончил десять классов. Жизнь отняла у него культуру предков, а школа не смогла привить другой – новой культуры, которая позволила бы ему свободно изъясняться, творчески мыслить.

Он, наверное, знает, что есть такие русские поэты, как Пушкин, Лермонтов, может быть, он вспомнит, в какое время они жили, но наверняка не скажет, в чём поэтическая суть таких строк, как «я помню чудное мгновенье...» или «выхожу один я на дорогу...». Да потому что современная школа зачастую такой цели не ставит. А ведь человек, не наученный ценить и понимать чужую культуру, не сможет сохранить в себе и своей. Такой человек становится нищим во всех отношениях.

Но одного ненца-сказочника я всё же нашёл в Халясавинской тундре. Зовут его Ланэй. Как ни странно, этот человек совершенно не владеет русским языком. Ему всего лишь 50 лет. В своё время его продержали несколько лет в подготовительном классе школы-интерната и отчислили как «дебильного». Своим языком он владеет в совершенстве.

Имя Ланэя появилось в моей записной книжке с первого дня пребывания на территории Пуровского района. И с кем бы я ни встречался, каждый называл мне только его. Я пытался услышать сказку или хотя бы часть сказки от кого-нибудь другого, но тщетно. Одна старая женщина попыталась это сделать, но запуталась и прекратила.

Я ждал встречи с Ланэем...

Спой мне песню, Ланэй!
Пой, пока поётся.
Может, в душах внуков
Песня отзовется?
Если наши дети
Мелодию подхватят,
В суете и спешке
Чувства не растратят.

Спой мне песню, Ланэй!
Пой, пока поётся!
Может быть, при встрече
Скажешь: «Ань-Торово!»¹⁰
Все ли в вашем стойбище
Живы и здоровы?
Кто живёт – поётся ли?
Кто рыбачит – ловится ли?
Кто женатый – любитесь ли?
А кто весел – счастлив ли?
Уж не самогоном ли?
Иль одеколоном?
Дракой ли с товарищем,
С братом ли родным?...».
Спой мне песню, Ланэй!
Пой, пока поётся!
Расскажу я другу
Правду без утайки,
Всё, что наболело
На душе моей.
Живы-то мы живы,
Только почему-то
Женщины с похмелья
Рожают не детей.
Рожают алкоголиков,
Рожают наркоманов,
Подленьких,
Готовеньких,
Способненьких на всё.
Спой мне песню, Ланэй!
Пой, пока поётся!..

Это стихотворение появилось ещё до встречи с Ланэем.

---

¹⁰ Ань-Торово! – ненецкое приветствие.

А сама встреча... была не сладкой. Попал я в село Халясавэй в пенсионные дни. Меня предупредили, что приедет большинство пенсионеров, что лучше всего ожидать их прямо на берегу реки, ибо появятся на лодках.

Первым прибыл в село Лявты. Я поговорил с ним около десяти минут, а ещё через двадцать он уже был пьян.

От Ылику через полчаса после встречи разило одеколоном.

Потом подъезжали ещё и ещё. Я успевал пообщаться со стариками только от лодки до берега. На берегу они попадали в объятия ранее приехавших земляков, по рукам шли кружки с брагой и флакончики с одеколоном. Далее общение с ними становилось невозможным.

Если мой Варьёган страдает от индустриализации лишь тем, что основные охотничьи и рыболовные угодья, оленьи пастбища попали под месторождения, то в Халясавинскую тундру пришла беда совершенно в ином лице. Приезжают покорители Сибири прямо в стойбище и в село на машинах, летят на вертолётах из Ноябрьска, Вынгапура, Новооганска и других нефтяных и газовых центров люди с самогоном, с брагой, а то и с целыми коробками одеколону и выменивают на пушнину, рыбу или оленьи рога и оленьё мясо. Если эту чёрную миссию в дореволюционное время на Севере выполняли купцы и всевозможные иностранные торговцы, то теперь этим занялся человек, называющий себя «советским гражданином», часто имеющий в кармане партбилет и работающий в государственном учреждении или на предприятии.

Таких немного, но я обращаюсь к ним: «Если мой очерк попадёт к вам на глаза, подумайте! Пусть даже если у вас нет жалости к местным жителям, выпрашивающим у вас «огненную воду», всё равно подумайте! Прежде чем загрузить свой рюкзак отравой, лишний раз подумайте!

Как бы вам не ошибиться, подумайте!

Ведь у вас есть дети, жена, мать, отец, кем вы выглядите в их глазах, подумайте!

Даже если вы всё это умело скрываете от своих соседей, от своих сотрудников, от друзей, но ведь вы не сможете спрятать своих грязных рук от самого себя, от своей семьи, хорошенько подумайте!

Не ошибитесь, подумайте!».

Вот и Ланэй. Но и он не исключение. Три дня я ходил по пятам этого охмелевшего, жаждущего хлебнуть чего-нибудь человека. За эти три дня я выучил у него мелодию всего лишь одной сказочной песни. Но даже эта единственная песня вдохнула в меня свежий, давно слышанный, но утерянный голос моих предков. Пусть всего десять минут, но я жил, я чувствовал себя человеком, я ощущал в себе жажду жизни.

Я плакал. Плакал и страдал за судьбу Ланэя и его сородичей, плакал и молил, чтобы этого никогда не случилось с моим Варьёганом, с моими детьми...

Михаил Мельников

ВЕСТИ ИЗ МОЕГО СТОЙБИЦА

«Сибирские огни», 1988 год, №10¹¹

Юрий Вэлл – ненец из рода Айваседа. Юрий ещё молод. Живёт в посёлке Варьёган, учится в Литературном институте. Потомственный охотник. Отсюда идёт его удивительная зоркость. Замечает мельчайшую деталь, мимо которой мы бы прошли, не замедлив шага, и эта деталь даёт нам возможность приблизиться к пониманию этнически обусловленного ненецкого мироощущения, а через него – и миропонимания.

---

¹¹ Предисловие профессора М. Н. Мельникова к подборке произведений Юрия Вэллы в литературном журнале, издающемся в г. Новосибирске.

Так увидеть жизнь, так о ней написать, как увидел и написал Юрий Вэлла, не сможет ни русский, ни алтайский, ни якутский писатель. Это может сделать только законный наследник многовековой производственной, бытовой и художественной культуры ненецкого народа.

Великие «малые» народы Сибири и Дальнего Востока дали мировой культуре много талантливых поэтов и писателей. К сожалению, не многим из них удалось сохранить в своём творчестве этническое своеобразие художественного отражения действительности. Юрию Вэлле это пока удаётся.

Домом для ненца были не избы, не юрты и даже не чумы, а тайга, тундра, учителями – суровая природа и родители. Жизнь была повседневной борьбой за существование и одновременно праздником познания окружающего мира, трезвым расчётом и ломающей границы вселенной фантазией. Для неё характерна исходная нерасчленённость, синкретичность. Синкретична и избранная Юрием Вэллой художественная форма. Попробуйте определить её жанровую принадлежность. Историко-философская публицистика даёт начало колыбельной песне бабушки, последняя – сказке, сказка – лирическому триптиху самого поэта, лирика – преданию, сказу, юмореске... Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный «слепок» народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно.

Примечательно само название произведения – «Вести из моего стойбища». Трудолюбивый и одарённый народ за тысячелетия своего развития создал самобытную культуру и облёк её в форму сказки, предания, песни, загадки. Они стали вестями ушедших поколений своим потомкам. В этом педагогическая мудрость народа. Каждое новое поколение, отдельно взятый человек становились, таким образом, вестношами, связующими звеньями между прошлым и будущим. Чтобы вести не забывались, заставляли трепетать сердца и работать

сознание, они облекались в совершенную художественную форму. Эти вести и определяли высокую духовность народа, его нравственный и эстетический идеалы, его художественный язык.

Для повседневного общения членов одной семьи, затерянной в беспредельных просторах Сибири, высокие слова не нужны, вообще слов надо немного: каждый и так видит и знает, что и как нужно делать. Движение, мимика, взгляд, жест – тоже форма общения, язык, только не отлитый в слова звучащие. Я мог бы написать об этом целый трактат. Юрий Вэлла это же сумел сказать всего в трёх первых предложениях миниатюры «О своих вестях».

Художественное мышление сибирских охотничьих и оленеводческих народов поразительно. Оно выражается в рисунке, в орнаменте, в слове. Скупыми изобразительными средствами они достигают таких художественных эффектов, к которым мы редко приходим через годы выучки и напряжённого труда.

Юрий Вэлла – счастливый наследник художественного дара своих предков. Всего два десятка строк в его повествовании о бедном охотнике Капитяе, заподозренном в шаманизме, который предпочёл мукам в застенках «энкавэдэ» смерть от собственной пули. Полгода назад прочитал я эту миниатюру, а ощущение кровавой раны, трагедии талантливого ненецкого народа, которому и поэтический дар был поставлен в вину, не проходит. Вот сила настоящего искусства.

Юрий Вэлла приобщён к русской и хантыйской культуре, а через русский язык – и к мировой. Видимо, этим во многом определены широта взгляда на жизнь, философская глубина и яркая публицистичность его произведений. Но и в публицистических миниатюрах, и в проникновенной лирике Ю. Вэллы остаётся ненцем: фундаментом и арсеналом художественных средств остаётся народная поэтическая традиция.

Народная экология – народное отношение к природе. В этом коренные народы стоят выше нас, урбанизированных земледельцев. Ранить природу – значит исковеркать человеческую душу: они связаны напрямую. Об этом стихотворение «Белые крики». Потерявший лицо «удачливый» охотник самогонки ради «яростно расстреливал белые крики» лебедей. Философски мудрая метафора обретает трагическое звучание в соединении со словом «расстреливал». Птиц бьют, стреляют, следовательно, расстреливают корысти ради нас, наши человеческие души.

Глубоко содержательна ритмическая структура лирики Вэлла. Возьму пример из того же стихотворения:

Многих модниц он одел
В пушистые лебяжьи шапки.
Но почему-то
Никто
Никогда
Не называл его
Удачливым охотником...

Перенесите слова «Никто» и «Никогда» в предшествующую строку, и стихотворение обретёт обыденный смысл, потеряет высоту вселенского звучания. В принятом автором ритмическом рисунке слово «Никто» имеет значение пространственной беспредельности и общественно-экологической всеобщности, слово «Никогда» – временную бесконечность, а следовательно, неоспоримость приговора корысти, утрате человеческого достоинства, высокой духовности.

Юрий Вэлла – одарённый поэт, мыслитель, достойный внимания публицист, унаследовавший духовные ценности своего народа и его трагические проблемы. Их он и пытается раскрыть перед русскоязычным читателем. В этом и состоит его посильный вклад в мировую сокровищницу культуры.

Автобиография.

2/2

Я, Алевсера Юри Килевит, родился в 1948 году 12 марта в Варьёганке. Работал звероводом, культработником Кресного Бунца, ирмёмничком рыбы, на лесоповале, плотником, с 1976 года - рыбак-охотник, два года из них исполнял обязанности председателя сельского Совета.

Обучался в Варьёганской начальной школе, Асанкой восьмилетней, в Сургутской школе-интернате, в Новосибирской вечерней школе и в 1989 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Избирался депутатом сельского Совета, Нижневартовского районного Совета и окружного Совета.

Беспартийный. Обучался на парткурсах при обкоме КПСС.

Занимаюсь литературой. Публиковался в газетах, в журналах, в коллективных сборниках под руководством Ю. Вэйла. В 1991 году опубликована первая книга.

Я являюсь хранителем этнографического музея на близлежащих насаждениях.

5.02.1990

А. Килевит

Из архива администрации Нижневартовского района

Фонд 38. Опись 1. Дело 1. Лист 2.

Автобиография 5.02.1990

Леонид Костылев

ХАНТЫ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

*Новосибирские кинодокументалисты снимают фильм
о межнациональных отношениях по сценарию Ю. Вэллы*

«Тюменская правда», 5 мая 1989 года

В конце апреля в нижевартовской городской газете «Ленинское знамя» опубликовано интервью министра нефтяной промышленности СССР В. Динкова.

Из шести заданных журналистом вопросов самый короткий и неопределённый ответ был дан по теме пагубного воздействия интенсивного обустройства месторождений на условия жизни коренного населения. Министр ответил: думаем, намечаем...

Иной подход у кинодокументалистов Новосибирской студии и автора сценария, недавнего выпускника литинститута Ю. Вэллы, снимающих фильм по заказу Центрального телевидения в рамках подготовки к предстоящему Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям.

Создатели ленты решили взглянуть на проблему глазами рода ханты Казамкиных, в частности, старейшего рыбака и охотника Андрея Антоновича Казамкина, остро обеспокоенного судьбою внуков.

*Документальный фильм «Колыбель»,
режиссёр Раиса Ерназарова,
Новосибирсктелефильм, 1989 год.*

КОНФ.

Слова моего другу Юрию Вальде плохо идут. Далеко не баскет, а всего лишь трюфель, что в Институте СССР называется «Промышленность труда».

Что же заставило лучшего охотника прошлого года Ситтурского повторить (об этом есть свидетельство, подписанное руководителем) проехать на далекого Виргелана и охотиться в охотничьи угодья истребителя Немецкого района?

У администрации Варгеланского областного государственного университета в деле т. Митинского конфликт с мезонимом, который в летний период с устным согласием председателя мезониморегулятора т. Тамме...

...изда на свои труды заниматься общественной деятельностью. Теперь же ситуация обострилась до того, что Митинский отстранен от работы и не может вступить в работу.

И на этот раз выдвинулся в детях своего дела (надеюсь, в районном комитете) с депутатом городского Совета, а может бы вкратце рассказать об общественной деятельности человека, вышедшего на нужного мезонимора.

1990 – 1999
Достичь возраста
Своей
Походки...

ВИКТ НА РОДИНЕ

Здесь, на этом месте, 31 июля 1990, автомашиной, шедшей со стороны г. Радужного в сторону Запаро-Трапезного Лептологического, сбит самый смелый, самый руткой брэнс Айлсори Пеклю Халовста. У аилс была клетка: Коля-Калмеев.

Коля-Калмеев - единственый Коллектор Зеленыи сбит целую утрелю и в шумку Пеклю его лобавко изабил на "Буракан", на "Трансперол", потому что в аилс Пеклю собрал селити Пеклю биллал в карму Пеклю Пеклю

Неужели водител не мог отехать слева или отогнать его с дороги?

1990–1995

Юрий Айваседа – официальный директор Этнографического музея под открытым небом села Варьёган.

1990–1992

Выпускает самиздатовскую газету на ненецком языке «Тильивсама». Впоследствии «Тильивсама» выходит на страницах региональной газеты «Глаголь».

1. 10. 1990

Организовал первый на российском Севере пикет против произвола нефтяников.

ДЕКАБРЬ 1990

При самом непосредственном участии Ю. Вэллы в г. Мегионе открыт музейно-этнографический и экологический парк «Югра».

1991

В Средне-Уральском книжном издательстве (г. Свердловск) выходит первая книга «Вести из стойбища», в г. Радужном – вторая.

АПРЕЛЬ 1991

Первая поездка за рубеж. Министерство нефтяной и газовой промышленности организовало поездку в Канаду с целью определения путей сотрудничества нефтяников с коренным населением Севера. Ю. Вэлла в составе делегации.

ОСЕНЬ 1991

Покупает оленей и уезжает жить на стойбище.

7. 02. 1994

Зарегистрирован кандидатом в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа по избирательному округу № 17. Не прошёл.

1995

Первая премия на Первой Красноярской музейной биеннале за проект «Летнее стойбище оленевода».

МАРТ 1996

В Когалыме проходит Первый съезд Союза оленеводов-частников ХМАО. Юрий Вэлла избран президентом Союза.

В 1996 на священном месте в Нумто проводит ритуал посвящения оленя Президенту.

1996

Принят на работу старшим научным сотрудником Варьёганского архива НИИ возрождения обско-угорских народов (ныне ОУИПИиР: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок).

Организовал у себя на стойбище частную школу. Школа просуществовала до 2009 года.

13. 12. 1996

Решением Координационного совета общественной организации «Спасение Югры» Юрию Вэлле присвоено звание «Вождь племени аборигенов реки Аган».

ФЕВРАЛЬ 1997

Осуществил первый перегон оленей с Ямала для оленеводов Югры (за счёт средств администрации округа). Затем такие перегоны становятся постоянными.

1998

Лауреат премии «За подвижничество» института «Открытое общество» Россия (Фонд Сороса).

20. 07. 1998

Постановлением главы администрации Нижневартовского района Юрию Вэлле присвоено звание «Почётный гражданин Нижневартовского района».

ФЕВРАЛЬ 1999

Принимает участие в семинаре «Коренные народы и нефть» (г. Турку, Финляндия).

1 ОКТЯБРЯ 1990 ГОДА

Организовал первый на российском Севере
пикет против произвола нефтяников.

Юрий Вэлла
Из рассказов о себе

Нефтяники Варьёганнефтегаза начали разрабатывать Западно-Варьёганское месторождение, и на дороге, которая шла на это месторождение, стали пропадать без вести олени, в том числе и олени моего деда, в том числе и мои олени. У меня было максимальное количество в то время – девять оленей. И за одно лето пропали без вести семь, осталось два.

Олени пропадали и раньше, но не было доказательств, вот я к чему веду. Так вот однажды на этой дороге машина задавила оленя. Как рассказывал сам оленевод Теклю: «Когда я туда пришёл, я видел, оттуда тронулась машина. Мне показалось, что они хотели этого оленя погрузить на машину, но увидели меня, не стали трогать, рванули прочь. Даже такое подозрение было, что специально сбили оленя, для того чтобы погрузить и увезти». Но вот он остался на дороге. Ни номера, естественно, ни модели машины Теклю не запомнил. И вот этот случай был уже последней каплей. Мы пришли с фотоаппаратом, зафиксировали, представителей сельского Совета туда привели, и вот на этом месте, чуть-чуть один километр сюда ближе мост есть через реку, – вот прямо на мосту мы поставили пикет.

Однажды я провёл митинг в клубе, теперь не помню точно, было это перед фильмом или концертом... Чтобы заполнить паузу, я объявил митинг в поддержку Луиса Корвалана. А в моём представлении Луис Корвалан... Я его не видел, не знал, но из отрывков фильмов, передач, звучавших тогда, я представлял: «Вот человек протестует против несправедливого отношения к себе, к своему народу, к своим родственникам», и там были снимки: наподобие чумика такого из полиэтиленовых пакетов, чтобы от дождей его защищали. Вот он в таком чумике сидит, и это нечто наподобие пикета, метода протеста.

Вероятно, с этого Луиса Корвалана и началось моё понятие о пикете, наверно, тогда и пришла в голову мысль.

Мы написали плакаты и развесили их там (сейчас хранятся в Варьёганском музее):

«Здесь, на этом месте, 31 июля 1990 года, автомашиной, шедшей со стороны г. Радужного в сторону Западно-Варьёганского месторождения, сбит самый смиренный, самый ручной олень Айваседы Теклю Халовича. У оленя была кличка Кола-Каптчеей.

Кола-Каптчеей – единственный вожак стада. Заменял один целую упряжку, и в шутку Теклю его любовно называл то «Бураном», то «Трактором», потому что в самую трудную дорогу старый пенсионер впрягал в нарту вожаком именно его. Неужели водитель не мог объехать оленя или отогнать его с дороги?».

Я тогда ещё ни законов, ничего не знал, ни тем более закона о демонстрациях. О пикетах понятия не имел, но мне просто-напросто повезло: в пикете участвовали работники исполкома Варьёганского сельского Совета, уже существовавшего тогда. Получается, сама власть участвовала в этом пикете. Сегодня ведь ни один чиновник, ни один представитель власти не пойдёт на такой пикет. А тогда – это же всё наши родственники были.

Прямо на дороге мы поставили чум. Водитель первой машины, которая подошла к этому месту, был шокирован, никогда такого не встречал, грозно на нас поначалу наехал: «Что это вы тут! Ах вы, такие-сякие!». И вдруг увидел: камера на него смотрит. Сразу притих: «Да-да, я вас тоже поддерживаю...». А дорога узкая, даже развернуться ему невозможно, и с другой стороны идёт машина. И они уже сами заткнули дорогу, и остальные машины начали скапливаться с обеих сторон.

Первый раз было очень страшно, когда подошли одна машина с одной стороны, другая с другой, и первый водитель, который так агрессивно себя пытался проявить, – было страшно. Потому что не знаешь, какая будет реакция. Мы же уже насмотрелись телевизоров, как там за границей разгоняют мирные демонстрации. Но страшнее всего было что? Если бы машина не остановилась, а наехала на чум. Ну, что такое чум? Нас было около тридцати человек. Кто-то в чуме находился, кто-то расположился вокруг чума, там был уже костёр, чай пили... Короче, мы вели себя, как будто мы просто так жили. Скопилось около пятнадцати-двадцати машин. Нас уговаривали снять пикет, но мы сказали: «Раз мы задумали – до вечера простоим».

Но к этому пикету мы всё-таки готовились. Среди депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР было несколько человек – представителей коренных народов Севера. Владимир Санги, Еремей Айпин, Евдокия Гайер... Из Бурятии, я помню, один депутат был. Как будто случайно во время нашего пикета оказалась в Радужном и в Варьёгане депутатская группа в командировке. Конечно, я это подготовил. Созвонился, сказал, что такого-то числа мы проводим пикет, вы собираетесь нас поддержать? И вот они, конечно, к этому числу подъехали. Как бы случайно они с собой ещё привезли съёмочную группу центрального телевидения. Подъехала съёмочная группа из окружного телевидения, съёмочная группа из района...

И вот приезжает руководство. Это был первый пикет, когда мы поставили условия, что, прежде чем начинать работать,

надо спрашивать разрешение у коренных жителей, у тех, кто здесь проживает. Власть властью, но всё-таки не власть здесь рыбу ловит, охотится, оленей пасёт, а есть конкретные люди, конкретные семьи. Тогда ещё понятия «родовые уголья» не было, просто мы говорили: «Это наши земли, земли наших предков, наши пастбища, наши рыбные уголья, охотничьи уголья. С этого мы будем кормиться, детей своих кормить, а так как вы приходите, всё меньше и меньше дичи становится, – это надо компенсировать».

Конечно, какие-то фразы нам подсказывали более умные депутаты, они в законах больше разбирались, а что-то исходило от нас, так мы взаимодополняли друг друга. И вот с того момента мы договорились: «Давайте, мы сворачиваем пикет (мы всё-таки до вечера там простояли, раз уж его поставили), а завтра соберёмся в Варьёганском клубе и будем обсуждать всё это». Так вот, на другой день в клубе собрались не только участники пикета – вообще всё население Варьёгана. Клуб был полный. Пришли те же депутаты, чиновники из района, представители от нефтяников Радужного, подъехали геологи из Новоаганска, и мы начали обсуждать.

Первое, что я тогда услышал, – была попытка откупиться за все грехи. Один из нефтяников назвал сумму: «Вот давайте, мы вам платим миллион рублей. Как хотите, так и делите, но с этого момента больше обо всех старых грехах мы от вас слышать не должны». И ведь был соблазн. Потому что в советское время на звук слышать такую цифру – миллион! Это казалось очень солидной суммой. Я теперь-то понимаю, что это тоже был мизер, даже в советское время, когда даже тысячу не всегда имел в руках простой человек.

Всё-таки мы понимали, во всяком случае, я понимал, что это взятка. Потом, в будущем, разговаривать будет сложнее, получив этот миллион.

Самое первое соглашение было нами подписано с Варьёганнефтегазом на разработку Западно-Варьёганского

месторождения. Обговорили и компенсации. Я помню – самая первая строчка была – выделять вертолёт два раза в месяц на облёт по стойбищам с продуктами от магазина, то есть нечто наподобие ларька вылетного, с медицинским работником, с учителем, ну, и проводник. И вот он летает два дня, потом следующие полмесяца ещё два дня. Ещё четыре вылета в месяц – для нужд госпромхоза, на заброску охотников, вывоз продукции и строительство жилья...

ОСЕНЬ 1991 ГОДА

На последнюю зарплату охотника покупает оленей
и уезжает жить на стойбище.

1991–1992 гг. – это был мой последний охотничий сезон. Мне уже не выдали разрешение на охоту. Я прицепил на грудь бумагу с надписью «Лучшего варьёганского охотника не допускают к охоте» и в фойе райисполкома сел. Разрешение мне выписали. Но на охоту мы уже не поехали, а поехали на стойбище к старику Аули.

На стойбище у Аули мы жили год. Сшили чум. Построили у них кораль и начали потихоньку заниматься оленями. А потом уже пошли дела с нефтяниками, пикеты против них, против окружной администрации, сельской... Вот так.

1993 ГОД

...Следующий пикет у нас был, когда начали раздавать собственность, приватизация началась. Нефтяники собрались в Нижневартовске, в конторе Нижневартовскнефтегаза. Мы узнали об этом меропрятии, подъехали с пикетом, с чумом также, на стенках чума висел плакат «При приватизации просим учесть долю коренных жителей». Здесь никто из руководства к нам не подходил. Мы молча отстояли со своим плака-

том. Люди подходили, читали, уходили. Мы никого не звали к себе «Подайте нам такого-то руководителя!».

Потом мы этот пикет повторили в Радужном перед Варьёганнефтегазом. Люди простые нормально нас понимали. А руководство подходило, просило убрать чумы, но никто не был агрессивен. Вообще, хорошее было время послесоветское, более демократичное. Такие демонстрации воспринимались как нормальное явление. У каждого человека, в том числе и у нефтяников, были свои требования. И они могли их выразить. Для нас это было нечто наподобие политико-экономической демонстрации.

Нас попросили, и я сказал: «Пока мы не переговорим с вашим генеральным директором и точно от него не узнаем положительный ответ, что в приватизации будет доля коренных жителей, – мы не уйдём».

Соединили меня по телефону (у меня где-то есть записи, это снималось на видеокамеру, где я разговариваю с генеральным директором):

– Мы, – говорю, – ничего не имеем против, если бы мы, коренные жители, были хозяевами какого-то месторождения, какого-то цеха на месторождении, какой-то части месторождения были бы хозяевами. Доход шёл бы нам, мы бы нанимали на работу ваших рабочих, но зато мы бы управляли процессом. А самое главное требование в работе к вам, как к подчинённым (мы бы Вас наняли генеральным директором, Вы бы управляли процессом, потому что мы всё равно в этом не разбираемся), – это экологическая обстановка вокруг месторождения, потому что мы там сами проживаем.

Если Вы наносите нам экологический вред, значит, мы Вас будем менять. Наймём другого генерального директора, других рабочих, тех, которые будут соблюдать экологические нормы. Это будет первое условие. За это мы готовы большую часть добычи отдавать вам, меньшую часть добычи оставлять себе как хозяева.

Вот такой разговор был. И он тогда пообещал, что сейчас с нашим предложением пойдёт к Черномырдину¹². А я ему: «Вот как Вы выйдете из этого кабинета, принесёте нам ответ, если этот ответ будет положительным, мы после этого готовы снять пикет».

Через некоторое время, я со всеми на улице был, меня вызвали в кабинет, звонит генеральный директор: «Всё, мы договорились, я приеду, мы всё документально оформим. 10% от приватизации собственности на наших месторождениях будет принадлежать вам»...

ОСЕНЬ 1996 ГОДА

Создаёт у себя на стойбище частную школу.

Мысль эта, может быть, была всегда. Может быть, она впервые появилась, когда я был в интернате. В сознании возникал вопрос «почему?». Почему я не дома, не среди оленей, а тут? Я завидовал детям, которых на каникулы родители увозили на стойбище. А мои родители, ставшие колхозными рабочими, лишились оленей. И я всю жизнь испытывал ностальгию по оленю, по семье по оленной, и вот я хотел бы, попытался создать, во всяком случае, такие условия для своих внуков, чтобы у них, в их сознании, такого недостатка не было.

В этом же году в издательстве «Северный Дом» (г. Сургут) под патронажем Лилии Васильевны Цареградской выходит третья книга Юрия Вэллы – «Белые крики: Книга о вечном». Основу её составляют «Вести из стойбища-1» и «Вести из стойбища-2».

---

¹² Виктор Степанович Черномырдин, в 1992–1993 гг. – Председатель Совета Министров Российской Федерации. – *Прим. сост.*

Дело
в прил. № 1
от 20.07.1990

Заведующему № 12/мес
1991
отдела культуры
Нижевартовского районска-
кома и. Ружичу В. П.
от Аibasеги Юрия Килевова
- охотника госпромпхоза
"Охтяурский"

Заявление

Прошу принять меня временно
по совместительству художест-
венным руководителем Варьёган-
ского СДК с 1 июля 1990г. т.к.
по характеру своей деятель-
ности я всё-равно занимаюсь
вопросами культуры и работы
в Варьёгане.

16 июля 1990г.

Из архива администрации Нижневартовского района
Фонд 38. Опись 1. Дело 6. Лист 12.

О принятии художком в СДК по совместительству, 1.07.1990

Ольга Васильева,
народный депутат горсовета Нижневартовска

ПОЧТАЛЬОН «ЖИВЫХ» ПИСЕМ

«Тюменский комсомолец», 5 мая 1990 года

Юрий Вэлла, охотник и писатель из национального посёлка Варьёган, перед тем как отправиться на съезд народов Севера, заглянул в краеведческий музей Нижневартовска, рассказал о своих заботах, планах. Особенно нас заинтересовал его рассказ о регулярных поездках по дальним стойбищам.

Уже второй год объединение «Варьёганнефтегаз» ежемесячно выделяет Юрию вертолёт, для того чтобы он вместе с продавцом и медработником мог проведать стариков-оленоводов, которые живут в своих стойбищах и за 15, и за 150 километров от Варьёгана. 15–20 семей оленеводов живут вдали от своего посёлка, живут там, где есть корм для оленей. Пока ещё есть...

Юра рассказывает, что к полёту готовится целый день. Продавец берёт с собой продукты, промышленные товары, те, что заказывали в стойбищах. Медработник знает болезни, состояние здоровья оленеводов. Он с собой везёт лекарства, а при встрече осматривает, выслушивает жалобы, назначает лечение своим подопечным. Бывает, что продавец не может отлучиться из посёлка, тогда Юрий выполняет функции продавца или просит помочь торговать родственников оленеводов.

Что же заказывают в дальних стойбищах? Да самые обычные продукты – муку, сахар, печенье, пряники, повидло, джем, картофель, лук. Из промышленных товаров заказывают тоже вещи самые простые и необходимые для жизни – сапоги, брюки, халаты, трико, мазь от комаров.

Как видите, для оленеводов и покупка самых необходимых продуктов и предметов может превратиться в большую проблему, особенно в весеннее, летнее время, когда оттаивают болота.

Только Юрий знает местонахождение всех стойбищ, поэтому, чтобы обернуться за день, каждый раз, а вернее – раз в месяц он должен лететь сам. Оленеводы могут сменить место, но Юрий свою тайгу прекрасно знает, знает все места и тропки.

И всё же своей самой главной задачей в этих поездках Юрий Вэлла считает возможность навестить, или, как он говорит, попроведовать оленеводов, которые всю свою жизнь проводят в тайге, вдали от людей. А недавно он стал, по его словам, «почтальоном живых писем», то есть стал записывать на магнитофон послания оленеводов их родственникам, знакомым, с которыми они могут не видеться годами из-за особенностей кочевой жизни. Скоро, в мае, добровольный «почтальон» повезёт ответы на «письма», тоже звуковые.

Когда мне говорят, что северная тема сегодня затрёпана, стала модной, забалтывают её, – я согласна. Согласна с Юрой, когда он говорит, что опасность «забалтывания» в том, что поговорят и забудут, устанут люди от этой темы, а конкретно ничего не сделают для северных народов, для «хозяев тайги». Согласна я с этим, но каждая новая встреча с Юрием Вэллой даёт столько пищи для размышлений, для радости и тревоги, для гордости и грусти, что молчать невозможно. Судьба Юры, его народа, судьба народов Севера тесно связана с судьбой всей нашей страны, со всеми нашими проблемами. И сегодня, когда многие из нас всё ещё продолжают увлечённо «вытряхивать коврики себе на голову», Юрий Вэлла делает свои обычные, добрые, милосердные дела для своего народа.

АГАНСКИХ НЕНЦЕВ ПИСАНИНА

«Ленинская правда», 2 июня 1990 года

Не знаю, как точнее определить назначение этого печатного листка. Листовка? Многотиражка? Стенгазета? Я держу это издание в руках и не перестаю удивляться оригинальной вёрстке маленьких заметок, рисунков. Текст напечатан на ненецком языке, точнее – лесных ненцев с Агана. Называется листок – «Тильивсама», что в вольном переводе означает «аганских ненцев писанина».

Собирает материалы, редактирует их, пишет, рисует, верстает, занимается изданием один человек – поэт, выпускник литературного института, рыбак из Варьёгана Юрий Айваседа (Вэлла).

Выпускать «Тильивсаму» помогает объединение «Варьёганнефтегаз». Листок печатается ксероксом на бумаге нефтяников. Тираж – 50 экземпляров, но оказалось, что этого мало, газет не хватило нескольким таёжным семьям. Юрий Кылевич снова обратился за помощью в объединение, и там пообещали увеличить тираж.

О чём же сообщает второй номер «Тильивсамы»? Айваседа переводит:

– «Пящита-нисы» дословно переводится – «Без леса и реки селение». Это рассказ о моём родном посёлке (Варьёган – его хантыйское название) Аули Кольчевича Иуси. Раньше здесь был процветающий колхоз имени С. Кирова. Оленей держали до трёх тысяч голов. Сейчас еле дышим, для немногих оленей остались «ладошки» ягеля, нефтяники почти всю природу испортили. Сейчас они стараются возместить нанесённый

НЕ"ШАЙ" ВАЧИ ЛУССАҢ ВАТАМАНА КЭ"ТОО"МА

Н Е Н Е Ц К О - Р У С С К И Й   С Л О В А Р Ъ
/ лесной диалект /

По просьбе читателей нашей газеты в нынешнем году постараемся дать некоторые страницы из будущего Словаря лесных ненцев. Автор словаря Мэри Вэлла /л. Вэ"ла/.

Х О М А - хорошо, хороший.
хома"ку, хома"у, хомаути - хорошенький.
хомаы-и! - /какой ты/ хороший, хорошая!
хомаи, хомаи-не - имя женское - хорошая девочка.

Х Э Л А" К У - белый.
хэл - лёд, соль, искристый, белый.
хылу - беленький, милый.
Ава-хылу - мужское имя - голова беленькая, милая.

Ѓ У Т А - рука.
нуташата - безрукий, однорукий.
нутата ненса - дословно: прямирукал, прямирукий - тот,
у кого твёрдая, уверенная рука - мастер, мастерица.
ня"ам"тошшац, ня"амутошшац - берущий, берущийся /рука/.

ВАЛЛА ВАТАМА" ЧИ:

Чуки че"шча-тирхица тас поң каныдо"махаатта Ляху ТЭ"тат /Миваседа Леонид Соболевич/ шигина" кате", хома" нха"та каты - куняц каймы ними"де - да"пчма.

Ку"це" мэвиана", хома" нена" мания" недняна" кышту". шича поң школахана на"шки кайц ватан тата не"шшац ватан тоходамши. Пытшишыта букварта тэшиватамыц кай"куте, ку"це" мэвань"...

ТИДИВСАМА"

ҢАХАҢ НЕ"ШАЙ ПАТНА"МА"

ЧЕ"ШЧА-ТИДИ

№ 1 (7) 1994

И Е М А - обувь, кисы.
невашата - не илешийи обувь, босой,
илем нема - меховая обувь, зимние кисы.
ташац - летняя обувь.
сопа"ки, тонац - русские саногы.
топа"к - внутренние меховые вкладыши для кисов. Иногда так же называют носки.

Ѓ Ы Н - лук.
ишиц - самострел.
ишну"та, ишну"ча - владеющий луком, хороший стрелок.

Л У" К И - стрела, пуля, дробь для ружья.

Ш О М Я - кашпон.
шомя"ку - кашпончик.
шомь"тана, нэвшац - илешийи кашпон, легкая летняя ма-
лица от комаров.
шомь"чац, шомь"чей - меховая верхница для детской ма-
лицы, шьётся из пехки, реже из няцця.
шомья мэ"та - носший кашпон, мужчина.

Х А М А - шапка.
хамь"тана - имеющий шапку.
хамам мэ"та - носящий шапку, женщина.
хамдути, хама"ку - шапочка.

Щ Е Й - сердце.
цей"та - смелый.
цейтэй кати - дословно: сердце умно - испугался.
цей"ку, цей"куути - сердечко.
цей"кота мансда - сердечко /у него/ шевелится - трудолюбивый, подвижный, горячий.

М Ы Й - малица.
мый"тана - малицу носящий.
мыюта" шеджата - малицы /свои вы/ наденьте.
мыюути, мый"ку - уменьшительно-ласкательное от слова "мый".

Н О П А - рукавица.
ноп вель - рукавиц хозяин.
ноптаена - носящий рукавицы.
каша"к - у малых детей вместо рукавиц глухая заглушка без пальца. Такая же заглушка на верхних ушках покрывши чула, куда вставляются пальцы для поднятия, назывался - каша"к, тетнэ каша"к.

Х Ё Й Б - глаз.
тыт хьль - дословно: глаз земли - зерно, крупа.
хьльсаны - глазастый /имеющий глаз/.
хьль"та - глазастый /всевидец/.
хьльтыссу - провидение, провиден.
тыштана - действие для предсказания, предсказатель, провидец, имеющий хьльтыссу.

П Е Ё - лацонь.
пейршац - колотушка для бубна.
пеншац - бубен.
пеншац"тна - бубном пользующийся.
пеншац, пен - блядце.

Т А Ч И Ц Й - сегодня оказалось, что мы многие понятия еще недавно толковали неверно, поэтому я затрудняюсь дать правильный и точный перевод этого слова. Но есть три очень близких синонима: пеншац"тна, хьльтыссу и тыштана /см. выше/, для которых глаголы и объединяющим словом является - Т А Ч И Ц Й.
"шаман" и "тачия" живут в моей душе совершенно разной самостоятельной жизнью, и если хотите понять слово "тачия", не ставьте рядом понятие "шаман".
тачиялри - человек, как-бы владеющий способностями тачия.
тачиятита - человек в данный момент совершающий действия присущие тачия.
тачия"кулы - пренебрежительно-критическое отношение окружающих к тому, кто не имея способностей и дара называет себя тачия.
тачиятти" та"лта тикку - /у меня/ совсем нет способностей тачия.
тачиятха"т катилл - оставшийся из рода тачия, получивший в наследство дар тачия.

Н Ы Т Я - нос.
нытуц нати - нос лодки.
кан нята - передок нарты.
нытац"та" - дословно: дай нос. Это обращение к детям, оно означает: дай я тебя поцелую.
ныцц"нохой - поцелуемол.
нытц"ку - носик.
петацац"нытц"ку - таежный нос.
петацац хацл - таежный нос.

Редактор те"ейцэ" патнамы:
Юрий Вэлла

ущерб. Например, подарили коренным жителям шестнадцать снегоходов, в том числе и деду А. К. Иуси.

Дальше идёт обращение к народным депутатам-коренным жителям создать в сельском Совете депутатскую хантыйско-ненецкую группу.

Басню Крылова «Ворона и лисица» я перевёл на ненецкий лад, то есть её герои ведут себя, как наши таёжные звери.

Ненецкие загадки рисовал сам: небо, звёзды, чум, широкий охотничий ремень с ножом. Найдите ответ: оленья шкура личинкой овода поедена. Это – звёздное небо. Или другая загадка, перевожу дословно: пока дальше иди, а потом встретимся. Ответ: ремень.

И заканчивается номер «Тильивсамы» моим адресом как редактора.

Хорошая идея Юрия Кылевича и благотворительная помощь нефтяников, несомненно, делают большое политическое дело. Сейчас «Тильивсама» распространяется среди жителей Агана и Варьёгана, лесных ненцев Пуровского района Ямало-Ненецкого округа. Заинтересовалась этим печатным изданием окружная ненецкая газета соседнего округа «Нарьян-Нгэрм». Самое же главное – всё растущий авторитет среди коренного населения.

ТРЕТИЙ НОМЕР «ТИЛЬИВСАМЫ»

«Ленинская правда», 7 августа 1990 года

Дошёл до жителей ненецких стойбищ и деревень нашего округа и Ямало-Ненецкого очередной, третий номер печатного издания «Тильивсама». В нём рассказано о составителе букваря лесных ненцев Леониде Соболевиче Айваседе,

Из архива семьи Айваседа

народном этнографическом музее в Варьёгане, заборных людях, то есть тех, кто добывает рыбу с помощью запирающих речку устройств. Как обычно, опубликованы загадки и стихи Юрия Вэлла. Иллюстрирован выпуск великолепными снимками нижевартовского фотожурналиста Николая Гынгазова.

Известность «Тильвивсамы» давно уже переступила границы Варьёгана, где живёт её составитель и редактор Юрий Вэлла. Если первый выпуск составлял всего пятьдесят экземпляров, то на четвёртый уже заказано сто двадцать.

Шире стала и география распространения издания. Сейчас его читают в Варьёгане, Югане, далёких посёлках Ямала, Халясавэй, окрестностях города Тарко-Сале, многочисленных стойбищах. Объединение «Варьёганнефтегаз» – меценат «Тильвивсамы» – дало согласие на увеличение тиража. Таким образом, ненцы, живущие в тайге, получают возможность узнавать о новостях жизни своего народа, сохранять своё литературное богатство, повышать уровень знаний. Каждый может выступить в «газете» по интересующей его проблеме.

ОЛЕНЬ МОЙ СМИРНЫЙ БЫЛ...

«Ленинская правда», 15 декабря 1990 года

О том, что ханты и ненцы пикетировали шоссе на Западно-Варьёганское месторождение, «Ленинская правда» уже писала. Тот отчаянный факт был предостережением нефтяникам, требованием относиться к коренным жителям на равных, не травить природу, не убивать домашних оленей. Что послужило поводом для пикетирования, написала «Тильвивсама», печатный орган лесных ненцев. Редактор Юрий Вэлла дал почти дословный перевод рассказа-плача Теклю Айваседы.

На фотографии А. Т. Айваседы олень, сбитый машиной, и уходящий по дороге автомобиль. Это – фотообвинение. Увидев мёртвого оленя, старый Теклю вопрошает неизвестного водителя: «Ты, управляющий машиной, у тебя что, глаз нет, ума нет? Олень мой смиренный был, потому и к людям на дорогу вышел. Почему ты его задавил? Наверно, похулиганил, что же ещё? Если бы ты с голода умирал, то кусок мяса отрезал. И я бы не стал ругаться. Зачем ты это сделал?».

Под скорбными вопросами старика призыв народного депутата Ю. Айваседы перекрыть дорогу на Западный Варьёган. Все беды, обиды, перенесённые аборигенами от нефтяников, олицетворяющих всех работающих в тайге промышленников, прорвались многочисленным пикетом в том месте, где был задавлен вожак немногочисленного стада. «Много машин соберётся, прервётся работа промыслов, может, тогда и задумаются нефтяники о том, как живём мы, хозяева края», – пишет народный депутат.

Как мы знаем, его призыв возымел действие. На шоссе сошлись, съехались на оленях, «Буранах» десятки людей. И хотя больших перемен в отношении к аборигенам не произошло, ЧП на дороге заставляет ведомства пересмотреть систему своей деятельности в тайге.

Этот выпуск «Тильвсамы» впечатляет не только обличительным снимком Александра Тыклевича, но и замечательными рисунками национальных кукол Альфеи Мухаметовой. Они иллюстрируют воспоминания Л. С. Айваседы о рыбаках Пящиты (ненецкое название реки Варьёган): «Раньше мы после рыбалки собирались у костра чай варить, песни петь, сказки рассказывать, а я слушал и запоминал. Сейчас – совсем другое: либо пьянствуют, либо рассказывают о вчерашней пьянке».

Готов к изданию очередной выпуск «Тильвсамы».

Николай Сваровский
Варьёган – Радужный – Москва

ПИКЕТ

«Северные просторы», 1991, № 39

Тридцать имён выписаны столбиком, одно под другим. Здесь перечислены мужчины, женщины и дети – жители таёжного села Варьёган. Они погибли под колёсами машин, от огнестрельных и ножевых ран, от иных неустановленных причин в течение двадцати с небольшим лет, с тех пор как началось «освоение» тюменского Севера. Последним значится школьник Саша Усанов, по национальности ханты, сбитый автобусом в прошлом году¹³.

Список приколот к серому от солнца и непогоды брезенту – крышке чума. Рядом плакат: «Водители, не давите нас, пожалуйста, машинами!». Необычное «оформление» таёжного жилья. Но и сам чум необычен. Он установлен не в глухих лесных дебрях, а на железобетонном мосту, на оживлённой трассе, по которой обычно с шумом проносятся тяжёлые машины, гружённые трубами. Это – пикет.

Ханты и ненцы, живущие в Варьёгане, решили прервать на несколько часов движение по дороге, соединяющей город нефтяников Радужный с Западно-Варьёганским месторождением, чтобы таким способом обратить внимание на свои проблемы.

Последний олень

«Прекратите уничтожение домашних оленей!».
«Не разоряйте могилы наших предков».

---

¹³ Статья представлена в сокращённом варианте.

«Варьёганскому сельскому Совету – статус национального Совета».

«Нефтегазовые монстры – руки прочь от Ямала!».

Эти лозунги – из десятка других, установленных рядом с чумом. Участников пикетирования – человек сорок: мужчины в малицах, женщины в ягушках и пёстрых платках... Недовольство своим бедственным положением, беспардонным хозяйничаньем в тайге геологов и нефтяников накапливалось давно, но непосредственным поводом к пикетированию послужили события прошедшего лета.

31 июля на этой самой дороге автомашина сбила оленя. Такое случалось и прежде. Трудно утверждать, будто все наезды были случайными: нередко шофёры животных увозили. На этот раз раздавленный олень остался лежать на бетоне, что, правда, не могло утешить его хозяина, старика ненца Теклю Айваседа. Сбитый бык – последний из его переставшего существовать стада. А ещё недавно было в нём 23 животных. И все пропали – задавлены, застрелены.

Старый таёжник лишился последней возможности вести хозяйство. На своём быке он и на охоту ездил, и на рыбалку. Видимо, такой драматичный поворот событий и всколыхнул Варьёган. Ведь за последние полтора года исчезли не только остатки стада Теклю Айваседы: были обезглавлены два оленя у Андрея Казамкина (головы с рогами увезены, туши брошены и прикрыты хвоей), убит олень, принадлежавший Аули Иуси (туша увезена, голову нашли в муравейнике), застрелен олень Григория Казамкина. Хотя стрелять в местных оленей, которые все – домашние, диких здесь давно нет, равнозначно охоте с ружьём на коров в средней полосе.

Чаша терпения жителей Варьёгана переполнилась. Все накопившиеся обиды прорвались наружу. Гибель последнего оленя Теклю Айваседы показала, что они, коренные жители этих мест, загнаны в угол. Промысловые угодья оказались в результате развития нефтедобычи, в сущности, уничтоженными.

А туда, где ещё что-либо осталось, нагрянули многочисленные «пришельцы». Они вылавливают рыбу, отстреливают зверя, выгребают клюкву и бруснику из ягодников, лишая коренное население основных источников существования.

Однако мог бы, как мне кажется, рассосаться и этот «оленин кризис», не будь в среде варьёганцев человека, озабоченность которого общим положением своих земляков перевесила груз обыденных житейских хлопот.

Знакомство с Юрием Кылевичем

Вечером накануне «акции» на мосту в сельсовете собралось человек двадцать, чтобы оговорить ход предстоявшего пикетирования. Среди них были, естественно, и местные, варьёганские руководители, и сочувствующие депутаты горсовета из соседнего Радужного, представители местной прессы и десант из Москвы: член Верховного Совета СССР хантыйский писатель Еремей Айпин, приехавший к своим избирателям, президент Ассоциации малочисленных народов Севера Владимир Санги, ряд ответственных работников, «причастных» к конфликту союзных министерств – нефтепрома и леспрома, и несколько журналистов. По рукам ходил номер Нижневартовской газеты «Ленинское знамя» с материалом «Не убивайте наших оленей!», где были изложены 17 требований инициативной группы по пикетированию дороги.

Внимание привлёк коренастый ненец в щегольской серой курточке. Напористо и складно он стал рассказывать, что к завтрашнему мероприятию всё готово и утром его участники отправятся на место в автобусе, который обычно использует группа шведского телевидения.

– Зачем искусственно раздувать пожар? Зачем выходить на международный уровень? – задал вопрос представитель Миннефтегазпрома, бывший партийный работник из Ханты-Ман-

сийского округа. В его словах прозвучала жёсткая укоризна: привлечение иностранцев – явная политическая ошибка. Кто из наших соотечественников не дрогнет перед таким обвинением? Но этот ненец в курточке, как хороший боксёр, «держал удар»:

– Вы так не со мной, а с «Варьёганнефтегазом» разговаривайте. Меня же не политика заботит, а как нам, местным жителям, выжить.

«Видимо, это лидер Варьёганского отделения ассоциации «Спасение Югры», – подумалось мне. Но после совещания гостей пригласили в местный этнографический музей. В приземистой, но просторной хантыйской избышке всё тот же человек в лёгкой курточке разжёг огонь в глиняном очаге-чувале и вдохновенно стал рассказывать о традиционном быте таёжников-ханты и их обычаях. «Наверное, это хранитель музея», – предположил я, вспомнив, как по-хозяйски он гремел замком, отпирая дверь.

Оказалось, мои догадки не далеки от истины. Но чуть позже я узнал, что Юрий Айваседа к тому же депутат сельсовета, главный редактор и единственный выпускающий газеты «Тильвсама» – небольшого ксерокопированного листка, выходящего на языке лесных ненцев. «Я – общественный деятель», – так ответил Юрий на вопрос «А чем вы занимаетесь?». И, пожалуй, это понятие наиболее полно объединяет все те разнообразные добровольные обязанности, выполнению которых он отдаётся с поразительной энергией и увлечением. К тому же, Айваседа, выпускник заочного отделения Литературного института, пишет и печатает стихи. Скоро в Свердловске должна выйти его первая книга.

А ещё 42-летний Айваседа, отец четырёх дочерей, числится охотником в варьёганском отделении госпромхоза «Охтеурский». В зимние месяцы он в одиночку охотится километров за триста от дома, добывая по два-три десятка соболиных шкур. Вместе с небольшой, но постоянной зарплатой жены это позволяет сводить концы с концами.

Когда у старика Теклю сбили оленя, варьёганцы собрались обсудить, что же в конце концов делать. Тогда и родилась идея пикетировать дорогу. Но чтобы её воплотить, потребовалась вся энергия, изобретательность, организаторский и даже проповеднический дар Айваседы.

Тем временем поводы для недовольства не иссякли. Какие-то «шутники» разрыли свежую могилу и посадили покойника-ханты на берегу реки с удочкой... На другое стойбище приехал мощный «Урал», и шофёр с товарищем стали угощать хозяина... Когда тот проснулся, то обнаружил, что гостей и след простыл, а с ними исчезло всё содержимое лабаза: зимняя меховая одежда на всю семью, олени шкуры, разнообразные припасы и даже полбочки солёной рыбы... За несколько дней до пикетирования у местных жителей было украдено полтора десятка мешков с клюквой (примерно на 2,5 тысячи рублей), сложенных по обыкновению сборщиками ягод на болоте, перед тем как их вывезти...

Но почему всё же «шведский» автобус? Признаюсь, этот вопрос и меня интересовал. Оказалось, речь идёт о «вахтовке», арендованной группой шведского телевидения, которая в здешних местах снимает фильм о жизни ханты и ненцев.

– Конечно, можно было и в нашем госпромхозе автобус попросить, – объяснил мне Юрий Айваседа. – Но там могли и отказать – повод всегда найдется. А это усложнило бы взаимоотношения в будущем – мы все вместе здесь живём и работаем, лишние трения ни к чему. Со шведами всё проще: они нас везут, а мы им создаём «режим наибольшего благоприятствования» при съёмках.

Это признание как-то особо расположило меня к Юрию. А познакомившись с ним ближе, я понял, что он способен слышать и понимать своих оппонентов, обходить острые углы, идти, когда необходимо, на компромисс. Словом, в преддверии намеченной акции энергия Юрия Кылевича и его трезвый подход к делу представлялись мне основной гарантией успеха.

Отодвигаться некуда!

Чум на мосту через неширокую речку Лухкопл поставили за несколько минут. Только успели развернуть плакаты – с двух сторон подъехали грузовики. Водитель одного из них молча и сумрачно разглядывал неожиданно возникшее препятствие, потом зло сплюнул и пошёл разворачивать свой ЗИЛ, благо песчаные обочины это позволяли. Пассажиры другой машины стали объяснять, что вот их-то надо непременно пропустить: они едут разбирать завалы на реке – именно ассоциация коренных народов «Спасение Югры» добилась от нефтяного ведомства согласия на расчистку речек, и вот теперь пикетчики вынуждены одну из выделенных для такой работы команд задержать. Ведь стоило дать этой машине миновать заграждение, как остальные хлынули бы за ней.

Промысловики – народ крутой. Несколько часов простоя на дороге – это для них и невыполненные производственные задания, и поломанные планы на весь день, и потеря в заработке. Словом, решение никого не пропускать далось нелегко. Но оно говорит о чрезвычайно серьёзном настрое жителей Варьёгана. Прежде они уступали «пришельцам» во всём. Ситуацию с наибольшей полнотой описал всё тот же Юрий Айваседа: «Нам сказали сначала: подвиньтесь немного, здесь будет город. Мы подвинулись. Потом сказали: подвиньтесь ещё – здесь нефтепромысел будет. Мы отодвинулись. Нам опять говорят: дорогу строить надо. Мы опять отодвинулись... Теперь буровики пришли на правый берег Ампуты. А отодвигаться уже некуда, земли больше нет! Что нам делать?».

Здесь, на мосту, я понял, что ошибался. Оказалось, затея с пикетом – дело рук и энергии не только Юрия Кылевича. Его односельчане, представители пяти основных родов Варьёгана: Казамкины, Иуси, Сардаковы, Айпины, Айваседы – все, мужчины и женщины, молодые и пожилые, были в толпе, горячо объясняли собравшимся, почему они загородили дорогу...

...Часа в четыре, когда всё вокруг потускнело в преддверии сумерек, чум и плакаты были быстро свёрнуты. Взрели застоявшиеся в заторе грузовики (я насчитал до шестидесяти машин с каждой стороны). Варьёганцы тесно набились в прежний «шведский» автобус и, обсуждая пережитое, покатили домой. По дороге подобрали несколько односельчан с мешками, набитыми брусникой. Их вид напомнил, видимо, всем пассажирам о каждодневных заботах. Оживление постепенно иссякло. И казалось, завтра всё пойдет по-прежнему.

Поиски выхода

Назавтра, однако, варьёганцам было не до работы. Волна, поднятая пикетом, не улеглась в тот же день. С утра село заполнили «волги» и «газоны» – прибыло руководство: первые лица двух могущественных местных организаций – «Варьёганнефтегаза» и Нижнеаганской геологической экспедиции, а также начальники различных АТП, УТТ и т.д.

Человек тридцать. Такого представительного собрания стены здешнего клуба ещё не видывали. Затея с чумом на мосту оказалась далеко не напрасной. Жители села, те, кто хотел, высказали всё, что у них накопилось. Их гости, отдадим им должное, терпеливо слушали.

Основные требования варьёганцев сводились к следующему... Написав эту строчку, я понял, что сейчас начну по своему разумению отделять самое важное от не самого. Но с руки ли мне, человеку постороннему, браться судить – что для местных жителей главное, а что второстепенное? Что, скажем, на первом месте: возмещение пенсионерам и другим людям стоимости загубленных оленей или переподчинение Ханты-Мансийского автономного округа непосредственно Российской Федерации, минуя область? Взять хотя бы вопрос об использовании приезжими охотничьего оружия. Руково-

дители геологов и нефтяников обещали наладить контроль за водителями (сегодня почти в каждом грузовике «на всякий случай» имеется заряженная двустволка), за бригадами на буровых. Вроде бы согласие достигнуто. Но не нужно быть провидцем, чтобы представить, как со временем такие частные запреты рассосутся или приобретут какую-нибудь чудовищную по бессмысленности форму.

Как же всерьёз решить эту, казалось бы, частную проблему? Представляется, что необходимы специальные решения сельских, окружных Советов, причастных ведомств и, конечно, ратификация парламентом Конвенции 107 о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах, принятой ещё в 1989 году Международной организацией труда. Кстати, пункт о ратификации входил в свод требований, выдвинутых пикетчиками. Думаю, положительное решение вопроса о собственности на традиционные угодья (а принятие российского закона о земле внушает надежды) поможет снять напряжённость, растущую на Севере год от года, расставить многое по своим местам.

О необходимости регистрировать в сельсовете все предприятия, осуществляющие свою хозяйственную деятельность на его территории, шла речь и на собрании. Регистрация и заключение договора – основные звенья системы взаимоотношений между земледержателем и землепользователями. Благодаря им местные жители смогли бы на правовой основе влиять на могущественные организации, хозяйничающие в тайге пока бесконтрольно. И иметь от такого сотрудничества определённые выгоды.

Собственно говоря, Варьёган такие выгоды уже имеет. Например, объединение «Варьёганнефтегаз» с 1987 года на основе соглашения о компенсационной помощи построило здесь 20 двухквартирных домов с паровым отоплением, холодильник для ягод, рыбы и кормов на 100 тонн, цех по переработке ягод и грибов, подвело к центру села дорогу, передало

сельсовету вахтовый автобус и перечисляет ему ежегодно около 300 тысяч рублей. Помогает и Нижнеаганская геологическая экспедиция. Отчасти благодаря этому жизнь в Варьёгане выгодно отличается от положения, скажем, в ненецких стойбищах, расположенных севернее, в бассейне реки Пур.

Но как принято в нашем Отечестве, разумные шаги предпринимаются позже, чем нужно. Самосознание коренных жителей, недовольство ситуацией, сложившейся на их земле, растут быстрее, чем дают о себе знать результаты компенсационной помощи. Её размеры и темпы оказались сегодня уже недостаточными.

Хотя у нефтяников свои сложности. Государство забирает у них нефть, выплачивая по 23 рубля за тонну при себестоимости 32 рубля. То есть дело, во всём мире чрезвычайно прибыльное, в нашей стране оказалось планомерно-убыточным. И прибывшие на переговоры представители – мужчины в добротных костюмах – были, в сущности, банкротами, вынужденными ходить по московским коридорам власти с протянутой рукой – тоже своего рода показатель нищеты, отличающейся, правда, от той, в которой прозябают варьёганцы. Вот как своеобразно переплелись проблемы людей, собравшихся в сельском клубе.

В конце концов обсуждение сосредоточилось на суммах и порядке компенсационных выплат. Денежные вопросы всегда непростые. Тот, кто раскошеливается, хочет знать: кому платить, сколько, за что и какие выгоды в конце концов светят? Однако корень проблемы прояснился, как мне показалось, в реплике начальника Нижнеаганской геологической экспедиции В. Габриэляна: «Здесь собрались руководители местных организаций. Если мы сейчас, посоветовавшись, скинемся и наберём для Варьёгана полтора миллиона рублей – все вопросы будут сняты?».

Понятное дело: откупиться от местных сложностей – решение самое простое, хотя и не так уж легко осуществимое.

Не исключено, что именно такую тактику выберут наступающие на тайгу ведомства. Спасёт ли это природу от уничтожения, а коренное население от деградации? Скорее всего – нет.

В каком направлении вести поиски выхода? Их русло обозначено многими из требований, выдвинутых пикетчиками. Понятно, весь клубок проблем не развязать единым махом ни в сельском клубе, ни в окружном Совете, ни на Съезде народных депутатов. Для начала надо его осознать. И такой процесс вроде бы начался. Чум на мосту я воспринимаю как знак грядущих перемен. Перемен, в которых местные жители будут полноправными действующими лицами.

Юрий Вэлла

«Ленинское знамя», 2 ноября 1990 года

Я ОБЪЯВЛЕН БРАКОНЬЕРОМ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Недавно в здании Совета народных депутатов появился человек с транспарантом. Это был Ю. Айваседа (Ю. Вэлла) из Варьёгана. Он, коренной житель этой земли, протестовал против того, что объявлен на своей земле браконьером.

Усилиями работников райсовета этот конкретный конфликт удалось исчерпать. Но есть ли гарантия того, что в собственном доме, под своей крышей ханты, манси и ненцев, столь опасные симптомы не повторятся снова?

– Зовут меня Айваседа Юрий Кылевич (Ю. Вэлла). Ещё вчера был одним из лучших охотников госпромхоза «Охтёрский», а сегодня человек без определённого занятия, без средств для существования.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

Летом 1988 года начал создавать этнографический музей в Варьёгане. Но как я мог заниматься таким серьёзным делом, одновременно работая на государственном предприятии? Поэтому написал заявление на имя своего директора И. Д. Танина, где просил освободить меня от работ без выплаты зарплаты на летнее время для строительства музея, оставив за мной только право охотиться в зимнее время. В том же заявлении написал, что согласен, если дирекция за зимнюю охоту мне в трудовую книжку будет записывать вместо одного календарного года полгода трудового стажа.

Заявление через полтора месяца получил обратно, но на нём стояла подпись не директора, а заведующего отделом кадров, председателя профкома А. Н. Ситниковой, которая гласила: «Законодательством не предусмотрено, отклонить».

Осенью, в сентябре, было открытие музея. На первую экскурсию пришли советские работники округа, приехавшие в Новооганск на семинар. Впереди колонны шествовал мой директор И. Д. Танин с мегафоном в руке и с гордостью объявил, что первый национальный музей создан при госпромхозе. Действительно, управляющий Варьёганским отделением С. В. Мшенский в тот год выделил для строящегося музея несколько досок, несколько брёвен и на день трактор для подвоза жердей, заготовленных школьниками. Внимание, уделённое музеем директором и управляющим, я посчитал одобрением моей работе по возрождению культуры ханты и ненцев.

Зимой я снова, как каждый год до этого, отправился на охоту, так как это являлось основным средством к существованию. Других зарплат я не имел, строительство музея велось по моей личной инициативе и только на общественных началах.

Наступило лето 1989 года. Кроме работ на музее я взвалил на себя дополнительную нагрузку: стал обслуживать на вертолёте объединения «Варьёганнефтегаз» наших пенсионе-

ров, стал привозить к ним на стойбища продавца с ларьками и медицинского работника. Эта работа тоже велась на общественных началах без какой бы то ни было оплаты. Мшенский обещал вопрос с оплатой как-нибудь решить.

Но летом 1989 года начались другие трудности. С. В. Мшенский потребовал от меня официального документа, то есть приказа директора об освобождении меня на летнее время на строительство музея и прочие общественные работы. Тогда я свёл вместе директора И. Д. Танина и управляющего С. В. Мшенского и предложил им решить мой вопрос, ещё раз подчеркнув, что я не требую никакой оплаты.

Получился такой диалог:

Я: – Иван Дмитриевич, управляющий требует от меня официального приказа.

Танин управляющему: – Зачем тебе, Сергей Викторович, приказ?

Мшенский: – Что-то в табель ему надо писать. «Восьмёрки» или прогулы?

Я: – Что хочешь, то и пиши. Ведь если ты мне напишешь «восьмёрки», я за них не получу ни одного рубля, потому что у меня работа сдельная: сколько продукции сдал, за то и получил.

Мшенский: – Мне нужен приказ для порядка, чтобы другим неповадно было.

Танин: – Брось, не нужно никакого приказа. Освободи на лето своей личной властью. Я согласен...

Я посчитал инцидент исчерпанным. И действительно, лето доработал на музее, а на зиму снова уехал на промысел на охоту. Охотился, видимо, неплохо, потому что в 1989 году получил «свидетельство», в котором говорится, что Ю. К. Айваседа признан лучшим охотником госпромхоза. Я не сдавал пушнины больше всех, всего-навсего был постоянно в пятёрке лучших. Не потому, что не мог больше добывать зверя, а потому, что участок не мог дать больше.

Общение с научно-исследовательским институтом охоты и звероводства не прошло для меня даром. Правильное сочетание способов добычи и сроков охоты позволило на участке создать условия естественного отбора, способствующие поднятию сортности соболя. Так, за пять лет охоты на одном и том же участке средняя стоимость шкурок сдаваемых мной соболей поднялась с 65 рублей в 1986 году до 100 рублей в 1990 году. Кроме того, более-менее сохранена численность соболя на участке, тогда как у соседних охотников произошло переопромысление угодий, и уже в начале нынешнего года они стали просить охотоведа прирезать им участки от моего.

Я так организовал свою работу, что за зиму был на промысле всего два месяца, а остальное время высвободил себе для учёбы в Литературном институте и для общественной работы, сдавал же пушнины не хуже лучших охотников. А что важно государству: получать от меня соболиный мех или все восемь часов ежедневно видеть меня на рабочем месте и при этом быть последним работником?

Но с наступлением лета 1990 года всё повторилось сначала, только к приставам С. В. Мшенского присоединились охотоведы Спицын, Карманов и молодой, недавно прибывший в Варьёган охотовед.

Я снова свёл вместе директора И. Д. Танина и управляющего С. В. Мшенского. Директор был уже раздражён:

– Да мы же договорились в прошлом году, ведь я не против работ на музее.

Управляющий, ставший за это время ещё и председателем сельского Совета, настаивал: «Мне нужен официальный приказ».

Танин ответил Мшенскому: «Хорошо, готовь текст приказа, я его подпишу, и пусть создаёт свой музей».

То ли товарищ Мшенский не готовил приказ, то ли готовил, но не тот по содержанию, но через некоторое время вышел совершенно другой приказ, запрещающий мне охотиться на угодьях.

Четыре раза я ездил в контору госпромхоза к Танину, чтобы он отменил этот противозаконный приказ. Противозаконный – потому что я являюсь депутатом сельского Совета, а Варьёганский сельский Совет разрешения на перевод на другую работу депутата Ю. К. Айваседы не давал. И. Д. Танина на месте я не застал, а разговор с заместителем у нас не получился. Он заявил, что постарается меня к охоте в нынешнем сезоне не допустить, а если я самовольно поеду на угодье, то с бригадой дюжих охотоведов специально поедет меня отлавливать как браконьера.

23 октября я вернулся из последней командировки с заседания Совета Ассоциации народов Севера. Зашёл к молодому охотоведу, чтобы получить план-задание на промысел и заказать вертолёт для заброски на охоту, но он заявил, что к охоте меня не допускает и план-задание выписывать не собирается.

Таким образом, я лишён сегодня любимой работы, единственного средства к существованию – права охоты, не допущен к промыслу, и, наверное, мой участок сейчас передаётся другому охотнику. С другой стороны, мне не предоставлена иная «хозработа в посёлке», о которой гласит приказ № 94-п, и поэтому сегодня у меня вынужденный простой, я равен по правам безработному, хотя трудовая книжка моя всё ещё находится в госпромхозе «Охтеурский».

ТРЕБУЮ:

1. Пусть мой директор И. Д. Танин придёт и лично мне объявит, что он пошутил, что он никакого устного согласия на освобождение меня для работ по созданию музея не давал, что я наивный дурачок.

Или должен отменить приказ № 94-п от 2 августа 1990 года и лично мне об этом сообщить.

2. Пусть мой директор И. Д. Танин при мне и в присутствии управляющего Варьёганским отделением даст указание моему непосредственному охотоведу допустить меня к охоте, и пусть мой охотовед вручит мне план-задание и продлит срок действия охотничьего билета.

3. Если приказ № 94-п будет директором отменён, я не требую денежной компенсации за счёт моего предприятия за вынужденный простой. Но если директор посчитает нужным выплатить мне её за счёт непосредственных виновников, от такой компенсации не откажусь.

ПРИМЕЧАНИЕ: если директор И. Д. Танин выберет для выполнения первую часть первого пункта моих требований, то остальные пункты обязательному выполнению не подлежат. Кроме того, пункт третий обязательному выполнению не подлежит в любом случае.

Ю. АЙВАСЕДА,

депутат Варьёганского сельского Совета, председатель Варьёганской ассоциации ханты и ненцев, редактор газеты аганских ненцев «Тильивсама», гл. хранитель этнографического музея, член Совета Ассоциации народов Севера Советского Союза от этнической группы лесных ненцев – все должности с правом работать на общественных началах.

СЕГОДНЯ Я ОХОТНИК БЕЗ ПРАВА ОХОТЫ НА СВОЁМ УЧАСТКЕ!
ВМЕСТО МЕНЯ НА МОИ УГОДЬЯ СЕГОДНЯ НАНИМАЮТ ПРИЕЗЖИХ ОХОТНИКОВ!

Шейн Скотт

Перевод с английского Л. Тимошенко

АБОРИГЕНЫ

«Местное время», 28 марта 1991 года

Юрий К. Вэлла соскакивает со своего стула, показывая, как надо охотиться на соболя на снежных просторах Сибири.

– Ты видишь следы, пересекающие тропу, и у тебя здесь, – он дотрагивается до своего лба, – включается компьютер. Ты

вычисляешь, куда они идут, как долго – и преследуешь их. Ты должен перехитрить их. Ты должен чувствовать, как зверь, всегда настороже.

Охотник и поэт Юрий Вэлла, вероятно, единственный выпускник престижного московского литинститута им. А. М. Горького, который проводит зимы в лесу при 30-, 40- и 50-градусном морозе, живёт в чуме (вигвам из шестов и шкур животных).

Он среди десятка коренных жителей Сибири, которым удалось перекинуть мост в европейскую Россию и рассказать там о трагедии аборигенов Севера, свидетелем которой он является.

– Вы можете говорить, что разрушена природа, и это так. Вы можете сказать, что законы не слишком хороши. Вы можете утверждать, что правительство плохое. Но когда вы спрашиваете: «Почему, почему, почему, почему?» – вы снова возвращаетесь к самому человеку, – говорит 42-летний Вэлла.

– Мы выродились, – говорит он. – Мы растеряли свои представления о хорошем и плохом, о прекрасном – и всё от влияния цивилизации, как это ни странно. – Этнически м-р Вэлла – ненец, представитель племени охотников, рыбаков и оленеводов, разбросанного по территории размером с Западную Европу. Его увлечение литературой началось с ненецких народных сказок, рассказываемых его бабушкой. Она умерла, когда ему было 17.

Ненцы числом в 30 000 человек – это самая большая из почти 26 выживших коренных национальностей Севера, Сибири и Дальнего Востока, которых по переписи 1989 г. 197 тыс. человек. Среди коренных национальностей Севера – ханты и манси, селькупы, юкагиры и другие. Многие боятся, что этот перечень станет короче, по мере того как многие этнические группы исчезают с лица земли вместе со своим языком и традициями. Как и американские индейцы или аборигены севера Канады и Аляски, они напуганы противоречивыми силами, которые принёс прогресс в эти когда-то нетронутые земли.

Главная сила – это нефтяная и газовая промышленность, которая бурно развивается с конца 60-х годов, не задумываясь

об окружающей среде, убивая древние леса и отравляя сотни тысяч квадратных миль охотничьих и рыбацких угодий.

– Более 1 миллиона тонн нефти ежегодно разливается по тайге и тундре Западной Сибири, – сказал на заседании Верховного Совета позапрошлым летом биолог Николай Воронцов.

– Все эти экологические беды прежде всего наносят ущерб коренному населению. Мы должны помнить, что оно имеет особые права на эти территории, – сказал м-р Воронцов, который возглавил комитет по охране окружающей среды.

На жизни аборигенов сказывается плохое развитие жилищного строительства, социальных служб и здравоохранения, которые плетутся далеко позади средних советских показателей и катастрофически отстают от западных.

Даже в местах постоянного проживания коренного населения только один дом из двухсот имеет водопровод и один из тридцати – газ. Заболеваемость туберкулёзом среди местных жителей в пять раз выше, а продолжительность жизни на 10 лет короче, чем в целом по России.

И, наконец, алкоголь, принесённый цивилизацией, деморализовал местных жителей, разрушил то, что осталось от жизни племени и традиций.

– А вместо водки – говорит м-р Вэлла, качая головой, – мужской одеколон. Он дешевле, чем водка, и крепче её.

Сам м-р Вэлла имеет множество профессий: строительный рабочий, печник, рыбак, фермер, профессиональный писатель. Он живёт вместе с женой, которая иногда охотится с ним, четырьмя дочерьми, двумя зятьями и двумя внуками в двух сдвоенных деревянных домиках в деревне Варьёган с населением в 300 человек. Он себя называет лесным ненцем. И ненцы тундры, и лесные ненцы принадлежат к одной этнической группе, но на самом деле их разделяет целый мир.

– Для ненецкого народа житель леса – южанин, – говорит он. Юг, конечно, в этом случае – понятие относительное. На-

пример, деревня Варьёган находится на юге Арктического круга.

Он сам только открыл для себя многообразие своего народа на недавнем съезде ненцев, где обнаружилось такое разнообразие диалектов у различных племён, что им легче было разговаривать по-русски.

Я взял интервью у м-ра Вэллы, когда он возвращался с этого съезда, и ему предстояла пятичасовая поездка по асфальтированной дороге, а затем до деревни он добирался попутным транспортом.

Еремей Айпин, писатель-ханты, избранный в позапрошлом году в советский парламент, ярко описал в «Московских новостях» конфронтацию между нефтяной промышленностью и своим отцом, 76-летним охотником.

Одной январской ночью несколько лет назад старик возвращался домой в санях, запряжённых оленем, как вдруг грузовик перерезал ему путь. Двое мужчин спокойно вышли из него, схватили старика, стащили с ног меховые сапоги ручной работы и уехали, а он добирался домой в морозной темноте в носках.

– С тех пор, – вспоминает м-р Айпин, – пришельцы ворвались в жилище деревни, где жил отец, и украли всю меховую одежду; люди из неподалёку расположенного лагеря лесорубов украли сани с тремя собаками; лесорубы же вырубili все деревья на родовом кладбище, где он думал, что его похоронят...

– Верните мне мою землю, где я могу пасти оленей, охотиться, ловить рыбу, – говорит отец м-ра Айпина. – Верните мне мою землю, где на моих оленей не нападают бездомные собаки, где мои охотничьи тропы не вытаптывают браконьеры и не загрязняют транспорт, где в реках и озёрах нет нефтяных плёнок. Мне нужна земля, где мой дом, моё святилище (алтарь) и кладбище останутся неприкосновенными.

– Ещё более трагична судьба молодого поколения, – писал м-р Айпин. – Наш род вымер, и, как я понимаю теперь, от чувства обречённости и покорности. Почти все мои двоюродные

и троюродные братья и сёстры умерли в возрасте от 35 до 40 лет от алкоголизма.

По иронии судьбы м-р Вэлла связывает эпидемию алкоголизма с основной программой помощи коренному населению. Начиная с 60-х годов правительство строило интернаты, где местные ребята спали, ели, получали одежду и образование – всё бесплатно. Сегодня же эта помощь обходится правительству в 10 000 рублей, считая от рождения и до окончания школы, – по советским стандартам порядочная сумма.

– Прежде на Севере каждый день жизни был борьбой за выживание, – говорит м-р Вэлла. – А теперь дети уезжают в интернат и живут там, и отцу не надо беспокоиться о них и тратить на них деньги.

– На что он их тратит?

М-р Вэлла отвечает на вопрос, щёлкая пальцами по горлу, – это универсальный советский символ пьяного человека.

– До 60-х годов практически не существовало традиции приёма отравляющих веществ – только грибы, вызывающие галлюцинации, использовались при некоторых церемониях шаманами, племенными священниками-знахарями. Поэтому алкоголь обрушился на сибирских охотников с разрушительной силой бомбы, – говорит он.

Итак, м-р Вэлла, м-р Айпин и десяток их сторонников ведут неравную битву с двойным бедствием: разрушением окружающей среды и алкоголизмом. М-р Вэлла планирует провести лето – время отдыха для охотников, – за строительством этнографического музея в Варьёгане, что будет маленьким шагом в деле восстановления уважения культуре и традициям, которые только и могут спасти, по его мнению, коренных жителей Сибири.

Для него самое плохое – это непонимание людьми своего собственного бедственного положения.

– Многие люди думают, что они живут хорошо, – говорит он, – и между такими людьми, как я, которые считают, что всё надо изменять, и теми, кто так не считает, пропасть непонимания.

Татьяна Широкина

НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ

«Варта», 13 апреля 1991 года

С охотником и поэтом Юрием Вэллой мне посчастливилось познакомиться несколько лет назад. Тогда этот необычный, ни на кого не похожий человек подарил мне на память перевод-экспромт письма Татьяны к Евгению Онегину в так называемом ненецком варианте. Чем удивил и очаровал одновременно.

Вторая наша встреча произошла на родине поэта – в посёлке Варьёган. Юрий Кылевич только что вернулся из Канады, где побывал в составе делегации коренных народностей Севера. Эту поездку организовало Министерство нефтяной и газовой промышленности не от скуки, а по необходимости и с благородной целью – посмотреть, как уживаются на «загнивающем Западе» аборигены Канады и нефтяные компании.

Невесёлым вернулся поэт в родной Варьёган.

– Я сам с собой спорю, решаю «советско-канадские вопросы» внутри себя, – говорит Юрий Кылевич. – У меня период раздумий...

...Тихо щёлкнул магнитофон, задымился в кружках душистый кофе, заваренный дочерью поэта, и, не рискуя быть оригинальной, задала самый «актуальный» по нынешним временам вопрос:

– Вам не хотелось там остаться? Мне кажется, вы бы смогли там жить...

– У меня не было желания остаться, – говорит, чуть грустно улыбаясь, Вэлла. – Но я задал себе вопрос, что бы из этого могло получиться. Моё высшее образование (Литературный

институт имени А. М. Горького) там никуда не годится. Потому что душещипательную литературу, даже если она высшего качества, никто не купит. Пользуется спросом то, что на данный момент интересует большинство. Когда мы приехали в Канаду, только что закончилась война с Ираком. Через день на прилавках магазинов появились книги, на обложках которых был изображён Саддам Хусейн. То же самое случилось после передачи по телевидению репортажа об огромной демонстрации на Манежной площади в Москве. Книги с портретами Ельцина и Горбачёва появились в магазинах через день...

– *Но вы же отличный охотник...*

– Я не знаю повадки канадских зверей. Чтобы изучить зверя, нужно прожить в тех условиях долгое время. А на какие доходы? На что я куплю лыжи, не говоря уже о ружье? На худой конец, я буду безработным. Но иностранным безработным платят не так, как своим. И бесплатное жильё, как индейцу, не предоставят. Номер, в котором я жил, стоил 150 долларов в сутки, а это – одна четвёртая пособия по безработице коренного жителя Канады. Что бы стал делать поэт и охотник Вэлла в Канаде?

– *А чем занимаются аборигены Канады?*

– 80 процентов коренных жителей – безработные. Но они не нищие. Ежемесячное пособие – 600 долларов на человека – обеспечивает безбедное существование даже людям семейным. Например, семья из четырёх человек может тратить на пропитание 300–400 долларов в месяц. Остальные идут на одежду, развлечения. Самое дорогое в Канаде – жильё. Но на тех землях индейцев, где найдены полезные ископаемые, компании делают в счёт аборигенов дополнительные отчисления, строят бесплатное жильё, причём очень комфортабельное. Поэтому любой безработный абориген может спокойно на пособие по безработице купить ещё и автомобиль. Но не дай

бог, если он под окнами своего жилища сделает грядку и посадит овощи. Тут же будет лишен пособия, поскольку грядка с овощами – это уже бизнес, своё дело.

Такой расклад жизни вынуждает людей на безделье. И безделье это передаётся по наследству. Ничего не делает дед, жил праздно сын, а внуку уже просто не интересно трудиться. Это страшно. Часть индейцев понимает, что такая жизнь – постепенная деградация, которая уничтожает нацию. Они уже не знают родного языка, говорят на плохом английском. При встречах, беседах некоторые аборигены завидовали тому, что мы свободно можем ходить в национальных одеждах, охотиться, заниматься своим исконным промыслом. В Канаде же индейцам разрешается лишь в особых случаях носить головные уборы из перьев, есть и особые правила, разрешающие лишь несколько раз в год подстрелить орла... и тому подобное.

А главная беда в том, что большинство аборигенов довольны своим положением. Я задал вопрос: если обратиться к правительству с просьбой уменьшить пособие по безработице, чтобы заставить человека трудиться, проголосуют ли за это канадцы? И услышал, что канадские аборигены в большинстве своём будут против.

– Вероятно, потому, что у них есть и хлеб, и зрелища?

– Это устраивает всех. Компании довольны – ведь безработные не мешаются под ногами, из них всегда можно выбрать лучших. Правительство тоже довольно – нет забастовок. И с точки зрения бизнесмена всё о`кей. Любой из них скажет: индейцы получают дармовые деньги, полки завалены продуктами, а я сам охраняю природу.

– К слову о природе. По образному выражению одного человека, побывавшего на Аляске, – это та же Сибирь, только с незагубленной природой...

– В Канаде я лишний раз понял: всё гениальное очень просто. Возьмём, к примеру, деньги. У нас на них изображены идолы, а в Канаде природа, фауна. Вроде бы мелочь... На канадском флаге изображено растение – кленовый лист. А у нас кровь. Мы все семьдесят лет призываем проливать кровь. И добились желаемого. Мы и сегодня жаждем крови.

Там, прежде чем нефтяная компания придёт работать на какую-нибудь территорию, она предъявляет проект разработок, в котором заложены крупные суммы и большие мероприятия по охране природы. Разрешающая сторона – провинциальное правительство резервации или министерство по делам индейцев – рассматривает данный проект наряду с другими и выбирает более приемлемый для себя.

Мы задавали канадцам естественные вопросы: кто вас контролирует, кто вам даёт гарантии, что ваши природоохранные мероприятия верны, кто их утверждает, регламентирует? И в ответ встречали недоумённую улыбку и совершенно необычное, с нашей российской точки зрения, объяснение: мы сами себя и контролируем, и гарантируем. Обещать и не выполнять не выгодно. Обманешь один раз – и потом никто тебе территорию, земли под разработку не отведёт.

Более того, когда фирма обязуется выполнять природоохранные меры на сто процентов, – выполняет чаще всего на сто с лишним. Поскольку завтра преимущества в разработке будут за теми, чьё производство экологически более чистое. Ведь этап конкуренции по количеству и качеству в Канаде прошёл. Возможности исчерпаны, поэтому сейчас на первом месте экология, природа. Скоро, наверное, перейдут на социальные вопросы... Хотя уже сейчас выигрывает то предприятие, где лучшие условия труда. Были мы, выражаясь по-русски, в кузнечном цехе. Я долго искал кувалду и не нашёл. Зато возле обычного сварщика увидел компьютер.

Но больше всего в Канаде меня поразил снег. Он там в центре города белый и чистый, как у нас в далёкой тайге. Природа

там перевозанна. Например, в центре города огорожен лесопарк. Мы бы этот парк «подстригали», подбирали валежник, в общем, окультуривали. Канадцы считают, что всё это – неуместное вмешательство в природу. Поэтому парк в канадском городе – естественная, перевозанная тайга. Река также течёт в своих берегах, не одетых ни в бетон, ни в гранит. А мост начинается и заканчивается далеко-далеко от берега. Канадцы стараются не разрушать берегов.

– *Верно, у них в центральном городском парке можно клюкву и грибы собирать?*

– Канадцы вообще не ходят по ягоды и грибы. Нет необходимости: всё есть в магазинах. Откуда? Клюква выращивается на плантациях, также как и грибы. Бизнесмены специализируются на каком-то одном сорте, виде продукции и справляются с этим лучше, чем магушка-природа. Ведь они научились рассчитывать питательность, вкусовые качества. Более того, канадцы говорят: если природа вырастила ягоды, грибы, цветы – значит, они ей нужны. Зачем же разрушать природу.

– *Юрий Кылевич, вас в Канаду привело не праздное любопытство. Была мысль сделать жизнь на Тюменском Севере хоть чуть-чуть по канадскому образцу? Вам не кажется, что мы от них на всю жизнь отстали?*

– Я первое время так и думал. Но всё же это упрощённое представление. Особенно когда мы смотрим на них с позиции куска мяса, с позиции материальности. Меня другая сторона волнует. Хотя мы и бедные, но у нас есть душа. Пусть порой злая, неблагодарная, но душа. У нас есть много прекрасных людей, с солнцем не только в глазах, но и в душе. А солнце в глазах и душе я понимаю по-разному. И вот тут-то со стороны души мы повыше немножко. Там всё поставлено на деньги. Есть деньги – ты человек. Человеческая ценность измеряется деньгами.

– *Ваше поэтическое естество протестует...*

– Нет, деньги тоже хорошая вещь. Они стимулируют на поступки. С помощью денег можно воспитывать. Но когда в человеке есть душа, которая не зависит от денег, которую не купишь, я выбираю такого человека...

Наш разговор с Вэллой закончился поздним вечером. Юрий Кылевич рассказывал о том, как канадцы мечтают сотрудничать с нами, торговать с Россией, поскольку видят в нас большой рынок сбыта. Экзотика канадской жизни уже как-то отодвинулась на второй план, и перед Вэллой с особой конкретностью обозначились острые углы в отношениях нефтяников и коренных жителей Варьёгана.

Дело в том, что поездке в Канаду предшествовало пикетирование, которое проводили несколько месяцев назад аборигены. На пять часов были отключены месторождения, и местные жители представили нефтяникам требование в 17 пунктов. Не просили возмещения убытков за загубленную природу. Главным стал лозунг: «Не стреляйте домашних оленей, не сбивайте оленей машинами».

Требования нефтяники выслушали, приняли, обсудили. Вот тогда и решили посмотреть, как уживаются аборигены и нефтяные компании на Западе.

После канадской поездки отношение нефтяников к аборигенам заметно изменилось в лучшую сторону. Объединение «Варьёганнефтегаз» готово перечислять деньги на счёт ассоциации, подарить жителям национальных посёлков жильё.

– А я боюсь, – говорит Вэлла, – этой оттепели со стороны нефтяных королей. Боюсь, что нефтяники начнут решать нашу жизнь с позиции тех белых людей Канады. Станут пытаться купить коренных жителей за клочок земли. За право работать на нашей земле. Если мы потеряем землю, мы потеряем оленей, а может быть, и себя...

ЛЮДИ ПРОСЯТ УГОДЬЯ

«Новости Югры», 25 июля 1991 года

Проект статуса о родовом уголье на прошедшей сессии окрсовета не был узаконен, хотя обсуждался очень заинтересованно и активно. Разговор о нём отложен до осенней сессии. Не берусь судить о мнении большинства депутатов, поскольку они, в основном, представляют нетрадиционные области промышленности и о жизни аборигенов-таёжников имеют отдалённое понятие. Зато этот вопрос, что называется, на языке ханты, манси, ненцев – коренных жителей округа. Рыбак-охотник из сургутской тайги А. Тэвлин пишет в нашу газету:

«Рядом с моим стойбищем проходит главная дорога от Сортымского месторождения на 101-ю подбазу Сургутской нефтеразведочной экспедиции. Вокруг – множество ДНС, КНС¹⁴, сейсмоки, дорожники, а с воздуха непрерывный гул вертолёттов. Дохнут олени, нет рыбы, промысловых зверей и птиц. В категоричной форме мы требуем сохранить за нами родовые уголья, прекратить варварское уничтожение святых и культовых мест. При невыполнении наших требований мы будем вынуждены для защиты своих родовых угодий, наших семей принимать крайние меры. Иного выхода у нас нет, иначе мы исчезнем с лица земли.

Люди, услышьте наши стоны и помогите нам!».

Узнав о таком письме, ненецкий поэт Юрий Вэлла захотел тоже высказать своё мнение о статусе родового уголья.

– Самое главное – коренные жители на территории округа находятся в бедственном и бесправном положении. Когда они получают какие-то денежные льготы, это делает их ещё более

¹⁴ ДНС – дожимная насосная станция; КНС – кустовая насосная станция (нефт.)

бесправными, менее стойкими перед жизненными невзгодами, особенно в период перехода к рынку. Они потеряли надежду на получение самостоятельности на родовых угодьях. Вначале мечтали, чтобы она выражалась хотя бы в завуалированной форме, даже юридически необоснованной. Пусть был бы временный закон, который смог бы оградить людей на стойбище от посторонних. Такой документ может сыграть положительную роль в сохранении аборигенов как этноса. Время уходит, а вопрос с родовыми угодьями не решён, таёжники не хозяева у себя дома. Некоторые из них уходят из стойбищ в посёлки, теряя с этим традиционный образ жизни, превращаясь в люмпенов.

Будь такой закон, начался бы отток людей в тайгу, она стала бы возрождаться. Конечно, право пользования угодьем должно распространяться только на того, кто занимается традиционным промыслом. Должно действовать право наследования земель.

Люди просят отдать им землю отцов в пользование, чтобы её возродить, заняться воспроизводством таёжных богатств. Они хотят дать время природе залечить раны, нанесённые технической цивилизацией. Это я к тому говорю, что сиюминутная выгода в виде рыбы, зверя, ягод рано или поздно истощится. Закон о фермерстве, о котором так много сейчас разговоров, для нас неприемлем, он для предприимчивых людей. Таёжники не такие. Для них главное – заниматься привычным делом и оставаться самими собой. Уверяю, что окружной Совет не понимает такого человека. И думаю, что виноваты мы сами. Когда шла предвыборная борьба, мы чётко не знали и даже не особенно интересовались личностью тех, кого выбирали в депутаты.

Таёжные жители, а их мало, – цвет северных наций. Надо уметь понять их боль, чаяния, а это не каждому даётся. Люди доведены до отчаяния, они на грани бунта, восстания... Как

угодно можно обозначить их возможное сопротивление промышленному натиску, в защиту своих гражданских прав. Недавно я побывал в Канаде, знакомился с жизнью её аборигенов. Они сумели найти общий язык, но пришли к согласию через войну.

Неужели такое возможно у нас?! Но ведь ни чувством, ни разумом нас не понимают те, кто приходит работать в тайгу. У всех в памяти пикет варьёганских ханты и ненцев на шоссе, ведущем к нефтяным месторождениям. Нефтяники понесли потери, но ведь общего языка с нами так и не нашли, хотя выполняют свои компенсационные обязательства, иногда спрашивают совета. Нам всем надо научиться понимать друг друга.

В ЗНАК ПРОТЕСТА

«Местное время», 6 августа 1991 года

Юрий Вэлла, руководитель Варьёганского отделения ассоциации «Спасение Югры», известен своим непримиримым отношением к ведомствам – разрушителям северной природы. Став депутатом своего сельского Совета, он хотел через этот орган Советской власти наложить «вето» на территориальные посягательства нефтяников, геологов, трубостроителей. Но часто оказывался в меньшинстве.

Как заявил Юрий Кылевич в неофициальной беседе с нашим корреспондентом, он обиделся на молчаливых депутатов и в знак протеста против попустительства Совета решил сложить свои депутатские полномочия и удалиться в тайгу на место жительства.

Юрий Вэлла
Записала С. Ковальчук

«Местное время», 3 октября 1991 года

ИЩУ ДОМАШНЕГО УЧИТЕЛЯ

– Моё желание уйти в стойбище вызвано несколькими обстоятельствами. Это своеобразная форма борьбы за сохранение национальной культуры, языка, обычаев лесных ненцев. За годы Советской власти часть коренного населения оторвалась от традиционных занятий – охоты, оленеводства, рыбалки, а в местах сселения оказалась не у дел. Мы сегодня сетуем, что нет мяса, рыбы, а кругом беспризорные уголья, которые гибнут в жерновах нефтяной машины. Надо защитить их, вернуть им жизнь.

Я никогда подолгу не жил в стойбище, только навещал деда. Там у него научился делать нарты, подклеивать лыжи, плести тынзян, объезжать оленей. Поэтому будущая жизнь в стойбище не страшит меня, надеюсь развести стадо оленей.

А подтолкнуло меня к этому шагу вот что. Я много сделал, чтобы в Варьёгане был создан сельсовет. Но земляки выбрали в него не тех, кто способен на дело, а тех, кто берёт горлом, не задумываясь о коэффициенте своего крика. К тому же депутатами стали в основном жители посёлка, которым проблемы стойбищ малоизвестны. И те деньги, что взимает сельсовет за пользование землёй, идут на благоустройство посёлка, а не на обустройство стойбищ.

– *В стойбище совсем другой уклад жизни. Вы к нему готовы, а Ваша семья, дети, например?*

– Когда-то я вносил в Совет предложение об изменении системы обучения детей. Государство затрачивает на обучение в школе-интернате большие средства. А нельзя ли, подумалось

мне, часть этих денег взять у народного образования на содержание домашнего учителя? Если все интернатские дети выглядят общей серой массой, среди них не видно индивидуальностей, то домашнее обучение даст возможность ребёнку проявить себя, развить способности в том или ином деле. Не обязательно это будут таланты, но обязательно каждый достигнет своего потолка – кто в ремесле, кто в оленеводстве, кто в коммерции.

У меня двое ребят школьного возраста, подрастают внуки. Рядом – в двадцати-тридцати километрах – другое стойбище, и там есть дети. Так что деньги, затраченные на них в интернате, могли бы пойти на оплату труда домашнего учителя. В крайнем случае, есть фонд социальной помощи в районном Совете, могут помочь промышленные предприятия – разговор идёт о не очень больших суммах.

Я сразу оговорюсь, что домашний учитель не обязательно должен быть преподавателем по образованию, гораздо важнее, чтобы он был воспитателем по призванию. Это человек, умеющий раскрыть возможности и способности ребёнка, увлечь его. И принципиально важно, что нанимаю учителя я сам, а не районо.

Меня абсолютно не интересуют политические взгляды моего будущего домашнего учителя. Хорошо, если бы он знал один из иностранных языков, имел склонность к определённым видам искусства, некое философское мышление. Неплохо, если бы это был ханты или ненец, если бы у него были навыки в охоте, рыбалке, оленеводстве. И главное, чтобы он любил природу. Я такому учителю постараюсь построить отдельное жильё, обеспечу дровами. Он бы мог пользоваться моим домашним транспортом, которым пользуюсь я...

Итак, Юрий Вэлла покидает посёлок, куда в своё время его соплеменников сселяли по доктрине осёдлого образа жизни. Уезжает в стойбище. И ищет домашнего учителя для своих детей.

Ольга Васильева,
искусствовед, заведующая музеем современного искусства

ВЕСТИ ИЗ СТОЙБИЦА

Первая книга нашего земляка

«Новости Приобья», 6 октября 1991 года

Я держу в руках небольшую книжечку очень удобного формата, новенькую, чистую, белую. Рисунок на обложке ни о чём не говорит, а вот надпись – «Юрий Вэлла. Вести из стойбища» – говорит мне о многом. Да и не только мне, а и нижевартовцам, жителям Нижневартовского района и многим другим¹⁵.

Сегодня в первом же книжном магазине купила большую стопку этих книг для своих друзей и посмотрела тираж – всего три тысячи... Да, при сегодняшней популярности Юрия Вэллы, при всёвозрастающем интересе к искусству и культуре народов Севера книга будет раскуплена за несколько дней, не залежится, станет редкостью. Директор краеведческого музея Н. А. Гасникова сказала, что отчаялась приобрести книгу, в нескольких магазинах её уже не оказалось.

Издана она в Свердловске, в Средне-Уральском книжном издательстве, в 1991 году. Глядя на название издательства, я вспомнила, как долго рукопись Юрия Вэллы не могла попасть в печать. То ему предлагали что-то исправить, то доработать, то переработать. Но ничего менять он не стал, а просто время настало другое – у издательств появился большой интерес к народам Севера, а не только к «покорителям Севера» – нефтяникам и газовикам. Теперь некоторые наши писатели срочно меняют тему, пишут не о нефти, а собирают легенды ханты, ненцев, интересуются их жизнью. А Юрию Кылевичу ни-

---

¹⁵ Статья представлена в сокращённом варианте.

чего менять не пришлось, рукопись взяли в печать уже без придирок и оговорок. Это рукопись его дипломной работы в Московском Литературном институте имени А. М. Горького. Несколько лет вынашивал её поэт, работал с рецензентами-литераторами, асами своего дела. Дипломная работа была оценена на «отлично»! А какие даны на неё отзывы!

Вот что, например, пишет рецензент Н. Фёдорова: «В этой работе многое не совсем обычно. Здесь стихи перемежаются с прозой, легенды и сказания – с самой современной былью, газетная информация – с откровением сердца. Но чем внимательнее вчитываешься в текст, попадаешь под обаяние обступающего тебя незнакомого мира, помимо живых чувств и красок, тем яснее становится замысел автора, определивший необычность формы композиции, где всё связано, сопряжено как в жизни: человек и природа, легенды и были, прошлое и настоящее, романтика и проза жизни, и где всё в непрерывном движении, переменах. Детство сменяет зрелость, весну – осень, день – ночь. Но в дне текущем жив и день вчерашний, жизнь едина и неделима. Так возникает широкая панорама жизни далёкого оленеводческого стойбища, развёрнутая во времени и пространстве, в изображении которой оказывается одинаково необходима и бытовая конкретность, точность к детали и вкус к этнографической подробности, и высокий лирический настрой, и публицистическое слово. В этой картине много правды не только о жизни, быте, нравах, обычаях, грядущих и уже наступивших, экологических драмах, но и о духе, самобытном характере, а в общем о судьбе ненецкого народа, и вряд ли обо всём этом мог написать человек со стороны. Надо жить в этом краю, быть сыном этого народа, чтобы как в компьютерной памяти хранить в глубинах сознания завещанное предками и болеть заботами и тревогами дня сегодняшнего».

Можно сказать, что книга эта разошлась по городу ещё в рукописи. Школы, детские сады, библиотеки брали её у меня

и перепечатывали, только вот недавно рукопись вновь вернулась ко мне. Помню, как на встрече с библиотекарями города Юрию Кылевичу пожаловались, что одно из его стихотворений украли с библиотечного стенда, поэт рассмеялся над такой популярностью и подарил несколько своих книг городским библиотекам.

Эпиграфом к своей книге Ю. Вэлла взял слова М. Пришвина: «Охранять природу, значит, охранять Родину...». Кажется, что сохранение живой природы, сохранение жизни на земле и есть цель жизни Юрия Кылевича. Скажите, есть ли что важнее этой цели?

А вот что пишет редактор Г. Гилевич: «Два основных тона прослушиваются в книге: добрый голос мужчины и охотника, влюблённого в женщину, в природу, в обычаи и традиции своей земли, и голос беспокойный, полный тревоги за драматическую судьбу родного народа».

Вэлла в предисловии говорит вот о чём: «У нас, лесных ненцев, многие вести-сказки, плачи, песни пелись, то есть исполнялись художественным языком под народную мелодию или в форме интонационных стихов-наговоров (например, разговор с духами-идолами). Разговорным же языком пользуются в повседневной жизни, он беден, не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха, от него ни жарко, ни холодно. Разговорным языком невозможно рассказать сказку, спеть песню, а обычный разговор о дровах, о пище, о деньгах оскверняет художественный язык... Моё поколение, и особенно те, кто сейчас учится в школе, с детства пользуются двумя, а чаще тремя языками – ненецким, хантыйским и русским. Таковы условия жизни. Но утратили мы свой метафорический язык сказок и песен. Если ещё, слава Богу, говорим на своём языке, то, увы, знаем только бедный повседневный».

Но сказки мы всё равно слушаем. Моя бабушка изобрела для этого новый способ. Она сначала поёт часть сказки традиционно, а чтобы мы поняли, о чём идёт речь, пересказывает содержание на разговорном языке. Потом она снова поёт и

опять переводит на обыденный язык, как для инородца. Такой язык она называет «пешей речью».

Я застал сказки и песни бабушки только в такой форме, и поэтому, наверное, творчество моё – это смесь прозы со стихами. Поэтому, наверное, творческий язык мой – это ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме...».

Я помню, что именно этот язык смущал Юрия Кылевича. Многие годы он считал, что не имеет права писать на таком языке. Я слушала его, переживала, но не представляла, какой можно найти выход, ситуация мне казалась трагической, безысходной. Но время идёт, жизнь меняется, и поэт сам решил, каким будет язык его первой книги.

Все стихи и рассказы этой книги мне давно знакомы, я слышала, как читал их автор в разные годы, в разных ситуациях. О некоторых знаю, почему они написаны, вернее, после какого события, о многих только догадываюсь. Вот это – «Бабушке Ненги» – самое первое стихотворение, которое я услышала много лет назад в исполнении Юрия Вэллы. Было это в национальном посёлке Варьёган во время слёта охотников.

Деревянный клуб был до отказа забит охотниками, рыбаками, звероведами, охотоведами со всего района. В Варьёгане вместе с учащимися художественной школы я была в творческой командировке, мы много рисовали. Продолжали рисовать и здесь, в центре маленького зала. Вокруг нас сидели и стояли взрослые и дети, одетые в меховую национальную одежду, для наших глаз был настоящий праздник. На Юру я взглянула мельком – он снял свою меховую малицу и, как для художника, уже не представлял для меня интереса – был в обычном серо-синем костюме, я сосредоточила внимание на ярких одеждах соседей. Но всё же посмотрела ещё раз – кого это с такой любовью встречают, кому это скандируют: «Юра! Юра! Ку-ку-шеч-ку!».

И ничего особенного, конечно, не ждала от этого худенького паренька, каким мне тогда показался Юрий Кылевич. Но

когда в притихшем зале проникновенно и нежно прозвучало вот это: «Ты красивее берёзы, ты красивее Луны...», я бросила рисовать, вскочила и, не зная, как оставить для себя и эти строчки, и этот голос, и этот притихший зал, стала записывать в альбоме строчки стихов – но их надо было слушать, стала рисовать Юру, но это не давало ничего – рисунок мужской фигуры не говорил ни о чём, он не звучал... Тогда я стала только слушать, как чудесную музыку, как неожиданную радость в таком, мне казалось, далёком от дома краю.

Действительно, дом мой остался далеко, в волгоградских степях. Там я любила стихи Пушкина, Есенина, Бунина, Ахматовой и Цветаевой. Прошло полгода, как я жила здесь, в Сибири, вся родня меня очень жалела, считая, что Нижневартовский район – необжитая снежная пустыня и её надо героически осваивать. Отец так и начинал свои письма: «Здравствуйте, добровольно ссыльные...».

И вот в таком «жалобном» состоянии за двести километров ещё и от цивилизованного Нижневартовска, в деревянном клубе, в плотном окружении из людей в диковинных меховых одеждах я услышала простые человеческие слова, остро берущие за сердце, слова, обращённые к любимой бабушке. Я бы тоже хотела так сказать своей бабушке – моей бабуле – но я так не умею. А вот этот худенький черноглазый паренёк, неужели у него так же, как у меня к бабуле?! И как он не стесняется, перед всем народом признаётся бабушке в любви... Я была потрясена и растеряна.

А зал опять скандировал: «Кукушечку! Ку-ку-шеч-ку!». Юра улыбнулся, рассказал сначала о ненецкой примете: «Если весной кукушка закукует раньше, чем загремит гром, то нынче будет много рыбы» и продолжил:

«Искупалась в озере заря,
Из травы заквакали лягушки.
Под кустом дремавшего меня
Разбудила первая кукушка...».

А потом стихи о дедушке, а потом – «Варьёганский вальс» – его Юрий уже пел:

«У меня на ладони просыпается солнце,
У меня на ладони птицы песни поют...».

И ещё много читал стихов в этот морозный вечер варьёганский охотник Юрий Кылевич Айваседа...

А вот это я слышала уже в Нижневартовске, когда Юрий Кылевич впервые пришёл в гости:

«Ворвался трактор в бурелом,
Подмял осинку злой насильник...».

Годами стихотворение менялось, отшлифовывалось, впрочем как и все остальные произведения Юрия Вэллы. Изменилось и это стихотворение, наверное, стало ещё выразительнее:

«В полдень
оленёнок малый
Над ручьём склонился.
Он просил:
«Мне жарко, мама,
Я хочу напиться».
«Погоди,
Не пей, сынок,
Потерпи немножко.
Пахнет нефтью ручеёк,
Отравиться можно...».

Написано оно более десяти лет назад, и ни одна газета тогда не соглашалась его напечатать, слишком по тем временам оно было дерзким. Позже, во время учёбы в Московском

литинституте, Юрий напечатал подборку своих стихов в одном из журналов, там было и это, но рядом с ним – стихотворение о нефтяниках. И автор сказал, что этому его научил литинститут – чтобы пропустили критическое стихотворение, надо рядом поставить что-то смягчающее. А сегодня это стихотворение в книге без всяких смягчений, оно напечатано в главе «Лесные боли».

«Боль первая» – это о тракторе, подмявшем осину, «Боль вторая» – об этом несчастном оленёнке, «Боль третья» – о том, что:

«На моей земле
Реже слышу родную речь».

Здесь уже не смягчение, а, действительно, собраны боли лесного народа.

Ну, а вот «Причитания старого Усти» я услышала совсем недавно, тяжело читать:

«Олений мой род,
Тёплую грудь
Пытаясь росой и дождями отмыть
От чёрной смертельной боли,
Стонет,
Стонет сквозь ноздри,
Едкою массой залитые,
Стонет глазами,
Где вместо глаз –
Нефтяные разливы...».

Часто Юрий Кылевич говорил после окончания литинститута, что раньше он писал стихи так же, как дышал, а после учёбы то и дело анализирует, контролирует мысль, фразы, думает о композиции, ему это мешает творить.

Заканчивается книга нашего земляка такими словами:

«...Разве птицы не хотят жить?
...Разве земля жить не хочет?
...Разве я не хочу жить?
Хочу!
Ещё как хочу! –
Жить и мечтать,
Жить и творить,
Жить и учиться,
Смеяться от радости,
Плакать от боли,
Любить,
Когда сердце пылает,
Страдать,
Когда горе придавит,
Быть честным,
Как ясное солнце,
Высоким,
Как синее небо,
Счастливым,
Как детский смех...!».

Хорошие слова... Но долго рукопись лежала в издательстве, а жизнь меняется каждый день. Сегодня Юрий Кылевич уже не верит в то, что нефтяники могут аккуратно добывать нефть, не отравляя его родную землю, его родное небо, его реку, его стойбище, его детей и внуков. Сегодня он оставляет работу в этнографическом музее, который построил своими руками, и вместе с женой Леной уходит на своё родовое угодье, чтобы, как он сказал: «Просто жить». Уже закуплены олени для жизни на стойбище. Уже задают вопросы: «Зачем? Какова цель жизни? К чему же ты стремишься?». Поэт, охотник, этнограф Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла – псевдоним) пожимает плечами и переспрашивает задумчиво: «Какова цель моей жизни? – Просто жить».

Да и всем нам, наверное, хотелось бы сегодня просто жить по-человечески на неотравленной земле. Но где она? Я с нетерпением буду ждать новых стихов Юрия Вэллы, которые, конечно же, придут к нему на его стойбище. Какими они будут – новые вести из стойбища?

А пока я купила подарок Лене и Юре – двенадцать звонких валдайских колокольчиков для каждого оленя из их маленького оленьего стада. Раньше колокольчики надевали оленям, чтобы не потерялись, а теперь, чтобы нефтяники догадались, что олени домашние, и не стреляли в них. Может быть, мой подарок окажется счастливым, и люди, и олени на этом стойбище смогут просто жить?

Юрий Вэлла

Записала О. Васильева

«Новости Приобья», 1992 год

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

– Когда я нахожусь на Медвежьих игрищах, когда я слышу сказки, легенды, песни, то ведь там жизнь богов смешивается с жизнью людей.

Человек общается с богами, как с равными себе, борется с ними, и есть ещё обычай, когда обязательно человек должен побеждать богов. То есть это говорит о том, что боги – не нечто более высокое, над тобой, а боги – это храмное, или параллельно существующий с тобой мир, который так или иначе вступает с тобой в контакты при твоей сегодняшней, завтрашней и вчерашней жизни. И когда-то ты сам можешь быть в облике Бога.

Если говорить о родовом кладбище, то оно должно быть вблизи стойбища. Выбирается более, современный человек бы сказал, – красивое место. В хантыйском понятии нет слова «красивый». Я иногда задумываюсь, почему его нет. А наверное потому, что слову существует обратное выражение. Так называемый антоним, «некрасивый», дающий определённое понятие некрасивости, не гармоничности мира окружающего. И для того, чтобы этого понятия не возникало, наверное, не нужно иметь понятие «красивый». Всё красиво. Другое дело, сумел ли ты понять эту красоту. Букашка красива, трава красива, дом, дерево... Идущий по улице хромой человек – он по-своему тоже красив. Просто люди чувствуют, что здесь должно быть кладбище – сухое ли оно, болотистое ли. Даже на низком месте есть своё преимущество – земля промерзает на 30–40 сантиметров. Хоть в этом и есть резон, но его никто не учитывает. Подсказывает сама природа – вот здесь подходящее место. Конечно, стараются его последний «дом» не опускать в воду. Но вот, например, ханты-утопленника никогда прежде не хоронили на родовом кладбище (сейчас-то это делается). Хоронили только там, где нашли. И даже если это заболоченное, низкое место. Если у реки встречается одинокая могила, можно предположить, что это утопленник. Тут больше, по-видимому, подходят с позиции чистоты, санитарии и гигиены. Это тоже имеет значение, хотя об этом никто никогда не говорит. Где нашли, там и захоронили.

Хантыйская могила обычно роется неглубоко. Примерно высота «домовины» и такой же слой земли. Всё-таки земля в какой-то мере осквернена – по ней ходят, её топчут. И если такой вот осквернённой земли слишком много – она тяжела для покойного. Нет конкретного количества – вот именно столько должно быть. У ханты нет меры измерения. Достаточно того, что кто-то скажет – хватит. И уже никто не оспаривает, не меряет. Вообще, во время захоронения не бывает споров. Нарушили обычай – никто не обращает на это внимания.

В прошлом году хоронили моего дядю. Он ненец. Поэтому мы, родственники, хотели похоронить его ближе к ненецким обычаям. Мы не умеем, конечно, хоронить. Мы уже люди испорченные. Жена у него хантыйка, она хотела похоронить ближе к хантыйским обычаям. Но чистых обычаев она тоже не знает – на стойбище жила только в детстве, воспитывалась в интернате. Похороны получились скомканными. Обычаи все были перемешанными. Спор был. Но каким он был? Мы, ненцы, не возражали, но спорили мысленно. Какая-то тяжесть осталась на душе. И совпадение или несовпадение – его смерть повлекла другие. Говорят, когда есть нарушения в обычаях захоронения, смерть не бывает одиночной. Он берёт с собой попутчиков. Так было и на этот раз.

Кстати, Вы у меня спрашивали, почему я говорю «хантыйка», ведь моя жена сказала, что это оскорбительно. Это стало оскорбительным после интернатской жизни детей. Как-то в Новооганске я постучал в один из домов. Я знаю, что здесь живёт учительница. Открывает дверь девочка 8–9 лет, бежит в комнату и кричит: «Мама, пришёл хантик». Меня покоробило не потому, что она так сказала, а потому, как она это произнесла. Как – пришёл человек второго сорта. Почему моя жена воспринимает слово «хантыйка» как оскорбительное? Потому что, живя в интернате, где смешаны национальности, можно было слышать, как оно произносилось. С оттенком пренебрежения. Слово – литературно нормальное, но в обиходе его привыкли получать из окружения именно такой интонацией. И теперь даже когда человек говорит это слово нормально, не желая обидеть, оно воспринимается с обидой.

Но вернёмся к началу разговора – о похоронах. Место выбрано интуитивно, место выбрано красивое. Я уже говорил, что доски его последней «лодки» подбираются внутренней частью дерева вовнутрь. Отчего этот обычай происходит. Я встречал несколько могил ненецких, думаю, что когда-то

и хантыйские «домовины» были такими: хоронили в колодах – цельное дерево раскалывается пополам, выдалбливается изнутри, две половинки складываются вместе и получается «дом» для покойного. Эта форма захоронения ещё сохранилась у ненцев. И у ханты, видимо, тоже был такой обычай. Отсюда и пошло: внутренняя сторона дерева должна быть направлена вовнутрь. И второе: всё должно быть как в природе, потому что это – лодка, в которой путник отправляется в другую жизнь. По обычаю ханты гроб не делается дома. Он готовится на кладбище. А из дома выносят покойного завернутым. Вдоль его туловища кладётся палка немного длиннее, и умерший приматывается к этой жердине (не привязывается) вдоль всего туловища, лицом вверх. Когда его несут, он в прямом смысле висит под жердиной. Кстати, раньше, когда провожали покойника, шаман совершал священнодействие (сейчас нет). Он спрашивал богов или природу, как это выразиться, или самого покойного: «Обижаешься ли ты на оставшихся людей?». За концы этой палки покойного приподнимали. Если обижается, стало быть, он очень тяжёл, его с трудом поднимают. И снова: «Тебя кто-то обидел?». Если да, то снова сопротивляется, становится тяжёлым. Если его кто-то обидел, это наверняка было недавно. Значит, человек должен сейчас сознаться. В тот момент, когда с покойным прощаются, он готов простить грехи оставшимся, если они сознались, повинились. И он не будет приходить в сны, не будет беспокоить. Иначе будет являться. И тяжело будет в жизни. Тот, кто совершает этот обряд, должен обладать определёнными навыками, сверхъестественностью. У ханты все эти действия происходят на кладбище. И сейчас я встречал этот обычай, он ещё совершается. И задают именно этот вопрос. Но раньше, думаю, был более широкий круг вопросов, напутствий.

Ещё немного об одежде. Надевали и отправляли с покойным ту одежду, которая дольше всего в жизни ему сопутствовала. Ту, которая ближе ему была при жизни, которая была

более удобна. В том мире он пользуется вещами. Он их знает, ищет, и, если во всё новое одеть, он будет искать старую одежду. И в поисках её может прийти к себе домой, к родственникам. Такие посещения выводят людей из равновесия. Поэтому кладут ему привычные вещи, которыми он пользовался в более раннем возрасте. Особенно старым людям. Бывает, что он оставляет завещание. Ещё при жизни говорит, что ему положить. Все вещи надо класть обязательно, даже чашку, ложку. Но ничего по две. После похорон здесь же разводят огонь, готовят чай, еду. И каждый, что кушает – оставляет кусочек покойному. Всего понемногу. Сидят на земле у изголовья. Куда головой кладут умершего. При мне каждый раз совершалось это по-разному. Так все искажены обычаи. Некоторых кладут головой на северную, тёмную сторону, объясняя, что ему туда идти. То есть он туловищем указывает, куда должен пойти. Одна версия. Другая – если головой к солнцу кладут, он взглядом указывает, куда он должен идти. Я не знаю, что правильнее. Но чаще всего головой к солнцу, лицом на ночную сторону. Кладбище не огораживается – не от кого, пришёл твой родственник, сосед, знакомый...

Говорят, о кладбище не спорят – у нас есть такой обычай. Тем не менее обижало, когда из Новооганска ездили хоронить в Варьёган. Многие годы у новооганцев не было своего кладбища. И поэтому слово «Варьёган» стало синонимом кладбища. В Новооганске появилась даже такая фраза: «Ну, пора на Варьёган», то есть пора готовиться к смерти. Кроме того, что это оскорбляет, есть и другая сторона. На своём кладбище мы растворились. Здесь есть всё: звёзды, месяцы, кресты... Нас не видно. Как и при жизни. Сейчас на территории своего округа, территории Западной Сибири мы растворились. Мы хозяева нашей земли – и нас не видно. Как не видно и на кладбище. У нас нет обычая поправлять могилы. На кладбище ходим только в течение года. А потом умерший растворя-

ется в природе – и всё. Могила сравнивается с землёй. Лишь мы знаем, где это было захоронение. Поэтому, бывало, приезжие хоронили на том же месте, на месте пятидесятилетней давности. Я недавно искал могилу своего отца. И не нашёл. На том месте стоит чужой памятник. Хотя года три-четыре назад находил по двум-трём росшим сосёнкам. Я ещё радовался – деревья не дадут осквернить могилу. Но, видимо, вырубili и эти сосёнки.

У меня есть мечта открыть своё кладбище, национальное. Если в этой жизни нам не дают уединиться, сохраниться как этносу, так дайте возможность нам хоть на кладбище сохраниться как этносу. Может быть, в наших захоронениях сохранятся наши черты, какие-то наши особенности, отличающие нас от других. Определённая культура захоронения останется и даст живым определённое мировоззрение, философию. Ведь кладбище, мне кажется, ценность для живых, а не умерших. Для тех, кто живёт сегодня, завтра... Оно воспитывает людей. Через отношение к кладбищу, облик его можно воздействовать на людей, подрастающее поколение, воспитывать его в определённом направлении, давать определённую культуру, понятие. Но я лично, например, уже не хочу лежать на том кладбище, которое обезличено и затоптано. Я говорил о кладбищенских символах – крестах, звёздах, месяцах. На хантыйских могилах кресты ставятся, но это не значит православный, просто символ. Это подобие православного креста, под ним перекадина, что в христианстве обозначает весы, у которых правая чаша должна быть ниже, тяжелее. То есть правые дела должны превышать неправые. Ханты не знают назначения этой перекадины, не знают, что это весы, измеряющие, чего больше совершено при жизни человеком. У некоторых встречается птичка на кресте. Точно не знаю, что обозначает эта птица. Мне кажется всё-таки, что это один из признаков женской могилы. Но я могу ошибиться. Поминки

совершают в течение года, столько же хранится таганок, на котором кипятили чай. Его приставляют к дереву – знак того, что ушедшего ещё будут посещать. Дают ему знать, что ещё придут. А в последний раз таганок перерубается со словами: «Последний раз, больше нас не жди, не придём». Это знак того, что год прошёл.

Ненецкое кладбище отличается всем. Если человек умер, то его не везут на кладбище, а хоронят там, где он умер. Потому что у ненцев нет постоянных стойбищ. У них временные стоянки. Вот я умер сегодня, меня похоронили в ближайшем бору или на островке посреди болота, что ближе к чуму. Потом собрали чум и уехали на новое место. А этот островок или бор назвали моим именем. Таким образом они становятся памятниками для человека. До тех пор, пока кто-то поблизости ещё не умрёт, и не дадут его имя этому бору. И нет опасности, что могила затеряется. Хантыйское, даже целое кладбище, может потеряться, – нет потомков, не осталось наследников, некому продолжать этот род, и всё заросло, и никто не вспомнит, что здесь был чей-то род, чьё-то кладбище. А ненецкое – ведь если исчезла могила, стёрлась, растворилась, – название-то острова передаётся из поколения в поколение. Уже не помнят, кто был этот человек, как он выглядел, из чьего рода, – а название осталось. Тут разный подход во всём. Если «домовина» умершего ханты закапывается в землю, то ненецкая ставится на землю. Если хантыйская сколачивается гвоздями, то ненецкая до сих пор собирается в «замок», и никакой зверь её не вскрыет. Если ханты лежит в могиле лицом вверх, то ненец лицом вниз. У каждого народа свои особенности в обряде захоронения, имеющие свой смысл, связанные с его образом жизни, жизни его предков.

Александр Трифонов,
специальный корреспондент «СГ»

УХОДЯЩИЙ ВЭЛЛА

«Сибирская газета», 1992, № 12

В Сургуте разыгралась пурга, и уже второй вечер ведём мы с Юрием Вэллой неспешные беседы.

Вэлла – по-настоящему талантливый поэт и рассказчик, выпускник литинститута, автор двух книг.

Говорим мы с ним вроде на одном языке, но зачастую мне очень трудно его понять. Если для меня слово – понятие, то для него образ, узелок разветвлённых, порою самых неожиданных связей. Сегодня за обедом он показал на сморщенную клюкву в блюбочке и сказал: «Она и в лесу нынче была такая, и я понял, что год будет плохим. Каким? Не знаю. Но – плохим. Почему клюква вялая? Тоже не знаю – может, недалеко факел газовый горит, может, ветер принёс дождь с Новой Земли. Но в любом случае для меня это – сигнал».

Он разный – Вэлла. Охотник и писатель, политик и философ, крепкий корешок некогда обширного, а нынче угасающего рода.

В Сургуте он тоже гость, как и я.

Вэлла-охотник

– У нас, лесных ненцев, – развивает свою любимую мысль Юрий, – нет такого понятия, как приветствие при встрече. У ханты тоже такого нет. Если есть понятие, значит, должно быть противопонятие – не приветствие, например. А мы не хотим осложнять себе жизнь. Поэтому у нас нет приветствия,

нет понятия «отблагодарить». Европейскому человеку это кажется абсурдом. Но благорасположение должно быть в крови, во взгляде. Ведь два зверя, встречаясь на тропе, сразу определяют – враг тебе повстречавшийся или нет. В том и ущербность европейской человеческой цивилизации – она уничтожает в человеке такое нужное, определённое природой свойство, как интуиция. У современного человека во взгляде далеко не всегда то, что на душе. Вот и я, если даже увижу человека ещё на горизонте, то уже знаю – какое у него настроение и о чём у нас с ним пойдёт разговор. За семнадцать лет профессиональной охоты всё же кой-чему научился. Есть ведь много способов взять зверя – загнать собаками, поставить капкан или петлю на тропе, застрелить с вертолётa, наконец.

Я охочусь только способом предков – скрасть, перехитрить зверя. Я не охочусь с собакой, потому что у меня тяжёлый взгляд. Собаке трудно со мной будет – мне об этом ещё дед сказал. Так вот, я вступаю со зверем в честную борьбу. И тут не помогут ни сила, ни взгляд, ни ноги – только интуиция. Можно это назвать биополем, как хотите. Мне смешно читать охотничьи рассказы о том, что вот к зверю надо подходить так-то и так-то. Я не задумываюсь над такими мелочами, а соблюдаю только одно правило: отвожу взгляд в сторону. Ведь взгляд даёт зверю сигнал, а я хочу застрелить его так, чтоб не мучился. Я даже на спор подходил к лосю в редком мелколесье на пятнадцать метров с лицевой стороны... Но каким бы ты ни был охотником, добыть зверя у нас, в Варьёганском районе, всё труднее. Нефть, нефть, дороги кругом. У коренных жителей не осталось соболиных угодий, почти нет белки. Да что там говорить! Тем не менее в прошлом году я с семьёй ушёл из посёлка жить на стойбище. С женой и четырьмя дочерьми. Купил двенадцать оленей, построил чум... Почему? Я же сказал – посмотрел на клюкву и понял: плохой год будет...

В прошлом году он вышел из состава Варьёганского поселкового Совета, остался только депутатом окружного – Ханты-Мансийского.

Он полагает, что позиция того Совета не соответствует интересам его народа. Конечно, он пытался «изменить погоду», боролся, но... безрезультатно. Депутаты, живущие в посёлке, уже пронизаны иждивенческими настроениями. В посёлке тепло, уютно. Увы, расходятся интересы поселковых и тех, кто живёт на стойбищах. В посёлке 500 коренных жителей, на стойбищах – всего несколько семей. Но Юрий считает, что наступает время, когда лесные братья будут помогать выжить осёдлым – мясом, рыбой, ягодой. Не всем, конечно, всем не могут они помочь, а родственникам – да. И те когда-нибудь всё же поймут, что прокормить и вернуть самосознание человека как часть этноса сможет только родная земля.

Вэлл – пессимист, он не предвидит скорого «потепления» окружающего мира к коренным северным народам. Теперь вот Россия повторяет политику бывшего Союза, не предпринимая никаких радикальных мер по освобождению ханты, манси и ненцев от техногенного гнёта. Он, лидер местной ассоциации «Спасение Югры», не думает, что возможно принять в российском парламенте такие законы о недрах и автономиях, которые устроили бы всех – и добытчиков нефти, газа, леса, и коренных жителей. Поэтому его политические рассуждения столь же путаны и противоречивы, как сама наша политика. Он любит вспоминать, как в прошлом году в Канаде показали им резервацию индейцев. Там всё было чудесно: быт на высочайшем уровне, живут так уже почти сто лет – что ещё надо? Но Вэлле запомнилось не это, а слёзы в глазах вождя племени, когда он говорил о безвозвратно утраченной культуре своего народа. Значит, сумеет ли народ жить так, как он

хочет, – вот что точит Вэллу-политика. Но сегодня главный его тезис – если на родовых угодьях обнаружится пусть даже богатое месторождение, ни в коем случае нельзя кому бы то ни было на них посягать – культура народа превыше всего¹⁶.

Вэлла-хранитель

– Нас, лесных ненцев, – рассказывает Юрий, – разбросанных по территории от Архангельска до Красноярского края, не более двух тысяч. А в Тюменской области, в пяти районах, и того меньше. Мы пытались как-то наладить между ними связь, нефтяники даже выделяли вертолёт для регулярных рейсов. Но теперь вот перестали: посчитали, что слишком дорого. А сравнива ли эта цена с той, что берут вместе с нефтью из нашей земли? – и тут же смущается своим риторическим вопросом.

– Мне повезло в чём? – продолжает. – Я в интернате, как все, воспитывался, да поумнее других был: не только свою одежду, но и нож свой добивался права носить.

Поделки потом мастерил деревянные, те, что теперь в моде. У сегодняшнего поколения уже нет той неодолимой тяги к родным местам, лесу своему, речке. Мы нашли в Белоярском районе деревню Нумто – единственное место, где есть база для возрождения нашей культуры... Увы, я тоже пишу на русском. У лесных ненцев не было письменности. Я стал первым издателем, редактором газеты лесных ненцев «Наша жизнь» («Тильвисама»). Издаётся она в Варьёгане тиражом 200–250 экземпляров. Некоторые буквы алфавита я придумал сам, некоторые заимствовал. Но сейчас всё меньше у меня остаётся желания издавать газету. Я чувствую её искусственность и необязательность. Свободно её читают семь человек, десятков

---

¹⁶ Когда этот материал готовился к печати, сессия Ханты-Мансийского окружного Совета утвердила Положение о статусе родовых угодий в округе. Теперь дело за внедрением.

ещё – по слогам, остальные – смотрят картинки и только. И у меня возникает навязчивая мысль о том, что письменность – не передовой, не универсальный, не истинный способ передачи информации между людьми. Смотрите – устное творчество сразу становится достоянием народа (лучшие образцы живут веками, тысячелетиями), а рукопись – нет. Истоки хантыйского обряда «Медвежьи игрища», например, уходят очень далеко. Там есть песня о лесном журавле – «Ты прилетел с берегов реки Шипр...». Этнографы неверно переводили Шипр как «страна Сибирь». И вот я задумался – почему весной журавли летят из Сибири в Сибирь? Оказывается, остров Кипр имеет древнее название – Шипр. Но откуда ханты знают об этом острове, не имели ли они связи с ним? Я иногда думаю: современному человеку необходим огромный пожар, чтобы уничтожил он горы макулатуры. Если потом восстанавливать всё по памяти, шелуха забудется, а останется чистое золото культуры народа. И она будет лучше, крепче и чище...

В этот момент мне показалось, что в заснеженном окне полыхнула молния... А Юрий Вэлла уже встал, собираясь в дальний свой путь.

ПОЭТ ИЛИ ПОЛИТИК?

Беседу вела И. Батяева

«Новости Приобья», 15 февраля 1994 года

Нестандартные рассуждения, свой взгляд на явления и события с уже установившимися общественными оценками, знание древних обычаев и традиций, культуры и истории коренных народов Севера характерны для Юрия Кылевича Айваседы – поэта, писателя и интересного собеседника. Живёт он на стойбище, в Варьёгане бывает редко, в городе и того реже. Но

случается, приезжает по делам в администрацию района и тогда обязательно находит время забежать к старым друзьям Ольге и Николаю Васильевым, в краеведческий музей, где всё знакомо – от сотрудников до экспонатов. Здесь мы и встретились с Юрием Айваседой. Само собой, завязался разговор о творчестве, политике и вообще о жизни. Прежде всего интересовали творческие планы поэта, на что Юрий Кылевич ответил:

– Творчеством почти не занимаюсь. Никогда не вымучивал, не заставлял себя создавать ни стихи, ни прозу. Не брал обязательств выдавать столько-то строк. Всё это подёнщина, подневольный труд – он никогда ничего хорошего не родит. Есть известное литературное правило – ни дня без строчки, понимаю, что человек должен «набивать» руку, мышление. Мозг должен работать ежедневно, но я не заставляю себя работать творчески. Пришло – написал, не пришло – не ищущу. Было у меня несколько перерывов – в течение четырёх-пяти лет, действительно, ни строчки. А потом словно озарение или вдохновение – появление поэтических сборников. И снова творческое молчание вот уже два года.

– Возможно, от творчества отвлекают политические события? Вспоминаются выступления варьёганцев в защиту природы, заслоны против въезда в посёлок техники...

– Любой поэт – уже политик. Ведь и человек творчества равнодушен ко всему земному, окружающему миру, политике – в смысле духовного отношения к этим понятиям. Если он «не от мира сего», конечно, и его интересует общечеловеческое – одеться, покушать... Тогда поэзии поневоле приходится ввязываться в политику. Я не говорю, что имею отношение к высокой политике, как и к средней, когда определённые люди могут влиять на ход событий в высших её эшелонах. И в самом низу иерархической лестницы стоят политики, к которым я себя отношу, и которые делают её исподволь. А правители вынуждены на них ссылаться, оглядываться – их

большинство. И сила эта такова, что с нею нельзя не считаться. Хотя есть ещё и народ, он не «ввязывается» в политику, но политики всех рангов тоже вынуждены считаться с ним.

– *Мне кажется, что люди, подобные Вам, занимаются политикой, когда их что-то не устраивает.*

– Политика, как и поэзия, чаще всего рождается от неудовлетворённости жизнью. Ведь лучше всего выразит чувства, нюансы, к примеру, любви, поэт, у которого безответная любовь. А когда у человека всё устроено, он просто остывает, а любовь умирает. Это мой взгляд. Или взять стихи на тему экологии. От неблагополучия они появились, от нарушения природного баланса, влияющего на меня, на жизнь моих родственников, что создаёт определённые неудобства и зарождаёт во мне определённые эмоции, которые должны выплеснуться.

Выступая однажды на семинаре «Проблемы народов Севера», проходившем в Новосибирске, я высказал такую мысль: «Как коренным жителям-северянам выйти из создавшегося положения: они разучились работать, самостоятельно устраивать свою жизнь. В то же время, если коренным жителям не помочь, физиологическая смерть обеспечена восьмидесяти процентам населения. Но всевозможные льготы обрекают людей на ещё большую беспомощность. Ещё больше рука тянется – дай, дай, дай...». Это к тому, что меня не устраивает в сегодняшней жизни коренных народов.

– *Есть ли выход из создавшегося положения?*

– Во-первых, надо отказаться от посторонней помощи. Сами коренные народности должны решать свои вопросы – правильно или неправильно. Даже иметь право на собственную бюрократию. Власти повыше должны влиять исподволь – не подсказывать, а создавать условия для того, чтобы мы сами до всего додумывались.

Сейчас идёт выдвижение кандидатов в депутаты Думы, а мы сидим и перебираем – кого? Некого. Из десяти кандидатов реально пройдут два-три человека. Хотя в администрациях всех ступеней занимают какие-либо должности представители коренного населения, и, если честно, то не у всех есть способности заниматься этим, но мы их сами выдвинули для того, чтобы другие на них смотрели и тянулись до них, чтобы поразворотливей стали. Так вот, если бы жизнь коренного населения не устраивали, а дали им самим эту возможность. «Вот тебе земля и живи как хочешь». Положены отчисления из бюджета, предприятий – пожалуйста. Но как всем – и не больше. Пусть выживают. Я понимаю – это сложно, но иначе нельзя. Ведь испокон веков мы были поставлены в условия выживания на стойбищах. Не наловил рыбы, не убил зверя – будешь голодным, не нарубил дров – замёрзнешь. А сейчас в посёлке – пропьянствовал, всё равно в доме тепло – центральное отопление проведено, продуктов нет – пошёл в магазин отоварился, денег нет – зарабатывать не надо, и так дадут: ссуды, дотации, компенсации...

Мы внушали детям, что, когда они вырастут, будут космонавтами, нефтяниками, речниками, но никогда – оленеводами. Сейчас пошёл обратный процесс, но наши дети не воспринимают этого. У нас игрушки-то были – танки, машины... не олени, упряжки, нарты. Если одна четвертая часть моих родственников будет жить на стойбище – это уже победа. Жизнь на стойбище не должна исчезнуть, ибо это подпитка национальных корней. Поэтому мой уход на стойбище и есть политика, политический шаг.

Прежде всего, выражение национальности – язык. Это образ жизни. А наш образ жизни – оленеводство, и весь язык построен вокруг него. Исчезает оленеводство, беднеет и исчезает язык, теряя свои особые национальные черты. Исчезают поговорки, обычаи, приметы. Ведь сколько у нас было примет погоды – никакой метеорологической станции не надо, если

помнить, когда перед рождением луны несколько дней стоит холодная погода, то после её рождения потеплеет, и наоборот. Мало того, есть две народные сказки – на холод и на тепло. Правда, пользоваться ими можно только в исключительных случаях. Расскажешь ту или иную мысленно себе или рядом сидящему – на завтра нужная погода стоит. Эти сказки я узнал от своего друга, когда начинали вместе охотиться. Он – от своего отца. От частого пользования они перестают действовать. За свою жизнь трижды я произнёс их. И потом – никогда не знаешь, когда прекратится их действие. Многое в нашей культуре ещё не познано. В отличие от политики, где, кажется, уже всё познано, начиная с опыта древних времён, но всё непредсказуемо по сегодняшний день. Мы сами выбираем тех, кто должен делать её. Выборы в верхнюю палату Совета Федерации, например. Любой рассуждающий человек понимает, что целесообразнее избрать в неё главу администрации региона, который лучше знает, какие вопросы надо решать, который будет думать, как принять то или иное решение, куда направить ту или иную энергию.

– *Допустим, Вас избрали в окружную Думу...*

– Вообще-то, занимать такие должности – не для меня. Будь я местным руководителем, президентом какой-либо ассоциации или главой администрации Варьёгана, я бы писал статьи о возрождении стойбища, оленеводства, а сам жил в городе – никто бы внимания не обратил на мои призывы. Но я ушёл жить на стойбище. Глядя на меня, вторая семья пошла, ещё и ещё... Я стал вывозить на стойбище своих внуков, дочерей. Молодёжь из посёлка стала ездить к своим родителям – пожить на стойбище. Нынче ещё одна совсем молодая семья переселилась туда. И потом, люди же видят – приехал со стойбища – посвежел, бодрый, настроение хорошее. Стараюсь влиять исподволь, словами ничего не докажешь, не убедишь. Варьёганцы – народ очень активный, хотя они и

№ 18 / 18

Генеральному директору СЦ "Белые ночи"
Дону Джойнеру

Я сожалею, господин Джойнер, что у нас с Вами до сих пор не получается дружеских встреч, что с того момента как Вы приступили на должность генерального директора "Белых ночей", мы - коренные жители вынуждены выходить на Вас только с жесткими обращениями.

Вот и сейчас:

Да, среди моих родственников имеются отдельные люди, которые готовы ради наживы продать землю отцов и матерей, продать реку, которая их кормит, продать озеро, которое помогло бы выжить его детям и внукам. И Вы через этих людей, пытаетесь завладеть их подписями, снова ищите возможность проникнуть на Рославльское месторождение.

Неужели Вы забыли, что мы с Вами закрыли этот вопрос? Неужели Вы забыли, как нынешним летом умоляли нас не отрезать Западно-варьеганское месторождение от внешнего мира? Ведь мы, господин Джойнер, в личной беседе договорились больше не затевать разговор о Рославльском месторождении! В чем дело? Весь мир говорит об американском бизнесмене как о партнере умеющем держать слово. Или, может, мне выйти на международный уровень, чтобы рассказать о бизнесменах из "Файбро Энерджи", которые не умеют держать слово? Я на всякий случай вышел на телекомпании Японии, Швеции и Германии, на всякий случай познакомился с ребятами из Эй-Би-Си. Может мне воспользоваться этими знакомствами? Ведь ваша фирма не выполнила главного условия по Западно-варьеганскому месторождению. Вместо западной технологии добычи нефти вы используете нашу "советскую".

И если вы опьянили радужнинского нефтяника своими долларами, нам-то на трезвую голову виден завтрашний день. А он очень безрадостен: сорвав куш с Западного Варьегана вы-американцы уедете, через десять лет начнутся аварии, "Варьеганнефтегаз"/или как он потом будет называться/ не будет успевать ремонтировать скважины, трубопроводы, оборудование. Месторождение из перспективных станет безперспективным. На него все меньше и меньше будет выделяться денег. Люди начнут разбегаться... из Радужного. Может кто-то еще и придет на былое эхо "длинного рубля", но это уже не на долго.

Но самое страшное то, что мои внуки уже никогда не получат назад свое оленье пастбище, свое рыбное нерестилище, свое охотничье угодье. Они уже никогда не смогут поставить в районе Западного Варьегана свой чум и родить в нем своего сына.

Поэтому нашу землю в районе Рославльского месторождения мы будем отвсевывать до конца. Это последнее, что у нас осталось. Рославльское месторождение - это сердце реки Варьеган, это легкие реки Аган, это наше - коренных жителей Я.

Коль кровавые войны сегодня идут на юге России, а не в Сибири, это значит у северных народов еще есть терпение. Но к созалению оно не вечно, терпение может лопнуть.

Вспомните историю вашей страны. Вспомните, как "белый человек" вашей страны вынудил коренного жителя Америки взяться за оружие. Мир устроен таким образом, что когда Человечество становится забывчивым, история повторяется.

Вождь коренных жителей Варьегана:
Юрий Айвасада из рода Велла

11. 11. 1992.
с.Варьеган

упрекают меня за то, что ушёл на стойбище. Думали избрать главой администрации посёлка. Я отвечаю так – извините, вы думали, что я буду беспокоиться, выбивать деньги у нефтяников, создавать блага, чтобы вы жили на всём готовом. Не для того я стремился создать сельский Совет в своё время, ведь в Варьёгане не было ни административной единицы, ни своей территории. Мы были частью Аганского, потом Новоаганского сельских Советов. Свой народ я не бросил, но быть главой администрации – это не моя работа.

Более почётно для меня – быть вождём. Но сегодня нет официального понятия – вождь племени, поэтому я стал именовать себя неофициальным вождём племени коренных жителей ханты и ненцев Варьёгана. Вождь должен быть хитрее, умнее.

– Чувствуется ли в посёлке в последнее время расслоение на бедных и богатых?

– Да. Три семьи у нас имеют от 150 до 250 оленей и семь семей – по 15–20 голов. У меня, например, 16 оленей. А есть вообще безоленные. Но я бы не сказал, что это сплошь обездоленные люди. Это руководство сельской администрации, ассоциации, бывшие депутаты. Одним словом, активисты, которые, как и прежде, вершат дела в посёлке. По старой памяти распределяют снегоходы и прочие поступления, материальную помощь. Житель посёлка всегда «в курсе» и в первых рядах на получение благ, в отличие от тех, что живут на стойбище, – у них олени, они миллионеры... А этот живёт в посёлке, у него оленей нет, ничего нет, у него даже дров не бывает. Поэтому – ему снегоход. Он лучше пролодырничает, пропьянствует – вот одна причина расслоения. И вторая – своеобразное отношение к оленю. Даже если человек объявит себя фермером, кооператором, малым предприятием, и ему будут выделяться деньги из фонда Севера на возрожде-

ние оленеводства, хотя предназначены они не на какие-то нужды, а на возрождение культуры коренных народов Севера, то стада у него не будет, если он видит в олене только кусок мяса. Хорошо, если он в результате удачной коммерции хотя бы устроил деньги, но у него и этого не получилось.

Так куркуль ли тот, кто живёт на стойбище и имеет двести оленей? Он начинал с двух-трёх и благодаря трудолюбию получил стадо. Много ли это – двести оленей? Мне ежедневно нужны три оленя для выезда на промысел. Завтра я на них не поеду – должен дать им отдых минимум два дня. Значит, завтра нужно ещё три оленя в упряжку, то есть необходимо иметь не менее 15 ездовых. А на потомство, а молодняк? Дальше: чтобы сшить обувь, надо забить три оленя: на сменную, рабочую и парадную хочется. Мужчине надо минимум четыре пары, а лучше пять-шесть. Но у меня есть жена, дочери. Они тоже не могут обойтись одной парой. Дальше, упряжка оленья. Кроме того, что она нужна мне, у моих домочадцев тоже она должна быть. Они тоже хотя бы через два дня должны выезжать.

– *Это не прихоть?*

– Это необходимость жизни на стойбище. Прихоть, это когда у меня олени месяц бегают незапряжённые. Вот он – ездовой, обученный, а месяц гуляет упитанный, хороший. Для того, чтобы он месяц отдыхал, – это сколько надо оленей? Анна Неркаги, ненецкая писательница, в прошлом году писала, сколько надо ненецкой семье оленей. Средней семье из семи-восьми человек. У меня семья – тринадцать человек. По её подсчётам, чтобы жить от своего стада, правда, она не пользуется цифрами, а подводит читателя к мысли – 250–300 голов.

Так вот, много ли у нас в посёлке так называемых куркулей? К сожалению, мало. К сожалению.

Михил Гнедовский,
кандидат исторических наук

МОЙ ДОМ – МОЙ КОСМОС

«Северные просторы», 1996 год, № 3/4

Музей, созданный в Варьёгане Юрием Вэллой, стал отчаянной попыткой культурного самоопределения и самовыражения коренных жителей Севера.

Культура, оказавшаяся на грани уничтожения, утверждает здесь свои ценности и заявляет о себе миру. Это – беспрецедентный пока пример того, что культура может говорить в музее от первого лица и голос её будет услышан.

В декабре 1995 года в Красноярске проходила Первая Международная музейная биеннале – представительный форум музейщиков и одновременно конкурс музейных выставок, привезённых со всех концов России и из-за рубежа. Победителями биеннале стали две экспозиции – обе с севера Западной Сибири. Первая, «501-я стройка», представленная окружным музеем из Салехарда, рассказывала о железной дороге Салехард – Игарка, строившейся в конце 40-х – начале 50-х годов заключёнными. Вторая выставка, «Летнее стойбище оленевода», из музея национального посёлка Варьёган Ханты-Мансийского автономного округа, воспроизводила с удивительной достоверностью культуру и быт ханты и лесных ненцев, издавна живущих бок о бок в таёжных угодьях Среднего Приобья.

Варьёганская экспозиция действительно была частью живого стойбища, затерянного на просторах лесотундры, островком обжитой среды, где каждая вещь имеет практический смысл и где вместе с тем присутствует поразительное ощущение единства с природой и целым миром. Это почти космическое ощущение удалось передать и в условном про-

странстве выставки. Экспозиция была развёрнута в подвальном техническом помещении Красноярского Музейного центра, где фоном для неё служили огромные вентиляционные короба. Эффект получился неожиданным: чум, в котором посетителей угощали чаем, бревенчатый лабаз, фрагмент оленьего коралля, долблёная лодка-обласок и другие «тёплые» предметы, составляющие мирный обиход оленевода, оказались окружены приметами индустриальной эпохи. Такими лаконичными средствами был создан образ традиционной северной культуры, теснимой со всех сторон освоителями нефтяных и газовых месторождений.

Давая высокую оценку варьёганской экспозиции, международное жюри приняло во внимание целый ряд её очевидных достоинств: смелость концепции и абсолютную документальную точность, органическое дизайнерское решение и социальную остроту. Но главным фактором, повлиявшим на решение жюри, стала, пожалуй, личность создателя выставки и основателя варьёганского музея Юрия Вэллы, который всё время присутствовал в зале экспозиции, часами, не повторяясь, отвечал на вопросы посетителей, показывал, как действуют те или иные орудия, составляющие традиционный арсенал сибирских охотников и рыболовов, и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла) – оленевод и поэт, знаток хантыйской и ненецкой культур. Он получил образование в столице, но вернулся в Варьёган, создал там музей, а когда почувствовал, что это его детище может развиваться самостоятельно, обзавёлся оленями и переселился на стойбище, в родовые уголья, где всегда жили его предки. Сегодня судьба его стойбища под вопросом. Если начнутся разработки новых нефтяных месторождений, его и многие другие семьи, которые держат оленей в тех краях, вынуждены будут уйти со своих угодий. Но, как утверждает Вэлла, уходить уже некуда. Дальнейшее продвижение нефтяников – это конец традиционного образа жизни.

Вэлла чем-то напоминает философов древности. Он невозмутим, держится спокойно, с достоинством. Автор нескольких книг и блестящий рассказчик, он знает цену слову, но понимает и его ограниченность. Поэтому он философствует собственной жизнью, своими делами. Одним из его начинаний стало создание музея в Варьёгане.

Можно себе представить, какую гигантскую работу проделали жители посёлка, чтобы перевезти из тайги заброшенные постройки, обустроить интерьеры и территорию... Когда музеи такого масштаба создаются по инициативе государства, над ними работает сначала большой коллектив проектировщиков, затем – целая армия исполнителей, не говоря уже о штатных сотрудниках. Но эффективность варьёганского проекта измеряется не только экономией средств. Музей стал своеобразной «культурной прививкой», попыткой перенесения европейского по происхождению института на совершенно иную культурную почву, где он «мутировал», качественно изменился и начал служить развитию национальной культуры. В частности, в музее есть священное место, где в урочное время совершают традиционные обряды, приносят жертвы духам-хранителям.

И это – не забава, не спектакль для заезжих туристов, а жизнь, которую сами ханты и ненцы воспринимают абсолютно всерьёз. Здесь задействованы глубинные ценности национального самосознания. Варьёганский музей – не кладбище культуры, не хранилище её случайных обломков, но – квинт-эссенция живой традиции, механизм её воспроизводства и развития. В сущности, это уже не музей, а своего рода «кентавр», соединяющий черты европейского института и институтов традиционного общества.

В то же время для человека со стороны здесь создан убедительный образ иной культуры, подлинность которого ощущается буквально во всём – в расположении вещей и построек, органично вписанных в природный ландшафт, в царящей здесь

непринуждённой атмосфере, в беседах за чашкой чая с людьми, которые являются хранителями как в европейском, музейном значении этого слова, так и в эзотерическом смысле этой культуры, где хранитель этого места – почётная жреческая обязанность.

Если культура – это дом, который может быть своим или чужим, куда можно войти или остаться снаружи, то варьёганский музей – это место, где ханты и ненцы у себя дома, а посетитель – в гостях. Это их культура, и она имеет свои сокровенные стороны, причём её необязательно демонстрировать каждому встречному. Есть вещи, относящиеся к сакральной сфере, их не покажут «пришельцу», а только туманно расскажут о них, намекнут, обозначив этическую границу, которую не следует переступать.

Музей в Варьёгане возник в силу уникального и драматического стечения обстоятельств. Сыграли роль удалённость и труднодоступность этих мест, где национальная культура сохранилась в своих близких к традиции формах. Вместе с тем наступление индустриальной цивилизации привело к разрушению экологической ниши этой культуры, поставило её на грань выживания. Либерализация последних лет позволила говорить вслух о проблемах малочисленных народов, а главное – действовать, спасая то, что ещё можно спасти, возрождая то, что ещё не забыто.

Обычный этнографический музей говорит о традиционной культуре «в третьем лице», описывает её через фрагменты так, как будто она уже не жива. Такой музей может многое сообщить о культуре, но вряд ли он способен участвовать в её развитии. Цель варьёганского музея – и Вэлла сознательно сформулировал это с самого начала – выживание культуры, адаптация к новым условиям при сохранении главных её ценностей. Отсюда – совершенно необычное отношение к экспонатам и принципиально новые «правила игры», возможно, идущие вразрез с общепринятыми музейными нормами. Но дело в том, что варьёганский музей – уникальное явление не только в России,

но и во всём мире. Его нельзя мерять обычными мерками, ибо он прокладывает новый путь и сам устанавливает себе правила. Культура ханты и лесных ненцев говорит здесь «от первого лица», и лучше всего её голос слышен, когда проводником в этот мир становится Юрий Вэлла, человек мудрый и наблюдательный. Он рассказывает о своей жизни и жизни своего народа. И каждый рассказ его звучит как притча.

Елена Миськова

НЕ ОТНИМАЙТЕ МАЛИЦУ

«Северные просторы», 1996 год, № 3/4

*Спой мне песню, Ланэй!
Пой, пока поётся.
Может, в душах внуков песня отзовется?
Если наши дети мелодию подхватят,
В суете и спешке чувства не растроят.*

Ю. Вэлла

По профессии Елена Миськова этнограф, живёт в Москве. В сентябре 1995 года Юрий Вэлла пригласил её к себе на стойбище работать учителем.

О её первом опыте, о системе образования, наиболее приемлемой для детей тундровиков и таёжников, и будет рассказ.

Когда в мае мои ученики проходили тестирование в Варьёганской школе, чтобы перейти в следующий класс, завуч отметила быстроту реакции и сообразительность Кольчу, неплохую подготовку Жени, однако пришла в ужас от их дисциплины и невнимательности. То, что бросилось в глаза завучу,

потрясло и самих ребят, когда они посмотрели на себя со стороны. В школе это определили как отсутствие культуры поведения. Можно спорить по поводу определения, но все мы, воспитанники российских школ, примерно понимаем, о чём идёт речь. Возможно, профессионал с классическим взглядом на образование и привил бы эту культуру, но в нашем случае всё определялось тем, что я по своей основной профессии – этнограф. Поэтому я изначально была настроена так: жизнь на стойбище рациональна и оптимальна, это самая правильная жизнь, а культура поведения в ней – данность, не подлежащая изменению, её нужно изучать и воспринимать такой, какой она складывается веками.

Культура поведения обычного российского школьника включает в себя не только соблюдение дисциплины на уроке, но и правила субординации, особенно в отношениях с учителями.

Дисциплина в нашей избушке, а весной – в чуме-школе напрямую зависела от психологического состояния моих учеников. При обучении в семейной атмосфере это – определяющее условие. В школу ребёнок приходит, отрываясь от обстановки дома, чтобы погрузиться в отстранённую атмосферу познания, царство логики и абстракции. Дома процесс получения знаний синхронен переживанию различных семейных ситуаций и проблем семейной обыденности. Детей не исключают из неё ради неких лучших, высших сфер обучения. Кроме того, в эту атмосферу погружён учитель. Семейное воспитание – основа, почва для школьного обучения. Это правило ни у кого не вызывает возражений. Однако очень часто виновником проблем в обучении становится неосмысленный педагогами, методистами, психологами разрыв между законами домашнего воспитания и идеалами школьного обучения. Формы их практически несовместимы. Мне кажется, что такой разрыв остро сказывается на детях из семей коренных жителей, обучающихся в школах.

Коренные жители воспитывают своих детей очень свободно, не применяя к ним наказаний, избегая всякой ругани.

В начале моего пребывания в семье Вэллы мы все вместе смотрели в избушке на зимней стоянке фильм «Юрий Вэлла из рода Айваседа». За кадром, в котором наряду со взрослыми занимается своими делами маленький Кольчу, режиссёр говорит о том, что ненцы – прирождённые воспитатели, они никогда не ругают и не наказывают своих детей, просто предоставляют им свободу видеть, слышать, понимать окружающее, происходящее вокруг них. Я помню, что Юра и его жена Лена немного смущённо, немного скептически рассмеялись, выслушав эти слова: незадолго до того кто-то из них «шумел» на расшалившихся внуков. Тогда я тоже восприняла слова из фильма как идеализацию, своего рода этнографическое клише. Но чем дольше я жила в семье Юры и Лены, тем больше понимала истинность этих слов. Теперь я совершенно уверена в их правоте.

Разумеется, на детей могут рассердиться, прикрикнуть, даже шлёпнуть их за слишком опасное или назойливое баловство. Однако неприкосновенность, независимость и ценность детского «я» остаются приоритетами воспитания. Слово упрёка не имеет положительной власти над детской душой, но зато абсолютная ценность для неё – пример взрослого поведения. В любом конфликте повинны обе стороны. Это справедливо и для взаимоотношений между взрослыми и детьми.

– Будете дуреть – я вашу учительницу наколочу! – частенько говорил Юра своим внукам за общим обеденным столом.

– Я ведь твою Тайну колотить буду, если ты учиться не хочешь, – обращался Юра к Жене, внуку от старшей дочери Тайны. – Ты ведь мне не сын, а твоя Тайна мне дочь. У тебя свой папа есть. Он пусть тебя ругает, а я свою дочь ругать буду.

– Бей, бей его посильней, – «советовал» Юра внуку Кольчу, повздорившему с младшим братишкой Антоном, – он ведь твой брат, не мой, так колоти его. Мне его не жалко.

Замечательна эта форма упоминания в разговоре в третьем лице второй конфликтующей, более сильной стороны: ироничная, привлекающая ребёнка к ответственности не только

за свои действия, но и за чувства близких людей, она одновременно задевает взрослых, даёт им возможность усомниться в своей непогрешимости.

Ребёнок свободен воспринимать и оценивать мир вокруг себя, в том числе и мир взрослых, без всякой «редакторской правки» родителей. Взрослого молодого парня никто не станет упрекать за пагубное пристрастие к выпивке: разве он сам не понимает, что делает? Разве есть смысл в упреках?

Я убедилась на собственном опыте в том, что авторитет учителя, уважение к этому званию в целом сохраняется в среде коренных жителей. И вообще, обучение, приобретение знаний всё ещё представляется процессом важным и, может быть, немного таинственным. Однако школа часто разочаровывает. Юрий Вэлла рассказывал мне, что сам он в детстве рвался в школу, очень хотел учиться.

– Первый раз в первый класс бегом бежал, на ходу подпрыгивал от радости. Но потом меня в школе сильно разочаровали. У меня была мечта в пятом классе – стать космонавтом. Про меня говорили: у него хорошая, советская мечта. А про тех мальчиков, которые приезжали в школу на оленьей упряжке, так не говорили. Но теперь я понимаю, что уже тогда у меня была мечта об оленях. Я этим мальчикам завидовал: они аркан умеют кидать, оленей в нарту сами запрягают, на стойбище живут. А их считали отсталыми, недоразвитыми детьми. По несколько лет они сидели в подготовительном классе, где их, говорящих на национальном языке, готовили к обучению на русском. Того, кому это не удалось, оставляли на второй год и записывали в отсталые. У нас самым сообразительным, настоящим лидером, был Сергей Казамкин. Он знал кучу головоломок, сказки рассказывал, загадки загадывал, охотиться умел, но не мог выучить русский. Я думаю, если бы его учили на родном языке, он был бы отличником.

Сейчас никто не приезжает в школу в Варьёган на оленьей упряжке, да и проблем с русским языком нет: дети так же, как

и их молодые родители, плохо знают ненецкий или хантыйский язык, однако по-прежнему большинство из них числятся психологически и интеллектуально неблагополучными.

Для моих учеников школа в Варьёгане – место значимое, привлекательное. Они едут сюда с удовольствием и заметным душевным трепетом. Их дед Юрий Вэлла многое сделал для того, чтобы эта школа появилась в посёлке. В конце 1996 года варьёганцы отмечали её десятилетний юбилей. А вначале далеко не все были уверены, что она нужна. Обучались в соседнем Новоаганске, в действительно сильной школе, многие дети обречены были на отставание. Юрий Вэлла активно выступал тогда за строительство и обустройство настоящей деревенской школы в Варьёгане. Трижды мы ездили с детьми в школу сдавать четвертные тесты, и каждый раз их радовала и возбуждала встреча со сверстниками.

– Я не хочу, – говорил мне Юра, – чтобы они (внуки) теряли связь с варьёганцами, чтобы, живя на стойбище, не знали своих сверстников в посёлке.

Но отчасти эта связь уже нарушена. Мои воспитанники, конечно, никак не ущемлены в информации о внешнем мире – они так же играют в героев западного кино, поочерёдно становясь Нико, Мэвериком, так же выясняют, много это или мало – миллион двести «дораров». Но с точки зрения специалистов поселковой школы выглядят неорганизованными, даже расхлябанными, не умеющими учиться и общаться по школьным правилам. Для них учёба не отделена от забот и радостей дома. Их каникулы совпадают не с неведомым им учебным планом или праздниками, а с касланием с одной сезонной стоянки на другую, с поездкой в посёлок, с приходом снегохода или прилётом вертолётa с гостями. Их выходные могут начаться посреди учебного дня потому, что дедушка решил запрягать или забивать оленя, или потому, что чум, где они учатся, посреди бурной весны затоплен водой. С точки зрения школы такой подвижный график выходных плохо

отражается на усвоении учебной программы. Но программа наша рассчитана на иные природные и жизненные ритмы, на иную обыденность. Неожиданный перерыв в занятиях в связи с общими семейными делами воспринимается естественно.

Нередко услышишь, что дети-аборигены, как и взрослые, несобранны, безответственны, что они – дети природы, которым нет смысла получать, например, высшее образование, они к нему не готовы. Действительно, подчинённость биоэкологическим ритмам порой мешает им овладевать профессией и работать в большом городе или посёлке. Но эти ритмы, как и интуиция, – обязательные условия жизни оленевода, рыбака, охотника.

Как-то после посещения Нижневартовского комитета по образованию у нас с Юрием Вэллой произошёл такой разговор:

– Я считаю, – сказал он, – что образования среднего нет. Если человек получил его, то это иллюзия, что он получил образование. Оно может быть только высшим (к высшему Юра отнёс и образование жизнью, если человек способен им овладеть).

– Но ты согласен с тем, – спросила я, – что в самой природе коренного жителя нет чего-то такого, что необходимо для получения высшего образования?

Я приготовилась к его возражениям, заранее с ним внутренне соглашаясь, но, к моему удивлению, он ответил:

– Да, это так в большинстве случаев. Мы такие, мы неорганизованные, с нами нельзя действовать силой, мы не умеем, чтобы всё было по часам. Мы вообще плохие. Но иногда, глядя на кого-нибудь из знакомых, родственников, мне становится жаль, что у них нет высшего образования.

В своём дневнике я записала: «В Юриных устах это очень весомые слова: «Мне жаль»».

Юрий Вэлла предоставил своим дочерям право выбора. Они не стали получать высшее образование.

Школьная программа достаточно сильно сковывала и меня, и детей. Всякий раз, когда я пыталась упорядочить учебный

день и неделю, это резко отрицательно сказывалось на восприятии знаний. Возникали проблемы с содержанием программы. Детям не всегда было интересно читать про коров и про то, какие растения вырастил Вова. Им хотелось по-своему интерпретировать сюжеты из азбуки. И тогда я многое поняла. Они должны узнавать о незнакомой им реальности в форме свободного рассказа, эмоциональной беседы – это наиболее приемлемо в обучении детей на стойбище. Рассказывая о метро, о правилах дорожного движения, о ягоде-малине, клубнике, землянике как о чём-то незнакомом, я прибегала к образам и сравнениям и порой обсуждение даже неизвестных предметов и явлений становилось просто захватывающим.

Совершенно волшебными были наши внепрограммные рассуждения о вращении планеты Земля вокруг Солнца, о смене дня и ночи, о географии далёких стран. Успешно продвигался вперёд наш английский, где уроки были построены в форме игры.

Внуки Юры не говорят на ненецком или хантыйском языках. Он и в этом придерживается позиции, что всё должно происходить естественно, по желанию или по необходимости, как подскажет жизнь. Если взрослые в семье в основном общаются по-русски, то и незачем превращать родной язык – в Юриной семье их два – ненецкий и хантыйский – в ограниченный по времени и форме урок. Возможно, жизнь здесь, общение с жителями соседних стойбищ помогут им естественным образом изучить родной язык. Всё-таки хантыйская, реже ненецкая речь, звучит дома, да и дедушка-поэт то и дело вовлекает всех домашних в выяснение смысла и форм употребления того или иного слова, выражения, той или иной фразы не только на ненецком и хантыйском, но и на русском.

Абсолютно вне программы для младших школьников звучали наши разговоры на вполне этнографические темы: почему есть русские, ханты и ненцы. Попробуйте ответить на вопрос ребёнка: «Почему мы ненцы?» – который подразумевает ещё более сложный: «Что значит быть ненцем?». В конце

концов Женья, у которого папа наполовину ненец, наполовину татарин, а мама наполовину ненка, наполовину ханты, высказал свой обдуманый вывод:

– Мы – ненцы потому, что мы гладко обедаем рёбрышки оленя.

Да, и поэтому тоже, ведь не зря же дедушка рассказывает о том, как должен кушать оленя настоящий ненец. Да и бабушка не просто так не велит прыгать и играть на свёрнутых постелях, объясняя, что для ханты непозволительно сидеть на подушках или топтать их. А из длинной, на много вечеров, сказки дедушки про умного, ловкого, хитрого, весёлого Щевчимя разве не видно, кто такой настоящий ненец?

Единственный вопрос, каким я задалась, начиная писать эту статью: можно ли обучать детей на стойбище? Варианты его: нужна ли такая форма обучения? Жизнеспособна ли она? – я слышала несколько раз от работников образования Нижневартовского района.

Сейчас довольно много детей ненцев и ханты бросают школу, не получая даже неполного среднего образования. Но зачастую дети уходят из школы, что называется, в никуда: в пьяную поселковую среду или на такое же «пьяное» стойбище.

В районной нижевартовской газете «Новости Приобья» в статье Мухамата Ишбаева «Так начиналось», посвящённой истории образовательной системы в Ханты-Мансийском округе, цитируются документы далёких 30-х годов. «В 1921 году жители собских юрт, близ Салехарда, – пишет автор статьи, – говорили: «Нас остаётся всё меньше и меньше. Вам, русским, суждено жить. Нам – вымирать. Вам грамота полезна, а нам – вредна; она сделает из нас воров, пьяниц, воспитает вражду, ненависть наших грамотных к нам – мы это испытали. Оставьте нас в покое, не трогайте нас!».

Как это ни тяжело читать, многое из прадедовского пророчества сбылось, и школа за это тоже в ответе. Поэтому, если есть какая-то возможность изменить ситуацию, а не просто откреститься

от детей, уходящих с родителями жить на стойбища, ею надо воспользоваться хотя бы в порядке эксперимента.

Отказывая стойбищному обучению в жизнеспособности, мы тем самым повторяем ошибку советской школы, признававшей стойбищную жизнь и оленеводческий быт отсталыми, тёмными, первобытными укладами, подлежащими искоренению и преодолению. Юрий Вэлла в школе мечтал стать космонавтом. Если бы кто-то сказал ему тогда, что он будет заниматься оленеводством, жить на стойбище, он бы, наверное, просто посмеялся над тем человеком. И сейчас, может быть в шутку, он замечает, что надо было получить высшее образование, чтобы по-настоящему осознать ценность стойбищной жизни. В одном из разговоров я сказала Юре, что, судя по его мечте стать космонавтом, у него не было тогда внутренних противоречий. Но он возразил:

– Я думаю, что неосознанно был внутренний протест. Мы же свои малицы выкрали, когда их забрали.

– А их забирали?

– Да. Мы приезжали в интернат, малицы с нас снимали, выдавая казённые пальто – «цивилизованную одежду». А малицы складывали и убирали в склад. Мы со старшими ребятами крышу склада разобрали, забрались туда и свои малицы унесли. Нам потом пообещали, что их в следующий раз сожгут.

Если сейчас человек стремится к стойбищной жизни сознательно, если он хочет быть рядом с оленями, чтобы не терпели ущерба, а, наоборот, прирастали его хозяйство, семья, душа, сознание, если он намерен вести независимый образ жизни в условиях трудного, но неизбежного контакта и диалога с нефтегазодобытчиками, то такой быт нельзя назвать отсталым. Детей в таких семьях нельзя отлучать от образования. Им оно необходимо. Оно разбудит желания и умения постигать природный мир самостоятельно, действовать в этом мире без чьей-либо подсказки и скидки на возраст. Иное дело программы и формы обучения.

Равенство ребёнка и учителя, их открытые взаимоотношения возникают на стойбище тогда, когда учитель погружён в атмосферу семьи, его обыденная жизнь проходит на глазах ученика. Конечно, такая жизнь не должна превращаться в интернат для учителя – хотя надо признать полезность и такого опыта, чтобы понять психологическое состояние детей в интернатах.

Будут ли желающие так работать учителя? Я думаю, они найдутся. Появятся молодые специалисты на местах. Думаю, далеко не на всех стойбищах рискнут так обучать детей. Кто-то останется приверженцем традиционной школы. Варьёганская поселковая школа вполне заслуживает родительского доверия. Но если и дальше будет развиваться в Ханты-Мансийском округе частное оленеводство, то выбор многих семей будет на стороне домашних учителей.

Месяц спустя после своего приезда со стойбища на Тюяхе в Москву я получила письма от своих учеников.

«Здравствуйте, Елена Вячеславовна! – пишет мой усидчивый и смыслённый Женя, – как Вы живёте? Я живу хорошо. Сейчас у нас потеплело и появились комары. Олени пришли сами. Леночку приняли в первый класс. (Значит, будет новая ученица на стойбище у Юрия Вэллы, ещё одна внучка Юры, сестрёнка Жени, – бойкая, умная, работающая Утулу. – Е. М.). Я с папой ходил на охоту. Мы добыли две утки».

«Привет! Елена Вячеславовна! – вторит ему мой непоседливый и любознательный Кольчу, – как Вы доехали? Как живёте? Антон уехал к бабе Рае в гости. Твой оленёнок с мамой приходили домой. Он уже подросток. Приезжай в гости, мы ждём».

Проблемы семейные и дела аспирантские не позволяют мне вернуться к ним и теперь уже моему оленёнку в новом, 1997/98 учебном году. Мы договорились, что туда поедет ещё один учитель-этнограф, тоже из Москвы. Но, может быть, через год (нельзя загадывать, но мне бы очень хотелось) снова встречу поутру в избушке своих учеников и начну с ними бурное, сдувающее с их лиц последние следы сна и завтрака обсуждение, какой урок будет первым: английский или русский.

ОЛЕННЫЕ ЛЮДИ

«Новости Югры», 9 января 1997 года

В 1996 году в Когалыме прошёл первый учредительный съезд оленеводов-частников Ханты-Мансийского автономного округа. Под Нумто был подписан договор между администрацией нашего округа и совхозом «Ярсалинский» Ямало-Ненецкого округа о передаче стада оленей в тысячу голов оленеводам-частникам Ханты-Мансийского округа.

О проблемах оленеводческих хозяйств региона, о сложностях перехода оленей корреспондент Ольга Корниенко, побывавшая недавно на заседании координационного совета Союза оленеводов-частников, беседует с президентом Союза Юрием Айваседой.

– Юрий Кылевич, что представляет собой сегодня окружающей Союз оленеводов-частников?

– Во-первых, мы официально заявили, что существуем. До этого нас как бы не было, мы нигде никак не фигурировали.

В советское время, когда были колхозные, совхозные стада, всегда говорили: нет у нас частной собственности, нет частных оленей. Но такие оленеводы были всегда, это жизнь. И она доказала: эти коллективные хозяйства в нашей Сибири не выдерживают никакой конкуренции. Сегодняшние цифры показывают, что поголовье уменьшается и исчезает.

Вот и съезд оленеводов России, на котором я присутствовал, был направлен только на то, чтобы взять у правительства деньги, дотации для поддержания этого исчезающего колхозного поголовья. С другой стороны, именно в наши дни у оленевода-частника появился шанс «выйти из подполья». Вот мы и решили объединиться. Каждый оленевод должен чувствовать, что он не один, что всегда у него есть поддержка в Союзе, и среди таких же оленеводов-частников, и в то же время – что он сам в своём стаде хозяин и может сам решать, как ему содержать своих оленей. Правление Союза ни в какие дела оленевода-частника не вмешивается.

– *Как появилась идея пополнения оленьего стада округа?*

– На нашем съезде присутствовал президент Союза оленеводов России, директор совхоза «Ярсалинский» Дмитрий Хороля. Совхозу труднее реализовывать продукцию покупателю, а у оленевода-частника, наоборот, есть необходимость обновить кровь в своих стадах. Таким образом, мы как бы создаём рынок для совхоза.

– *Как в администрации восприняли это предложение: купить оленей за счёт округа?*

– Переговоры были нетрудными, к тому же у округа есть деньги...

– *Как воплощалась идея? Что сделано за это время?*

– С разных регионов нужно было собрать обширную информацию, заявления: кому нужны олени, сколько... Всё это делалось через отделения ассоциации «Спасение Югры», через местные администрации.

– *Только что состоялся координационный совет, который, я надеюсь, расставил последние точки. Вот перед нами большая кипа заявлений. По какому принципу рассматривались эти заявления?*

– На первом месте у нас стоят те, кто имеет оленей, имеет хозяйство, и им нужно только обновить кровь в своих стадах. К этим людям никаких вопросов нет и не будет, однозначно они получают то, что просят.

Вторая категория – люди, которые не имеют сегодня оленей, живут на стойбище и хотели бы завести себе стадо. Эти заявления мы тщательно смотрели и будем ещё смотреть. Будем советоваться с соседями, родственниками. Среди этих людей попадают такие, которые неспособны держать стадо.

Вот, например, человек пишет: «Прошу выделить мне 30 хоров (самцов) и 20 кастратов». И всё. Сразу возникает

вопрос: для чего человеку нужны только самцы и кастраты, да ещё в таком количестве? Конечно, для того, чтобы забить и получить мясо. Бесплатно получить оленей, продать и выручить деньги. Такие заявления мы очень тщательно должны проверить.

Есть ещё горожане, которые написали заявления. Здесь тоже нужно разбираться. Правда, есть и такие, у которых родственники живут на стойбище, возможно, они передадут оленей родственникам. И потом, ведь у них есть дети и внуки.

– *Каким образом будут скрепляться договорные отношения между собственником-получателем оленей и Союзом оленеводов?*

– Договорились так: раз олени куплены на деньги администрации, она имеет права на этих оленей и до конца остаётся их собственником, а Союзу оленеводов передаёт их в пользование. Наш Союз, в свою очередь, заключает договоры с хозяевами и вручаем им оленей как бы в аренду. Если оленевод получает, допустим, 10 оленей, потомство от них становится полной собственностью самого оленевода. Ведь мы ставим целью размножение стада, чтобы не исчез олень у нас в округе.

– *Как будет осуществляться перегон оленей?*

– По договору работники совхоза «Ярсалинский» перегоняют стадо под Нумто, приблизительно 50–70 километров севернее, в район Хэтты. В перегоне будут участвовать и наши люди. Во время перегона они должны познакомиться с характером стада, ведь ярсалинские оленеводы пригонят это стадо и уедут, а мы останемся.

– *Какие сложности могут встретиться при перегоне?*

– Я думаю, у нас будут конфликты с оленеводами, которые встретятся на нашем пути. Олень – стадное животное, и если

где-то попадётся небольшое стадо, а мы неправильно рассчитали маршрут и прошли через чьё-то стойбище, то наше огромное стадо поглотит чужих оленей. Потом будет проблема – этих оленей по одному вылавливать из общего стада.

– *Хорошо. Вот пригнали стадо под Нумто. Какие здесь возникнут проблемы и как люди узнают, когда надо встречать оленей?*

– Конечно, будем сообщать в отделы Севера, в местные ассоциации о сроках прибытия. И здесь нам потребуется мощная поддержка на местах. Да и частники, которые ждут оленей, тоже должны беспокоиться. Ведь до каждого стойбища мы оленей не погоним.

Планируется к первому февраля, плюс-минус 10 дней, пригнать стадо на Хэтту. До этого времени нам нужно будет с местными властями, с собственниками, с председателями общин, чьи люди берут оленей, подробно обговорить, кто и как будет их разбирать. Под Нумто нельзя долго держать такое большое стадо. Надо пощадить местных жителей: ведь тысяча голов быстро стопчет и без того истощённые пастбища.

– *И всё-таки, как планируете решать эту проблему?*

– Например, с нижевартовской частью оленей проще. Глава администрации района Борис Хохряков обещал: будем вывозить своих оленей вертолётами. Часть вертолётов оплатит сама администрация, ещё будем договариваться с нефтяниками или с геологами, которые работают на этих территориях. Из Белоярского района, я уверен, приедут сами. Думаю, мы их ограничивать не будем, здесь меньше сложностей с перегонном. С Сургутским районом, самым оленным регионом округа, несколько сложнее. Отсюда, особенно изпод Русскинской, поступило подавляющее большинство завлений.

Здесь, хотим мы этого или не хотим, сработает один закон: кто быстрее организовался с транспортом, кто сумел подъехать раньше, неважно, сургутские, белоярские, – те заберут оленей раньше. Тут, на Хэтте, будет происходить естественный отбор.

– Наверное, это будет и большое испытание для недавно созданных общин: ведь есть смысл не каждому приезжать на Хэтту, а собрать нескольких людей и перегнать или «переместить» стадо общины?

– Это, действительно, реальное испытание для общин, и многое будет зависеть от расторопности председателя. Кстати, сургутяне, которым, возможно, не хватит оленей, пусть не беспокоятся и не обижаются: у нас есть договорённость, может быть, не сразу, попозже, приобрести ещё партию оленей, уже в совхозе «Казымский». Допустим, в Белоярском районе этот олень для обновления крови не годится, а вот в Сургутском, Нижневартовском районах он может быть даже лучше, чем ямальский, потому что ему легче здесь акклиматизироваться.

– И последний вопрос: существует ли законодательная база, способная поддержать развитие оленеводства в округе? Наберут люди оленей сейчас, а ведь большинство сегодняшних и завтрашних пастбищ под нефтяными разработками. К чему тогда всё это?

– На съезде оленеводов-частников в Когалыме мы себе такую задачу поставили: попытаться официально, через наши власти, объявить все земли, пригодные для пастбищ, оленьими пастбищами. Это не значит, что на этих землях нельзя производить никаких работ. Они будут производиться, но с учётом того, что это оленьи пастбища. И если работы там прекращаются, то место подлежит рекультивации, и завтра оно снова станет оленьим пастбищем.

«Я» И «ОНИ» НЕСОВМЕСТИМЫ. ПОКА...

Ю. Айваседа, президент Союза оленеводов-частников Ханты-Мансийского автономного округа¹⁷:

– Когда буду говорить «я», то имею в виду всех ханты, манси и ненцев, а ещё – роды Филатовых и Суровцевых, которые когда-то имели своих оленей. Да, имею в виду и Панкиных... А «нефтяник» – это и водитель, и учитель, и вся торговля, и нижневартровский музей, то есть всё население, которое прибыло сюда вслед за словом «нефть»...

Такое начало выступления оленевода-частника, талантливое ненецкое поэта Юрия Айваседы (Вэлла – его литературный псевдоним), поначалу слегка насторожило зал, но вскоре беспокойство улеглось, и его резко-страстную речь завершили аплодисменты. Насколько понял, не «дежурные», вежливо краткие, а с благодарностью за откровенность.

Верно, временами горькое слово Юрия Вэллы слегка отсвечивало радикализмом, однако то был голос не вражды и злобы, но – острый, глубокой боли тонко чувствующей поэтической души, голос поколения рода Айваседы. Голос не отчаяния – надежды и веры в пробуждающиеся силы искони живущих здесь народов, в просветление разума и душ, поселившихся в недавние десятилетия, в общность конечных интересов «я» и «они»...

Пусть простит меня Юрий Кылевич за возможные малые неточности в пересказе его речи, поспешно, конспективно записанной. Вот что он сказал:

¹⁷ Фрагмент статьи «Обретение Родины» по материалам конференции «Нефть и аборигены Севера». Полосу подготовил Леонид Костылев.

– Прежде чем говорить о своём народе в целом, коротко о своём положении. Первый снегоход я купил на заработанные мной деньги в 1978 году. Затем по мере старения менял их, но каждый последующий снегоход давался с гораздо большим трудом, чем прежний. Это показатель моей постоянно снижающейся платёжеспособности. Я что, ленивый стал? Может быть. Но ведь с годами прибавилось мудрости, мог бы зарабатывать мозгами. И это не получается.

Первопричина – нефть. Я, то есть мой народ, лишился оленьих пастбищ и охотугодий. В 1951 году мой отец добыл 500 белок и около пятидесяти лисиц. Этого хватало на сносную жизнь. Отец Семёна Айпина добывал в год по сорок-пятьдесят соболей, и если бы сегодня было так же, он не бегал бы в поисках дополнительного заработка. Здесь говорили: мы не можем сократить добычу, потому что тогда будет ещё хуже. Сколько лет это ещё будет – 100? 150? Но ведь будет спад и этой добычи, и не превратят ли нефтяники к этому времени нашу землю в пыль? Но мы ведь и тогда никуда не уедем, здесь будут жить мои внуки, и я им сейчас прививаю любовь к своей речке, к озеру, к лесу, чтобы они знали, что такое хорошо, что такое плохо. Я хочу, чтобы они знали иностранный язык и понимали Моцарта, разве это плохо? Но если лишить внуков их речки, их озера, они вынуждены будут переехать в Варьёган и жить там на иждивении либо нефтяников, либо властей, когда последние пастбища попадут под нефтедобычу. Да и нефтянику сегодня тяжело, его «доют» чиновники, его «доим» и мы, а ведь он должен добывать нефть и совсем не должен ублажать всех. Выход такой: либо создайте мне условия для того, чтобы сам себя кормил, либо берите на иждивение.

Недавно предложил нефтяникам такой вариант договора: отказываюсь от компенсаций, бензина, использования вертолётов и так далее с условием остановиться на тех рубежах, где они есть, и не идти дальше хотя бы лет десять. Но мне опять

дают на подпись другой – с «километрами» денег, бензина и т. п. и обещанием охранять мою территорию от нашествия браконьеров и одичавших собак. И что? Если пункты «материальные» стараются выполнить, то помочь сохранить стадо то ли не хотят, то ли не могут.

Да, добыча рано или поздно всё-таки упадёт, и если коренные народы и дальше смогут рассчитывать только на иждивение, то, как только нас перестанут подкармливать «с ложечки», многие встанут на путь преступности. И вот что особенно плохо, боюсь, уже сегодня поднимется немало рук за передачу родовых угодий нефтяникам с одним лишь условием: кормите...

Елена Миськова

ЮРИЙ ВЭЛЛА И ЕГО РАССКАЗЫ

1998, 2023 годы

Когда я встретилась с семьёй Вэлла, самые тяжёлые моменты возвращения на свою землю и обживания стойбища были уже позади. Было ли это возвращением или выдвиганием на новые позиции, путешествием в неведомое? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Наверное, надо просто прислушаться – это то, к чему всегда призывает Юрий, рассказывая свои истории, в которых весь большой мир вертится вокруг жизни маленькой семьи оленевода на маленьком стойбище.

Различимы несколько конфликтующих дискурсов, в которых Юрина практика утверждения права на землю и особый образ жизни обсуждаются по-разному. С одной стороны, это отношение нефтяников и в целом пришлых людей или «русских» к Юриным экспериментам, с другой, отношение к ним

соседей-ханты и ненцев. С точки зрения нефтяников, Юрины действия по картографированию и обустройству своего жизненного пространства представляются как раздражающие попытки выделиться любой ценой, извлечь личную выгоду и нажать капитал общественного признания. Точка зрения сочувствующих ему «русских»: Юрины бойцовские качества, энергичность и жизнестойкость, безусловно, заслуживают уважения, но все эти «культурные практики» – это только инструмент влияния на своих и чужих. Юрины размышления о культуре выносятся на обсуждение в качестве анекдотических подробностей его «войны» с нефтяниками¹⁸.

С позиции коренных жителей, ханты и ненцев, Юрины действия – это серьёзный фактор риска для всего сообщества. Он непрерывно бросает вызов «нефтяникам», ставя под удар «родственников», в число которых он зачисляет всех ханты и ненцев, соседствующих с ним, как «в лесу», так и в посёлке. «Нефтяниками» Юрины действия не воспринимаются как серьёзное приглашение к дискуссии. Здесь хорошо работает начальственная тактика выведения любых официальных отношений за формальные рамки. Девиз любого начальника нефтя-

---

¹⁸ Этот текст о Юрии Вэлле был написан более двадцати лет назад. Я работала на стойбище у Юрия в 1996–1997 учебном году, после окончания кафедры этнологии МГУ, в качестве первой учительницы его внуков в первой стойбищной школе, которую он устроил, и заодно в качестве этнографа. Тема моей диссертации была связана с изучением постмодернистской критики антропологии, в которой много внимания уделялось проблеме «полевого диалога». В контексте такого моего входа в антропологию, постмодернистским был и мой вопрос к «полю» – как оно в традиционном виде возможно сегодня? На первый взгляд, пространство, в котором располагалось моё «поле», было вполне традиционным – оленеводческое стойбище лесных ненцев и ханты в Западной Сибири. Но условия моей поездки были необычны. Я жила в семье человека, который ушёл от сельской жизни на стойбище с семьёй, пасти оленей, но посвящавшего много времени борьбе за права коренных жителей этих мест на землю и культуру. В 40 лет он окончил Литературный институт в Москве и стал известным ненецким поэтом и писателем. Тогда же основал этнографический музей под открытым небом. Эта поездка перевернула все мои представления об антропологии и не только... Сегодня Юрия уже нет. Я думаю, что сегодня интересно перечитать и напечатать текст, в котором о нём написано в настоящем времени...

ного цеха: важно «поладить» и забыть о проблемах, и никогда больше не возвращаться к их обсуждению. Постоянные попытки Юрия заставить принимать требования и нужды коренных жителей всерьёз, конечно, раздражают нефтяное начальство, но чаще воспринимаются как курьёз. Лейтмотив диалога с ним: «что ты всё лезешь на рожон? Мы же уже договорились!».

«Своими» отторгаются многие апелляции Юрия к культурной традиции. Он пытается учиться и учить, постоянно ссылаясь на стариков, от которых он впитывал и впитывает представления о жизни рядом с оленями. Жители посёлков и соседи по стойбищам одинаково критически относятся к «излишнему», с их точки зрения, традиционализму Юрия. В посёлке считают, что его обширные связи позволяют ему обустроить своё житьё в лесу весьма комфортно – несколько избышек, баня, электрический движок, снегоходы, машины и т. д. Сам он от традиционного уклада уже очень далёк, поэтому не стоит призывать других возвращаться в «каменный век». Лесные жители зависти к удобствам Юриной жизни на стойбище не испытывают, они часто навещаются в гости к Юриной семье и знакомы с реальным положением дел. У них вызывают сомнения сами представления Юрия о традиции: желание, с одной стороны, всё делать слишком правильно, а с другой, на каждом шагу, с неуёмной энергией, усовершенствовать и рационализировать любые хозяйственные практики и технологии.

Ещё будучи охотником, например, Юрий отказался от приёмов выслеживания и преследования зверя – соболя и лисы, которые считаются здешними охотниками традиционными. Он предпочитал устройство слопцов и кулём по образцу русских старожилов таёжной Сибири, считая, что такой способ охоты оставляет больше времени и возможностей для других занятий и является, по его словам, менее варварским. Но вот убеждать других в преимуществах практики он пытается в «традиционном» духе: едет на пастбище и строит кулёму

для соседа. Едет навестить молодого соседа, хозяина достаточно крупного по здешним меркам, но совершенно одичавшего стада, и рисует ему устройство коралья, удобного для отлова и постепенного приручения оленей. Общими усилиями семья Вэлла буквально изменила ландшафт собственной земли. Они проложили множество новых волоков для перетаскивания обласов (лодок-долблёнок), прорыли множество мелких каналов и речушек между озёрами, чтобы можно было добираться на моторных лодках к рыбным ловушкам, установленным на отдалённых речках. Внукам в семье внушают, что пастбище требует каждодневной работы и ухода не менее, а то и более, чем само стойбище, что жизнь в лесу, вопреки представлениям современных сельских жителей, это вовсе не бездельничанье.

Лесные жители усматривают основное противоречие традиции в чрезмерной энергичности и суетливости Юриной жизни. Мнение Юрия: неустанная забота о пастбище, стойбище, семье и стаде – вот традиция. Мнение соседей: нельзя в бешеном темпе Юриной жизни жить в согласии с традицией. Традиция предписывает всё это делать тише и медленнее, положившись на богов и судьбу.

Но есть сфера деятельности Юрия, которая признаётся всеми как важная и необходимая, которой он сумел «заразить» своих родичей. Это работа по символическому собиранию, оживлению культуры – музей, экспедиции по старым, заброшенным стойбищам вдоль реки Аган, видеоархив лесных ненцев и ханты. Всё это имеет в глазах его окружения большую ценность, как символическую, так и материальную. Общее правило, привитое этнографами и усвоенное «национальной интеллигенцией»: культуру надо «собирать». Где собирать культуру, где то место, в которое её можно «сложить»? На этот вопрос Юрий отвечает: такое место – стойбище. Сюда стекаются гости, здесь живёт семья, здесь растут внуки, в которых предстоит угадать, будут ли они стойбищными жителями или нет. Наше с Юрой и его семьёй общение на стойбище

тоже было попыткой нащупать «тему этнографии». Когда я наивно объяснила Юрию, что пытаюсь понять, что представляет собой этнографическое «поле» сегодня, он обратился к жене: «Вот видишь, на одном нашем стойбище можно написать много диссертаций на разные темы».

Работа над представлением своей культуры – это предмет постоянной Юриной озабоченности и критики, которая направлена равно на исследователей и «своих». Юрий очень любит собирать и пересказывать сказки, устраивать с друзьями и соседями коллективные просмотры этнографических фильмов. Он старается приземлить и упростить «высокие» и «сложные» концепции и интерпретации. Он считает культуру живой и пытается доказать, что она всегда была не только правилами и нормами, но и сферой творчества, фантазии и ответственности. Хорошо знакомый с этнографической литературой Юрий одомашнивает научный дискурс, но выламывается из субкультуры «профессиональных» ненцев и ханты. В общении с исследователями и журналистами Юрий пытается символически легитимировать своё культурное и жизненное пространство, которое он «разрабатывает» почти как нефтяное месторождение.

Восприятие «русских» в качестве «других» сильно различается у самого Юрия и членов его семьи. Семья живёт под постоянным давлением Юриного авторитета и испытывает на себе последствия его культурного творчества. Каждый член семьи имеет своё собственное мнение и даёт свою оценку Юриным действиям. Трое из четверых его дочерей выросли в посёлке, и стойбищная жизнь продолжает быть для них экспериментом, к которому они относятся с разной долей притяжения. Младшая дочь была оторвана от сельской жизни и обучения в сельской школе довольно рано – в возрасте 12–13 лет. Для неё уже жизнь в лесу – образец обыденности, а притягательностью Иного обладает посёлок. Внуки Юры зависят от желаний своих родителей. Они подолгу живут на стойбище, по сути, они

растут именно там, но в любой момент, под давлением родительских обстоятельств, они могут быть оторваны от «жизни с оленями» и перевезены в посёлок. Это периодически происходит, и дети ставятся перед необходимостью менять стойбищную жизнь и стойбищное обучение на сельскую школу.

И, наконец, совершенно по-особому воспринимает все перипетии жизни семьи вторая половинка Юрия – его жена, Елена. Рано оставшаяся без родителей и воспитывавшаяся в интернате, Лена тем не менее всегда была и остаётся настоящей хранительницей духа хантыйской традиционности в семье. В Варьёгане она долгое время работала мастером по меховому пошиву, привила тягу к выражению себя в традиционном шитье, суконной, меховой и бисерной вышивке всем своим дочерям. При этом, когда её муж работал охотником в леспромхозе, Елена часто следовала за ним – вместе они объезжали свои охотничьи участки и проверяли настороженные ловушки, вместе строили первые свои охотничьи избушки, которые позже перевезли уже на олени угодья. Елена участвовала во всех акциях Юрия против установления нефтяных вышек на его землях, присутствовала на всех конференциях, заседаниях и совещаниях, на которых фиксировала на видеоплётку все события и решения. Но самое большое удовольствие ей всегда доставляют поездки по ненецким и хантыйским стойбищам с камерой в руках, в поисках новых сказок, рассказов, да и просто с целью общения с людьми, среди которых она гораздо больше ощущает себя своей, чем её муж. Располагаясь с иголкой или меховой выкройкой в руках рядом с женщинами в хантыйских избушках, свободно и оживлённо разговаривая на хантыйском языке, она чувствует себя в среде своих ближних и дальних соседей по стойбищам и угодьям по-настоящему дома, так, как не всегда может почувствовать себя на своём собственном стойбище, где часто гостят посторонние – учёные, журналисты, городские знакомые. Если Юрино индивидуальное пространство организуется с обязательным присутствием

позиций этих посторонних людей, с которыми он ощущает тесную связь, в присутствии которых он нуждается для разворачивания своей «первопроходческой программы», то Лена часто ощущает и воспринимает эту среду как чужую, а иногда и враждебную. «Русские» как Другие совершенно по-разному конструируются даже внутри этой отдельной семьи. Юра постоянно существует на границе между своими и чужими, где те и другие часто меняются местами. Елена же как-то в сердцах, в ситуации очередного обострения противостояния с нефтяниками, бросила Юрию: «Жить ты не можешь без этих русских! Зачем они тебе сдались?!».

То же с традицией. Вэлла в ней упорствует, форсирует её, изыскивает (соседи-соплеменники именно в этой его активности видят основное традиции противоречие), а дети и внуки пытаются изысканную главой семьи традицию встроить в свою жизнь. И делают это опять интуитивно, на ощупь. Любое действие и слово в мире малочисленности и стойбищ поверяется «традицией», приводится ей «в соответствие» или выводится за её рамки и тем лишается оснований. Традиция как нормативность – тотальна, она – среда. Но как объект культуротворчества и предмет этнического самоутверждения – спорна и спекулятивна.

Обустройство этнографического музея под открытым небом в Варьёгане, куда он свёз остатки старых избышек, лабазов, землянок с заброшенных и разграбленных стойбищ, – это (тоже) была проба сил по перекройке границ своего существования. Позже они покинули посёлок, высадились из вертолёта на свои угодья и оказались на ровном месте, под проливным дождём с брезентовой покрышкой для чума и вещами. Сами причины переезда «в лес» немного под разным углом зрения осмысливаются и преподносятся в семье. Одна из выстраданных оговорок Лены касалась момента, когда они уже покинули посёлок. В посёлке сторел дом, а в нём все вещи, включая одежду взрослых и детей. «Это была последняя капля. Не в

чем было показаться на люди, поэтому уже совсем не жалко было оставаться жить в лесу». С точки зрения другого стойбищного «долгожителя», младшей из дочерей, Сёмы, после переезда в лес на них просто посыпались несчастья и испытания: вертолёт за вертолётом до них долетали дурные вести из посёлка. Пересказывая мнение варьёганцев, Лена с горечью замечает: «Люди в Варьёгане считают, что Юра сбежал в лес от ответственности, не захотел возглавить администрацию посёлка. А мы от чужой зависти бежали: начальством станем, так и вовсе съедят!». Общее мнение: сама судьба подталкивала к этому повороту, трудному шагу в лес.

Перевезённые в лес, жена и дочери Юрия столкнулись с необходимостью не просто обустроить, но и объяснить себе и другим свой новый мир. Своих дочерей Юрий поначалу приучал к ведению дневника. Младшей, Сёме, с самого начала отводилась роль хроникёра стойбищной жизни. Она писала обо всех хозяйственных делах. Уже при мне она могла заглянуть в свой дневник, чтобы сравнить дату первого появления вороны – приметы наступления весны – в нынешнем и прошлом году.

Старшая, Тайна, подробно фиксировала в своём дневнике события из жизни оленей. Она на несколько лет назад могла проследить, кто из новорождённых оленят какой из старых важенок в стаде приходится «внуком и правнуком», когда и кому в семье принадлежащего оленя забили и т. п. Дочь Аэлита фиксировала события в поездках, путешествиях и экспедициях Юрия и Елены. Отрывки из её дневника вошли в иллюстрированный альбом, выпущенный по следам экспедиции на облаках по реке Аган. Эта дневниковая активность говорит о том, что поначалу образ жизни в лесу воспринимался семьёй как экспериментальный, и Юрины дочери каждый шаг этого эксперимента фиксировали. Но со временем стойбище перестало быть экспериментом, а дневники ушли в прошлое.

Однажды старшая зачитала мне отрывки из своего дневника, который она вела после переезда на стойбище: «Скоро на-

ступит такое время, когда не будет мяса и рыбы. Тогда мы начнём варить еду из консервов. Весной ведь оленей не забивают. Сначала у них оленята. Летом олени линяют – страшные ходят, облезлые. И вот только в конце лета, когда шерсть на длину ногтя отрастает – папа специально ходит замеряет – начинаем забивать, такая шкура уже годится на шубу-сак. Поэтому весна, начало весны – это время, когда ничего нет. Позже начнём бить уток. Сначала бьём, потом самочки садятся на яйца – только самцов бьём, потом утята появляются, пока они маленькие – опять не бьём, потом утята подрастают, начинаем их стрелять».

– Раньше-то гусей били, а лебедей нет, – комментирует дальше Тайна, – а теперь гусей не бьём, а лебедей – можно. Аганским гуся нельзя бить из-за оленей. Папа как-то объяснял, что хозяин наших оленей летает в облике гуся, поэтому нам гусей нельзя стрелять, чтобы хозяина случайно не застрелить.

– Так вы что, не всегда гусей не били?

– Нет. Мы вот только второй год не бьём гусей. Раньше мы лебедей не били. А потом папа там как-то договорился, мы не стали гусей стрелять.

– С кем договорился?

– С духами, – улыбнулась Тайна. – Лебедь-то нам и на одежду нужен.

Свои интерпретации обычаев, имена богов для личных песен и молитв для жертвоприношений в святых местах Юрий выясняет в ходе настоящих культурологических изысканий. Культурное пространство в этих местах за последние десятилетия действительно заметно сузилось, а для многих поселковых жителей буквально сжалось до размеров одного суперсимвола – оленя («пока есть олень, есть культура ханты и ненцев, олень и семья неразделимы»). С этого представления о том, что для нормальной жизни необходимы олени, начинал и Юрий. Но после того, как переезд был осуществлён, и из нескольких купленных у соседей и подаренных оленей выросло семейное стадо, Юрий и его близкие столкнулись с проблемой освоения

своей земли, не только в хозяйственном, но и в духовном отношении.

Юрий начал ездить и расспрашивать стариков: и о том, как лучше делать колодки на ноги оленям, и об «оленном счастье» и расположении святых мест с именами их покровителей. Он никогда не скрывал, что ощущал себя маргиналом по отношению к стойбищным старикам. Вроде бы это они были вытеснены на пограничье официальной истории социалистического строительства на Севере и этнографии отсталого образа жизни, но уже в «застойные» времена именно жизнь в посёлке превратилась во вневременное и внекультурное, маргинальное существование.

Речь, рассказ – важнейшее пространство и инструмент картографирования «своей» традиции для Юрия. Сам он нередко замечает: «Когда начинаю говорить, как пьяный становлюсь от слов». Некоторые яркие, точные слова и фразы, доставшиеся живым в наследство от уже умершего человека, называются у ненцев фразами с ушами и глазами. Через них живые чувствуют участие ушедших в их жизни, а умершие продолжают следить за тем, как используется мудрость поколений. Такие слова не произнесёшь без упоминания ушедшего человека, без того, чтобы не пошутить, вспомнив его манеру говорить, передвигаться, смеяться. Юрий – настоящий мастер таких фраз, которые он любит повторять, смакуя манеру автора.

Многие драматические события, происходившие с людьми во время строительства советской действительности, приобретают в рассказах Юрия комический характер. Это чаще всего касается рассказов о стариках, которых новая власть тщетно приучала к новому образу жизни.

«Был такой старик-ханты, который возил на оленьей упряжке продукты для магазина из Сургута в Варьёган. Он грузил коробки с продуктами на нарту, получал от кладовщика накладную и ехал в село по зимнику. Назначение бумажки, которая прилагалась к товару – накладной – было ему, конечно,

непонятно, старик был неграмотный. В одной из своих поездок старик заехал по дороге к себе на стойбище, снял с гружёной нарты одну коробку с маслом, оставил её дома, а сам поехал дальше. Когда он приехал в село, приёмщик в магазине после разгрузки товара посмотрел в накладную и спросил у старика, почему не хватает ещё одной коробки масла. Старик стоял как громом поражённый. Недоумевая, как этот человек мог знать, что он заезжал на стойбище и выгрузил там масло, старик в ответ раскрыл рот и затараторил, без конца повторяя только одно слово: «Масвуй-масвуй-масвуй...». Так он сделался Масвуй-ики (Масло-старик)».

«Был ещё старик, который на вопрос, как его зовут, отвечал: «Тенек нету». Приезжие недоумевали, а те из местных, которые знали русский язык, смеясь, объясняли ситуацию. Не понимая, что зарплату в колхозе выплачивают только два раза в месяц, этот старик всегда путал даты, а то и вовсе навешивался к женщине-бухгалтеру в контору всякий раз, как ему не хватало денег. В ответ на свой вопрос о зарплате он слышал развёрнутое выражение бухгалтером всех чувств, которые он у неё вызывал, появляясь в конторе в неурочное время. Это выражение и стало его вторым, русским именем».

Юрий остро нуждался в освящении того «жизненного пространства», которое он занимал и создавал. Ещё до переезда Юра как будто вычислял для себя «космические» координаты того участка земли, который воспринимался нефтяным начальством чередой пустот между нефтяными цехами и качалками. Он организовал экспедицию, в ходе которой выяснялась топонимика старой оленной дороги в этих краях, по которой от стойбища к стойбищу ездили в гости олени упряжки, а позже подвозили на этих упряжках продукты в построенные национальные сёла. В поездке его сопровождал Аули Кольчевич Иуси, пожилой оленевод, помнящий названия всех самых маленьких и потаённых ручейков и речек, болот и озёрков, мысов на озёрах и святых мест по их берегам. Пожалуй,

именно после этой поездки Юрий стал особенно восприимчив к особому зазору между топонимикой «пришлой», когда трассы пестрят указателями с простым переводом с хантыйского языка слова «ручей» и «река», и топонимикой, построенной на традиционном знании. Все комментарии Юрия к его жизни на стойбище, к судьбе его родственников в разных посёлках я слышала в основном в дороге – в переездах со стойбища в посёлок, в переездах с одной стоянки на другую, по дороге на охоту, по дороге на рыбалку, во время сооружения ловушки-морды для рыбы, по дороге за оленями. Это его время и пространство повествования как сотворения своего мира – нового и традиционного одновременно.

Андрей Мадисон

КАК ПОДМОРОЗИТЬ РОССИЮ

«Русский Журнал», 1998 год

Когда один коренной северный человек приезжает в гости к другому коренному северному человеку – на снегоходе, по морозу, километров за 30–40–50, с риском застрять в наледи – он садится, пьёт чай, спрашивает: «Как здоровье? Как олени?», таким образом узнаёт всё, что ему нужно, и, погодив ещё чуток в непроницаемом молчании, прощается и возвращается восвояси. Это не карикатура. Это другая планета.

Относительно малочисленных народностей Севера (таково ещё недавно было их официальное наименование) существуют два устойчивых стереотипа. Первый, «интеллигентский» – что их надо спасать, второй, «коммунальный» – что нечего с ними цацкаться. Место бытования первого – везде, где соби-

раются абстрактные гуманисты, место бытования второго – в любой точке, где они не собираются, в частности там, где идёт разработка месторождений нефти и газа, то есть в нынешней житнице страны – Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

В последний из помянутых меня и занесло стечением случайностей и необходимостей во второй половине 1997 года. Прямо на стойбище, среди лесотундровых озёр и болот, в низкой бревенчатой избушке, на оленьих и лосиных шкурах я стал учительствовать тамошними детьми – явление, как я понимаю, редкостное, если не уникальное, и целиком обязанное своим наличием инициативной энергии хозяина стойбища Юрия Вэллы. Он же, если перебрать набор даваемых ему и присвоаемых им самим себе аттестаций, – поэт, шаман, оленевод, философ, некогда местный депутат, а ныне «вождь племени лесных ненцев».

Внешняя эволюция (или реэволюция) от депутата к вождю сопровождалась и характерной переакцентуацией в области мировоззрения: с построения коммунизма на возврат к традиционной религии. «Я – человек верующий», – любит повторять он вслух. И реализует свои декларации в быту на уровне обрядности и табуирования (забой оленя сопровождается чтением молитвы по-ненецки, однако «забоек» его называть нельзя, присутствующие, пока уже лежащее и охваченное предсмертными судорогами тело оленя хлещут верёвкой, должны собрать в кучку самые свои важные мысли и отправить их вослед улетающей к богам душе оленя, вертаться при этом посолонь, и т. п. Существенный штрих – обязательность явки всех обитателей стойбища, невзирая на пол и возраст). Но не только их.

Возглавив несколько лет назад Союз оленеводов-частников (в изрядной степени номинальная организация), он занят вполне реальной – личным примером и массовым словом – агитацией за возвращение ханты и ненцев к исконным местам проживания и промысла. «Человек – приложение к оленю», –

ещё одна его заветная мысль, но, начиная с неё, его заветы вступают в тревожащее соприкосновение с окружающей действительностью. Точнее, с интересами нефтедобытчиков, а ещё точнее, с их равнодушием к интересам Ю. Вэллы и его группы поддержки.

Будучи человеком, искушённым в дипломатии, зная, где можно нажать, а где нужно слукавить, он предпочитает пока не доводить дело до открытого конфликта, закругляя его возможность на компромиссных переговорах. Хозяйству нужны снегоходы, бензин для разной техники, включая электрогенераторы, вообще нужно время, чтобы выиграть его. А заодно выиграть и пространство, на котором могли бы прокормиться олени. Первое, чем я занялся, прибыв вертолётном на стойбище, вместе с его насельниками – это рубка мелких сосен на протяжку многокилометровой изгороди вокруг угодий Вэллы. Трудно сказать, чего в ней больше – «за» оленей, чтоб не разбежались, или «против» нефтяников, чтоб не проникли. Во всяком случае, было очевидно, что идеологическое значение огораживания неотъемлемо от практического его применения.

Политически современный (Радио России, «АиФ», «СПИД-инфо»), Юрий Кылевич (таково его отчество) всему прочему предпочитает ругать 70 лет советской власти как основного дезорганизатора их патриархальной жизни. Насильственное насаждение в предшествующую эпоху православного христианства, к которому Вэлла относится с несомненным презрением, при этом почему-то не вспоминается. Особую актуальность его инвективам придаёт тот факт, что к настоящему моменту деяния большевиков глядятся руинами: национальные посёлки, куда принудительно свозились разбросанные по тундре и тайге туземцы, находятся в упадке, поскольку их экономическая основа – коллективные хозяйства – ликвидирована, население их существует на дотации и подачки или отправляет полуфиктивные должности, деля свой обильный досуг между телевизором и водкой.

Никакого прогрессивного вмешательства в самотёчное гниение этой ситуации места не имеет. Между тем число могил с самоубийцами в гробах на кладбище одного из таких нацпосёлков – Варьёгана, к которому формально приписан Вэлла, растёт из года в год. Ввиду отсутствия иных внятно заинтересованных лиц (основная масса туземцев с трудом формулирует понятия, выходящие за пределы их обихода), Вэлла, с уважительной оглядкой на Джохара Дудаева, решил взвалить инициативу по подготовке коренного перелома на себя. При этом разница в положении дел на входе между ним и покойным генералом ему вполне ясна. Выводы же относительно сходств и различий на выходе каждый с течением времени сможет сделать сам. (Все попытки обсудить данную проблематику с вождём в диалоговом режиме заканчивались ничем.)

Культура малых народов, будучи озабочена эгоистическим интересом остаться на Земле, всякое общение стремится свести к собственному монологу, который навязывается глухой восприимчивостью и вербальной монотонностью, от коих – по первости – обычно слабеешь нравственными коленками сострадания к их прозябанию, а чем далее, тем более – вскипаешь медленным чайником великодержавного шовинизма. Вероятно, игровая ситуация научного исследования конструкции нарт камуфлирует непреложность этого процесса. Так же как и застойный априоризм «интеллигентского» типа. Но чем тогда борцы из «групп по правам меньшинств» отличаются от фанатиков из обществ охраны животных?

Итак, в отличие от Дудаева, Вэлла делает ставку скорее не на свой военный гений, а на подготовку момента благоприятного стечения обстоятельств. Или, точнее, на подготовку встречи с этим моментом.

Если не обременять себя камланием в не самых важных для понимания того, откуда дует ветер перемен, углах, то картина образуется такая.

Вождь крайне недоволен присутствием русских на его, естественно, «исконных» территориях (когда я впервые услышал от него выражение «русские писаки», то понял, что совсем недалеко отъехал от Эстонии). Он счёл все их грехи – от потоптанных земель до поруганных девушек. Этого оказалось достаточно, чтобы смешать ненависть к ним (к нам!) с отвращением. Но всё-таки маловато для победы. Ненцев вместе с ханты – жалкие тысячи. Боеспособны из них, в лучшем случае, несколько сотен. С таким контингентом даже против деморализованной российской армии выступать не след. А выступить хочется. Отсюда борьба желаний: если обстоятельства не успеют благоприятствовать при жизни, которой, в деятельном её состоянии, осталось не так уж и долго длиться, то надо, погибнув в неравном бою, увлечь своим героическим примером колеблющийся пассив. Если же положиться на прирост обстоятельств, то схема их наиболее благоприятного движения будет выглядеть как двоякие вилы.

Первый вариант движения – сугубо материалистический. Согласно ему, Россия продолжает и далее катиться в яму долгой зависимости от Запада (вкуче с развитым Востоком). Что тому служит причиной – естественная немощь или искусственные усилия компрадоров – это Вэлле глубоко безразлично. Ему важно, чтобы на финише процесса его встречали Штаты, Канада или Япония, которым он готов отдаться за цивилизованное обращение с малыми народами, из какового для него в первую очередь важны два момента: приличные компенсации за пользование месторождениями нефти и газа и возможность вести привычный оленеводческий образ жизни.

Второй вариант более впечатляющ, поскольку имеет вид глобального реванша. Реванша, который устроят «дикари» и «туземцы» своим когда-то незванным порабощителям, а ныне столь же самозванным опекунам. Вождь хорошо осведомлён о том, что запасы нефти в их краях небесконечны. И что все инфраструктуры, на которых держится в Ханты-Мансийском

округе пришлое население, завязаны на нефти. Способность же пришлецов выжить на морозе и без привозной пищи (то есть вообще без цивилизаторских «примочек») стремится к нулю. Следовательно, когда стукнет энергетический коллапс, им придётся либо бежать, либо вымирать. Для превосходно приспособленных к жизни в экстремальных условиях аборигенов (сам Вэлла – просто образец в смысле владения искусством выживания) это шанс вернуть утраченные позиции, но на новом витке – воспользовавшись всем, что будет брошено (подобного рода утилизация в мелких размерах бытует и сейчас). В ещё более отрадной и, соответственно, сугубо катастрофической для русских перспективе – энергетический кризис сотрясает всю Россию, её жители большей частью вымерзают, меньшей – отступают на заранее подготовленные позиции, а для малочисленных народностей Севера наступает час торжества (если несколько фельетонизировать сюжет, то – возможности пасти оленей на Красной площади).

Воспрепятствовать внедрению в реальность этого дикого, на первый взгляд, проекта (на самом деле, не более дикого, чем прогнозы Хантингтона) может, помимо деуса из махины, только принципиальное помешательство ситуации в России. А именно – превращение её титульной нации в действительно ведущую силу общества, то есть в грамотного и ответственного хозяина. Буде не так, останется только приветствовать устремления Ю. Вэллы, ибо морального права оспаривать их при настоящем положении дел нет.

2000 – 2013

*Достичь возраста
Мудрости
Иносказаний...*

20. 12. 2000

Юрий Вэлла принят в Союз писателей России.

2001

В Ханты-Мансийске издаёт программную книгу «Триптихи» на русском и французском языках. Переработанное и дополненное издание «Триптихов» выйдет в 2011 году в Париже.

9–15. 09. 2001

В соавторстве с поэтом Татьяной Юргенсон пишет первый поэтический диалог – «Охота на лебедей», который позже будет переведён на несколько языков народностей России и мира.

30. 04. 2004

Постановлением правительства ХМАО присвоено звание «Ветеран труда Ханты-Мансийского автономного округа».

2004–2006

Учёба на заочном факультете Южно-Уральского государственного университета по специальности «юриспруденция».

2005

Выходит первое издание «Азбука оленевода. В помощь тому, кто изучает этнографию, культурологию и оленеводство». В 2011-м году «Азбука...» будет переиздана на семи языках.

2006

Победитель конкурса общественного признания «Клуба 7» (г. Тюмень) в номинации «Мэтр года».

2008

Награждён нагрудным знаком Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За содействие в развитии законодательства».

2009

Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка за книгу прозы «Ветерок с озера».

2010

Назначен начальником Нижневартовского филиала ОУИПИИР.

АПРЕЛЬ 2010

В составе писательской делегации от имени Института Искусств Американских Индейцев в Санта-Фе (Нью-Мексико, США) приглашён для участия в программе под названием «Нити Родства: диалоги с писателями Сибири коренного происхождения». Во время поездки набрасывает путевые заметки, которые позже лягут в основу книги «Нити родства».

7. 06. 2010

Постановлением администрации Нижневартовского района «За многолетнюю эффективную работу, личный вклад в социально-экономическое развитие» Айваседа Юрий Кылевич, Почётный гражданин Нижневартовского района, занесён в районную Книгу Почёта.

24. 11. 2010

Постановлением Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры присвоено звание «Почётный оленевод ХМАО-Югры».

2012

Лауреат Международной литературной премии «Югра» в номинации «Краеведение».

АПРЕЛЬ 2013

Поездка во Францию, встреча со студентами Национального института восточных языков и культур INALCO (Париж). На обратном пути встречается с писателями Эстонии в Таллинне.

2013

Лауреат Премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы в номинации «Документальная, публицистическая, литературоведческая, научно-популярная литература»: за трёхтомник «Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря».

12. 09. 2013

Ушёл из жизни после продолжительной болезни. Похоронен на кладбище села Варьёган.

2004–2006 ГОДЫ

Учёба на заочном факультете Южно-Уральского государственного университета по специальности «юриспруденция».

Игорь Ширманов,
член Союза писателей России

Весной 2004 года на кафедру юриспруденции в филиале Южно-Уральского университета в г. Нижневартовске, которой я тогда заведовал, пришёл посоветоваться поэт-оленовод Юрий Вэлла. Я много слышал о нём, знал, что он окончил Литературный институт им. А. М. Горького, но ранее не был знаком. Мне было интересно с ним разговаривать, по тревожащим его вопросам я дал подробную консультацию и... предложил поступить учиться на юриста. Хотя ему уже перевалило за 56... «Я подумаю», – сказал Вэлла.

Осенью мы вновь встретились на кафедре – Юрий уже был студентом заочного отделения. «Докажу внукам, что можно учиться... даже кочуя со стойбищем», – сказал поэт-оленовод.

Несмотря на кочевую жизнь, учился Юрий хорошо и действительно доказал внукам, что высшее образование может быть получено и при кочевом образе жизни.

В 2004 году выходит 2 первых издания книги для ненецкого студента «Поговори со мной» с переводами на эстонский и французский языки. До 2013-го она будет переиздана ещё 4 раза с переводами на венгерский, английский, хантыйский и тюркские языки.

В этом же году в Венгрии выходит первая зарубежная книга Ю. Вэллы – «Белые крики».

д-р Марта Чепреги,
*доцент кафедры финно-угроведения
университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия)*

«Белые крики» перевёл на венгерский язык, составил и отредактировал заведующий Кафедрой финно-угроведения Западно-венгерского университета профессор Янош Пустаи. Книга вышла в серии Кафедры «Меньшинства Мира – Литература». В университетах её используют в качестве учебного пособия в курсе «Литература уральских народов», обязательном для студентов по специальности «Финно-угроведение».

2005 год

Выходит первое издание книги «Азбука оленевода».

Елена Лихачёва,
советник губернатора Югры

Это не только книжка для оленевода, – это учебник жизни, это то, как нужно относиться к жизни, к миру вокруг, к людям, к самому себе, ну и, конечно, к оленям...

2008 год

Награждён нагрудным знаком Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За содействие в развитии законодательства».

Татьяна Гоголева,
депутат Думы ХМАО-Югры

В нашем округе есть две высших награды. Это звание «Почётный житель ХМАО-Югры», определяемая исполнительной властью, и Знак Думы ХМАО-Югры «За содействие в развитии законодательства».

В начале 2000-х очень остро стоял вопрос о сохранении земли, родовых угодий за семьями коренных жителей, тех, кто жил на этих территориях издавна. Сложилась небольшая, но очень сильная команда единомышленников, которая проделала огромную работу, чтобы Положение «О родовых угодьях», самое прогрессивное на то время в России, было всё-таки принято. Этот законодательный акт положил начало договорным отношениям коренных жителей с недропользователями. В числе самых активных участников этой группы был Юрий Кылевич.

2012 год

Юрий Вэлла становится лауреатом Международной литературной премии «Югра».

Алексей Арзамазов,
доктор филологических наук, профессор

...Очевидно, что творчество Юрия Вэллы – один из редких художественно-эстетических «прорывов» младописьменной литературы на рубеже XX–XXI столетий.

Анастасия Колодкина,
ученица Варьёганской средней школы

Я очень люблю творчество Юрия Вэллы. Особенно меня покорило стихотворение «Оленёнок» из цикла «Лесные боли». Я хотела выучить его на хантыйском языке для конкурса, но далось оно мне с трудом, потому что в нём звучит боль моего народа. Юрий Вэлла знал эту боль, и она через образы, через слова перешла и в моё сердце. Я понимала, какие чувства испытывают каждый день люди, для которых природа – это родной дом. Читая эти стихи другим людям, я бы очень хотела, чтобы они тоже приняли эту боль, эти чув-

ства к родному краю, не оставались равнодушными. Юрий Вэлла многое сделал для защиты нашего народа и природы. И я тоже хотела бы сделать что-то полезное для своей родины.

Дмитрий Ларкович,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Кылевич Вэлла – один из наиболее талантливых и оригинальных писателей Югры, а его творчество – яркая и значимая веха в культурной жизни современной России, и оно должно прийти к широкой читательской аудитории.

Елена Пушкарёва,
доктор исторических наук

Юрий Кылевич был совестью нашего народа. Он поднимал вопросы, о которых многие из нас предпочитали молчать. Его стойкость и мудрость поднимали силу духа и волю к борьбе у слабых. Он показал всему миру гибкость и практичность нашего мышления, уважительное отношение к природе и Вселенной.

Ольга Корниенко,
публицист

Возвращаясь однажды с товарищем, известным фотохудожником Югры Георгием Корчёнкиным, со стойбища Вэллы в город, мы остановились на обочине дороги. Сам Юра неподалёку возился со снегоходом, пытаясь загнать его через задние двери в салон подержанного уазика-«буханки». Была весна. Пели птицы, таял снег, небо буквально ослепляло своей пронзительной голубизной...

– Вот пройдёт сто, двести лет, что, ты думаешь, останется на этой земле? Какая память? – неожиданно спросил Георгий. – ЛУКОЙЛ? Или Сургутнефтегаз? Останется Вэлла.

Ирина Самахова

С ТОПОРОМ ПРОТИВ «ЛУКОЙЛА»

Вождь Айваседа в схватке с частным капиталом

«Общая газета», 22 февраля 2001 года

«Вождь Айваседа» – председатель Союза оленеводов-частников, поэт и этнограф Юрий Вэлла. Он постоянный участник передач о традициях и культуре коренных жителей, лауреат всяческих премий и Почётный гражданин Нижневартовска¹⁹. Теперь ему грозит суд. «Когалымским горотделом внутренних дел по подозрению в совершении преступления разыскивается гражданин Айваседа Юрий Кыльевич». Это объявление вдруг замелькало в средствах массовой информации Ханты-Мансийского автономного округа. О сути инкриминируемого поэту преступления поведал в письме окружному руководству и.о. прокурора Когалыма И. Бурдин:

«Основанием для возбуждения уголовного дела явились действия лица хантыйской национальности, который, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу... топором повредил автомашину КРАЗ..., а также угрожал применением насилия находившимся в автомашине и экскаваторе выполнявшим землеройные работы гражданам».

– Как же это Вы дошли до жизни такой? – спрашиваю находящегося в розыске поэта. Мы сидим у очага в лесной избушке на родовом стойбище Вэллы, где он живёт с большой семьёй.

– Начать с того, что я не ханты, как утверждает и. о. прокурора, а ненец, – уточняет Юрий. – И, разумеется, не вы-

¹⁹ Ошибка журналиста, правильно Почётный гражданин Нижневартовского района. – *Прим. сост.*

скакивал я из леса с топором и не угрожал рабочим. Вся эта нелепая история – лишь эпизод моего затяжного конфликта с одним из подразделений компании «ЛУКОЙЛ» – ТПП «Когалымнефтегаз».

Поэт и «ЛУКОЙЛ» ссорятся из-за болотистого клочка земли, который Вэлла считает частью собственных родовых угодий, а нефтяники – своим законным лицензионным участком. Отношения сторон определены типовым соглашением, по которому местный житель разрешает нефтяной компании вести добычу на своей земле, а она взамен обязуется компенсировать убытки, наносимые традиционному хозяйству, и выполнять элементарные экологические требования. Нефтяники свои обязательства постоянно нарушают, а Вэлла с не меньшим постоянством ловит их за руку и жалуется властям. Сладу с ним нет – ни подачки, ни угрозы поэта не останавливают. Но вот теперь он сам оказался обвиняемым. Вёз внуков в посёлок Варьёган, на школьный праздник, как вдруг возникло неожиданное препятствие: механизированный десант «Когалымнефтегаза» разбирает мост через реку, перерезая таким образом единственную дорогу, которая связывает с «большой землёй» Вэллу и многих его соседей-оленеводов.

– Рабочие сказали, что по приказу начальства ликвидируют дорогу, по которой на территорию месторождения проникают расхитители цветных металлов, – вспоминает Вэлла. – Но под этим предлогом можно смело уничтожать все дороги в России! Тут и вспомнилась угроза начальника службы безопасности «Когалымнефтегаза»: «Побегаешь у меня пешком по болотам!». Я не имел другой возможности остановить этот произвол, кроме как достать из машины топор и порубить шины у экскаватора.

...Через несколько дней на стойбище Вэллы прилетел вертолёт с неизвестными людьми, которые назвали себя работниками милиции Когалыма и приказали Юрию собираться. Но тут оленевод вынул «мобильник» и сообщил, что сначала

посоветуется со своим московским адвокатом. Вертолёт с незваными гостями как ветром сдуло.

– Для нас, аборигенов, право заниматься оленеводством равносильно праву на существование, – рассказывает поэт. – Местные власти строят для нас благоустроенные посёлки, но нет там счастья людям, потерявшим содержание жизни. Обычный конец молодого ханты или ненца – замёрзнуть в пьяном виде или залезть в петлю. Я не хочу такой судьбы своим внукам. Ничего не пожалею, чтобы у них было хорошее образование, но постараюсь, чтобы они полюбили жизнь на стойбище в гармонии с природой.

– Что же получается, Юрий, с природой можно договориться, а с нефтяниками – нельзя? Нефтепромыслы несовместимы с жизнью «оленьих людей»?

– Я как раз хотел доказать обратное. И думал, что такая солидная компания, как «ЛУКОЙЛ», дорожа своей репутацией, станет примером в отношениях с местными жителями для других нефтяников. Разве сложно, например, выстроить загородку вокруг буровой, чтобы не гибли олени? Или вовремя погасить костёр, от которого потом выгорают сотни гектаров ягеля? Как клялись и божились руководители «Когалымнефтегаза», когда просили у меня разрешения на разработку месторождения! Теперь всё забыто. Мне постоянно внушают, что я – никто. Вице-президент «ЛУКОЙЛа» Некрасов свысока объясняет, что моя хозяйственная деятельность создаёт помехи в работе «оборонных объектов», что помощь нефтяников местным жителям – никакая не компенсация, а чистая благотворительность, что я, оказываюсь, проживаю не на своей земле, а на территории их лицензионного участка.

Увы, не только «ЛУКОЙЛ», но и другие нефтедобывающие компании хозяйничают на территории округа столь же лихо. Недавно, например, подразделение ОАО «Сургутнефтегаз» стёрло с лица земли стойбище Алексея Комтина из Рускинского района. Он пытался добиться справедливости, но сердце не выдержало – старый оленевод умер.

На прощанье Вэлла сказал:

– В сложившихся условиях честнее упразднить фальшивые декорации под названием национальные округа и признать, что территории проживания коренных народов Севера находятся под властью частного капитала. Или – сделать всё необходимое для того, чтобы на этих территориях властвовал не капитал, а закон.

Ю. К. Айваседа

---

*ненецкий поэт, публицист, старший научный сотрудник
НИИ обско-угорских народов, г. Ханты-Мансийск*

ОБ ЭКОМУЗЕЕ И НЕ ТОЛЬКО...

– Главную причину исчезновения источника этнографии надо искать в нас самих. Пусть теоретически, но даже в городских условиях семья может сохранить (а такие семьи имеются) язык, песни, загадки, душу стойбища²⁰.

Одна из тем, которой я занимаюсь, – проблема экомuzeя. Понятие «экомuzeй» зародилось во Франции. Ведущие музееведы ведут сегодня дискуссии об утопичности этого явления. Экомuzeи сегодня находятся в критическом состоянии. Экомuzeи рождаются, некоторое время существуют и умирают. Я создал экомuzeй. Я думал, что это будет экомuzeй, но, увы, он превратился в обычный рядовой музей. Однако и он имеет

---

²⁰ Выступление в сессии III «Определение приоритетных областей деятельности по сохранению и развитию нематериального культурного наследия сибирских народов» / Ю. К. Айваседа // Семинар по выполнению рекомендаций Юнеско (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации: сб. выступлений участников семинара (Якутск, Республика Саха Якутия), 19–22 августа 2001 г. ред. М. И. Егорова. – Якутск, 2003. – С. 128, 129.

право на существование. Я передал его другим людям. Работники музея получают зарплату, музей действует, есть посещаемость, отчётность и т.д. Это хорошо. Я взялся за создание другого музея, который не имеет никакого статуса, музей не имеет финансирования, ни перед кем не отчитывается, но его посещают. Есть постоянные посетители, которые побывали в музее уже несколько раз. Они говорят, что с каждым разом открывают этот объект познания с новой стороны и им не скучно посещать музей и в пятый, и в шестой раз. Я не считаю, что понятие «экомузей» утопическое. Экомузей имеет право на существование, и он сегодня в моём стойбище пока существует. В конце концов, вся наша планета является музеем. Мы никогда не перестанем являться объектами познания. Любое действие может являться объектом изучения.

Якуты – самый крупный северный народ. Среди якутов большее количество людей, занимающихся духовным наследием. У меня к вам вопрос. Когда вы собираетесь на учёные советы, проводите симпозиумы, конференции, – используете ли вы свой родной язык или вы общаетесь на русском языке?

В связи с заданным вопросом я бы хотел сказать о том, что наш Научно-исследовательский институт обско-угорских народов представляется мне птицей, летящей в пространстве, имеющей два сильных крыла: одно крыло мансийское, другое хантыйское. Хантыйское имеет ещё подкрылья. Некоторое время назад я выступил с предложением о создании Академии с двумя институтами – один институт хантыйский, другой мансийский. Необходимость этого в том, чтобы ханты или манси, собираясь на учёные советы, могли бы обсуждать свои научные работы на родных языках. А сегодня на учёных советах мансийские и хантыйские учёные вынуждены общаться между собой на русском языке.

У этой птицы есть маленькое пёрышко где-то под крылом – это лесные ненцы – нас всего три сотрудника. Я – старший

научный сотрудник. Татва – младший научный сотрудник, он – слепой. С одной стороны, он информант, с другой стороны – собиратель. Третий сотрудник – его жена, лаборант, которая помогает переписывать на бумагу содержимое аудиоматериалов. Всего три человека, но когда мы втроем собираемся, в последний раз это было полгода назад, трудно, но мы пытаемся обсуждать свои проблемы на родном языке. Положительным здесь является то, что Татва не знает русского языка.

Я занимаюсь топонимикой. Для будущих поколений топонимика может служить доказательством в судебных процессах против властей по отстаиванию права собственности на землю. С другой стороны, топонимика может быть предметом науки для тех, кто ею занимается. В-третьих, случайно или так уж получилось, моя работа получается в художественной форме. Моя работа состоит из двух разделов, и я использую в ней три рабочих языка, которые я знаю: хантыйский, русский и ненецкий. Ни один из текстов не повторяет другой дословно.

Я сделал краткий пересказ текстов и готовлю словарь. На мой взгляд, именно так, косвенным путём, можно подвигнуть читателя, кому попала в руки эта книга, изучать, сохранять, познавать тот или иной язык. Если человек – ханты, знающий русский язык, не знающий ненецкого, он получит через словарь информацию на 70–80 %, если читатель ненец, знающий русский язык, он получит только часть материала, ему надо будет осваивать хантыйский язык или искать переводчика. В книге «Участок реки» обозначены 300 топонимических названий, но без комментариев и без перевода. А в словаре они есть.

Я хочу вас познакомить с моей книгой на русском языке. Я попытался передать в этой книге дух стойбищного жилья. Это то, о чём мы говорили. Когда исчезают язык и обычаи, нужно сохранить дух национальности.

Еремей Айпин

ВОЖДЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВАРЬЁГАНСКОГО РЕГИОНА

«Слово народов Севера», 2006 год, № 1

Вэлла Юрий Кылевич, поэт, глава родового угодья в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа, впервые в истории России был назван вождём коренных народов Варьёганского региона.

– Юрий Кылевич, почти десять лет назад Вы первым в России написали письмо генеральному директору «Варьёганнефтегаза» и подписались «Вождь коренных народов Варьёганского региона». Накануне 75-летия Ханты-Мансийского автономного округа мы хотим спросить, как сейчас живётся вождю коренных народов Варьёганского региона?

– Большую часть своей жизни я живу на стойбище и занимаюсь частным оленеводством. Давно, с последней охотничьей зарплаты, я купил десять оленей. Сегодня у нас основное поголовье самок, которые дают потомство, составляет около сорока голов. Теперь у нас отпала необходимость покупать мясо со стороны. Сегодня мы можем прокормить свою семью тем, что имеем сами. Хотя мы ещё не вышли на тот уровень, когда могли бы реализовывать мясо и получать доход.

Как вождю мне приходится заниматься решением вопросов и проблем своих сородичей. Конечно, труднее всего решать вопросы родственников, проживающих на стойбище. Дело в том, что те, кто проживает в деревне и городе, могут воспользоваться помощью общественных организаций.

Специфика жизни стойбищного жителя отличается от специфики жизни жителей деревни. Когда я жил в деревне, то думал, что могу урегулировать вопросы стойбищного

жителя, но на деле оказалось, что я отдалённо представлял все трудности, сопровождающие жизнь лесных ханты. Более того, каждый день я делал новые открытия. Очередной день преподносил мне жизненный урок.

Получая знания от природы, от окружающих, я стараюсь никого не поучать, но если требуется моя помощь – делаю всё возможное, чтобы помочь людям. Например, купить бензопилу, так необходимую на стойбище, или оформить документы для желающих получить землю в собственность. Конечно, любая помощь предполагает множество преград, но я не могу останавливаться на полпути.

– При переходе нашего общества от административно-командных к рыночным отношениям как никогда остро встаёт вопрос о значимости президента в стране, руководителя на предприятии, вождя племени. Если в этнической общности нет вождя, то возникает проблема неполноценного развития данного народа. Как, по Вашему мнению, сегодня нужно воспитывать лидера, чтобы обеспечить ясным будущим наши народы?

– Во-первых, у человека, которого общество хотело бы воспитывать вождём, должны быть крепкие корни.

Во-вторых, немаловажное значение имеет образование. Одного высшего образования для вождя недостаточно, он должен закончить две или три высших школы, чтобы опираться на эти знания при решении самых разнообразных вопросов: и образования, и политики, и природопользования, и медицинской помощи.

В-третьих, значимая роль отводится гражданской позиции и личным качествам лидера: особенно ценится твёрдость решений и сила убеждения.

– Как складывались и развивались отношения вождя с органами власти?

– В моей жизни это было очень оригинально. Если руководители различного уровня желали мне помочь, то отношения складывались очень легко. Когда я строил музей и мне потребовался трактор, для того чтобы моя машина с музейными экспонатами могла преодолеть заболоченный участок дороги, то рядовой бригадир сразу пошёл мне навстречу, предоставив транспорт.

Или ещё случай: в посёлке Варьёган Нижневартовского района было жизненно необходимо построить среднюю общеобразовательную школу, и я пошёл к председателю окружного исполкома Григорьевой, которая приняла меня, выслушала и дала распоряжение изучить этот вопрос – в результате школа была построена.

Были и ситуации, когда руководители относились ко мне недоброжелательно и отношения складывались очень нелегко.

– Я помню ситуацию, когда генеральный директор «Варьёганнефтегаза» Анатолий Васильевич Севак сказал, что получил от Вас письмо, где Вы просили помочь в решении какого-то вопроса, и отметил «как мне не выполнить просьбу вождя?».

– Да, действительно, Анатолий Васильевич очень много сделал для жителей Варьёгана. С его помощью мы организовали строительство жилья, облёты стойбищ на вертолёте, завозили продукты, медикаменты, во время приватизации вели с ним переговоры о долях процентов для варьёганцев от приватизации нефтяных месторождений – сегодня варьёганцы являются акционерами «Варьёганнефтегаза».

– Деятельность вождя всегда вызывает разную оценку у общественности, как складывались отношения вождя с народом?

– Самое обидное и тяжёлое именно то, что, когда взваливаешь на себя ношу проблем родственников, соседей, друзей,

в ответ получаешь непонимание или вообще препятствование положительному решению вопроса. Например, когда Варьёганский леспромхоз стал разваливаться, а добро – исчезать, я обратился к некоторым своим родственникам с предложением взять пилораму леспромхоза в собственность. Я обещал им договориться с администрацией о том, чтобы с них первое время не брали налоги, а также с лесничеством – о том, чтобы за лесобилет при заготовке леса первое время не высчитывали денег; кроме того, хотел договориться с предприятиями о том, чтобы пилораму укомплектовали необходимым оборудованием. Но, несмотря на все мои усилия, родственники отказались.

– Сегодня варьёганцы сожалеют о том, что сельский совет был упразднён и потерян статус селения. Как Вы относитесь к новому закону о местном самоуправлении?

– Даже если бы Варьёгану удалось сохранить статус сельского поселения, посёлок всё равно лишился бы прав на территорию. Потому что территория становится межпоселенческой и относится к району, поэтому смысла для борьбы с целью сохранения статуса поселения нет. Я обдумал и поставил для себя лично следующий вопрос. В законе № 131 есть такая маленькая оговорка, что компактно проживающее население менее ста человек решением схода могло бы образовать муниципальный орган, где роль законодательной власти мог бы исполнять сход граждан. Это единственный шанс для жителей стойбищ, располагающихся недалеко друг от друга, – выбрать себе лидера и организовать небольшой муниципалитет с определением границ территории. Вопросы образования, медицины можно решать за счёт бюджетных денег, а бюджет будет формироваться из налогов недропользователей. Если очень внимательно проработать этот вопрос, то вполне реально можно организовать такой муниципалитет.

– Замечали ли Вы среди нынешней молодёжи людей, которые обладали бы качествами будущего лидера, будущего вождя?

– Это один из сложных вопросов, потому что когда есть сильный вождь, он заслоняет собой народ и за ним очень трудно рассмотреть лидеров. Гораздо проще увидеть будущего лидера тогда, когда внезапно исчезнет вождь. Это вечная проблема не только нашего народа, но и народов всего мира. Поэтому мудрость старшего поколения должна заключаться в том, чтобы давать дорогу молодым и выдающимся личностям.

Юрий Вэлла

КАК Я СТАЛ ВОЖДЁМ ПЛЕМЕНИ

У любого народа, гласно или негласно, существует лидер, которого все признают и обращаются к нему по всем вопросам.

Я расскажу вам, как стал вождём племени.

Вождём племени я стал себя называть с 1991 года после поездки в Канаду. Был такой эпизод. Мы, делегация России, в числе которой представители Миннефтепрома, один депутат Верховного Совета СССР – представитель северных народов, лидер общественного движения коренных малочисленных народов Севера России и я – председатель Варьёганского сельского отделения организации «Спасение Югры».

В ходе поездки встречаемся с представителями федеральных и провинциальных правительств Канады, а также с представителями руководства нефтяных компаний. Российской делегации при знакомстве всё время задавали один и тот же вопрос: какой коммерческой деятельностью занимается российская Ассоциация коренных малочисленных народов

Севера? Председатель Ассоциации Е. Д. Айпин каждый раз разъяснял, что главной целью Ассоциации коренных малочисленных народов является сохранение и возрождение языка и культуры коренных народов Российского Севера.

Я обратился к переводчику, может быть, перевод не совсем точный и произошла ошибка, почему всё время задают один и тот же вопрос? Тогда он меня спросил о тех функциях, которые выполняет Ассоциация, и какие вопросы решают её лидеры. Я рассказал о том круге вопросов, которыми занимался и занимаюсь в настоящее время. Рассказал о том, как организовал деятельность стойбищной школы; как создавал Варьёганский сельский совет; как участвовал при разработке регионального закона «О статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе»; как решал вопросы о строительстве жилья для семей коренных малочисленных народов Севера; как организовывал пикеты против нефтяников, которые варварски относились к природе, и против властей, которые действием или бездействием ещё более усугубляли жизнь моих родственников; как ежемесячно организовывал облёты стойбищ моих родственников на вертолёт с медицинскими работниками и работниками сельского совета для оформления документов, доставляя при этом пенсии и продукты.

Рассказал, как организовывал поездки сородичей в другие регионы, и как мы принимали у себя делегации коренных народов из Нарьян-Мара, Салехарда и обменивались делегациями внутри нашего округа, как через эти встречи было создано много новых семей. Рассказал о том, как, будучи ещё государственным охотником, занимался внедрением новых способов охоты, более гуманных и одновременно способствующих улучшению генетических и физиологических особенностей зверей – способа охоты, когда отбираются самые слабые особи, а оставляются те, которые способны дать здоровое потомство; как создал этнографический музей и начал издавать газету на языке моего племени; как начал заниматься

возрождением частного оленеводства, сбором и сохранением народного фольклора...

И переводчик мне ответил, что я перечислил круг вопросов, которыми в их государстве занимается вождь племени, и для того, чтобы снять лишние вопросы при знакомстве с представителями правительства Канады, необходимо именоваться вождём племени.

И когда мы в очередной раз стали представляться в новой организации, я, к некоторому удивлению своих сородичей, назвал себя вождём племени, и ненужных вопросов с канадской стороны уже не было, ибо теперь им был ясен круг интересов их собеседника.

Я зачитаю вам выступление Елены Фёдоровны на вопрос: «Легко ли быть женой вождя?».

– Человеку ходить по тайге и заболоченной тундре тяжело без посоха, а жена для аборигена – это его посох.

И когда ему трудно – обязанность его жены вовремя подать руку, подставить плечо. И если вождю вдвойне тяжелее в жизни, чем рядовому сородичу, то его жене ещё тяжелее, чем жене обычного соплеменника. Вождь племени занимается вопросами своей семьи и вопросами других семей его и других родов. А жена должна обеспечить его личный быт, своими действиями должна поддерживать его в делах и восполнять своим поведением его эмоциональные внутренние потери, когда его нервы порой не выдерживают, сталкиваясь с бюрократией, чиновничьим произволом, националистическими выходками окружающих и с обыкновенным непониманием его поступков своими же родственниками.

Жена вождя должна быть сильной и тонкой, упругой и мягкой, способной как сталь или зеркало отражать, как губка – впитывать, чтобы отводить от него или переносить на себя те удары, которые предназначались ему – вождю племени. Следить за детьми и внуками, чтобы их поведение не раздражало, а умиротворяло и успокаивало вождя. К этому

должна стремиться любая женщина, ведь и её муж в любой момент может стать вождём рода или племени. Я вместе с ним ходила на охоту, потому что в тайге, кроме охоты, надо и пищу приготовить, и дрова с водой заготовить, и сшить, и постирать, а вечером перед сном спокойной семейной беседой удалить из его организма дневную физическую усталость. Тут большое значение имеет умение вовремя улыбнуться, сделать правильный жест, подсесть рядом, именно с той стороны, с которой он любит. И хотя у меня масса женских и материнских забот, я по-прежнему хожу с ним на пастбище за оленями, участвую в его политических, этнографических и культурных мероприятиях.

Ю. К. Айваседа

---

23 июня 2007 года²¹

ПРОСТО ЖИЗНЬ...

1. Дальнейшая работа с топонимическим словарём «Река Аган со притоками»;
2. Начал новую работу «Ошейники для оленей лесных ненцев»;
3. Оказание помощи с выпуском очередного номера газеты «Глаголь», г. Мегион (ред. Т. Юргенсон), где будет две страницы на хантыйском языке;
4. Содействие в работе директора института ЮГУ Сподиной В. И. «О создании кафедры языка лесных ненцев» (в частности, подбор словарей и выявление абитуриентов на

---

²¹ Из отчёта за первое полугодие 2007 года в Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

В Ассамблею Думы
Ханты-Мансийского АО
- Югра
В Департамент обра-
зования ХМАО-Югры
В Департамент по
делам народов Севера-Юга
от жителей стойбищ
родителей - участников
100-летнего советского
Первой стойбищной школы.

Упросим выйти с законо-
дательной инициативой в
Думу ХМАО-Югры чтоб узако-
нить понятие "Стойбищная
школа", "Стойбищное образование"

В бюджетах округа и органов
местного самоуправления пре-
дусмотреть финансирование
Стойбищных школ.

Не предлагаем заменять су-
ществующие интернаты на стой-
бищные школы, ведь там, где ро-
дители предпочитают обучать своих
детей без отрыва от стойбища,
необходимо voltar этому.

Айвасова Ю.К. Райт Айвасова Л.Ю.
Соколкин И.И. Пурков П.Е.
Русский С.Ф. Гусев Русский Д.Н.

22 ноября 2006 г. Стойбище-на-Тюта

2007–2008 уч. год: Нумто, Варьёган – ХМАО, Халесовая – ЯНАО);

5. Организационные работы по стойбищной школе (ученик стойбищной школы Иуси Кольчу, 9-й класс, успешно сдал выпускные экзамены);

6. Участие в заседании Ассамблеи Думы ХМАО совместно с Департаментом образования (Возняк С.) и Институтом усовершенствования учителей (Нёмысова Е.): пересмотрели проект «Положения о стойбищной школе» и обратились в Ассамблею о включении в план своей работы;

7. Участие в научно-практической конференции «Природные богатства Югры в культуре обских угров» (музей геологии, нефти и газа).

Подготовил и выступил с докладами:

1. «Экология традиций»:

а) экология семейных взаимоотношений;

б) экология воспитания родового менталитета.

(Пленарное заседание)

2. «Мифы и легенды, связанные с местностью, и их связь с границами нефтяных месторождений».

(Секционное заседание);

8. Участие в заседании Общественной Палаты ХМАО в рамках программы «Спасти и сохранить»:

Выступил с докладом «Об экологических нарушениях ЛУКОЙЛа в зоне Повховского месторождения и о взаимоотношениях ЛУКОЙЛа с коренными жителями вокруг этого месторождения»;

9. Участие в культурном фестивале «Моё сердце – Нижневартовский район» в посёлке Ваховск. В частности, я представил выставку топонимического словаря, моя жена – выставку кукол «Акань», мой внук, ученик 7-го класса стойбищной школы Иуси Антон – выставку юбилейных календарей. Получилась семейная выставка, которая расположилась на нартах, изготовленных моим зятем Карымовым Эдуардом;

10. Оказал консультации по языку Кауру Мяги – сотруднику университета г. Тарту, изучающему язык лесных ненцев;

11. Оказал консультации Штефану Дудеку – члену организации «Общество защиты лесов Западной Сибири» (г. Берлин) по теме «Особенности лесов, именуемых у лесных ненцев: петажа, тиң’, нотям, танәм (аналогично в языке ханты вонт, яхэм, улжэк, чиныс)»;

12. Оказал консультации Виктору Колодкину в работе над рукописью «Музей рода Айпиных (Бобра)». Попросил учёного секретаря включить в издательский план работы. Остались технические недоделки с иллюстрациями. Рукопись вместе с иллюстрациями будет представлена во второй половине года;

13. Съездил в Нумто (стойбище Порсавар) посмотреть, в каком состоянии фольклорные работы Логаны Татвы;

14. Перенастроил свой рабочий компьютер на новый шрифт «Roman-umalik». Перенабрал топонимический словарь в новом шрифте. Остальные мои работы на ненецком языке пока остались в старом шрифте;

15. Встреча с юными музыкантами и художниками в детской школе искусств п. Новоаганск. О поэзии и литературе Югры. О фольклоре коренных жителей. Об изобразительном и музыкальном творчестве. О гармонии;

16. Встреча со студентами и преподавателями Центра одарённых детей (г. Ханты-Мансийск) по теме «Иллюстрация как гармоничное сопровождение поэзии. Взаимодополняемость иллюстрации и текста»;

17. Работа с издательством «Миралл» (г. Санкт-Петербург) по выпуску книги «Поговори со мной», вариант третий (с английским языком);

18. Подготовил и сдал в Департамент очередную книгу «Поговори со мной» (вариант пятый) с хантыйским языком (сургутский диалект, казымский и шурышкарский);

19. В данное время занимаюсь урегулированием взаимоотношений ЛУКОЙЛа и коренных жителей, живущих вокруг

Повховского месторождения. С 12 семьями экономические соглашения расторгнуты ЛУКОЙЛом в 1998 году;

20. Кроме того, занимаюсь рыбалкой и пасу оленей. Так, за прошлую зиму на 7 мешков рыбы и 2 туши оленей выменял 1 200 литров 92-го бензина для электростанции, чтобы компьютер работал и учебный процесс в стойбищной школе не прерывался, т.к. от властей ХМАО-Югры и Нижневартовского района я на эти цели бензина не получил.

Алексей Арзамазов

БЕЛЫЕ КРИКИ В ЧЁРНОЙ ТИШИНЕ

Этнопоэтический мир Юрия Вэллы

Инвожо, 2007, № 07-08

*Литература и этническая память:
общая картина*

Важнейшим условием существования и развития любой культуры является оптимальное сочетание в ней преемственности и инноваций. И если деформируется соотношение между этими составляющими, если нарушается хрупкая гармония, то культуре угрожает размывание, исчезновение, топтание на месте.

К одному из результатов культурного дисбаланса можно отнести этническое беспамятство, иначе манкуртизм. Не ошибёмся, предположив, что каждый народ в тот или иной период своего исторического существования сталкивался с данным явлением. С хронологической точки зрения оно

вполне понятно и объяснимо: на историко-культурном пространстве «движение» происходит по кругу, обуславливая в разное время различную динамику, темпоритм этнических процессов. Периодически наблюдаются извержения вулкана этнической памяти, вызывая собой масштабный нигилизм – апогей манкуртизации или, напротив, нездоровый национализм. В результате «извержения» культура лишается важнейшего катализатора своего развития – диалога прошлого и настоящего, воплощающего в себе своеобразный поиск будущего. Для устойчивого культурного развития необходимо этническое равновесие.

Феномен этнической памяти (равно как и этнического беспамятства) в литературном контексте особенно выразителен. Реализуясь в вербальном пространстве, он становится более наглядным, понятным обывателю. Этничность в литературе – очень важное и интересное явление, не отражённое должным образом в литературоведении. Советские исследователи видели в доминанте «этничность» нечто неуместное, антисоциалистическое, диссидентское. Разумеется, если этничность не являлась некой «идеальной категорией», своеобразным художественно-национальным выражением социализма. Этническое беспамятство – манкуртизм – начинается с псевдоэтничности, с попытки его социализировать.

В национальных литературах Советского Союза сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, этническо-яркие писатели, не всегда с очевидным поэтическим дарованием, творящие для широких масс, издающиеся многотысячными тиражами. С другой – ярые оппозиционеры советской власти, диссиденты, выразители «истинной этничности». Однако для подобного разделения необходима исторически установившаяся структура литературного процесса, т.е. фактически зрелость литературы. Последнее нехарактерно для финно-угорских и большинства «малых культур» России. Здесь этнические мотивы уже не «литературная ароматизация», способная лишь

приукрасить, подчеркнуть. Этничность в «малых литературах» – неотъемлемая часть литературного пространства, художественного сознания писателя, она обличает национальную картину мира, её полифрагментарную сущность.

В нашей работе мы обращаемся к творчеству гениального ненецкого поэта, нашего современника Юрия Вэллы, к его архетипам белого и чёрного мира, миров этнической памяти и беспамятства. Этничность Вэллы мы расцениваем прежде всего как попытку психологической защиты, адаптации личности в современном де-этнизирующем её обществе.

Белые триптихи: память

В книге Ю. Вэллы «Триптихи» стихотворения можно разделить на белые и чёрные. «Белые триптихи» Ю. Вэллы представляют собой оптимистическую картину мира.

Белое – это нескончаемый Свет прошлого, защита от наступающего природного и культурного сужения, той деформации, которая отрывает человека от этнокультурного наследия родной земли, родного языка. Обращение к белому Свету (к сотворению белой музыки – «белых криков») позволяет поэту укрыться от глобально-чёрно-окружающего. Иначе белый человек стал бы серым, сделал бы очевидный шаг к чёрному. Белый свет, должно быть, воплощает в себе этничность. Этничность, ещё не размытую другими оттенками, первозданно-чистую. Белое – утро ненецкой цивилизации, серое – сумерки. Белые стихи-триптихи – белое, ностратическое, детское настроение поэта. «Утренний триптих», «Ранний триптих», «Весенний триптих» – это белые воспоминания, фантазии Вэллы. Даже «разноцветное небо» – белое, оно из сна – прошлого или сна – настоящего, отчаянно тоскующего по прошлому. Небо улыбается: небо как белое море, как тундра. Оно зовёт. Но... куда? В бело-вечное молчание...?! В белом

свете проходит жизнь, раскрываются Истины – «Просветы в Бытии». Тоска у Вэллы – белая, бело-бесконечная. Тоска таскает, и рождаются белые крики – песни: ёх-хо-хо-хов. Но по чему Вэлла так тоскует? Вероятно, по тем далёким временам, когда мир был таким необъятно-детским, радостным, приветливым. Он был белым, белым солнцем сиял над тундрой. Затем Мир превратился в белое пятно одинокой северной Луны. И, наконец, мир стал «белым мгновением» вечности, за пределами которого был уже негасимый белый свет... Иногда белое грустной песней просится в сердце. Хочется думать о чём-то своём, известном только тебе. Это заветно-белое Вэлла пишет по-ненецки: «Камо, вални ша ненэ, ма». Только отзываются строчки почему-то по-удмуртски: «Каме, нэнэ, ме».

В «Триптихе о вечности» срединным рубежом жизненного пути выступает Белый Шов. Видимо, он разделяет жизнь на до-пред-белое и за-пред-белое. Тайна белого Света остаётся неразгаданной. Белый Шов – лишь сакральное приближение к ней, апогей стремления познать её. Белый Шов – линия познавательной зрелости, начинающаяся от... и выходящая на тропу Бело-стомедежьего отца. У Вэллы этничность, как и триптихи, белая и чёрная. Белая – островки ненецкой тундры, ненецкое культурное пространство, «спасительная белая ночь». Белый свет – свет этнической памяти, «белые крики» – древние песнопения ненцев. Быть может, прощальные...

Чёрные триптихи: беспамятство

Чёрное менее таинственно, нежели белое, чёрное разрастается из одной капли, из следов человека на снегу. Маленький чёрный кружок. В нём тонет белый мир, а с ним – прошлое и будущее. Вокруг настоящего расплывается чернь беспамятства. Чёрные триптихи Вэллы – ненецкая книга Скорби.

Каждая её страница пропитана немой болью. Только боль уже ничего не изменит. Ибо боль – это проблема отдельного индивидуума, отдельного малочисленного этноса, но отнюдь не проблема глобального государственного масштаба. Самое печальное, что она не тревожит сердца тех людей, кто якобы думает о России, выкачивая из её недр чёрное золото. Вэлла пишет: «оберегай свои белые берега». Но как? Вместо действия рождается новый стих, новая боль. Остаётся молиться – но не хватает слов. Белые слова уже исчезли в бездонности чёрного тупика тишины... У Вэллы в его «чёрных стихах» преобладает мотив ухода, отчуждения, отстранения, замкнутости. Чтобы спастись, нужно замкнуться в себя, попытаться жить осколками прошлого, слышать его Голос. Природа, ещё вчера белая, сегодня охвачена чёрной тишиной: «зверь уходит молча, осень молчит, в озёрах – тишина». Люди уже не могут петь, они способны лишь вздохнуть и слушать. А слышать?.. Но это очень мало.

Боль Ю. Вэллы – этноэкологическая. В ненецкой картине мира этнос и экология неразделимо связаны: без конкретной экологической среды не может существовать этнос. Гносеологическая система ненцев сформировалась в устойчивой экосреде, которая, в свою очередь, определяла этническое самосознание и мировоззрение. Эта экосреда, ранее наполненная белым светом, сейчас не в состоянии противостоять всеобъемлющему Чёрному. Чёрное поглощает белую энергию.

У Вэллы чёрное – временное, ибо временен сам человек. Ханты смеётся в оскал бубна, ненец ухмыляется в ресницы: мёртвый город, мёртвый мир, чёрная смерть. Но даже смерть временна... Только беспечно пасётся оленёнок – в его глазах тысячелетия прошлого, тысячелетия будущего. Будущего ли? Или безвременности, хронологической аморфности, вселенской пустоты? Белая экосреда размывается чёрной нефтью,

«белая этничность» размывается красной водой (водкой). На земле живёт человек-мутант: бессильный, неумный, забытый, забытый, временный.

Ю. Вэлла: герменевтика перехода

Поэзия Ю. Вэллы – переход от пра-белого к пост-чёрному, как мы выяснили, переход болезненный. Трудно привыкнуть к глобальным изменениям со знаком минус. Однако ещё сложнее сохранить творческий потенциал, «креативную составляющую личности». Прагматичность современности разделяет душу и тело, отдавая приоритет ratio. «Горе от ума»: мы выгладим настолько умными, что превращаемся в гупцов. Творчество Ю. Вэллы выполняет предупреждающую, предсказательную функцию: в его стихах отражается предвидение общей трагедии, трагедии этнической, экологической, социальной. Вэлла обращает нас в состояние безверия в собственную мощь. Мы живём на мощах наших предков, напрочь забыв о них. Глобальные скорости нашей жизни предопределяют этнокрушение, душекрушение. И чтобы как-то забыться, Вэлла пробуждает в нашей памяти эскизы прошлого, лёгкие сны-очертания, соединяя тем самым нас – ещё помнящих – с идеально-нереальным миром, созидающим благо временем, которое в принципе уже невозможно.

Этничность в литературе, возвращение в миф – первый шаг в обречённость, её первая «розовая» стадия. Переход из одного состояния в другое (из прошлого и настоящего в Васиии нового времени) – последний вектор движения на историко-культурном пространстве. Доминанта «этничность», и прежде всего её художественное воплощение, как остаток / осадок белого света исчезнут навсегда. Видимо, это неизбежно...

Я СОГЛАСЕН БЫТЬ ВОРОНОМ

«Литературная Россия», 2 августа 2013 года

Сколько знаю Юрия Вэллу (а знакомы мы с ним ещё с середины восьмидесятых годов прошлого века), он, романтик по натуре, всегда в борьбе. Я помню одну из первых его акций против нефтяников, которые ещё в советское время хотели проложить через его родной посёлок Варьёган кратчайшую дорогу к своим объектам. Силы были неравны. На стороне нефтяников была чётко отлаженная система, в которой многое решал даже не закон, а «позвоночное» право. Партийная и советская власти фактически обслуживали интересы нефтяных генералов. А кто был Вэлла? Какой-то поэт, без единой книжки стихов и билета члена Союза писателей. Всё, что он имел, – мандат председателя поселкового совета, который ни на что не влиял. Ни денег, ни реальной власти у него не было. Вэлла владел только одной печатью. По тогдашней логике, бюрократическая машина должна была его безжалостно раздавить. А он совершил невозможное: заставил нефтяников отступить, учесть интересы коренных жителей и построить дорогу в объезд. За эту невероятную победу земляки, по идее, должны были носить его на руках. Но многие соплеменники обиделись. Они испугались, что, пойдя раз на уступку, нефтяники обязательно отомстят и напакостят во много раз больше. И поэтому на очередных выборах в поселковый совет Вэллу «прокатили». А потом в стране грянула очередная революция.

За два с лишним постсоветских десятилетия на родине Вэллы многое изменилось. Сородичи, кажется, наконец поняли, кто настоящий защитник их интересов. Теперь далеко не все готовы бегать на поклон к нефтяникам. Люди готовы биться за свои права. Юра рассказал о последнем конфликте земляков с нефтяниками. На этот раз нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» начала наступление на уголья, где испокон веков пасли своих оленей ханты из рода Айпина. В частности, компания без

согласования с этим родом самовольно пустила по одному из таёжных участков тяжёлую технику. Охотники, постеснявшись побеспокоить своего влиятельного родственника – писателя Еремея Айпина, разыскали Вэллу. Первая мысль, которая была у них, устроить на дороге пикет. А у Вэллы уже имелся многолетний опыт решения конфликтов с «ЛУКОЙЛом». Он сразу сказал: только не нужно самодеятельности. Не надо зарвавшимся нефтяным генералам давать повод для преследования оленеводов. Облюбованный нефтяниками таёжный участок – это межпоселенческая территория. Значит, разрешение на пикет надо получить не в Нижневартовске или Когалыме, а следует обращаться к региональным властям – в Ханты-Мансийск. Но большое начальство вряд ли пойдёт навстречу охотникам. Вэлла подсказал другой путь. Он установил, что таёжный участок, на который покусился «ЛУКОЙЛ», находится не просто на территории родового угодья, а граничит со святым для ханты местом. Вэлла посоветовал провести не прямо на дороге, а возле – где-нибудь на обочине, – древний обряд и принести в жертву оленя, и тем самым показать власти, что целый хантыйский род протестует против того, чтобы нефтяники столь бесцеремонно задевали их чувства. Охотники так и поступили. Только после этого их сразу услышали и в Ханты-Мансийске, и в «ЛУКОЙЛе» и тут же внесли коррективы в транспортную схему по доставке грузов к нефтяникам.

Я, кстати, потом попросил прокомментировать конфликты с участием Вэллы главного маркшейдера «ЛУКОЙЛа» Константина Беляева, отвечающего в этой компании также за сотрудничество с народами Севера. И знаете, что услышал? Мол, у «ЛУКОЙЛа» есть чёткая позиция – не вмешиваться в политику. А всё, что связано с Вэлла, Беляев считает чистойшей политикой. Но, по-моему, это лукавство. «ЛУКОЙЛ» никогда не ограничивался только экономикой, а всегда лез и в политику. Примеры? Пожалуйста. Скажите, зачем в 2003 году

«ЛУКОЙЛ» организовывал для депутатов Госдумы спецборт и потом катал избранных народа по своим объектам в Усинке и Когалыме? А с какой целью на прошлых выборах «ЛУКОЙЛ» выдвигал в Госдуму своего влиятельного чиновника – господина Василенко?

Понятно, что Вэлла для «ЛУКОЙЛа» – страшный раздражитель. Но кто мешает крупнейшей нефтяной компании искать точки сближения с представителями коренных народов Севера?

Последние годы Вэлла увлечён топонимикой бассейна реки Аган, который так притягивает нефтяников. Зачем ему это понадобилось? Он отвечает:

– А это нужно не только мне. В топонимике зашифрован характер Агана и всех маленьких ручейков-живунов. Каждое название несёт в себе дополнительную информацию: как вести себя на берегу, что можно делать, что категорически запрещено, что тут находится и чего нет. Вот Пев. Я, отталкиваясь только от названия, могу создать целую картину. Рядом находится ягельник; есть сосновая шишка, а это значит, что можно белковать. Или возьмём Йихыл (Игол). Мне ясно: там почва глинистая, наносной грунт ледникового периода и смешанный лес.

Вэлла издал уже три тома своего топонимического словаря. Но из последнего он в какой-то момент изъял главу о святилищах. Почему?

– Я, часто присутствуя на наших праздниках, которые проводятся не для туристов или этнографов, а для самих себя, и где отсутствуют любопытные, однажды обратил внимание на то, что во время молитв имена наших богов произносятся или полушёпотом, или скороговоркой. Внятно они не звучат. Почему? С годами я понял: те люди, к которым обращены песнопения, всё и так знают. Просто наши старики не хотят, чтобы имена богов затирались частым повторением. Иначе теряется сакральный смысл молитвы.

В назидание Вэлла рассказал мне о трагической судьбе русского этнографа Раисы Митусовой, сводной сестры белого

русского генерала Кутепова, которая в двадцатых годах дважды путешествовала по Агану. Митусова считала, что служит только науке, и поэтому пренебрегла неписанными правилами ханты и лесных ненцев. Первый раз она нарушила табу, выбирая маршрут для своей экспедиции, отправилась в путешествие как бы не по часовой стрелке, а против солнца. Когда она добралась до Агана и изъявила желание посетить наши святилища, случился гром. Боги словно предупреждали: не стоит спешить. Но Митусовой не терпелось собрать для Русского музея необычные экспонаты. Она искала Богиню лесных ненцев. И тогда гром ударил во второй раз. Однако исследовательница и этому предостережению не вняла. У неё появилась маниакальная идея – во что бы то ни стало найти лабаз и залезть в него, что женщинам делать не полагалось. Но вместо лабаза она обнаружила под одним из деревьев нашего божка. Видимо, во время очередного жертвоприношения, когда умер кто-то из охотников, его неизвестный сородич одного божка забрал с собой, а взамен вырубил и оставил в лесу другого. У нас это называется «человек, работающий в другую сторону». Однако чужим людям, посторонним, притрагиваться, а тем более засовывать этого божка за пазуху ни в коем случае нельзя. Последовал третий удар грома. Больше никто знаков ей не посылал. А в 1937 году Митусову арестовали и расстреляли.

– Возможно, – говорит Вэлла, – это было наказание за незаконное вторжение в чужую среду, не терпящую бесцеремонного вмешательства.

А по каким принципам живёт и творит сам Вэлла? Кто внимательно следит за его книгами, тот заметил, что ещё в начале «нулевых» годов поэт полюбил форму диалога. То у него целая поэма выстроилась в форме диалога с поэтом из города нефтяников Мегион Татьяной Юргенсон. Потом последовал диалог с матушкой из одного монастыря на Волге. Затем был поэтический диалог с индейским мыслителем Н. Скоттом Момадзем.

– Любая беседа, – утверждает Вэлла, – даёт повод выйти на новый уровень. Это прибавляет всем нам мудрости.

– А как ты нашёл собеседницу из православного монастыря?

– Это не моя заслуга. В своё время я сочинил Азбуку оленевода. Но её даже у нас на Севере поначалу никто не заметил. А спустя несколько лет я неожиданно получил с Волги листочек бумаги с компьютерным текстом. Оказалось, эта азбука очень тронула одну монахиню. Она поделилась своими мыслями. Я захотел ответить. Так возникла переписка, из которой потом выросла поэма «Этот совершенный мир: о тебе и обо мне». В какой-то момент я решил пообщаться с матушкой хотя бы по телефону. Это оказалось очень сложной задачей. Матушка сначала и слышать не желала о том, чтобы я её письма из монастыря предал огласке, пусть и в форме поэмы. А я вспомнил свою бабушку, которая не раз мне говорила: «Мы – люди, живущие на двух берегах одной реки». Она призывала к почтению богов иной веры. Кажется, эти мои воспоминания легли на душу и матушке. Мы продолжили обмен мнениями. При этом мы ни разу с матушкой не спорили о том, что совершенней – язычество или христианство. Зачем? Мы оба знали, что друг друга не переделаем. Мы размышляли о другом – о мироздании, о жизни, о любви... И в какой-то момент матушка дала согласие на публикацию нашего диалога. Но никакую личную информацию о себе она так и не сообщила. Может, и правильно сделала.

Юра знает, что я дружу с его земляком Еремеем Айпиным. Они оба писатели и оба вышли из одного посёлка Варьёган. Это тот самый случай, о котором у нас говорят: в одной деревне не может быть двух поэтов. Короче, Юра и Еремей – друзья-соперники. И, наверно, Юре обидно, что я до сих пор в его стойбище ни разу не побывал, а к Еремею ездил уже трижды. Но он всё понимает, и никаких упрёков от него я никогда не слышал. В последний раз Юра только поинтересовался

Юрий Мамма.

Экология традиций

(сбережения и диссегрегация информации от поколения к поколению)

1. Экология семейных взаимоотношений.

- а. Первая повесть «Капитал»
- б. Вторая повесть «Капитал»
- в. Ассимиляция «Минус» и «Плюс»
- г. Праздник обласа

2. Экология воспитания родового менталитета.

- а. Традиции оленеводческие
- б. Традиции охотничьи
- в. Традиции рыбачьи
- г. Сказка «кто сильнее всех» (человек на реке Лена).
- д. Праздник обласа
- е. Повесть писателя о разведении оленей
- е. Сила традиционного воспитания

Из архива семьи Айвасада

Тезисы к выступлению на конференции «Природные богатства Югры в культуре обских угров» (г. Ханты-Мансийск, 2007 г.)

у меня, кого я застал на стойбище у Еремея. Я ответил: Павла Янчевича Айваседу.

– А знаешь, – сказал Юра, – его отец был шаманом. Когда я родился, он, камлая, предсказал, что меня увезёт красная лодка. Да, я потом стал секретарём комсомольской организации, да, я возглавлял поселковый совет. Но я не стыжусь этих страниц в своей биографии. Я никогда не отгораживался от своих сородичей. Я всегда, как мог, боролся против любой несправедливости. Обидно другое: менялись власти, разные партии приходили, но порядка до сих пор нет. Не за свои кошельки надо бороться, а за простых людей. Хватит держать нас в дураках.

У меня есть почти все книги Вэллы, начиная с его самого первого сборника «Вести из стойбища», изданного в 1991 году в типографии города нефтяников Радужный. Но одну книгу я всё-таки упустил: «Нити родства», вышедшую в 2010 году и навеянную поездкой к американским индейцам. Юра подарил мне её совсем недавно. Она открывает новые штрихи в творчестве этого бескомпромиссного бойца. Вэлла пишет: «Человек – без ошибок, с полным счастьем и достатком, – это в моём понимании – робот. Ой, как не хочу быть роботом!.. Я согласен быть Вороном – преданным другом, чтоб даже после смерти, оставаясь бобылём, сопровождать друга своего по белому свету, куда бы его ни занесла судьба, и хотя бы изредка просыпаться вместе с ним в его шальных эмоциях... Или уж лучше быть Медведем, чтоб меня, спустившегося с Водораздела, на тропе подстрелил Охотник; чтоб отец Охотника, их дети и внуки совершили надо мной обряд Медвежьего игрища; а потом целый год вспоминали и ещё и ещё раз переживали каждую сцену, каждую деталь, каждую фразу, услышанную на празднестве».

Мы все в этом мире дети природы и близкие родственники. Но сможем ли мы когда-либо вернуться к своим истокам?

Вера Ларионова,
журналист, г. Москва

БЛАГОРОДНЫЙ РЫЦАРЬ СВЕТА

Специально для «Юрий Вэлла. Избранное»

– Когда читаешь стихи Юрия Вэллы, такое впечатление, что ты вошёл в очень чистую воду, эта вода омыла тебя, и ты вышел... И вдруг прочувствовал радость жизни, ребёнком себя почувствовал. Его поэзия искренняя, как у ребёнка, и мудрая, как у творца. В нём чистота первородная, восприятие незамутнённое, чистое, в то же время он – мудрец. И я теперь понимаю, что когда он сотворил музей под открытым небом, он был и философом, и политиком. Это была очень масштабная личность.

– Вы вместе учились в литинституте, в течение многих лет были в курсе его жизни, общались... Чем, на Ваш взгляд, Вэлла сегодня интересен не только для соплеменников, но и для всего человечества?

– Я бы сказала так: его личностная драма, собственно, воплощение драмы всего человечества. Потому что наша самая большая проблема сегодня, – это цивилизация и природа. Мы уничтожаем себя, потому что уничтожаем природу, цивилизация уничтожает. И делает это активно и эффективно.

Идёт наступление робота на человека, в какой-то степени. Где границы дозволенного? Как это всё совместить? С одной стороны, сегодня уже мы не можем жить в лесу и молиться колесу, потому что мир движется по своей траектории, он развивается, становится всё более мобильным, более искусственным. А с другой стороны – мы сами рубим сук, на котором сидим. Юра это понимал. И он эту задачу на своём уровне пытался решить.

– Он понимал ценность образования. 12 лет, практически за свой счёт содержал частную лесную школу. Сегодня в Югре создаются IT-стойбища, а в России на сегодняшний день признаны целых три вида домашнего образования: надомное, семейное и дистанционное...

– Интернат – это порождение системы. Он прочувствовал на себе эту систему, она лишила его детства, там не было ни любви, ни ласки, он не видел ни родных людей, ни природы, которую он любил... То есть он был искусственно извлечён оттуда и помещён в интернат. И он решил, что его внуки будут учиться в пределах своего мира, и всё будет хорошо. Но этот мир, его мир, всё равно скукоживается, отступает. Целый клубок проблем, которые решает человек и человечество, Юра решал в масштабах своей земли, в пределах своего лесного, натурального мира. На какое-то время отступила эта вот система от его семьи. А в принципе – она наступает.

Он ездил в Америку, не случайно он там с индейцами встречался. Да, это жестоко, это ужасно, то, что с ними сделали. Страна развивается по другим законам. Вот этот естественный, натуральный человек остался сначала в пределах своей резервации, а теперь ему уже и резервация не нужна – коренные индейцы просто не играют никакой роли ни в культуре, ни в экономике страны. То же самое происходит и с нашими народами, так ведь? Их мир сворачивается. Кто-то добровольно уходит. Вот им дали такую возможность, как Юра говорит, сидеть на коврах, ничего не делать и смотреть телевизор с утра до вечера, пить водку. Фактически, они гибнут. Так ведь? Они ничего не делают. А Юра, чтобы привлечь внимание к этой проблеме, он... Конечно, лесная школа – это такая наивная попытка спасти детей от интерната, от системы. Но тоже, скажем, эффект не слишком велик, да? Скромнен весьма эффект. А вот то, что он весь мир пригласил к себе в музей под открытым небом – это вот гениальное его прозрение, изобретение. Вот это да. Туда приехал весь мир. Они посмотрели, как живут нынешние

народы Русского севера, какие у них проблемы, как вот по факту у них всё происходит. Это очень здорово. Это как раз совпало с тем, что наша страна стала более-менее открытой, железный занавес подняли, и Юра пригласил весь мир к себе.

– Теперь, благодаря интернету, весь мир знает, как живут коренные народы на Севере, как и чем вообще живёт Север нашей страны. Но сегодня, мне кажется, что миру это не очень интересно, и центральной части нашей страны тоже...

– Юра, как я его воспринимаю, – шаман нашего времени, и колокольчик, или колокол, звон этого колокола раздаётся над всей землёй. Он касается каждого человека, который живёт на этой земле. Почему? Потому, что он не просто ненец, которого цивилизация поглощает и стирает в порошок. Он сам – продукт цивилизации. Этот человек смог подняться над своей проблемой и показать её всему миру. Он, конечно, потерпел поражение, но это великое поражение. Вот этим он очень интересен. В этом он масштабен, велик.

В «Звёздных войнах»²² есть великие, магистры, которые сражаются с тьмой за свет, имея световые мечи, эти благородные рыцари света. Вэлла – это благородный рыцарь света. К нему пришёл весь земной шар. И всем интересно это. В этом он талантлив.

Были люди, которые говорили: им неинтересна поэзия Юры. О вкусах не спорят. А вот то, что он совершил подвиг в битве человека с цивилизацией – это интересно всем, это не может не касаться каждого.

Если мы из городов уйдём на лужайку – мы не сможем жить. Как использовать эту цивилизацию, чтобы она его не убила, не стёрла в порошок, чтобы он не погиб? У него личный пример был, он пытался доказать, что человек может прожить, как он, выход есть.

---

²² «Звёздные войны» – североамериканская фантастическая медиафраншиза, созданная кинорежиссёром Джорджем Лукасом. – *Прим. сост.*

Стихи лишь механизм, которым он пробивал дорогу к сердцам людей. Да, хороший поэт. Но хороших поэтов много. А Вэлла один. И уникальность его в том, что это человек, который понял самую главную боль человечества и занял активнейшую позицию в борьбе света и тьмы. Чтобы человек в конечном итоге не был поглощён цивилизацией со знаком минус. Юра выступил от лица всего человечества.

Хотя сам он по себе рождён оптимистом, он находился на грани отчаяния. Стойбище – это точка, от которой он отталкивался. Как бы мы, всё человечество, не оказались резервантами. На ковры посадили нефтяники: мы вас будем кормить-поить, только не путайтесь под ногами. Сейчас, во времена роботизации, мы все в роли тех, кто сидит на коврах. Юра это всё понимал и приглашал всё человечество, чтобы посмотрели и не допустили этого. И он это всё пытался подать по-своему. Где-то это было наивно, как школа, но главное, суть, – он понимал.

*Документальный фильм «Последний монолог»,
автор и режиссёр Ольга Корниенко,
Сургутфильм, 2014 год.*

Ольга Корниенко

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ

(По сценарию фильма)

---

12 сентября 2013 года Юрий Вэлла ушёл из этой жизни. Семье он оставил оленей и землю, за которую в течение двадцати лет бился с ЛУКОЙЛОМ, миру – бесценное творческое наследие, а мне – слова, из которых и сложился этот фильм. Фильм-исповедь. Фильм-напутствие. Фильм-завещание.

– Это первый вопрос: что такое человек? Для чего он живёт?

Вот банально: в школе об этом сочинения писали... Я не знаю, сейчас пишут или не пишут, а мы писали. Ты ведь знаешь, ответить на этот вопрос, ну, если, конечно, откровенно отвечать, было очень сложно...

Он уже знал, что уходит. Он оставлял этот мир в неподходящее время. Хотя где они – подходящие времена? Он знал, что уходит. И мы знали.

– Я смотрел на учительницу, с одной стороны, я понимал, что это вопрос советский, на него мы уже знаем, как надо отвечать: ну да, посадить дерево, написать книгу, оставить после себя след, ну, добрый, конечно... Но сам вопрос в душе человека всё-равно остаётся. И чем дальше живёшь, старше живёшь, этот вопрос сам себе всё больше и больше начинаешь задавать и искать ответ, уже не для контрольной работы, не для сочинения, а для своих внуков, для своих правнуков, у которых, может быть, не будет такого сочинения, а наверно, надо было бы...

Мы приехали к нему на стойбище в июле 2013-го. Он сам просил меня приехать, чтобы зафиксировать работу комиссии из лесфонда, от решения которой зависело, будут ли вырубать сгоревшую лесную гриву, которую так любят олени. В ожидании мы снимали быт семьи: жена Лена готовила обед и воевала

с непослушным колодцем, зять Пётр чинил автомобиль, внуки бегали туда-сюда по своим малышейским делам и делишкам...

Вдруг он вышел из избы и неожиданно для нас сел на лавку, прямо перед работающей камерой. Поднял глаза к объективу, смотрел долго, почти невыносимо долго...

– ...Что такое жизнь? Что такое человек? Для чего человеку дана жизнь? Для чего человек родился на этом свете?

Позже, когда наступит время монтажа, я не смогу убрать ни единого из сказанных им слов, ни единой паузы, ни единого вдоха.

– Умирал Аули. За два дня до смерти его я подошёл к нему, к его постели. Он знал, что умирает. Я, для того чтобы поддержать его, его дух, я ему говорю: ты знаешь, человек просто так не исчезает. Даже если тело умирает, дух его остаётся, продолжает жить. А он мне ответил: так-то оно так, но если после человека на этой земле не осталось ни одного чума, то тогда ради чего я жил вообще? Для чего я детей растил? Если после меня на этой земле ни одного чума не останется?

В глазах его стояли слёзы, и он не старался их скрывать. Я сидела рядом, на той же лавке, и по моим щекам тоже каптились слёзы. Всё остальное вдруг оказалось неважным, второстепенным. Что-то рвалось изнутри, и было невыносимо тоскливо и больно.

– Я думал, что я пришёл поддержать его дух, а на самом деле оказывается – это он мой дух, находясь при смерти, он пытался поддержать мой дух...

«Последний монолог» с одинаковым вниманием смотрели студенты Полярной академии в Санкт-Петербурге и университета в эстонском городе Тарту, участники Всемирной финно-угорской конференции в германском городе Гёттинген и зрители кинофестиваля «Аргиш» в Нарьян-Маре, читатели сургутских библиотек и курсанты учебного центра УВД Ханты-Мансийского автономного округа, и ещё многие и многие люди.

16 октября 2014-го в кинозале национальной деревни Русскинской смотрели его представители многочисленного семейства Сопочиных. Они приехали защитить свою землю от надвигающейся беды. И как когда-то умирающий старик Аули поддерживал его, Юрия Вэллу, так теперь он, Вэлла, поддерживал с экрана своих соплеменников:

– Сейчас здесь моё стойбище стоит. Перед этим здесь было стойбище моей бабушки. Там, за Ватьёганом, мать моей матери родилась. То есть я живу сейчас на родине своих двух бабушек...

Сопочины смотрели и слушали очень внимательно. Каждому из тридцати пяти человек, сидящих в зале, было о чём подумать. В июне 2014-го нефтяная компания «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» выиграла лицензию на пользование недрами, геологическое изучение, разведку и добычу углеводородного сырья до 2039 года на участке Отдельный, где живёт род Сопочиных. 25 августа Сопочины впервые вежливо, но твёрдо сказали «нет, мы не согласны», выразив своё недовольство решением правительства ХМАО на продажу лицензии на участок без согласования с ними, живущими в границах этого участка. Спустя полтора месяца нефтяники вновь пригласили Сопочиных на разговор, привезя с собой в поддержку представителей правительства и прочих властей.

Итак, 16 октября 2014-го в Русскинской главы и члены семейств угодыя номер 14 ещё раз повторили, по какой причине они не согласны допустить нефтеразработки на земле, где покоятся их предки, где пасутся олени: «Мы много работали, чтобы сохранить лес и стадо для своих внуков».

Около трёх часов нефтяники говорили о том, что «прошли времена, когда работали грязно» и что «нас самих сейчас государство штрафует, если мы экологию нарушим», представители властей – что «сейчас мы все живём за счёт нефтяных денег», – Сопочины стояли на своём. Из всех, приехавших на встречу, лишь один человек, член Ассамблеи коренных мало-

численных народов Думы округа, манси Надежда Алексеева пыталась защитить их позицию.

Пока готовили итоговый протокол, я и попросила включить «Последний монолог».

– ...А вот километров пятнадцать отсюда – могила отца моей бабушки, Айваседа Хэши. А там, где начинается грива, та грива, которую собираются рубить, – там могила Иуси Кольчу, имя которого я постарался оставить за своим внуком. Потому что мой внук – это не только мой потомок, но и его потомок, того Иуси Кольчу. Вот как связана эта земля со многими именами. Ну, а если здесь не останется ни одного чума, то кто будет об этом думать, кто будет об этом вспоминать?..

Чтобы прогнать индейцев с их земель, достаточно было перебить всех бизонов. Индейцы сами ушли в резервации, потому что им нечего стало есть, негде жить, не во что верить. Таков был план американского правительства по освоению новых земель. А ведь всего двести лет назад они были полноправными хозяевами бескрайних американских прерий.

Те посёлки, куда в течение последних десятилетий российское государство пытается выселить коренное население с помощью активного социального домостроительства (в нашем случае это Тром-Аган, Варьёган, та же Русскинская), я бы тоже назвала резервациями. Только по-быстрому и без заморочек вытащить аборигена из леса пока не получилось. А сегодня и вовсе не те времена, мешают нормы международной этики и права: не по-человечески вроде как-то.

Противостояние, возникшее в нефтяных семидесятых, сегодня отнюдь не ослабло, не сгладилось. Ведь сколько ни говори таёжному жителю, что в новом веке нефть добывают по-новому, – он-то у себя в лесу разницы до сих пор не видит.

А государство просто сменило тактику. В последние годы из российского законодательства исчезают те позиции, которые ранее помогали лесным людям сохранить свой традиционный уклад. Теперь, согласно Лесному кодексу, лес в России

принадлежит региональным лесничествам, земля – государству. «Нужные» поправки в законах «О рыболовстве ...» и «Об охоте...» ставят коренного жителя в одну строку с браконьером, а изменения в законе «Об особо охраняемых природных территориях», куда ранее относились и земли коренных жителей, создали условия для неограниченного хозяйственного вмешательства. Иными словами, идёт настоящее, хорошо продуманное, плановое наступление. И ханты, так же, как и индейцам когда-то, этой войны не одолеть.

Это было очевидно и 16 октября в клубе деревни Русскинской. Когда выяснилось, что доводы чиновников и недروпользователей всё равно недостаточно убедительны для семьи, слово взял из сидящих в зале Человек самого большого калибра. Приехавших из леса людей он просто поставил перед фактом: «Работы всё равно будут начаты, с вашим согласием или без» и зачитал поправку из Закона о недрах. Если ранее строительство нефтяных объектов и коммуникаций обсуждалось с живущими на этой земле до подачи заявки на лицензирование участка (действовала система «двух ключей», где Югра была равноправным партнёром государства в продаже нефтяных земель), то теперь раздача драгоценных участков на конкурсной основе – прерогатива исключительно федеральных властей. А уже с документом на выкупленное месторождение нефтяник идёт к коренному жителю. И не для того, чтобы спрашивать у него разрешения на производимые работы, а чтобы «согласовывать объекты» уже производимых работ с его, коренного жителя, традиционным видением землепользования. Если это видение в очередной раз, в «ущерб государству», не совпадёт с планами промышленника – в законодательстве могут появиться и другие поправки.

Поэтому на фоне всеобщей растерянности аборигенного населения многострадальных югорских земель такие как Иосиф Сопочин с их вежливыми, простыми и вполне обоснованными «нет, мы не согласны» выглядят для кого – злостны-

ми саботажниками, а для кого и просто глупцами. Для меня в тот момент Иосиф был герой. Правда, внутренний голос нашёптывал: «Иосиф, зачем ты ведёшь людей к тропе войны?». А ещё была гордость: «Какой же ты молодец, Иосиф!». И был страх: а если опять не найдут общего языка? Сколько ещё будет поломанных судеб...

Сколько же ещё законов нужно изменить, чтобы сломать этих людей, уничтожить голос земли, именем которой этот народ пытается говорить с нами, иными?

– Для чего ты детей растил, если после тебя на этой земле ни одного чума не останется?

Казалось, Вэлла с экрана обращался напрямую к каждому из сидевших в зале. Его слова были так же просты, как и слова Сопочиных. Разве их трудно понять?

Мы хвастаемся природой, которую сами же планомерно уничтожаем. Мы гордимся уникальным народом, у которого сами же отнимаем этот бесценный дар – оставаться уникальным.

Два таких разных мира, существующих в одном пространстве. И он – соединитель этих миров. Уходя, он оставил слова, что ведут к гармонии, до которой дотянемся ли?

– Кто своим внукам будет рассказывать, кто здесь жил, кто тут чем занимался... Кто завтра идёт встречаться с чиновниками для того, чтобы попытаться отвоевать оленьё пастбище от чиновничьего произвола? От чиновничьей жадности на деньги... Попытаться доказать им экологическую целесообразность не трогать эту землю...

Монолог Юрия Вэллы был записан 15 июля 2013 года на его летнем стойбище. 16 октября 2014-го в национальной деревне Русскинской он был так же актуален.

Актуальными эти слова стали и для тысяч старшеклассников Югры осенью 2021 года, когда вместе с ними мы рассуждали о том, для чего человек приходит на эту землю и не потерялось ли понятие родины в бурном течении современной жизни.

В ПОИСКАХ ЛЕГЕНДЫ

---

*Фрагменты сочинений старшеклассников Югры
в рамках культурно-образовательного проекта «В поисках легенды»
(2021 год)*

***

...Документальный фильм «Последний монолог» оставил неизгладимое впечатление. «Зачем человек приходит на эту землю? Что он оставит после себя?» – задаёт вопросы себе и зрителю Юрий Вэлла, глядя на нас с экрана. Тяжёлый и внимательный взгляд сразу заставляет задуматься о серьёзных вещах...

...Рассуждения о смерти и смысле жизни западают в душу, меняют представление о мире, об истинном предназначении человека.

Затронул внимание тот момент, в котором рассказывалось, как приходится отстаивать и оберегать свои земли и леса, которые необходимы для сохранения уникального таёжного климата и естественной жизни коренных народов Севера. Очень жаль, что в настоящее время мало внимания уделяется их охране.

Эльвира Азарова,
*учитель русского языка и литературы,
школа № 6, г. Лянтор*

***

После просмотра я ещё долго думала о том, что всё так просто и ясно, что не надо вступать в глубокие философские замудрствования. Есть дом, есть семья, есть самое лучшее место на земле, где ты живёшь, есть любимые люди, есть память о предках, которая всегда в твоём сердце, и больше ничего не

нужно. В этом и есть, на мой взгляд, ответ на главный вопрос:
ДЛЯ ЧЕГО ЖИВЁТ ЧЕЛОВЕК?

Виктория Нигматуллина

II «Д» класс,

Сургутская технологическая школа

***

Родная земля... Как много смысла в этих простых, на первый взгляд, обыденных словах! Чувствуете ли вы прилив сил и гордости, вспоминая о месте, самом близком сердцу? А когда становится тягостно, вспоминаете ли вы счастливые моменты, проведённые на Родине? Думаете ли вы о будущем родной земли? Болит ли ваше сердце за место, которое навсегда останется домом? Если это так, то вы с гордостью можете себя называть патриотом, человеком, всей душой любящим Родину.

Именно таким был поэт, публицист и общественный деятель Юрий Вэлла...

...Он призывает нас не забывать, кто мы и благодаря кому мы стали теми, кем являемся. Нужно помнить своё прошлое, сохранять исторические корни и ценить свою Родину. Кем бы мы были, не имея этого?!

В заключение хочется отметить, что Юрий Вэлла – прекрасный пример высокоморального человека, настоящего патриота. Несмотря на активный технический прогресс, который полностью изменил наш образ жизни, каждый из нас должен суметь сохранить память об истории, культуре, традициях и обычаях своей нации.

Александра Фильчак

II «Г» класс,

Сургутская технологическая школа

***

Юрий Вэлла – человек-герой. Самый настоящий герой. Он является примером для подражания, примером того, как нужно отстаивать свою родину. В борьбе с промышленностью он защищал свои земли до самых последних дней, он был предан своей истории, культуре.

События последующего времени никому не известны. Однако какими бы они ни были, каждый из нас должен сохранить хотя бы крупицу воспоминаний нашей родной истории.

Мария Котлова
*10 «А» класс,
школа № 2, г. Нягань*

***

...Когда я посмотрела фильм «Последний монолог», то долго размышляла над тем, что хотел сказать герой фильма именно нам – подросткам, современному поколению, живущему в виртуальном мире интернета и гаджетов. На первый взгляд, у главного героя фильма Юрия Вэллы всё хорошо. У него есть прекрасное угодье, которое досталось по наследству от предков, есть дом, семья, дети. Он гордится тем, что живёт на земле своего народа, но переживает за то, останется ли она детям, внукам и правнукам.

Вэлла задаёт вопрос: «Для чего живёт человек?». Отвечу так: «Для того, чтобы остались после него – родной язык, культура, традиции, и главное – Дом, который не должен исчезнуть с лица земли в связи с экологическими природными катастрофами и внедрением объектов нефтегазодобычи».

Мухаррам Шарипова,
*8 «Г» класс,
школа № 3, г. Лянтор*

***

...В человеческом имени есть огромная связь с землёй, на которой живут люди. Мы должны сохранить экологию, тем самым сохраним культуру, свой род и не окажемся теми, кто уйдёт бесследно.

С каждым годом люди всё безразличнее относятся к матушке-природе, которая дала им жизнь. Когда-то люди ценили каждый лепесток, упавший с дерева, но всё изменилось...

...Чем дальше идёт общество, тем больше меняются его ценности, но никогда не стоит забывать о своей истории, человеческой гуманности и природе. Если каждый будет делать что-то для экологии нашей планеты, то планета будет только процветать и существовать ещё очень много поколений.

Валерия Макшаева,
*10 «А» класс,
гимназия № 2, г. Сургут*

***

...Наша жизнь – наша история. Нужно лишь начать её с правильного шага, помня, что всё зависит только от нас самих. Поэтому тема героя своего времени, человека, умеющего принимать решения, нести ответственность за свои поступки, за людей, которые с нами рядом, будь то семья, род или всё человечество – очень актуальна сегодня.

Дарья Сазонова,
*10 «А» класс,
школа № 2, г. Нягань*

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВЭЛЛЫ

Анн-Виктуар Шаррен,

д.ф.н., PhD по антропологии,

профессор INALCO (Université Sorbonne Paris Cité)

---

22 сентября 2013 года

– Мы, к сожалению, вряд ли ещё увидимся, – сказал Юрий Вэлла в начале марта этого года, после своего выступления у нас в Университете, в ответ на моё пожелание вновь встретиться в Париже или на берегу Агана. Я знала о состоянии его здоровья, мне стало страшно, и я смогла ему возразить только молчанием. Он спокойно добавил: «Но всё, что я смог бы Вам передать с глаза на глаз, Вы полностью найдёте в моих произведениях».

Теперь, сидя в своём кабинете, я смотрю, как передо мной, на полках с книгами, поблёскивает ворох слов на кириллице и на латинице – Триптихи, Triptiques, Поговори со мной, Ветерок с озера, Breeze from the lake, Земля Любви, Нити родства, Threads of kinship, Река Аган со притоками – все эти приглашения в священные тундру и тайгу, в сакральный мир народов ненцев и ханты, в мир гуманизма и любви, в мир человеческого бытия и отдельных личностей.

Мне думается, что на самом деле Юрий Кылевич всю свою жизнь ткал нити родства, вступая в разговор с читателем, молодым и старым, мужчиной и женщиной, из города и из тайги, с другом и врагом этих миров, стараясь дать ему понять – стихами и прозой, диалогами, диптихами и триптихами, – что должно быть самым главным под разноцветным небом и в небесных высях.

Теперь его ненецкая душа там, но его Слово осталось навеки с нами.

И всё-таки очень грустно...

Сьюзен Скарберри-Гарсия,
доктор Института искусств американских индейцев
Университет Нью-Мексико (США)

Специально для «Юрий Вэлла. Избранное»

Впервые я встретила с Юрием Вэллой в 1998 году в Сибири. Я приехала сюда вместе с известным писателем из США Н. Скоттом Момадэем (кайова). В нашу делегацию также входили профессор Московского государственного университета Александр Ващенко и хантыйский писатель Еремей Айпин.

Момадэй тут же завёл разговор о медведях, и мы стали свидетелями зарождения диалога, который будут вести эти двое, – коренной житель Америки, получивший имя в честь мифологического животного, и коренной житель Сибири, охотник, почитавший этого зверя, – в течение долгих лет.

Во время второй встречи в Сибири, в 2004 году, нам удалось побывать на родовой земле Вэллы, и он показал нам свою стойбищную школу.

В 2010 году Вэлла и Момадэй снова встретились, на этот раз в Институте искусств американских индейцев в Санта-Фе (штат Нью-Мексико), на мероприятиях «Нити родства: диалог с коренными писателями Сибири».

Поэты-коренные американцы приветствовали Юрия Вэлла, Марию Вагатову (ханты), Еремея Айпина (ханты) и Марину Айпину (ханты), а также Александра Ващенко и других делегатов, включая учёных-писателей Эндрю Уигета и Ольгу Балалаеву. Во время поездки в гости к студентам в Пуэбло Хемес Вэлла рассказывал истории о своей оленеводческой жизни на родине и был впечатлён тем, что дети здесь знают свой язык, «признак сохранения древних родовых корней». Именно по этому случаю и состоялось наше интервью.

Мы говорили о мире звуков, который окружал Вэлла в течение всей его жизни. О том, как этот мир звуков оживает

в творчестве писателя. Это и звук лыж по первому снегу, и звуки семейного бубна... И голос совы, который пугал его в детстве, и, конечно же, голос бабушки, её песни и её рассказы...

Ближе к концу интервью мы обратились к угрозам традиционной культуре в 21-м веке, на что Вэлла ответил: «Вторжение нефтяных компаний на исконные земли Сибири приносит большое напряжение в жизнь народа. Но это также становится импульсом для творчества, потому что заставляет писать. Величайшая же угроза, которая, я полагаю, существует прямо сейчас по отношению к нашему образу жизни, – это безразличие окружающего мира. Поэтому каждая улыбка на лицах людей, которых вы встречаете, становится большой ценностью на нашей планете».

...Пока Вэлла расчищал матовое стекло на окне своей школы, чтобы его внуки могли «познать мир», он открыл портал и для нас.

Эндрю Уигет,

антрополог, специалист по коренным народам Америки и Сибири, профессор университета Нью-Мексико (США), преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова

Ольга Балалаева,

кандидат филологических наук, этнолог, финно-угровед (г. Москва)

Специально для «Юрий Вэлла. Избранное»

На его визитной карточке было написано: «Оленевод. Поэт». Такое сочетание встречается не каждый день, но опять же, Юрий Вэлла был не из тех, кого можно встретить каждый день. В то время и в том месте, где большинство людей могли бы сказать,

что они были сформированы их окружением, Вэлла с некоторой долей правды может утверждать обратное: что он сформировал не только свою собственную жизнь, но и своё окружение.

Юрий закончил начальные классы в школе-интернате, где, как и многих американских индейцев более раннего времени, его наказывали за использование родного языка. В средней школе в Сургуте он начал писать стихи. Юрий бросил школу после ссоры со своим учителем русского языка и литературы, который настаивал на том, что только русский, а не родной язык, может дать истинный поэтический язык и формы. Позже, вдохновлённый русским этнологом, он начал заочный курс поэзии в Литературном институте Горького в Москве, посещал курсы и писал, продолжая работать охотником, чтобы прокормить свою семью.

На протяжении 1980-х годов Вэлла видел, как земля вдоль реки Аган была разрушена в результате добычи нефти, и он стал гораздо более публичной фигурой как активист, выступающий против разрушения, и продолжал играть эту роль вплоть до своей смерти.

Летом 2012-го мы впервые по-настоящему познакомились с Юрием. Он пригласил нас к себе в гости, когда ненадолго приехал в Москву на онкологическое обследование. Мы встречались с ним и ранее, у нас было много общих друзей и в России, и в Соединённых Штатах, но я не могу сказать, что знали его очень хорошо. Теперь он явно хотел ввести нас в свою жизнь. Это был незабываемый визит, вкус которого сохраняется и по сей день. После этого он стал звонить нам из Сибири. Затем в марте 2013 года он посетил нас в нашей квартире в Москве. Это были не лучшие времена, и не только из-за болезни Юрия. Александр Ващенко, наш близкий друг на протяжении более 20 лет, английский переводчик Юрия, сделавший всё, чтобы сибирские писатели стали заметны в США, умирал, как и Юрий, от рака. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, мы говорили, говорили и говорили, и Юрий читал

нам одно стихотворение за другим. Кульминацией дня стало совместное чтение поэтического диалога Юрия с ведущим писателем из числа американских индейцев (кайова) Скоттом Момадэем стихов о медведе и медвежьем празднике, которыми они обменялись после того, как Момадэй посетил его в Сибири. Эндрю Уигет читал стихи Момадэя на английском, Ольга Балалаева – их русский перевод, а Юрий читал свои стихи по-ненецки. Через три месяца, 11 июня, от нас ушёл Саша Ващенко, а вскоре после Саши не стало и Юрия. На момент своей смерти Юрий опубликовал одиннадцать книг, последняя из которых – «Размышления после Медвежьего пира».

Великая пустота разверзлась тогда во вселенной коренных писателей, но в тишине сибирской зимней ночи, если прислушаться, до сих пор слышен голос Юрия, творящего стихи на трёх языках. Светлая память!

Нэйтан Ромеро

(пуэбло кочити) США,

студент из класса Сьюзен Скарберри-Гарсия, Университет «IAIA»

СЕВЕРНЫЕ СОЗВЕЗДЬЯ

Перевод с английского А. Ващенко²³

Этот поэтический триптих посвящается моим новым друзьям из Сибири, которые приехали к нам в Институт из такого далека и оставили самый приятный и нестираемый отпечаток на ночном небосводе моего воображения и учёбы. Надеюсь, мы ещё свидимся.
/по-русски/: Спасибо.

---

²³ Из письма А. Ващенко: «Дорогой Юрий Кылевич, вот некоторые отклики на наши встречи в Институте Искусств Американских Индейцев... Но, пожалуй, наиболее разителен отклик Нэйтана Ромеро (тоже из класса Сьюзен Скарберри-Гарсия). Он написал триптих, который шлю Вам в своём переводе».

Водитель оленей

Юрию Вэлле

В тундре, лежащей на севере,
стоит небывалый герой
в капюшоне, в наряде зелёном
с оранжевой оторочкой.
Он хранит своё стадо,
но в то же время
как будто и всех нас хранит.
Гром копыт
по хладной тверди просторов диких
отдаётся чудным эхом в пустыне.
Громом гремят копыта с тех пор,
как зародилось время.
Снег, глина да камень в добром союзе.
Сквозь святость Творенья
и благодать водных токов
в нетерпении ждёт он прибавления стада.
Работы прибудет, едва молодняк народится!
Попомните: о них он всеведущ.
Он жив в их сознании с их рожденья до смерти.
Он жив в моей памяти,
словно бег облаков.
Попомните:
однажды он станет созвездьем.
Однажды ночью я подниму глаза к небу
И молвлю юному поколению:
«Вот он:
поэт, водитель оленей, на своей нарте!» –
и их охватит священный трепет.
Они поймут,
что он здесь значил.

Поющая

Марии Вагатовой

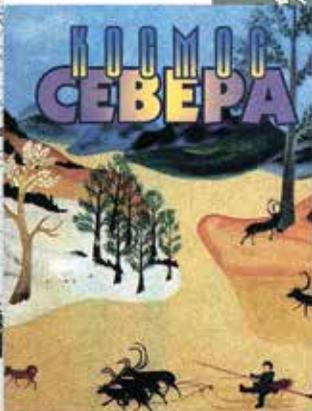
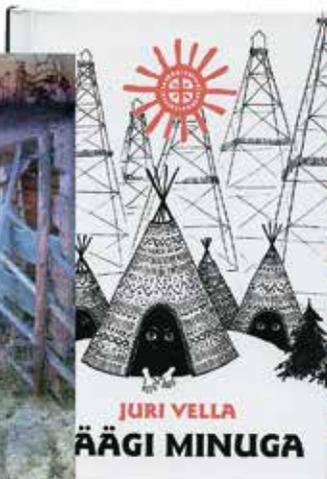
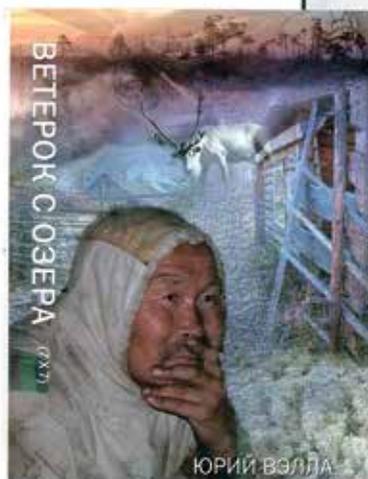
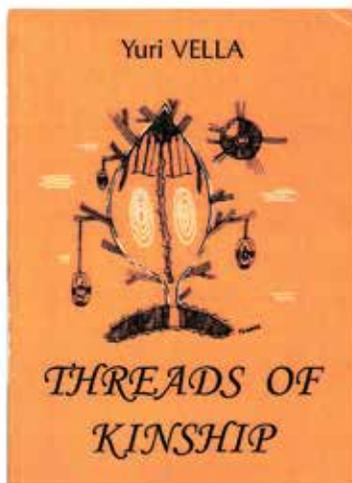
Поистине – живы лишь те лепестки,
что распустились на её чудной шали.
А целый народ где-то в Сибири
тосковал тяжко, что она в отъезде.
Как у сказки конец, у огня звучавшей,
нам жаль, что конец наступает так скоро.
Даже огню любо слушать дальше
о празднестве в честь Медведя.
Сказки её – что тонкая ткань,
и нам ясно теперь,
отчего взывают к Медведю
на языке, полном любви.
Как может она быть сибирячкой,
если одета,
словно бабушка из моего пуэбло?
Её речь, её песня внятны нам, как родные.
Попомните:
однажды она станет созвездьем.
Однажды ночью я подниму глаза в небо
и молвлю юному поколению:
«Вот она: сказительница,
поющая бабушка!» –
и их охватит священный трепет.
Они поймут,
что она здесь значила

Мост

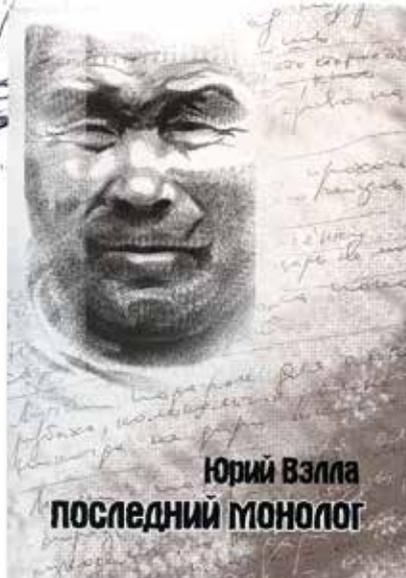
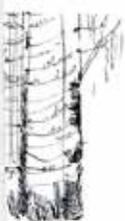
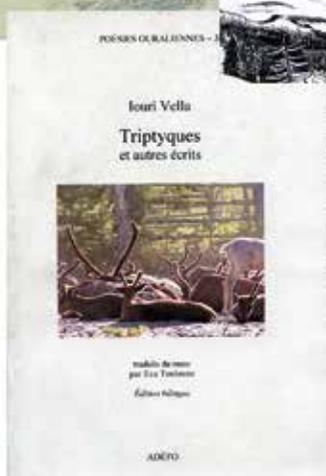
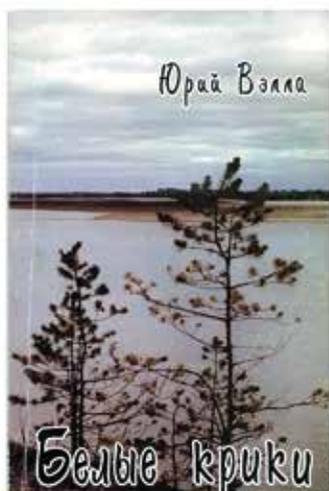
Александр Ващенко

Он был там на каждом собрании.
Мне виделась в нём какая-то классика.
В костюме, при галстукe –
он был загадкой.
Стояла во взоре его глубина.
Сложите все азбуки,
благодать Обь-реки,
роденовского Мыслителя,
московские улицы, снег
и храбрость сердца –
он равен им всем.
Учёный,
что становился нами с течением лет.
Каково это – быть мостом меж культур?
Как передать вечность
и красоту древнего слова?
Каково оно – сделаться мостом?
Множество рек течёт под пролётом его бытия.
Он сказал, будто верит: землю спасут сказители!
И я поверил.
Попомните:
однажды он станет созвездьем.
Однажды ночью я подниму глаза в небо
и молвлю юному поколенью:
«Вот он:
мост, учёный, податель слов!» –
и их охватит священный трепет.
Они поймут, что он здесь значил.

Они поймут.

улы-мурчкено!

ДИАЛОГ С МАГИСТРАНТКОЙ

Из переписки

– Уважаемый Юрий Кылевич!

Вас беспокоит магистрант Тюменского гос. университета Бикинчева Ляйля. Я пишу магистерскую диссертацию, которую должна защищать в конце апреля. Тема моей работы «Поэтика книги Ю. К. Вэллы «Белые крики»».

Если Вас не затруднит, не могли бы Вы хотя бы очень коротко ответить на несколько вопросов?

1. Творчество каких русских, западноевропейских поэтов Вы цените? К чьим книгам (каким именно) Вы возвращаетесь неоднократно на протяжении жизни? Как возник замысел книги «Белые крики»?

2. Чем объясняется обилие триптихов в Вашем творчестве? Есть ли в этой области для Вас авторитеты?

3. В чём смысл названия книги – «Белые крики»?

4. Рассматриваете ли Вы свои произведения в определённой жанровой системе – элегия, послания, и т.д.?

5. Чем вызвано обилие прозаических миниатюр?

6. Есть ли поэты Тюменского края, пишущие о Севере, чьё творчество Вам представляется значимым и интересным?

7. В чём отличие картины северного мира, созданной поэтом-ненцем, поэтом-ханты и т.д. и русским поэтом?

Юрий Кылевич, поговорите со мной, пожалуйста, по интересующим меня вопросам.

Заранее благодарю Вас. Всего Вам доброго!

Ляйля Бикинчева

– Омар Хайям – как настольная книга. Воспринимаю его не только как поэта, а в первую очередь – как философа. Моцарт – его музыку воспринимаю как Поэзию. Точно так же Георгия Свиридова – воспринимаю как Звук, дополняющий поэзию.

Творчество художника Геннадия Райшева воспринимаю как самую лучшую поэзию народов Приобья, возможно поэтому то, что в своём творчестве я называю триптихами, получило своё название из жанра или формы изобразительного искусства.

А смысл «Белых криков» – мне кажется в самих Белых Криках: белые стихи, белые швы, белые следы, белые ночи (не только летние белые ночи, но и осенние тёмные, но приносящие для моей души просветление). Белые песни моей бабушки Ненги и белые песни птиц, пролетающих над моей родиной, – когда я их слышу, у меня ком в горле как от лучшей поэтики песен моего народа, живущего на моей реке.

Для меня настоящая Поэзия – это не только слова, расположенные в столбик, но и полные предложения, по форме напоминающие прозу, только чтоб от этих слов – «мурашки по спине».

Ну, наверное, отличие картины Северного мира, созданного коренным жителем Севера и русским и иным поэтом, в том, что взгляд коренного жителя – это взгляд изнутри, а иные творческие люди, даже если они живут долго на Севере, тем не менее их взгляд – это взгляд со стороны. Другого понимания мне на ум не приходит. Поэтому попробуйте почувствовать Поэзию Западно-сибирской литературы в «Языческой поэме» Ювана Шесталова (манси), в прозаических строках «У гаснущего очага» Еремея Айпина (ханты) и в ненецких стихах Леонида Лапшуя.

Ну, а жанр – определите сами, я просто писал книгу и тем самым открывал для себя окружающий меня непростой мир.

Извините, что я так поздно отвечаю, просто я очень редко захожу в свой почтовый ящик.

Всего Вам доброго!

Юрий Вэлла

Иван Гобзев

РАЗНЫЕ ФОРМЫ ОДНОЙ ДУШИ: ЮРИЙ ВЭЛЛА И МАЦУО БАСЁ

«Литературная Россия», 23 мая 2008 года

Книгу Юрия Вэллы «Триптихи» предваряет удивительное хайку:

Ранним утром
По двору скачет сорока...
Ну и что ж?

Невольно вспоминается хайку другого поэта, Мацуо Басё, признанный шедевр, толкованиям которого посвящён не один том:

Старый-старый пруд.
Вдруг прыгнула лягушка.
Громкий всплеск воды.

Можно было бы остановиться на хайку Юрия Вэллы и настоящую статью посвятить его анализу, но тогда бы все остальные стихи, что следуют за этим хайку, остались бы без внимания.

Скажем лишь, что стихотворение Вэллы как бы уже предупреждает читателя в несколько игривой манере о несерьёзности всякой серьёзности, незначимости всякой значимости и условности всякой безусловности. По большому счёту, даже не важно, хайку это или нет, и дело вообще не в этом. А в чём же дело?

А вот чтобы разобраться, в чём дело, нужно нырнуть в изменчивый океан «Триптихов» Юрия Вэллы, изданных несколько лет назад на русском и французском языках, и вынырнуть из

них просветлённым. Велико искушение объявить автора пост-модернистом и разглядывать его творение с этих позиций, но это тоже условный ярлык, по сути дела ничего не говорящий.

Итак, книга состоит из трёх групп триптихов: «Светлые триптихи», «Необыкновенные триптихи», «Вечерние триптихи». Каждый из разделов в свою очередь содержит по семь триптихов. Первые две группы в основном наполнены любовными переживаниями, размышлениями об одиночестве, воспоминаниями детства. «Вечерние» же триптихи более злободневны, в них Вэлла прямо говорит о бедах и проблемах своего народа – лесных ненцев.

Хотя, кроме эпиграфа, в книге Вэллы больше не встречаются хайку в явной форме, его творчество близко по духу Мацуо Басё. Та же грусть, переживание своего единства с природой, не названные, но глубокие и важные ощущения:

Мне бы стать дождейкой,
Чтобы красоваться на твоих ресницах.
Нгадъей!

Это прекрасное трёхстишие, с которого начинается одно из стихотворений Вэллы, на первый взгляд, говорит о любви. Может и так, но стих называется «Песня оленевода». В любом случае не важно – о чём, важно то, как автор передаёт своё ощущение. Другой пример не менее характерен:

Может быть, Любовь –
Это свежий след
Твоей оленьей упряжки?

Фактическое содержание этих стихотворений едва ли представляет интерес. То есть их реальная проблематика – это любовь, но намного важнее скрытое ощущение, которое постигается через описание любви. Ответ на вопрос «о чём

это стихотворение?» – «о любви» будет неверным. Самый правильный ответ – «ни о чём». Разве можно назвать очень личное, такое интимное переживание следа, оставленного оленьей упряжкой любимой?

На мой взгляд, очевидно сходство способов показывания своего чувства у ненецкого поэта и Басё, и дело не только в отсутствии рифмы. Первый говорит (не важно, что это всего лишь часть стихотворения):

Вот дом стоит.
Окно глядит куда-то мимо.
А за окном чужие занавески.

Басё отвечает:

Пустое гнездо.
Так и покинутый дом –
Выехал сосед.

Но Вэлла не ограничивается только лёгкими, воздушными образами, мимолётно намекающими на что-то самое главное, иногда он и предельно прям. То, что в поэзии не может быть названо своими именами, то, что может быть указано лишь через хрупкое неуловимое ощущение, поэт решается высказывать напрямую:

Однажды
Дед меня спросил:
«По радио
Я слышу имя Ленин.
Это имя я знаю давно,
Тут мне переводчик не нужен.
Но с некоторых пор
Появилось другое – Рейган.
За какие дела его поминают?»

Кажется иногда,
Когда прислушиваюсь к говорящим,
Не за чёрные ли?».

От такой прямоты Мацуо Басё перевернулся бы в гробу, да и не только он. И это не единственный эпизод в книге Вэллы, который резко диссонирует с остальным наполнением. Встречаются и откровенные анекдоты:

«Оленевод спрятался в кустах. Подсматривает за оленем и думает: «Как ловко я обхитрил оленя, он меня не видит». Олень безразлично щиплет ягель: «Пусть думает, если ему так хочется».

Наивно предполагать, что сам Вэлла не видит диссонанса. Есть основания считать, что он делает это умышленно, а цель – создание наиболее полной картины его мира. Картины – обзриваемой с самых различных точек зрения, и все эти точки – суть разные углы взгляда одного человека, одной личности – самого Юрия Вэллы. И режущее слух различие во взглядах, способах выражения мыслей и ощущений – естественная черта, отражающая противоречивость человека. Возможен и такой вариант – что никакой цели нет, а есть то, что есть – разные по форме и способу подачи содержания стихи, перемежающиеся прозой, то есть откровенное самовыражение и выражение того, что вне, без попыток приукрасить и следовать какому-то определённом руслу. Подобная простота может не нравиться, но какое дело до этого тому, кто чувствует себя поэтом? Как говорит Басё:

Я – прост. Как только
Раскрываются цветы,
Ем на завтрак рис.

В вышеприведённой истории про оленей говорится о наивности человека, ставящего себя выше и сильнее природы. Для Вэллы этот вопрос насущен. В третьей части книги он много

говорит о вреде, который добыча нефти принесла природе, его родной земле и народу. Он переживает о том, что реки и леса залиты нефтью, животные частью погибли, а частью ушли, и более того – погибают люди. В одном стихотворении он делает предположение о том, что нефть может оказаться причиной мутации людей, и представляет ситуацию, в которой его родной дед становится мутантом:

... А третьей выворачивает оленю рога
И всеми тремя языками
Вылизывает
Струющийся из черепа мозг.
При этом
Один глаз щурится от наслаждения,
Второй
Приглашает меня совершить то же самое.
А третий –
Жадно ищет в испуганном стаде
Новую жертву...

Вот такая страшная картина... Но это всего лишь шутка, а самое пугающее – не мутация физическая, а мутация духовная, в которой Вэлла обвиняет людей, забывших о своей связи с природой и другими людьми:

Но, может,
Для нас незаметно
В нашей жизни уже наступила
Мутация наших поступков,
Мутация в отношениях,
Мутация наших чувств?..

Вот откуда, по мнению Вэллы, все несчастья современности, и не только его земли и племени, а всего человечества.

В «Триптихах» поэт успевает сказать не только о своих личных, интимных, едва выразимых ощущениях, но и прямо обсудить глобальные, общественные проблемы, которые тревожат его и о которых уже нельзя говорить в духе поэзии Басё, ничего не называющей прямо, а лишь намекающей. Этим и объясняется разнообразие форм его стихотворений, разнообразие способов выражения ощущений и мыслей. Но всё же в книге Вэллы есть единство – это ключевая идея о том, что всегда нужно быть человеком, в любой ситуации: «Настоящему человеку, трудолюбивому рыбаку и охотнику любое небо согдится для жизни».

Александр Ващенко

ВЕЧНОЕ ЗДЕСЬ – ВЕЧНОЕ ТАМ

Сквозь века и расстояния

«Мир Севера», 2013 год, № 1

За всю историю мировой литературы немного найдётся поэтических диалогов как таковых – это, прямо скажем, редкий и особый жанр, условия для возникновения которого не всегда складываются приятно. Но тот поэтический диалог, который предлагается сейчас вниманию читателя, во многом беспрецедентный, ему просто нет аналогов. Дело в том, что диалог этот завязался на почве родства традиционных культур, сильно удалённых друг от друга географическими полушариями и средами обитания, цивилизациями и укладами. Но их представители – индеец из Северной Америки и ненец из Западной Сибири – однажды встретившись, пожелали продолжить задушевный разговор в стихах. И вот перед нами два созвучных голоса, нашедшие друг друга для

того, чтобы высказать самые насущные, самые глубинные мысли и чувства.

Как же случилось, что они вообще нашли друг друга?

Н. Скотт Момадэй, поэт, прозаик, эссеист, драматург и художник-график, происходит из кочевого индейского племени кайова, воинов и охотников на бизонов, когда-то храбро отстаивавших свои земли от натиска американской армии и бесконечных волн белых поселенцев.

Первым из своих собратьев Момадэй получил известность именно как индейский писатель. В США какое-то время никто не мог понять, что это значит: индейцев вообще ведь списали в небытие. А тут опять «Последний из могикан»... Но Скотт Момадэй оказался первым – он стал основоположником современной литературы индейцев США. В романе «Дом, из рассвета сотворённый» (1968), неожиданно для американской общественности получившем престижную премию Пулитцера, Момадэй раскрыл глубинные проблемы современных индейцев, показал коренные различия в системе ценностей индейской культуры и американской цивилизации и выразил гордость своим наследием, как и уверенность в его будущем.

А дальше? Способность к обострённому переживанию красоты и таинства бытия, требующая не менее удивительного таинства речи, неизбежно привела Момадэя на стезю поэта. Лирика Момадэя обнаруживает не меньшую гамму влияний, чем его проза: здесь не только американские классики Дикинсон, Фрост и Уинтерс, но и индейская устная традиция – песни кочевников степей и земледельческих племён Юго-Запада США, особенно же наследие «вещих» и воинских песен... Образы, навеянные аборигенной магией, в сочетании с особой мелодикой и ритмом поэтической речи, завораживают читателя, вовлекая его в некое сакральное действие в мире одухотворённого слова.

Последующий творческий путь Н. Скотта Момадэя был долгим и плодотворным – он длится уже свыше четырёх десятилетий. На счету писателя – романы «Дом, из рассвета со-

творённый», «Древнее дитя» (1989), повесть «Путь к Горе Дождей» (1969), драмы, мемуарные произведения, эссеистика.

И, конечно, поэзия.

Вероятно, всё могло бы сложиться как-то по-иному; но случилось так, что с 1974 года судьба автора пересеклась с Россией – Момадэй был направлен в качестве первого Фулбрайтовского лектора преподавать в МГУ сроком на полгода.

После лекций оставалось немало свободного времени, и, постигая незнакомую страну, Момадэй активно ходил по музеям, стал много рисовать. Позднее он категорично признается: «Как художник-график я начался в России».

Уже тогда, однако, Момадэй признавался знакомым в давней своей мечте: побывать в Сибири, откуда, согласно древним преданиям, происходят его предки-индейцы. В то время, правда, этого осуществить ещё не удалось. Но в 1994 году вместе с группой индейских студентов по приглашению немецкого художника Леонида Лара Момадэй уже едет в Сибирь – отсюда и берёт начало в его творчестве сибирская эпопея; отныне Сибирь властно повлекла его за собой.

Не менее важным притягательным стимулом для сибирских странствий индейского поэта стала для Момадэя самоидентификация с Медведем как тотемическим предком его рода. В музее Тобольска он впервые увидел предметы, связанные с культом Медведя и Медвежьим игрищем ханты. Поэтому, не задумываясь, Скотт принял приглашение известного писателя Еремея Айпина приехать на празднование его 50-летнего юбилея в июне 1998 года.

К тому времени в моём переводе в США уже вышла книжечка избранных произведений Айпина, «I listen to the Earth» (1995), и, ознакомившись с главой из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», посвящённой Медвежьему игрищу, Момадэй уже мог почувствовать в себе силы для поэтического диалога. Тогда-то и появились стихи, посвящённые Еремею Айпину и Юрию Вэлле, вошедшие в книгу

«В доме медведя» (1999). Даже само её название – «В доме медведя» – косвенно отсылает нас к Медвежьему игрищу. Непосредственно сибирско-медвежья тема трижды представлена в составе книги.

Можно ещё добавить, что индейское имя Момадэя – Юноша Каменного Древа – тоже связано с мифом о медведе, как и имена ряда вождей из его рода...

Юбилей известного хантыйского писателя и государственного деятеля праздновали широко – гости побывали в г. Радужном, Нижневартовске, конечно – на «Торум-Маа», «Земле Богов» в Ханты-Мансийске. Но прежде всего в селе Варьёган, откуда юбиляр родом.

Там же, в селе Варьёган, родился и Юрий Вэллы (Айваседа), оленевод и поэт (р. 1948). Его лирика – лёгкая в полёте, но глубокая и напряжённая мыслью – широко известна и в Приобье, и в Сибири, и за её пределами. Она переведена на ряд европейских и восточных языков. Сам я приложил усилия к тому, чтобы стихи Вэллы на английском появились в США. Среди важнейших сборников лирики Вэллы – «Белые крики» (1996), «Триптихи» (2001); разножанров состав книги «Поговори со мной» (2004), «Земля любви: диалоги» (2009), стихи и проза соседствуют в книге «Нити родства» (2010)...

В Варьёгане оба поэта, индейский и ненецкий, и познакомились. И потом, выехав на Обь, Юрий рассказывал Скотту истории из своего оленеводческого быта, в которых немалое место отводилось медведю. А, надо заметить, Юрий – подлинный мастер устного рассказа. Эта устность ощущается и в его стихах, и в прозе, а написаны они так, будто автор сам прожил жизни множества своих героев – знакомых, сельчан, попутчиков и многих-многих других...

В книгу Момадэя «В доме медведя» вошло и стихотворение, в котором поэт ассоциирует себя с главным героем Медвежьего игрища. Из текста видно, как глубоко захватила

автора тема самопожертвования Медведя и почитание его родичами-людьми. В стихотворении пронзительно звучит крик одиночества и жажда приобщения к человеку.

Вот оно.

Призыванье

Юрию Вэлле

Где медвежий доктор? Где же он?
Я пришёл с севера, я возжаждал.
Я пришёл с востока, я взалкал.
Я явился с юга, я изнемог.
Я явился с запада в нужде великой.
Где медвежий доктор? Где же он?
В жизнь свою я изведал зла.
В жизнь свою я изведал добра.
Я явился с рассвета – и пою.
Я явился с заката – и пляшу.
Я с гор спустился, чтоб умереть.
Я дом свой оставил, чтоб в путь пуститься.
Где медвежий доктор? Где же он?
Кто обрядит меня в дорогу?

Москва, 1997 год.

«Призыванье», по-видимому, ждало своего часа, когда делегация сибирских литераторов коренного происхождения побывает с визитом в Институте Искусств Американских Индейцев под Санта-Фе. Поэты с разных концов земли читали здесь свои стихи, студенты и гости обсуждали проблемы коренных народов, судьбы их языков и литератур. С российской стороны приехали Еремей Айпин, Марина Айпина, Юрий Вэлла, Мария Вагатова и Александр Ващенко. А Юрий Вэлла как член делегации

не только написал путевые очерки, но по свежим впечатлениям от поездки – всё-таки это тоже был диалог этапного значения – пожелал откликнуться на стихотворение «Призыванье».

Так начался тот самый диалог двух поэтов.

Если Момадэю свойствен медитативный, драматичный поэтический настрой, то Вэлле более близок тон оптимистичный, вызывающий к живому участию в потоке событий. Таков по духу был его ответ Момадэю:

Н. Скотту Момадэю слова мои

Вот он я, здесь!
Возле тропы твоей тебя ожидаю!
Всю мою жизнь – брата равного не имел.
Всю мою жизнь – попутчика равного не имел.
Мы б с тобой шагами померялись.
Мы б с тобой рыком поменялись.
Мы б с тобой взгляды скрестили.
Только наша общая тропа пусть тесной не станет!
Вот он я, здесь!..
В круг твоих родственников войдём.
Меж моих родственников прошагаем.
На чьей стороне скверные слова отыщем?
На чьей стороне добрые слова услышим?
Детей своих величиной с шишку сосновую – созови.
Детей своих величиной с листочек берёзовый – созову.
У играющих детей пусть шаги лёгкими будут.
У танцующих детей пусть душа свободной станет.
Как и я, от слов страдающего – не встречал.
Как и я, от песен плачущего – не видывал.
В жизнь свою, если ругань слышал – растеряй!
В жизнь свою душой изведенные боли – растеряй!
Это было, чтоб точность слов чувствовал – испытание.
И вот я здесь!

Возле тропы твоей тебя поджидаю!
Ты думаешь – это я тот, кто должен тебя оживить?
На самом деле – это ты меня оживляешь!

Сибирь, 2010 год.

Примечательно, что по своему поэтическому строю, по стилю – у Вэллы мы находим тонкое продолжение тональности, предложенной Момадэем. По содержанию же – пред нами признание в родстве души, а по сути, в системе ценностей, тогда как на глубоко интимном уровне – стремление подбодрить и разделить те же чувства. Признание и переключка аксиологического родства (семья – животные – общая тропа – круг родичей – дети – слово – песни) – превращается отныне в основную тему диалога, а сам диалог становится осознанным с обеих сторон процессом. Его участники словно бы ощущают, что помимо них есть ещё родственники разных поколений – ради них, их будущего и тянется дальше сам диалог.

Н. Скотт Момадэй

В лесу

Брату моему Юрию Вэлле

О, брат мой,
Слышу поступь твою в лесу.
Шаг твой твёрд и размерен.
В нём – эхо твоего сердца.
Ступаешь ли ты среди следов медвежьих –
Пусть Медведь тебе будет вожатым.
Придёшь ли на поляну среди деревьев –
И там начнёшь свою пляску.

Затянешь ли песни Старейшин –
Те, которыми они освящали землю.
О, брат мой,
Я слышу шаги твои и твои песни.
Сегодня я выйду плясать с тобою.
Возликуем же вместе
Нашей сутью медвежьей!
Поддержим огонь очагов священных!
Айии!

США, 2012 год.

Как можно видеть, разговор продолжается отныне в терминах близкого родства («Брат» у Момадэя, слово, которому Вэллэ пытается подобрать более ёмкий ненецкий синоним Нямэ-э). Поэт также всё больше вводит в стилистику Момадэя ненецкие интонационные и устнопоэтические обороты, стремясь к конкретизации образа, в отличие от обобщённой символики, больше присущей Момадэю.

Юрий Вэллэ

Пусть так оно и будет

Для моего Ня – Н. Скотта Момадэя слова мои

Айии! – Точно так!
Так оно, оказывается, и было!
Я думал, лес приглушает звуки,
Но ты расслышал мои шаги.
Я старался беззвучно ступать
Средь следов звериных,
Но ты, мой Ня!
Ты почуял колебания моего сердца.

Ты распознал и шаги мои,
Что были вплетены
В звуки древних песен Старцев.
Ты нащупал эхо моего сердца,
Хоть я успешно приглушал его удары
В лабиринтах Медвежьих плясок.
Пусть в веках поют наши дети –
Что подобны шишкам сосновым!
Пусть в веках танцуют наши внуки –
Что похожи на листья берёз!
Соберутся вокруг очагов священных,
Чтоб порадовать себя песнями,
Сказками и легендами,
Что мы успеем им передать.

А то, что не сумеют от нас перенять,
Пусть сочиняют сами...

Тот, кто должен петь,
Чтоб ему свободно пелось!
Тот, кто способен танцевать,
Чтоб ему легко плясалось!
Тот, кому суждено лицедействовать,
Чтоб талантливо играл и в фельетонах,
И в божественных сценах!
Так было всегда
И должно быть и в будущие времена!
Пусть возликуют пляской
Нашей общей Медвежьей сути!
Пусть в Священный Бор
Свезут дары жертвенные,
Дары щедрые,
Чтоб равнозначны мольбам-пожеланиям!

Пусть наденут на лица маски
И дружно ударят в бубны!..

А зверь звериной тропую
Пусть вечно спускается с Водораздела.
А потомки мои и твои с заточенными стрелами
У тропы той пусть всегда настороже.
Айи! Мой Ня!
Пусть так оно и будет!

Сибирь, 2012 год.

«Для кровного старшего брата есть слово Ытя. Но есть более тёплое, широкое и часто используемое слово Ня (Нямэ-э) – это и старший и младший кровный брат, это и двоюродный и названный брат, это и попугачик в дороге и соратник-напарник в делах, это и собеседник и единомышленник, это просто близкий человек, с которым хочется общаться и быть вместе. Поэтому Ня, по сравнению с Ытя, более ёмкое, более точное, мне кажется, слово, именно в том значении, в котором употребил слово Брат Н. Скотт Момадэй», – примечание Юрия Вэллы.

Стихотворение Вэллы становится благопожеланием на будущее, которое вырастает из союза двух родственных сердец, способных сквозь время и пространство ощутить общий ритм биения.

Н. Скотт Момадэй

Следы

Посвящается Юрию Вэлле

Брат мой родной,
Слышал я странный рассказ:
На обряд ночной пришёл человек.

Был он наряжен в богатое платье,
Добрым был мех
И прекрасна душа его.
Он встал у края общего круга
И был безмолвен.
Ни слова,
Ни песни из уст его,
И никому он не был ведом,
Только чуяли все,
Как он могуч,
Как велика его тайная Сила...
А когда всё кончилось,
Он исчез.
Отправились люди за пределы круга,
Чтоб отыскать его след.
Но не было там
Человечьего следа,
Были только следы Медведя...

О, брат мой,
Не твой ли след это был?
И уж не ты ли принёс на обряд
Всю мощь Хозяина Тайги?
Не ты ли эту ночь освятил
И звёзды приблизил с ночных небес?
И люди запомнят ли тебя
В добротном мехе шубы
Или в могучей красе души?

Я жажду пройтись с тобой по тайге,
Чтоб глубокий след оставить в снегу.
Мы поведаем священные Сказы!
Мы затащим священные Песни!

Как можно видеть, Медведь становится важным межкультурным фактором, рождающим доверие и глубину понимания между участниками диалога. Теперь он – необходимый посредник между родичами, по воле истории удалёнными на тысячи миль друг от друга. Медведь властно снимает это расстояние. В самом деле, Медведь – наш древнейший странный общий родич... Рассказывают, будто во Франции, в пещере Ляско, знаменитой изображениями зверей, оставленными первобытными людьми, посетителя как-то провели в более древнюю пещеру, куда туристов не водят. Там на полу лежали рядом два скелета – человека и медведя. Вот только ноги человека были приложены к ногам медведя, а медвежьи – к человеческим...

В третьем обмене стихотворениями оба участника почувствовали себя на месте Медведя – примерив на себя по необходимости, каково это – побыть одновременно и духом, и жертвой...

В дальнейшее развитие диалога между двумя поэтами вторглись драматичные жизненные обстоятельства. У Скотта Момадэя это было связано с развитием диабета, так что свои новые стихи на поэтическом вечере в Санта-Фе он вынужден был читать, сидя в кресле на колёсиках. В случае с Юрием Вэллой это означало операции на лёгких, а потом и проблемы на стойбище, когда в засушливое лето 2012 года сгорели жилые постройки вместе с пожитками... Но, несмотря на это, желание продолжить диалог осталось.

Юрий Вэлла

Мой сон

Н. Скотту Момадэю сон мой для предсказания

Ты, Нямэ-э, спрашиваешь:
Был ли я
На святилище том?
Прошлой ночью
Видел я сон:
Как в облике Медведя
Со Спины Земли я спускался,
Чтоб после берложного сна
Встряхнуться,
Проснуться,
Взбодриться,
Оживиться!
Оказывается, я очень проголодался,
Оказывается, я очень обессилел,
Оказывается, в теле моём иссякла
Сама Жизнь...

В тайге не нашёл ничего съедобного.
Среди оленей
В собственном стаде
Не хватило мне сил
Зарезать самого немощного
Отставшего Оленёнка...
А когда меж людей проходил,
Слышал их голоса со всех сторон:
«На, вот это съешь!»
На, вот это съешь...

На, вот это...».
Когда я взгляделся
В их протянутые ладони,
Там не было ничего съестного!
В ладонях у иных –
Для торговли золотые монетки.
В ладонях у иных –
Лоскуты тканей для шитья одежды.
В ладонях у иных –
Для женских голов нарядные шали.
Что же из этого
Я – оголодавший,
Могу съесть?
Для чего мне – Медведю –
Такие богатства?
Неужели
Они приняли меня
За Божество?

Самый старший из них
Сказал мне:
«Когда-то ты был человеком,
Теперь ты принял облик Зверя.
Когда-то ты жил среди нас,
Теперь ты к нам вышел из тайги.
Неужели отдельно жить лучше?».
– Конечно,
Отдельно от вас жить не лучше мне.
Но с Царской казённой протянутой ладони
Вам питаться понравилось.
Собственными усилиями рыбачить,
Собственными усилиями охотиться,
Собственными усилиями пасти оленей

Вы, похоже, совсем перестаёте.
Царские чиновники
В ваши карманы
Дармовые золотые монетки
Обильно ссыпают
За вашу любовь.
Вероятно,
Чтоб вы стали подслеповатыми?
А я не люблю золото,
У меня от него
Изжога...

Самый старший опять сказал:
«Давай через этот костёрчик прыгнем.
Если через огонь прыгнешь –
Опять человеком станешь».
Я посмотрел на костёр,
Разве это костёрчик? –
Это огромный кострище пылает!
А мы
Вокруг священного огня
Приготовились к жертвоприношению.
Нам бы выпросить у богов
Одного добротного дня,
Когда у добычливого юноши
Под лыжами будет бодрое скольжение!
Нам бы выпросить у богов
Второго добротного дня,
Когда у удачливого юноши
Под пятками будет весёлое поскрипывание!
Нам бы выпросить у богов
Третьего добротного дня,
Когда женщина сможет достичь

Возраста Белого Шва,
А дочь её сможет достичь
Возраста вскармливания Младенца!..
И я, разбежавшись,
Прыгнуть решился через огонь,
Потому что подумал:
«Может быть Я – жертва?».
Но кто-то повис на мне.
Помню, я рвался
Через костёр сигануть,
Но кто-то сильный
Плечи сдавил –
Не пускал,
Тормошил
И кричал мне на ухо:
«Что же ты делаешь!
Посуду больничную ломаешь!
Немедленно просыпайся!
Пока не поранился...».
Я оглянулся кругом
Глазами спросонок:
Оказывается,
Я в больничной палате,
Пытаюсь прыгнуть
Через столик больничный,
А на нём больничная посуда
И больничные инструменты.
А доктор ночной
С медсестрой больничной
Повисли на обоих моих плечах
И пытаются меня приручить,
Присмирить,
Сделать послушным –

Больничным.
А сегодня
Внимательно осмотрел я себя:
Ах, что же это –
Подол моей одежды поджаренный,
Подол моей одежды подпалённый.
Когда же это случилось?
Ведь в больничной палате
Не было открытого огня...
Ты, Нямэ-э, спрашивал,
Был ли я
Возле того священного костра,
Где наши с тобой родственники
Общались с божествами?
Знаю точно:
Во сне – был!
Но отчего
Огнём подпалён мой подол –
Наяву?

4–5 сентября 2012 года, Нижневартовск.

Это – самое объёмное стихотворение «диалогов», в котором автор объединяет вместе много наболевших тем. Диалоги в целом пронизывает тема священного прозрения, а в данном стихотворении она становится главной. Больничный бред обращается вещим сном, соплеменники отходят всё дальше от уважаемых дедами трудов, тогда как смена ценностей превращается просто в смену цен. От лица Медведя автор спорит с современностью, ставя перед нами вопрос: в чём главное содержание жизни? И ещё: ведь естество поэта – рваться в неизведанное, запредельное, даже вопреки реальности. Поэтому больничный доктор (который вообще-то выполняет свой долг)

выступает одновременно и в роли двойника тех, кто хотел бы «присмирить» поэта», «приручить, сделать послушным».

И наконец, налицо глубинная готовность поэта-пророка к самопожертвованию, если оно понадобится для народного выживания.

Н. Скотт Момадэй

Письмо Юрию Вэлле

В сумерках
Средь духов лесных
Тебя нахожу,
И узнаванье былое приходит к нам.
Нашу встречу
Любовь да почтение привечают.
Ты сын мне, а я – тебе.
Мы пируем в рассказах о жизнях наших
И пляшем на тропах медвежьих.
Мы поём о богах и героях,
Завещавших нам мужество и надежду.
Ты брат мне, а я – тебе.

Нам ведомы таёжные чуда.
Болота и реки,
В которых звери – это посланцы,
Что приносят нам сны о других мирах.
Ты отец мне, а я – тебе.

И той же мы древней крови,
И из тех же костей
Наших предков священных.
Ты дед мне, а я – тебе.
Мы славу пьём в словах изначальных.

В молитвах Творения и доброславия.
И живо в нас нечто столь же святое
Вечное там – вечное здесь.

США, 2013 год.

Юрий Вэлла

Бабушкины ценности

Моему Ня – Н. Скотту Момадэю

Когда-то
Мне Бабушка говорила:
«Уходя в дальнюю дорогу,
Возьми с собой ценности вечные –
не обмани,
не укради,
не навреди,
не убей;
не откажи
в помощи слабому;
не позволяй,
чтоб обижали твоего ближнего;
не нарушай
своих родовых обычаев;
не оскверняй
и чужие святыни!
А возвращаясь из странствий,
окажи почтение
Отцу и Матери!».

Твои строки, мой Ня,
Мне напомнили бабушкины мудрости.

Может, и иным
Напомнят что-то святое?
Ведь сегодня
В окружающем мире
Так спутались ценности
Ложные с истинными!...
Будь мне мудрым дедушкой,
Чтоб я стал разумным внуком.
Будь мне сильным отцом,
Чтоб я стал твоим ведомым.
Будь мне общительным братом,
Чтоб в делах у меня был напарник.
Будь мне старшим сыном,
Чтоб в душе я искал, что сказать тебе.
Будь мне младшим внуком,
Чтоб я просто взял тебя за руку.
Стань мне правнуком,
Чтоб в тебе я искал продолженье себя...
А вокруг нас
Пусть будет благословенный мир –
Солнце, ветер, тундра, олени!
А песни наши,
Что одними концами от Медвежьих игрищ идут,
Пусть будут легки для звучания!

Февраль 2013 года, Стойбище-на-Тюйтяхе.

Завершающая диалог пара стихотворений последовала после некой временной паузы; участников диалога сильно сблизил взаимные чувства предыдущих откровений и, быть может, оттого в финальном стихотворении проявились черты итоговости, качество финального обобщения. Хочется верить, что благодаря этому диалогу, быть может, в дальнейшем

обе литературные традиции – индейская и коренных народов Сибири – станут сильнее ощущать свою близость, смогут развиваться чуть с большим «чувством локтя». Воистину, главная мысль в качестве вершинного вывода прозвучала в последней строке стихотворения Н. Скотта Момадэя: «Вечное там (то есть в народном прошлом) – вечное здесь» (то есть эти ценности остаются неизменными – и, хочется добавить, неразменными).

Сложившийся диалог примечателен сам по себе – в нём состоялось узнавание родичами друг о друге (и друг друга) через моря и океаны, через столетия взаимной изоляции. Он примечателен также своей глубокой естественностью, искренностью и внутренней свободой.

Однако, как представляется, главной ценностью состоявшейся поэтической переклички является искренняя декларация основополагающих человеческих ценностей. Они ясно и детально развёрнуты здесь, выражая глубинные чаяния авторов как выразителей традиционных культур. Интересно, что в диалогах Момадэя и Вэллы нет предмета для спора – зато есть глубокая тревога за судьбы мира.

Но прежде всего, думается, эта поэтическая перекличка важна как урок нам, живущим не «вечным», а от выборов до выборов, по внешним ранжирам, теряющим смысл, подчиняясь искусственным нормам, всё далее уходящим от изначального естества, от нашего дальнего-дальнего родича, Медведя. А он, похоже, по-прежнему всё надеется объединить всех нас – как мощный дух матери-природы, как могучий символ нашей огромной, всеобъемлющей страны...

ИНТУИЦИИ ВРАСТАНИЯ И БОЛИ

Книга о вечном «Белые крики» Ю. Вэллы²⁴

В представлении о мире угров и самодийцев, как уже отмечалось, важны два пространственных обозначения: центр и периферия. В сознании язычников понятие центра, середины имеет символическое значение, отождествляется с макро- и микрокосмом. «Середина» для ненцев – точка отсчёта природного и социального пространства. «Мировое дерево» и «Мировая гора», например, располагаются обычно в центре мироздания. Помимо дендроцентрической и орологической в мифопоэтических представлениях язычников обнаруживаются гидроцентрическая, зооморфная и антропоморфная модели космоса, Вселенной. В произведениях Ю. К. Вэллы господствует последняя из перечисленных моделей. В ней человек и космос едины, они повторяют друг друга. Человек есть малая Вселенная, его тело – микрокосм. «Человек, – пишет А. В. Головнёв, – толкует мир как своё подобие, и прежде всего подобие в том, что этот мир тоже живой. В диалоге со всем этим тоже живым и складывается самоопределение человека (...) Поэтому пространство – это не то (или не столько то), что обширно, объективно, неохватно (...) В самодийском и угорском пространстве может быть (...) множество измерений, соответствующих той или иной грани касания человека и мира (...) наиболее распространены измерения «близкого (своего) и далёкого (чужого)», «восхода и заката», «верхнего и нижнего». В свою очередь последнее может быть истолко-

---

²⁴ Главы из книги О. К. Лагуновой «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)». Тюмень, 2007.

вано как вертикаль: «небо – подземелье», «вершина – подножье (горы)»; «крона – корни (деревя)» или горизонталь: «юг – север», «восток – запад», «истоки – устье (реки)» [Головнёв 1995: 197, 198]. Центр и периферия отождествляются с понятиями «внутри» и «вокруг». По представлениям ненцев, то, что создано природой, всегда округло. Так, например, чумы в стойбище всегда ставят не в линию, а полукругом. Составленный из нарт загон для оленей тоже имеет форму полукруга. Сам чум в основании кругл. Колыбель новорождённого имеет овальное дно. Обряд захоронения завершается обходом могилы. Ритуал жертвоприношения предполагает движения по кругу. Приносимое в жертву животное умерщвляется петлёй. Семисезонность ненецкого года, как и семиземельность Земли, также означает округлость. Все ритуалы, связанные с приходом и уходом человека, насыщены пограничной символикой: размыкание линий одного круга, создание других, новых кругов и т. д. В ненецкой мифологии много понятий, производимых от основы ер (ĕр) – середина изгиба, изгиб с прилегающим к нему пространством [Терещенко 1982: 33]. Немаловажно, что от этой основы происходят понятия ерв (хозяин, глава) и еркар (род).

В «Эпilogue» книги Ю. К. Вэллы «Белые крики» [Вэлла 2000] достаточно зримо обозначена фигура мира, представленная в виде круга, отграничивающего одно пространство от другого. То, что «вокруг», не имеет границ, то, что «внутри», замкнуто в границы «моего стойбища», «моей земли». Одно есть органическая часть другого: «вокруг» – это «жизнь», «внутри» – это «сердце самой жизни». Но акцентированное уже в первом стихотворении книги «сегодня» обнаруживает не только противопоставленность этих «величин»: «вокруг» (то, что вне круга) включает помимо «своего» и «чужое», «внутри» же (то, что в круге) ограничено только «своим». Читатель становится свидетелем, как постепенно веками существовавшая гармония «оболочки» и «сердцевины» уступает

место дисгармонии, как «чужое», не соблюдая никаких границ, поглощает всё, что веками мыслилось как «своё».

Стихотворение, открывающее книгу, – о первой встрече с землёй, о первом дне жизни. Время прихода – весеннее раннее утро, согретое «особым» солнечным теплом. Ожидание, рождённое встречей, – дорога, в которой каждый найдёт всё, что необходимо для жизни, дорога, которая предполагает быть «весёлой», «быстрой», «вечной». И не важно, кто пришёл – человек или оленёнок, главное – зачем. Ответ – в названии первой главы: «Врастание». Слово «врастать» обозначает войти внутрь чего-нибудь, вырастая, «внутри» предполагает наличие внешнего пространства. Врасти можно только в «своё», врастая и вырастая, всё живое «пускает» корни, которые держат, не давая упасть и бесследно пропасть. Представление о мире, центральное место в котором занимает Земля, а внутри её вседержащий, концентрирующий силу и суть всего корень, характерно для многих угорских и самодийских народов. Вспомним у Е. Д. Айпина: «Корень всех корней жизни находится в Земле. Корень дерева, само дерево, плоды дерева, жучки-паучки, звери и птицы, человек (...) всё держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю» [Айпин 1998: 236]. В концепции жизни Ю. К. Вэллы «врастание» – это процесс, соединивший все начала и концы, как бы закольцовывающий пространства жизни каждого и всех. «Начало» дня, – убеждён лирический герой Ю. К. Вэллы, – это «не только тогда, когда ты родился», и «конец» его – не тогда, «когда родится твой праправнук» (с. 10). Пока есть Земля, «внутри» которой неповреждённый корень жизни, конец одного дня органично будет перетекать в начало для другого. «Врастание» – это встреча-обретение дома и семьи, Земли и Неба, в свою очередь обретающих нового человека, зверя, дерево, птицу и т. д. Логика структуры главы в целом и отдельных произведений, вошедших в неё, отражает логику процесса «врастания» – вырастания, физического и духовного. В стихотворениях и про-

зе Ю. К. Вэллы достаточно часто фиксируется раннее утро, причём не только как время суток, время совершения действий или размышлений. Где утро, там возникает образ ребёнка (животного или человека), там любовь, свой дом, слиянность с природой, там пересекаются «сегодня» и «прежде», там начинается дорога в мир, куда приходят, чтобы жить той жизнью, когда утро плавно и органично «врастает» в день, день – в вечер, той жизнью, которая давала бы силы и тебе, и другому: «Сегодня, // Когда дед разбудил тебя утром рано, // Сегодня, // Когда солнце особым теплом в снегах // растворилось, // Сегодняшний, // Утренний, // Тонконогий оленёнок // На весенней проталине возле матери // В свой первый день тяжело встал» [Вэлла 2000: 10]; «У меня на ладони просыпается солнце (...) // У меня на ладони птицы песни поют (...) // У меня на ладони дождик пляшет, смеётся // Журавли за деревню на болото зовут...» («Утро» – [Вэлла 2000: 11]); «Утром ранним, // Когда туман висел на прибрежных кустах тальника, // Я подсмотрел, // Как ты осторожно входила в студёную воду реки (...)» («Купание на рассвете» – [Вэлла 2000: 37]); «Встанешь утром, откинешь с окна занавеску, выглянешь во двор, а там на скамейке сидит синица (...) Глядишь на неё, и лицо твое разглаживается, хочется улыбаться, и ты улыбаешься» [Вэлла 2000: 28].

В урало-алтайской мифологии достаточно распространён образ «корни – звёзды», связанный с так называемыми «перевёрнутыми деревьями» [Сагалаев 1991: 113, 114]. То, что должно быть под ногами, оказывается и над головой. Так вращение в жизнь предполагает наличие двух пространств: земного и небесного. В концепции мира Ю. К. Вэллы они равно достигаемы. Далёкое легко становится близким, потому пространство жизни каждого беспредельно, каждый – часть жизни Земли и Неба, а «Небо может парить над миром // Выше звёзд, // Выше солнц // И галактик» («Разноцветное небо» – [Вэлла 2000: 24–25]). Но беспредельность эта особая, она

может уместиться на ладони («Утро»), вместиться в маленькое «стёклышко оранжевое», во вход чума, в окно («Весенний триптих»). Каждый может соприкоснуться с вечным, а вечное может стать частью каждого. Всё это при одном условии: обоюдной открытости. Потому в текстах ненецкого поэта мир (Земля и Небо) – «на ладони», стёклышко – в руках ребёнка, вход в чум – «раскрытый», окно – «незарешеченное», «крест-накрест не заклеенное», открытое. Мир, со всеми своими красками, звуками, запахами, со всем живым, что в нём есть, «вмещаюсь» во что-то малое, становится сердцевинкой, сохраняя одновременно статус оболочки. В эпиграфе к «Разноцветному небу» (из сказок бабушки Нэнги) читаем: «Распахнул охотник свой тёмный чум. Вздохнул широко. Влетело в чум небо. Превратилось оно в достаток и счастье. Так до сих пор и живёт с человеком» [Вэлла 2000: 23].

Подвижное открытое небесное пространство в произведениях Ю. К. Вэллы одновременно и легко существует в вертикальном и горизонтальном измерениях («низкое», может «прилечь на поле (...), на море (...), на тундру (...)» – [Вэлла 2000: 24]), в разных физических состояниях («густое», «жидкое», «сухое», «мокрое», «наилегчайшее» – [Вэлла 2000: 24, 25]). Оно неодинаково по отношению к другим («неласковое», «доброе», «сильное», «нежное», «доверчивое» – [Вэлла 2000: 22, 45]), может переживать различные эмоции («грустное», «полухмурое», «весёлое», «шутливое» – [Вэлла 2000: 22]), окрашиваться в разные цвета («цветное», «красное», «жёлтое», «зелёное», «фиолетовое», «посеребрённое», «позолочённое», «сизое» – [Вэлла 2000: 22, 23]). Оно то «тихое» и «бесшумное», то «громкое», то «быстрое», то «неподвижное» [Вэлла 2000: 23, 25]. У Ю. К. Вэллы оно всякое, потому что живое. У Неба своя жизнь (его нельзя «сделать»), но оно одновременно и часть жизни других, тех, кто на Земле. Не случайно в текстах сравнения Неба с дитём, невестой, богатырём, бабочкой. Небо – это и «стихия погоды», и «ситуация жизни»,

и «позиция человека». Оно соединяет сердца влюблённых, радуется «курлыканием журавлей» роженицу в больничной палате, первым попадает на глаза только что пришедшему в мир. Оно «подпирает» со всех сторон шагнувшего на дорогу («чтоб в пути не оступиться (...) не упасть в дорожную пыль» – [Вэлла 2000: 27]), оно заполняет собою все мысли уходящего в другую жизнь. Во всякое время земного бытия, от рождения до смерти, Небо над каждым, рядом с каждым, в каждом. Небо – часть земного существования человека. Любимой «знак власти» в тундре имеет заострённый верх. Священные места – это чаще всего высокие места на берегу. Нередко на вершине Мирового дерева находится изображение птицы. Это или «грозовая птица» гусь, или «небесная птица» утка [Лехтисало 1998: 55]. На каждом священном месте есть либо лиственница, либо особой формы жертвенные кучи. Вертикально поставленный хорей около чума – мужской знак и т. д. Одна из мер тундры – высота, которой можно измерять «неизмеримую даль».

В первой главе книги Небо всегда чтимое, «разное», «вечное», одновременно далёкое и близкое. Ненцы считают, что, только двигаясь вверх, можно охватить всю землю. Это Небо нужно всем. Во второй главе Небо, с одной стороны, «синее-синее», с «лёгкими облаками», с песнями «многих-многих стай» улетающих на юг гусей. С другой, это Небо «без птичьего гомона», в него упирается уродливая башня радиолонейки. Жизнь Неба утратила естественную гармонию, ведь в неё внедрилось чужеродное. Рядом оказались, причём подвинув всё небесное на второй план, «железо и небо», «трубы и солнце», «цемент и гуси», «цистерны и облака» [Вэлла 2000: 115]. Упиваться «прозрачностью» воздуха всё трудней, дышать практически невозможно, так как «воздух гарью от факелов отравлен – нефтью пахнет» [Вэлла 2000: 116]. Вместо «лёгкости на душе» – «мусть» и «звон» в голове, а на глазах – слёзы. Данному Небу никто «не молится», в него

«тыкают» пальцем. В третьей главе – это Отец-Небо, это Дом Богов, давший земле прародителя человеческого рода, Того, в чью честь проводятся многодневные праздники, поются песни, устраиваются игры и представления, говорится Слово. Медведь – символ Неба, центр Вселенной, в пределах которой Небо, по представлениям язычников, – стержень Мироздания.

Оболочка и сердцевина в концепции мира Ю. К. Вэллы обнаруживаются на разных взаимосвязанных уровнях. То, что является сердцевиной на одном уровне, становится оболочкой на другом. Небо – оболочка Земли, Земля – корней, небесно-земное пространство – оболочка «моего стойбища», сердцевина которого – человек, имеющий внешний облик и обладающий внутренним миром. Внутренний мир, в свою очередь, тоже имеет сердцевину. Для лирического героя Ю. К. Вэллы это способность любить: любить дом, семью, её (его), любить ребёнка, оленёнка, дождь, реку, дорогу, Солнце, утро, Небо и т. д. Напомним только ряд фрагментов: «Ты красивее берёзы, // Ты красивее Луны. // Ты желанней Красной Белки, // Руки ласковы твои» («Бабушке Ненги» – [Вэлла 2000: 11]); «Может быть, Любовь – // Это новый чум, // Который мы с тобой сегодня // Поставили на снегу? (...) // Может быть, Любовь – // Это снегоходная дорога, // Накатанная нашим сыном // По бесконечной снежной дали, // Между тундрой и тайгой, // Там, // Где всегда ездили // Люди нашего рода? // Может быть, Любовь – // Это первая нарта, // Неумело построенная нашим внуком? // Может быть, Любовь – // Это первый тянтку, // Заботливо сшитый для куклы нашей // внучкой?...» («Песня старого оленевода Аули» – [Вэлла 2000: 34, 35]); «Оленёнок, оленёнок, // Мой пушистый колобок, // Хорошо играть с тобой, // Твой поглаживая бок. // Хорошо тебя с ладони // Белой рыбкою кормить // И озёрною водою // Твою мордочку помыть» («Песня ненецкого мальчика» – [Вэлла 2000: 19]); «Мне бы стать дождевой, // Чтоб красоваться на твоих рес-

ницах (...) // Мне бы стать снежинкой, // Чтоб покоиться на твоём воротнике, // Боясь прикоснуться к тёплой шее» («Песня оленевода» – [Вэлл 2000: 31]).

Любовь, прорывающая все пространственно-временные границы, становится залогом единения всего со всем: Неба с Землёй, Неба и Земли с человеком, человека с человеком. Для лирического героя Ю. К. Вэллы жить – значит любить. В тексте «Песня старого оленевода Аули» многие строки начинаются словосочетанием «может быть». В нём не столько сомнения, сколько утверждения того, что Любовь – это нежность и трепет, это ещё живущие старики, это чум, который поставили двое, долгожданный первенец, дети, внуки. Любовь – ключевое понятие в концепции «врастания» Ю. К. Вэллы. Рождённый и живущий в любви сам обретает способность любить. Первое стихотворение первой главы о нежном чувстве к только что родившемуся оленёнку, о радости, переживаемой каждым, кто начинает жить. Название завершающего главу стихотворения символично – «Пожелание счастья (предисловие к поцелую по-ненецки)». Поцелуй в системе межличностных отношений ненцев – не нечто привычно-общепринятое. Он многозначен, многофункционален, сакрален. По-разному целуют ненцы ребёнка («в нос»), усопших («в лоб»), людей рода («в щёки», «по необходимости»), любимую женщину («в губы»). Самый «искренний» поцелуй – «в уголок между носом и щекой». Не менее символично для ненцев число поцелуев: один поцелуй – «сирота», два – жизнь «вдвоём, без детей», три – «число из чужого фольклора», четыре – «чётных чисел у нас не любят (...) Они не приносят удачи». Самое «доброе» число, «убивающее зло», «от которого сбываются все мечты и желания», – семь [Вэлл 2000: 50, 51, 52]. В пожелании счастья себе, родным, всем обозначена граница, по одну сторону которой «моё», наше, «у нас», по другую – «чужое».

Реалии не-своего мира в произведениях первой главы книги (посёлок, квартира, трактор, браконьер, пилорама,

снегоход, почтовый ящик и т. д.) пока не воспринимаются лирическим субъектом как начало процесса разрушения, но они предрекают, предупреждают, они вызывают опасения в возможности наступления времени, когда сородичи «станут звать»: «семья развалилась», «меняется чум», «мой муж алкоголик», «меняю семью», «поссорились с зятем», «меняется род» [Вэлл 2000: 48]. С одной стороны: «трактор лезет под горку осторожно»; пилюрама стучит, «как далёкий кузнецик»; «мой снегоход» «о чём-то загрустил»; с «пляжного лета» возвращаешься домой. С другой, присутствует цветовое разделение миров: свой – «белый», чужой – «серый» («Вот // Я снова возвращаюсь...»). Важно и то, что «моё» имеет в основном отношение к тому, что включено в пространство Земли и людей рода лирического героя: оленёнок, небо, дочь, бабушка, дед, снега, соболю, лось, Векли (пёс), село, следы и т. д. Пребывание героя в не-своём мире кратковременно, он спешит и возвращается в «родные края». Но «чужое» в концепции жизни Ю. К. Вэллы – не только то, что сопряжено с другой цивилизацией. «Чужим» может стать и недавнее «своё» – улица, дом, любимая. Здесь сфера ретроспекции раздваивается: с одной стороны, память о детстве, предках, Земле, а с другой – воспоминания о Той, единственной, и обо всём, что с Ней связано. Один и тот же дом когда-то «улыбался», а теперь «окно глядит куда-то мимо», занавески «чужие» «людьми чужими шиты», весь дом «скупой», «холодный», «пустой» [Вэлл 2000: 47]. Ситуация отчуждения обуславливает превращение того, что было «нашим», «своим», единым для обоих, в разъединяющее «моё» и «твое» («Письмо»).

Само обращение Ю. К. Вэллы к письму как теме и форме свидетельствует о глубинном освоении личностной современной культуры ненецким поэтом. Письмо подразумевает индивидуальный, закрытый от чужих глаз контакт двух людей, достаточно отрешённый от окружающего и закреплённый в слове, не в звуке, а в букве. Слоговая наполняемость

строки в данном стихе изменяется в диапазоне от 13 до 2, что даёт возможность для широкого смыслового и эмоционального манёвра.

«Мне иногда кажется, что я уже живу в твоём дальнем селе...» (Из письма)

- 1 Да, действительно
- 2 Ты уже живёшь в селе моём белом,
- 3 Где над каждым домом
- 4 Дым из трубы столбом
- 5 И по самые окна сугробы.
- 6 Топишь печь звонкими поленьями
- 7 И чайник пузатый
- 8 На белую ставишь плиту.
- 9 Для кого?
- 10 Выходишь на крыльцо заснеженное
- 11 Скрипучее,
- 12 Незаслеженное,
- 13 Из-под ладони смотришь
- 14 Вдоль нашей улицы немногочисленной
- 15 В самый конец села.
- 16 А улица
- 17 Холодная и белая,
- 18 Как дорога дальняя,
- 19 Как дорога в другой конец зимы.
- 20 Там, возле другого крыльца,
- 21 Дочь моя
- 22 Оленёнка-лакомку
- 23 Рыбой сушёной кормит.
- 24 Не завидуй.
- 25 На губах твоих
- 26 Снежинки белеют, не тают уже.
- 27 Иней пушистый
- 28 К ресницам твоим прирастает.

29 Ёжишься на ветру,
30 На плечи плотнее натягивая
31 Непослушно сползающий
32 Пёстрый гагарий тянт.
33 Не мне,
34 А себе признайся:
35 Не меня ли ожидаешь?
36 Не мне ответь,
37 А себе.
38 Улица –
39 Это не расстояние через всю страну.
40 Однажды
41 И твой сын у крыльца твоего
42 Будет играть с оленёнком.
43 Однажды
44 И он впряжёт добрых оленей
45 В отцовскую нарту...
46 Я ещё не забыл, как делать нарты
47 И как плести тынзян для оленей.

Как и во многих других произведениях, в «Письме» Ю. К. Вэлла создаёт напряжение между эпиграфом и дальнейшим текстом. Эпиграф указывает на некое реальное событие, которое стоит за стихом и в то же время обнаруживает факт его пересоздания в другую реальность – поэтическую. Он указывает и те главные условия, в которых будет существовать лирический герой: отношения Я – Ты, кажимость, попытки сознания преодолеть границы пространства, спонтанность таких попыток, устойчивость пространственной разделённости действующих лиц, понимание невозможности её преодоления. При этом в эпиграфе программируются как бы импровизационно возникающие созвучия близстоящих слов, столь характерные для последующего текста: мНе – иНогда; каЖется – уЖе – Живу; жиВу – тВоём; даЛьнем – сеЛе. Начальные строки стиха соз-

дают эффект прямого и адекватного ответа «автору» письма, приведённого в эпиграфе (кажется – действительно). В них повторяются элементы эпиграфа, сохраняются «законы» звукового строения: Да – Действительно, уЖе – Живёшь, сеЛе – бе-Лом; моЁМ – белОМ; гДе – наД – кажДЫМ – ДоМоМ – ДыМ; тру-Бы – столБом.

При внешней ясности, выраженности чувств лирического героя стихотворение не только конструктивно, но и тематически развивается как попытка сдержать порыв, приглушить его, что только усиливает эффект возможного взрыва. Лирический сюжет стихотворения выстроен через перебив повествовательных фрагментов вопросительно-побудительными конструкциями, а также сложноорганизованным лейтмотивом улицы – дороги. Вопросительно-побудительные конструкции по слоговому объёму меньше повествовательных. Это усиливает ощущение их эмоциональной и смысловой нагруженности на повествовательном фоне.

Многозначность лейтмотивных фрагментов создаётся за счёт метафоризации предметного ряда (дорога в другой конец зимы) и сопряжения пространственных обозначений (улица – страна, улица – дорога – даль). Эта многозначность особенно ощутима на фоне развёрнутых повествовательных отрезков, заполненных точными предметными рядами (село, дом, дым, окна, сугробы, чайник, плита, крыльцо, улица, ладонь, оленёнок, рыба, губы, снежинки, иней, ресницы, ветер, плечи, тянт, нарта, тынзян). Предметные ряды сопровождаются многочисленными эпитетами, большинство из которых не имеет переносного значения и поэтому не осложняет, а наоборот, подчёркнуто объективизирует, как бы успокаивает восприятие картины (плита белая; крыльцо заснеженное, скрипучее; улица немногочисленная, белая; рыба сушёная; иней пушистый; тянт пёстрый, гагарий, сползающий; нарта отцовская). Однако за этой подчёркнутостью, объективностью сознательно скрыта эмоциональная напряжённость лирического героя. Она закрепляется

последовательной постпозицией прилагательного по отношению к существительному. Ряд эпитетов имеет оттенок многозначности, осложнённости (село белое, поленья звонкие, чайник пузатый, крыльцо незаслеженное, другое, улица холодная, дорога дальняя, олени добрые), но и они сохраняют материальные качества определяемого слова. Причём однажды как бы невзначай эпитеты рифмуются (заснеженное – незаслеженное), что прорывает видимую объективность и открывает эмоционально-образную суть происходящего, его поэтическую перспективу. Зримость и достоверность изображения обостряется при передаче предметного ряда адресацией к аппарату человеческой чувствительности: слух (звонкие поленья, скрипучее крыльцо), осязание (холодная улица, снежинки на губах тают, иней прирастает к ресницам, ёжишься на ветру, тянут плотнее натягиваешь на плечи). Чистота переживания образно поддерживается сплошным белым цветом предметно-природного ряда, лишь единожды нарушаемым (пёстрый гагарий тянут).

Принципиальная для смысла стиха оппозиция-связка Я-Ты всё время фиксируется, зримо поддерживается в читательском сознании через местоименные формы: «ты, селе моём»; «для кого»; «там, возле другого крыльца»; «дочь моя»; «на губах твоих»; «к ресницам твоим»; «не мне»; «себе признайся»; «не меня ли ожидаешь»; «не мне ответь»; «а себе»; «твой сын, у крыльца твоего»; «и он»; «я ещё не забыл». Очевидно, что их употребление нарастает к финалу стихотворения. Это выдаёт беспокойность лирического героя, которая дополнительно закрепляется уменьшением количества строк на одно предложение в повествовательных фрагментах от начала к концу произведения. Слоговой минимум в строке (2–3 слога) выделяет опорные слова текста (строки 9, 21, 33, 37, 38, 40, 43). Если за композиционную границу принять 24 строку (она симметрично делит 47-строчный стих пополам, к тому же синтаксически выделена побудительным построением), то

повествовательные предложения до неё будут объёмом в 5, 3, 6, 4 строки, а после неё в 2, 2, 4, 3, 3, 2 строки. Эффект замедленности, вечности, нескончаемости переживания в его светло-трагических обертонах акцентирован глагольными формами, которые в повествовательных фрагментах употреблены в настоящем неактуальном абстрактном времени (согласно А. В. Бондарко): живёшь, топишь, ставишь, выходишь, смотришь; кормит, тают, прирастает, ёжишься. И только в финале время меняет характер, обнаруживая умозрительность событийного ряда: будет играть, впряжёт, не забыл, как делать и как плести. Показательно, что лейтмотивные фрагменты вообще лишены глагольных форм. Состояние вечной соединённости-разделённости Я-Ты закреплено повторением мужского и женского начал в новом поколении (дочь моя – твой сын), их параллельной связи с оленёнком (олёнка-лакомку рыбой сушёной кормит – будет играть с оленёнком).

Переход стиха в финальную фазу фиксируется наличием самой длинной строки (39–13 слогов), опоясанной минимально короткими строками (по три слога), то есть максимальной амплитудой слогового колебания. В финале время вечности, повторяемости дробится (анафора однажды-однажды). Этот действенный прорыв отнесён к возможностям нового поколения. Оно одолеет ту дорогу, которую лирический герой и его возлюбленная могут пройти лишь в своём сознании. Тема преемственности поколений, неотрывности переживаний лирического героя от действий выросших детей достаточно развёрнута (отцовская нарта – я не забыл, как делать нарты и плести тынзян) и своеобразно «завершает» переживание. Она привносит в него иллюзию какого-то разрешения ситуации, бытийно определившей жизнь двух любящих людей, но так и не соединивших свои судьбы в быту. Это ключевое несовпадение быта и бытия как философская проблема стиха мотивирует обилие предметного наполнения произведения и стёртость, свёрнутость, затемняемость эмоционально-

духовных проявлений, драматизм их сопряжения. Отсутствие строфического деления, монтаж трёх типов фрагментов усиливают образ сложности личностного сознания лирического героя – «современного ненца».

Напомним, «особенность чистой лирики именно в том, что предметная реакция героя недостаточно развита и не принципиальна, автор как бы соглашается с её познавательной-этической стороной, не входя в её принципиальное рассмотрение, оценку и обобщение, и формальное завершение совершается безболезненно легко» [Бахтин 2003: 81]. Этот механизм лирического завершения обеспечивает свободу, гибкость, всеохватность индивидуального проявления поэта в стихе, его самореализацию. Но Ю. К. Вэлла в лирическую раму вплавляет развёрнутые эпические фрагменты. Эпичность создаётся за счёт того, что соединение героев реально невозможно, а значит, оно отдалается абсолютной дистанцией от настоящего и будущего. Экзистенциально заданное желание для обоих превращается в общее предание, без слов понятное и хранимое. Тем самым и предметно, говоря словами переписки Гёте и Шиллера, явление становится «абсолютно прошлым». Это предание неразруσιμο, вечно, опорно для личности в её каждодневном бытии. В произведениях, вошедших в главу «Врастание», достаточно часто употребляется местоимение «ты»: это и сам лирический герой, и кто-то другой со своей историей-судьбой; это та, которую любил когда-то, о которой мечтаешь сейчас; это всякий, любой из живущих. При всём понимании неповторимости каждого лирический герой Ю. К. Веллы не склонен акцентировать собственную индивидуальность. Его «Я» есть часть разновозрастных, разноликих других «Я», его жизнь зависит во многом от чьих-то жизней, являясь одновременно источником жизни многих других. Поэтому «врастание» (вернёмся к названию и концепции главы) – это череда перетекающих друг в друга превращений, единый, отчуждений, обретений и потерь.

Вторая глава книги названа «Белые крики». В неё вошли двадцать четыре произведения и два цикла (в первую – двадцать пять произведений и один цикл). Первое стихотворение, название которого дублирует название главы и всей книги, построено в форме рассказывания-напоминания, предполагаются два адресата: один – современник лирического героя, ненец, второй – сам лирический герой. Акцент на слове «твой» («твой дед», «твой дядя»), с одной стороны, подчёркивает пространственно-временную отстранённость потомка от старших в родовой цепи, с другой, предполагает каждого: и себя, когда ты становишься объектом собственного познания, и любого другого. Все, к кому имеет отношение обращение «твой», кровно связаны с одной территорией, находятся одновременно внутри и вне её. В стихотворении «Белые крики» заявлен мотив разлада: 1) в пределах человек–Земля («приезжие геологи длиннорублёвые»; спившиеся, умирающие от «отравления самогоном» охотники); 2) в пределах рода (дед – настоящий охотник, дядя – «яростно расстреливал белые крики»); 3) в пределах судьбы одного человека (охотник за самогон продаёт «невыделанные», «кровяные», «наспех ободранные», «полинявшие лебязьи шнурки», а затем – головная боль и «жажда в душе и желудке») [Вэлла 2000: 54, 55]. Вспомним, в первом стихотворении главы «Врастание» приход на землю сулил дорогу «весёлую», «скрипучую», «быструю», «вечную», всегда возвращающую к дому. В стихотворениях и прозе, начинающих вторую главу книги, обозначены другие дороги: 1) забытая, заброшенная («Тропинка заросла». // Уже лет двадцать // Хозяин на упряжке не был здесь») [Вэлла 2000: 57]; 2) дорога туда, где живут «нечеловеки», где «по благу», «без всякой записи», «по знакомству» «убивают» нерождённого сына, где женщины «с похмелья рожают не детей», рожают алкоголиков и наркоманов [Вэлла 2000: 56, 89]; 3) дороги «тревожных времён», приводившие то белых, то красных, побуждающие аборигенов скрывать

настоящие имена, имена своих родов (так предки автора из рода Вэллы и рода Тётт стали Айваседами); 4) дороги новых времён – в «мир, вывернутый наизнанку». Вышеназванные дороги предполагают отрицание всего, что сулила дорога «врастания». Произведения второй главы – не об иных сторонах знакомого мира. Лирический герой констатирует: мир стал другим, в нём всё поставлено с ног на голову, всё либо никакое, либо «чужое»: что должно радовать – омрачает, что должно источать пленительные звуки и чарующие запахи – «молчит» и «воняет», кому (чему) надлежит жить – умирает. «Что происходит?!», «Что сегодня случилось с землёй, небом, с тобой, со мной?!» – человек задаёт эти вопросы всему живому, всё живое возвращает их ему. Ответ прост, все его знают, но это знание не влечёт за собой разумных конкретных решений, оно рождает только крик и усиливает Боль. Несколько раз возвращается Ю. К. Вэлла к словосочетанию, вынесенному в заглавие книги – «Белые крики». В экземпляре, подаренном автору данной работы, поэт размышляет: «Если бы спросить сейчас Л. Толстого, почему он назвал свой роман «Войной и миром» («войной» и «миром»), («Войной» и «Миром»), наверное, его первым ответом было бы: «Не знаю». А потом бы стал он вслух рассуждать, импровизировать, и чем дольше он объяснял бы Вам, тем ещё больше значений оставалось бы за словами. «Белые крики» – это и «вести со стойбища», и «Белый снег», и «Белый след», и «Песня ненецкого мальчика», «Весенний триптих» и «О вечном»... и «О тебе»... и «Только в сердце песня»... И ещё...: сравни «Белые крики» с символами «определителей возраста» и «Медвежьих игрищ...», что в самом конце книги... Сравни мои «белые» крики в моих стихах с «белыми криками» народа моего...».

Всё, что попадало в поле зрения и размышления лирического героя Ю. К. Вэллы в первой главе книги, вызывало эмоции одного ряда: трепет, одобрение, восхищение, радость, удовольствие. Во второй главе лирический герой оказывает-

ся в другом мире, мире всевозможных «не» и «нет»: «негде пасти оленей», «не озеро это, а котлован нефти», «не мог понять», «нечеловеки», «нет дождей», «нет влаги и прохлады», «не спит моё лето», «дорогу не вспомнил», «даже водоросли не растут», «не человек», «стойбища нет», «нет мне житья», «нет мне сна», «не уснуть», «не проснуться», «некуда деться», «не пей, сынок», «я не только внуков, а невестку-то ещё не видел», «непонятная речь», «нет тайги», «не осталось земли» и т. д. В новом перевёрнутом мире не только новые люди, звуки, предметы, запахи, в нём существенно корректируется система взаимоотношений человек–Вселенная–человек. У времени и пространства появилась особая цена, они стали предметом размышления, объектом наблюдателя, возникла физически ощущаемая грань, отделяющая «своё» от «чужого», жизнь до – и после. Воцарившийся хаос побуждал всё чаще оглядываться назад, где в простоте, однообразии, монотонности обнаруживались истинность и радость бытия. Дед, бабушка, старые отец и мать осознаются не просто предками, которых должно слушать и уважать, они, возможно, сегодня последние, говорящие на «чистом» родном языке, знающие историю родов, почитающие традиции и обряды, поющие песни, помнящие мифы, легенды, сказки, предания. Потому, вероятно, именно они (старые люди) безрадостно, тревожно и обречённо всматриваются в сегодняшний день, новое старикам малопонятно, не воспринимается ими как естественно необходимое, а крикнуть об этом уже нет сил. Оттого дед ночью «ворочался, вздыхая тяжело», «ворчал на бабушку»; «всю ночь стонал», «и в чём-то долго меня корил»; «молчал», «сидел в тени», «нахмутив брови», «и подбородок тербил», «был хмур сегодня» [Вэлла 2000: 63, 81, 103, 104]. Оттого у старого Усти сегодня «плечи тяжелы», «сжимается грудь», «сердце болит», «голове ломит от боли» [Вэлла 2000: 106]. Оттого старая Ымчи «причитает» над письмом сына, не понимая, зачем он живёт в чужой стране и только во сне видит

свой чум, озеро, «облака над стойбищем», «огненный закат» [Вэлла 2000: 112]. Только в недрах нового миропорядка мог родиться трагический парадокс: земля пока есть, но это уже не та, другая, чужая земля. Исконные места проживания ненцев «преображались» настолько, что актуальным для аборигенов становился в прямом и переносном смысле вопрос «Куда деться?»: «Дедово пастбище вырыто, // Взорвано, // Залито – (...) Бабушкин ягодный бор // Вытоптан, // Вырублен // И сожжён – (...) Некуда, некуда, некуда деться // От всепроникающей боли...» («Причитания старого Усти» – [Вэлла 2000: 107]); «В полдень // Оленёнок малый // Над ручьём склонился. // Он просил: // «Мне жарко, мама, // Я бы здесь напилсь». // «– Погоди, // Не пей, сынок, // Потерпи немножко. // Пахнет нефтью ручеек, // Отравиться можно. // Вот уйдём подальше в тундру, // Там вода живая, // Там смеются птицы, // Утру // Песни напевая. // Там пушистый белый ягель // Украшает кочки. // Там румяных спелых ягод // Столько, // Сколько хочешь. // Там другие олениа // Весело играют, // А в бору грибы-маслята // Силы набирают...» // Но куда б они ни шли, // Всюду буровые, // На озёрах чёрной смолю // Пятна нефтяные. // Фары целят в ночь // Двустволкой, // Ягель пахнет едкой гарью, // А по тундре псы гуляют // Без хозяев, // Словно волки» («Боль вторая» – [Вэлла 2000: 82–83]). Не лишённое конкретности пятикратное «там» в последнем из процитированных стихотворений противопоставлено абсолютно безграничному «всюду»: за «там» – свой, гармоничный, многообразный мир; за «всюду» – чужого цвета и запаха дикое однообразие. Фары-двустволка ассоциируются с охотой на всё и всех, включая человека, под прицелом – вся территория. «Там» представляется очень далёким во временном и пространственном отношениях: оно реально перестало быть, оно осталось в памяти, переселилось в сны и мечты, а «всюду», несущее безысходность, рядом, здесь, сейчас. Мать-олениха бессильна в стремлении защитить своё дитя, её поиски глотка чистой воды тщетны.

В стихотворении «Боль четвёртая» и человек встревожен, что его ребёнку не останется чистой «живительной» воды. Ещё совсем недавно река манила, теперь, «залитая нефтью», она пугает. В стихотворении первой главы «Песня ненецкого мальчика» ребёнок радуется тому, что можно оленёнка «белой рыбкою кормить» и «озёрною водою» ему «мордочку помыть». В стихотворении второй главы «Облако в нефти» оленёнок с «чумазым носом» уже не резвится, а «плачет», надежда отмыть его окончательно рушится в тексте «Вести с Ватьёганского стойбища»: «как ни пытались отмыть оленей – сдохли, замёрзли» [Вэлла 2000: 105]. «Чужое» в книге Ю. К. Вэллы «Белые крики», как и в произведениях Е. Д. Айпина и А. П. Неркаги, игнорирует «своё», становясь причиной метаморфоз в жизни аборигенов, касающихся не столько внешнего, сколько внутреннего, сущностного: белое облако/облако в нефти; дети-птенцы/дети-коршуны; ненцы/кроты; ненцы/скопийцы; живая тундра/Скопище; свадьба/похороны; родная речь/визги; песни/бешеные крики; дождик/кислотный дождь; люди/нечеловеки; гармоничный мир/«мир, вывернутый наизнанку»; хозяин/гость; гость/хозяин и т. д. – в пределе Космос/Хаос.

«Чужое» воспринимается ненцами и ханты как катастрофа, определившая единственную меру состояния всего живого на их земле – Боль, не случайно один из стихотворных циклов, вошедших во вторую главу книги Ю. К. Вэллы, назван «Лесные боли». Все Боли пронумерованы, – их семь, каждая последующая не слабее и не сильнее предыдущей. Боли одинаково ощутимы, они возникают при мысли или взгляде на урманы, леса, озёра, реки, небо, моря, тайгу; боль, как нефть, «залила» всю землю ненцев – она не локальна, а всепроникающая. Потому в текстах Вэллы бесконечное пространство реки сведено к одному «живительному плотку» чистой воды, пространство тундры – к «плотку свежего воздуха», пространство Родины – к «последнему плотку чистого чувства». Один

плоток чего-то живого (слова, песни, воздуха, воды, любви и т. д.) становится заветной мечтой. Актуальны не только «поиски» глотка, но и то, кому (и много ли таких) он достанется: взрослому он необходим, чтобы ещё раз насладиться прежним, своим, дорогим; ребёнку он нужен, чтобы, во-первых, узнать, какая она, настоящая живая жизнь, и, во-вторых, чтобы обрести силу противостояния миру, «вывернутому наизнанку». В произведениях Ю. К. Вэллы речь идёт, как правило, о последнем глотке, потому мир изображён не столько через формулу было/стало, сколько через формулу было/осталось: «Нет тайги – её вырубил (...). Не осталось земли – (...) Реки, озёра и моря – // Замазучены. // И рога последних оленей деда // Вместе с черепами // Вырубил на сувениры (...) То, что осталось от тундры (...)» («Боль пятая» – [Вэлла 2000: 87, 88]). В стихотворении «Пожелание счастья» (глава «Врастание») речь шла о семи поцелуях, в первом цикле второй главы – о семи Болях. «Седьмая Боль» о том, как радости жизни может переиначить одно нарушающее вековой порядок движение. Тогда вместо «румяной морошки», «стебля травы-пырея», «молоденького глупого птенца трясогузки», «говорливого ручейка», маленького оленёнка появится «огромная чёрная дыра», которая запахом, сыростью и «тяжестью земли» будет напоминать могилу. Потому, вероятно, современная тундра в последние десятилетия XX века видится лирическому герою Ю. К. Вэллы душевной и сухой, где вода – только мираж, где всё окрасилось в один очень стойкий чёрный цвет, где никто никого не слышит. Всё превращается в ничто, жить становится «труднее», да и просто негде: «негде (...) добывать пушнину и мясо, негде вылавливать рыбу (...) негде пасти оленей» [Вэлла 2000: 101]; «радиоактивное полярное сияние» и «ядовитый кислотный дождь» сводят на нет жизнь уже рождённых и ещё не родившихся. Понимание и непринятие лирическим героем того, что происходит на земле предков, выражено обилием восклицаний и вопросов, обращённых к

себе, ко всем «своим» и «чужим», к Земле и Небу. В них крик: крик не только помогает снять напряжение, притупляет боль; кричащий иногда хотел бы быть услышанным; но на свои вопросы-крики лирический герой Ю. К. Вэллы вынужден отвечать сам, так как те, кому они адресованы, либо не хотят их слышать, либо не знают, что ответить. В стихотворении «Боль четвёртая» большинство вопросов-криков начинается со слова «где». Перечисление всего, что утрачено, убеждает в том, что утрачено всё, составляющее смысл жизни любого ненца (не случайно Болей семь): тропа рода, урочище, река, земля. Сама утрата характеризуется словами: «отнята», «брошена на растерзание», «выпита», «залита нефтью». В «Боли пятой» ряд восклицаний («О, тайга!»; «О, родная земля!»; «О, тундра!» – [Вэлла 2000: 87]) также подразумевает вопрос «где», так как сразу после них звучит «нет»: «нет тайги», «не осталось земли» [Вэлла 2000: 87]. Утрата характеризуется словами: «вырубили», «не осталось», «превратили», «замазучены», «доберутся», «радиоактивное полярное сияние», «ядовитый кислотный дождь» [Вэлла 2000: 87, 88]. Многократно повторяемое «О», переходящее в непрерывное «О-о-о!», а затем возглас «О, ужас!», ассоциируются уже не с криком, а со стоном, рождённым непрерывной болью. Каждое произведение цикла «Лесные Боли» об отдельных Болях (вспомним «И уходит мой род» Е. Д. Айпина), о чём, как отмечалось выше, свидетельствует их нумерация. Первая Боль – «ворвался трактор в мой урман» [Вэлла 2000: 80]; вторая – «всюду буровые» [Вэлла 2000: 83]; третья – «реже слышу родную речь» [Вэлла 2000: 84]; четвёртая – «Хватит ли // На тот единственный // Живительный глоток внуку моему?», «не осталось земли» [Вэлла 2000: 87]; пятая – «тундра встречает меня (...) кислотным дождём» (с. 88); шестая – «женщины с похмелья рожают не детей» [Вэлла 2000: 89]; седьмая – «Перестанет болеть душа, значит нет твоей Родины» [Вэлла 2000: 91]. Каждая Боль, казалось бы, о своём, но все они в то же

время об одном – о Доме, который рушится. Читатель понимает: нельзя не закричать, если тебя окружают не родственники и близкие люди, а «уполномоченные», «стражи народа», «стукачи», «искатели», «любители экзотики», то есть те, кому «всё до лампочки». Нельзя не закричать, если вместо сладкого, малящего, струйкой тянущегося к небу дыма родного очага, ты вдыхаешь «едкий», «тяжёлый», «грозно нависший над стойбищем» чёрный дым «огнедышащей лодки».

В отношении вышесказанного первая и вторая главы книги существенно отличаются. В первой вопросов и восклицаний не так много, и они, как правило, выражают радость, восторг, любопытство, сомнение: «У меня на ладони просыпается солнце!» [Вэллa 2000: 11]; «Вы слышали! (...) Послушайте!» [Вэллa 2000: 20]; «Нет!!! Другого неба не знаю» [Вэллa 2000: 25]; «Что нужно влюблённым? (...) Чему улыбается роженица?.. Что пожелать человеку, шагнувшему на дорогу? (...) О чём думает умирающий?» [Вэллa 2000: 26–27]; «Что такое Любовь?» [Вэллa 2000: 34]; «А мне так хорошо!» [Вэллa 2000: 29]; «Смогу ли подставить своё плечо?» [Вэллa 2000: 43]; «Как долго здесь не был я! (...) И вновь мне дышится легко!» [Вэллa 2000: 45]; «Ну что хорошего жить вдвоём, // Без детей?» [Вэллa 2000: 51] и т. д. В главе «Белые крики» немного произведений, в которых не было бы восклицаний и вопросов, содержащих, как правило, уже иные эмоции: «Забыл свой лабаз? // Сам сгинул?» [Вэллa 2000: 57]; «Что со мной происходит?» [Вэллa 2000: 77]; «Смогут ли не затеряться // В лесах и тундре // Следы полозьев родного рода?» [Вэллa 2000: 84]; «Где тропа, // По которой кочевал мой род? (...) Где река, // Из которой поили детей? (...) Где та земля, // Что в дедовом сердце жизнь раздувала (...)» [Вэллa 2000: 84, 85]; «О, родная земля! – Не осталось земли» [Вэллa 2000: 87]; «Оленёнок детства, // Что так горько плачешь?» [Вэллa 2000: 95]; «заглянул вчера на родовое кладбище Айпиных. Что там делается! (...) Что же здесь искали? Кто? (...) Что же это такое, люди?

(...) За что так-то?» [Вэлла 2000: 100]; «Люди! // Может, такая мутация // В нас уже началась?» [Вэлла 2000: 110]; «Ну и видище! (...) Кто их пустил сюда? Зачем?» [Вэлла 2000: 114, 115] и т. д. Стихотворению «Политический разговор» предшествует эпиграф из сказок бабушки Ненги: «Сломаю луки, погрызу стрелы, чтобы в гнезде каждой птицы мог вольготно топтаться птенец» [Вэлла 2000: 62]. Дом, ребёнок, для которого этот дом «свой», оттого в нём и «вольготно» – это так понятно, даже обыденно. В прозаическом тексте «На уроке» маленький мальчик говорит о том, что у него есть и киври (колодец), и сувак (навес для нарт), и пухул (стойбище). «Бедный мальчик! Он говорит есть, а я знаю, что это было» [Вэлла 2000: 97], – комментирует лирический герой. Свой дом, в котором жили предки, где родился ты и родятся твои дети, – теперь большая роскошь. Может, потому так выросла цена дороги к нему. Тема возвращения, но не просто домой, а к тому, что осталось, к тем, кто ещё жив, занимает значительное место во второй главе книги: «Уже лет двадцать // Хозяин на упряжке не был здесь» [Вэлла 2000: 57]; «О, тундра! // Сегодня я еду к тебе в Заполярье» [Вэлла 2000: 87]; «А если // Ты не зверь беззащитный // И не перелётная птица // (...) Но дорогу не вспомнил // В стойбище матери» [Вэлла 2000: 93]; «Маленький мой, // Отчего ты сегодня не со мной?» [Вэлла 2000: 112]; «Добрый олень с выпадением первого снега возвращается туда, где он родился» [Вэлла 2000: 93] и т. д. Во втором цикле главы («Осенний триптих») одна из частей называется «Возвращение». «Подъезжаю по реке к Варьёгану – к селу моего детства (...) Это тот единственный уголок Земли, с которым даже короткая разлука невыносима» [Вэлла 2000: 114], – так начинается эта часть. О перемещении героя в пространстве свидетельствует смена «видеоряда». Сначала с радостью и удовольствием возвращающийся замечает знакомые песчаный яр, «белые-белые шиферные крыши и чёрные-чёрные, закопчённые временем, бревенчатые стены», летний чум

старика Туль, «перекладины и поперечины телеантенн», улетающие вереницы гусей [Вэлла 2000: 114]. Старое и новое уже примирились друг с другом, и героя их соседство не раздражает. Одну часть текста от другой отграничивает фраза: «Но вдруг сердце мое ёкнуло. Что это?» [Вэлла 2000: 114]. Вторая половина «Возвращения» – про «это». Повторяя «мой Варьёган», «моё небо», «моё детство», герой осознаёт, что тут уже ничего он не может назвать «своим». В начальном описании Варьёган отождествлён со всем миром, в котором нет мелочей, где всё одинаково значимо. Возвращение героя домой оборачивается возвращением в никуда (с точки зрения и времени, и пространства): «И немеет язык, сводит судорогой губы, а пальцы начинают отстукивать по борту катера бессмысленный текст: «Железо и небо... // Трубы и солнце... // Цемент и гуси... // Цистерны и облака» [Вэлла 2000: 115]. Небо, солнце, гуси, облака – приметы надземного мира, ассоциирующиеся с беспредельной синей высью, ярким светом и теплом, полётом и песней; железо, трубы, цемент, цистерны – предметы техногенной цивилизации, ассоциирующиеся с чем-то холодным, тяжёлым, неживым. Не случайно реалии «чужого» мира занимают первую позицию в каждой строке, а «своего» – третью, между ними – соединительный союз «и», все строки заканчиваются многоточием. Подобная внешняя и внутренняя организация четверостишия содержательна. «Чужое» набирает силу, вытесняет «своё», оно активно и бесцеремонно в стремлении захватить всё – и землю, и небо. Многоточие, во-первых, предполагает продолжение перечисления, с одной стороны, реалий природного мира, с другой, существующих уже неразрывно и рядом реалий двух разных миров. Во-вторых, даёт возможность читателю домыслить перспективу подобных соседств. В-третьих, многоточие фиксирует паузу-молчание, содержащую тревогу и напряжение. В-четвёртых, демонстрирует отсутствие необходимости описывать последствия встречи двух цивилизаций, так как они

весьма очевидны. Во второй половине «Возвращения» резко меняется предметный ряд («ржавые железные трубы», «глаза-фары», «бетонные болванки», «краны», «трактора» и т. д.), радость ожидания встречи с родиной уступает место боли, раздражению, агрессии; перечисления, вопросы, многоточия создают иную, по сравнению с первой частью, ритмическую организацию текста, что делает вполне органичным переход в финале от прозы к стихам. Путь возвращения героя к истокам убедил его в том, что малый мир отдельного человека хрупок, но и мир Вселенной не неуязвим.

Аксиология слова и композиции:

книга «Вести из стойбища»

и книга о вечном «Белые крики» Ю. Вэллы²⁵

Книгу «Вести из стойбища» открывает эпитафия – утверждение русского писателя М. Пришвина: «Охранять природу, значит охранять родину...» [Вэлла 1991: 5]. В названии и в эпитафии задана главная тема всего творчества Ю. К. Вэллы – тема Родины, физическое пространство которой выходит за границы «моего стойбища»: «родимые края», город, «мой урман», «мой лес», «мои озёра», «моя земля», «мои снега», «село моё», «твое село», «соседнее стойбище» и т. д. «Моё» не исчерпывается судьбой только лирического героя: «моя сестра», «мой дед», бабушка, «у нас», «мой род», «мой народ». Лексема «моё» не только подчёркивает близость, родственные связи с кем (чем)-либо, многократные повторения её фиксируют нарастающую тревогу жителя ненецкого стойбища за то, что скоро всё «моё» либо перестанет быть таковым, либо просто исчезнет. Вот отрывок из разговора с дедом (эпитафия к стихотворению «Мутация»): «– В соседнем стойбище от-

---

²⁵ Произведения, вошедшие в книгу «Вести из стойбища» (1991) и книгу «Белые крики» (2000) составили основу книги «Триптихи» (2001).

ловили неводом странную щуку, у неё над глазами, говорят, торчали два маленьких твёрдых отростка и на носу четыре отверстия вместо двух. – Дехей-хов! Это примета к большому несчастью...» [Вэлла 1991: 83]. Процесс утраты «своего» отражён и во внешней структуре книги, состоящей из четырёх озаглавленных частей. Сам автор не определил терминологически эти элементы структуры, потому «часть» – термин произвольный. Части расположены в следующем порядке: «Врастание», «Перед охотой», «Белые крики», «Лесные боли». «Эпилог», как и в книге «Белые крики», графически не выделен, потому может быть отнесён к «Лесным болям», хотя, с точки зрения внутренней организации данного издания, его следует рассматривать в качестве отдельной составляющей всей книги. Принцип формирования микро- и макроформ в «Вестях из стойбища» – тематический, при этом следует учитывать мотивную, субъектную и пространственно-временную системность книги. В журнальной публикации в название вынесено слово «моё» («Вести из моего стойбища»), опущенное при издании отдельной книгой. Отсутствие личного местоимения, с одной стороны, расширяет сферу изображаемого, с другой – подчёркивает уже не тревогу по поводу, а сам факт утраты «своего» на своей земле. Эпиграфом к стихотворению «Боль вторая» стали строки из письма деда: «Сынок, за последние три года я сменил несколько пастбищ. Нынешним летом двенадцать оленей пропали без вести... Куда бы я ни пригнал стадо, всюду много буровых, всякой техники и брошенных собак. С каждым годом оленеводческая жизнь становится труднее...» [Вэлла 1991: 70]. Обратим внимание на слово «вести», оставленное в заглавии и журнальной публикации, и книги. Весть – это какое-либо сообщение, проходящее некий путь, прежде чем оно достигнет адресата, путь может быть достаточно долгим, информация, предназначенная для одного, может стать достоянием многих. Весть предполагает слово, облечённое в устную или письмен-

ную форму. Именно к такому слову-вести сведены содержание и форма многих эпиграфов: «из письма моего деда», «из разговора по душам», «из письма», «из разговора двух оленеводов», «из разговора с дедом». Весть в эпиграфах может касаться перемен, происходящих вокруг, каких-то конкретных фактов, состояния души и т. д., например: «Ежегодно весной, во время паводка, по реке Ватъёгану со стороны Повховского месторождения плавают толстая плёнка нефти. Нам стало очень трудно жить...»; «– Ты знаешь, сын-то мой женился в городе на русской женщине. – Что же тут такого? У меня зять хохол. – Да я не против. Но женился-то мой аж десять лет назад, а я не только внуков, я невестку-то ещё не видел...»; «Мне иногда кажется, что я уже живу в твоём дальнем селе ...» [Вэллы 1991: 72, 70, 36]. В приведённом выше эпиграфе к стихотворению «Боль вторая» тоже есть слово «весть», правда, в ином значении. Олени «пропали без вести», т. е. неизвестно куда, и само стихотворение, как и многие произведения в первой книге Ю. К. Вэллы, о том, как постепенно пропадает всё на ненецкой земле, и сама Земля скоро не сможет подать о себе никакой вести, одна из причин того – слово говорить будет некому: «Люди старятся – // Их язык не поёт песен. // Не потому, что не хочется, // А слова забылись. // А сыны их не любят петь» [Вэллы 1991: 72].

Следует обратить внимание на форму множественного числа в заглавии книги – вести. Оно (множественное число) демонстрирует совмещение в пределах одного слова бытового и бытийного, малозначительного и значимого. Адресаты вестей, как правило, – лирический герой, читатель и просто «свои». С одной стороны, речь идёт о том, что выпал первый снег, бабушка шьёт внуку кисы, родился оленёнок, идёт дождь и т. д., с другой – вести извещают о дефиците чистой воды и свежего воздуха, о том, что вместо песен больше звучат причитания, что реже слышится родная речь, что некогда оглядеться и некуда деться от «всепроникающей боли» и т. д. Важно не только

содержание «вестей», но и уверенность в том, что они дойдут до тех, кому адресованы, будут восприняты услышавшими их (и «своими», и «чужими») как «вести из сердца самой жизни», каковым и является «тёплое стойбище моё».

Составляющие внешней структуры книги Ю. К. Вэллы «Вести из стойбища»: эпиграф, предисловие, четыре озаглавленные части, эпилог. Внешняя структура двух последующих книг иная. «Белые крики» открывает обращение к читателю: «Если ты друг, // Постарайся понять меня. // Если ты враг, // Постарайся понять меня. // Если ты просто так – // Увы, // Ничем не смогу // Быть полезен тебе...». Книгу «Триптихи» открывает стихотворение, вошедшее в состав первой главы «Белых криков», выполняющее в данном случае роль эпиграфа: «Ранним утром // По двору скачет сорока...// Ну и что ж?». В нём не зафиксирована ориентация автора на конкретного читателя: либо «друга», либо «врага», либо «просто так». Эта книга для каждого из них, то есть для всех, её адресат – Мир, способный слушать, воспринимать, понимать. Потому, вероятно, эпиграф предложен на трёх языках (русском, ненецком, французском), а все произведения книги – на двух языках (русском и французском). Исключение составили два триптиха: «Ненецкий триптих» предложен только на ненецком, «Французский триптих» – только на французском. Многоязычие, как говорил Ю. К. Вэлла в предисловии к двум первым книгам, убеждает в том, что, на каком бы языке ни изъяснялся его герой, «понятия любви, зла, добра, справедливости, ностальгии, измены» и т. д. также присущи ему, жителю ненецкого стойбища, как и любому другому, живущему в любом другом уголке Земли. Размышления поэта о человеке, изъясняющемся на нескольких языках, о его взаимоотношениях с Миром, закреплены реальным многоязычием его последней книги.

Естественным продолжением обращения к читателю в книге «Белые крики» является «Посвящение читателю», где автор делится своими опасениями и прогнозами относитель-

но процесса обеднения, вытеснения родного языка. Причин тому он видит много, самая веская – «уполномоченный с револьвером в кожаной кобуре в поисках врагов народа, в поисках шаманов» [Вэлла 2000: 7]. Причина забвения своего, исконного видится Ю. К. Вэлле и в другом. В триптихе «Венгерская сюита» (вошёл в состав двух последних книг) во второй части рассказывается об одной встрече в Дебреценском университете, на которой ханты исполняли Медвежьи игрища. Делегации США, Японии, Эстонии, Финляндии, Венгрии и т. д. слушали «внимательно», «с удовольствием», «чутко» сопереживали происходящему на сцене. И «до слёз обидно» становится автору, когда «наши же, свои же родственники, ханты и манси, из зала грубо» вмешивались в репертуар игрища, «давая совсем неуместные советы там, где этого делать нельзя!» Даже «начальственно-чванливая» Москва терпеливо и сдержанно слушала. А свои оказались «слепы», не поняли, в отличие от чужих, что «ЭТО (...) обречено, что ОНО каждую секунду постепенно уходит из жизни с последними носителями» [Вэлла 2000: 146, 147]. Печально, когда не понимают и не принимают чужие, но куда страшнее забвение-отречение от «своего» своих же. В формуле «три по семь» зафиксирована схема мироздания, однотипная для аборигенов Сибири и Африки, Северной Америки и Центральной Азии: «трёхчленная модель мира, наличие ряда объектов, маркирующих центр и периферию; нерасчленённость пространства-времени и т. д.» [Сагалаев 1991: 27]. Особо важно в приведённом замечании А. М. Сагалаева второе положение – о центре и периферии. В книге «Белые крики», состоящей из трёх глав, первая («Врастание») и третья («О вечном») – большей частью о «своём», родном, сокровенном, вторая («Белые крики») – либо о «чужом», либо об уходящем «своём». Заняв центральное место в структуре книги, вторая глава не только формально, но и сущностно нарушила привычную картину мироздания, где ядро (центр) сопряжено со «своим», периферия – с «чужим». Всё

в реальной жизни поменялось местами, и структура новой книги Ю. К. Вэллы уже не соответствовала установке: «внутри – тёплое стойбище моё».

Микро- и макромиры в произведениях Ю. К. Вэллы обладают способностью взаимопроникать, граница, разделяющая их, зримо обозначена, это могут быть окно, дверь, которые чётко фиксируют закрытость или открытость миров друг другу. В первой главе книги, как мы уже отмечали, миры взаимооткрыты, во второй – границы размыты: большой («чужой») мир поглощает малый («свой»). В третьей главе очертания этой границы вновь просматриваются, только по разные стороны её уже не «своё» и «чужое», не малое и вселенское, а «я» и «вечное». «О вечном» – так названа третья, завершающая книгу глава. В открывающем её стихотворении «На Святом Бору» лирический герой призывает себя и всех обратиться со Словом к Всевышнему. Это уже не слово-крик, это Слово, совместившее в себе и крик, и молитву: о лесах, «порубленных на лежнёвки»; о тех, «кто умер или погиб», «пожирая самогонку»; о реке с «замазучеными водами» и берегами; о народах, замученных в тридцатых, сороковых, пятидесятых [Вэлла 2000: 118, 119]. Человек признаёт своё бессилие в стремлении вернуть миру утраченное, это под силу только Богам, но и Боги «разуты», «разграблены», «из ружей расстреляны» [Вэлла 2000: 119]. Молитва теряет смысл, человек – последнюю надежду, однако восьмикратные «молитва» и «молиться» в стихотворении «На Святом Бору» предполагают надежду на пробуждение Богов и восстановление первозданности мира. В повести Е. Д. Айпина «В тени старого кедра» в последней главе, названной, как и стихотворение Ю. К. Вэллы, «На Святом Бору», человек размышляет о существующем сотни лет миропорядке: одни (старые) естественным образом уходят, уступая место, помогая выжить другим (молодым). Закон жизни людей, деревьев, птиц, зверей и т. д. – возвращение через уход, но «уйти – легче! Вернуться – труднее!».

Хантыйский писатель убеждён, что, пока есть человек (и он «будет всегда»), «у человека всегда будет земля и небо» [Айпин 1986: 184, 186]. И лирический герой Ю. К. Вэллы, утверждая вечность жизненного круговорота, заявляет: сохранить, что осталось, вернуть, что утрачено, должен сам человек. Не случайно в его концепции мира возникает отождествление: «ты – родина твоя». «Ты» в данном случае – и сам лирический герой, и любой, для кого эта земля – родина. «Ты» – это «глаза», «ум», «совесть», «сердце» твоей родины, потому и категоричен поэт: «И нет тебе прощения, // Если родина твоя // Твоим бездействием превращена // В разрушенные временем стоянки, // В холодные, // Сиротливо покинутые чумовища, // Где даже ветру не за что зацепиться // И негде ночевать. // Где одинокий хищник, // Голодный, // В поисках добычи иль падали // Случайно набредёт. // И лишь разбитая ветрами колыбель // Напомнит // О детском плаче, // О песне колыбельной седой и мудрой старухи, // О жизни непонятой ушедшего народа» («Ты – родина твоя...» – [Вэлла 2000: 122]).

Начиная главу «О вечном» призывом-требованием молиться, лирический герой Ю. К. Вэллы подчёркивает особую цену и силу Слова, которое было всегда и функции которого никогда не исчерпывались только коммуникацией. Как известно, ненцы немногословны, и говорить дано право не каждому, бытовое общение предполагает минимум говорения, велика значимость Слова старшего младшему, Слова Богам, Огню, Дереву, Земле. В этом плане особую роль в структуре книги играют эпитафии как Слово многозначное и многофункциональное. Это Слово: а) рождённое сегодня и существующее не одну сотню лет; б) интимное, сокровенное, для себя, и открытое, публичное, для всех; в) устное и письменное; г) содержащее частные наблюдения и вековую историю народа; д) созданное индивидуумом и коллективным сознанием; е) бытовое, обыденное, предметно-конкретное и обобщающее, философское; ж) фиксирующее не только пространственно-временную

отдалённость автора и адресата, но и отсутствие какой-либо дистанции между ними и т. д. Количество эпитафий в каждой из глав книги неодинаково. В первой главе – 7, во второй – 9, в третьей – 4. В плане источников эпитафий достаточно разнообразны: сказки бабушки Ненги, ненецкие пословицы, приметы, хантыйские предания, разговоры с дедом, советы деда, письма деда, письма родственникам, заявление местных жителей в исполком Аганского сельского Совета, размышления-воспоминания и комментарии автора. Ключевые категории в эпитафиях: дом, земля, небо, потеря, память: «Распахнул охотник свой тёмный чум. Вздохнул широко. Влетело в чум небо (...)» [Вэлла 2000: 23]; «Сынок, за последние три года я сменил несколько пастбищ. Нынешним летом двенадцать оленей пропало без вести (...)» [Вэлла 2000: 81]; «Опустевшее гнездо как брошенное чумовище – в нём не ночует даже студёный ветер» [Вэлла 2000: 124]; «Добрый олень с выпадением первого снега возвращается туда, где он родился» [Вэлла 2000: 93]; «Сегодняшние сородичи наши перестали посещать Святые места. Изредка приходят сюда глубокие старики, забывающие слова молитв, да набредают случайные люди, раздевающие богов на сувениры» [Вэлла 2000: 118] и т. д. Логика эпитафий в книге соответствует логике глав, их внутренней и внешней организации. В первой они утверждают живую жизнь в её пространственно-временной беспредельности и гармоничности, значимости всего в ней происходящего. Во второй главе в эпитафиях преобладают пугающие реалии «чужого» мира, констатируется утрата аборигенами жизненной устойчивости и радости бытия и, как следствие этого – появление новых ощущений: страха, одиночества, безысходности, обречённости. Первый эпитафия в третьей главе – о посягательстве на то, без чего жизнь невозможна, – на Веру: «свои» забывают о ней, «чужие» кощунствуют. Второй эпитафия об опустевшем гнезде, где не живёт даже ветер, два других об особом переживании автором страха и одиноче-

ства и воспоминание о Медвежьем игрище казымских ханты. Эпиграфы, как и произведения, отражают картину мира, где есть и Космос, и Хаос, причём констатируется активизация процесса перехода из одного пространства в другое. Там, где «наш мир», – там гармония, за его пределами – «чужое» и беспорядочное. Космос – это «обитаемая территория», «освящённая, сотворённая богом» [Элиаде 1994: 27].

Показательно у Вэллы стихотворение «У телевизора», к которому в качестве эпиграфа используется ненецкая поговорка «Радость и беда живут рядом» [Вэлла 2000: 103]. Эта поговорка в структуре текста многофункциональна. Во-первых, она демонстрирует опору лирического героя на народную мудрость как норму жизнеповедения. Во-вторых, сюжетная схема подтверждает справедливость и «прозорливость» поговорки. В-третьих, современные формы радостей и бед ненецкого народа, изображённые в стихе, явно диссонируют с эпическим спокойствием смысла поговорки. В-четвёртых, лирический сюжет выстраивается автором так, что очевидно разрушение уравновешенности радостей и бед в жизни народа, ясно, что кажущаяся «радость» может обернуться безысходной бедой, тем самым уничтожив поговорку как символ народной мудрости, а значит, и сам народ в его основе и неповторимости. Поэт не случайно вводит выражение «мой дядя в чуме телевизор поселил» [Вэлла 2000: 103]. Телевизор действительно становится живым существом, своеобразным членом семьи, которому рады все. Описание всеобщности этой радости (дети, тётка, дядя, бабушка, соседи) занимает две трети объёма стиха. «Поселение» телевизора в чуме утверждает как свободный выбор, сделанный семьёй. Однако поэт троекратно перебивает семейное веселье описанием загадочного поведения деда, сидящего за спинами в тени, нахмурившего брови и теребящего подбородок. Молчание, отчуждённость от веселья и многократность упоминания об этом создают эффект накопления тревоги, опасности, ожидания важности

разъяснения, которое и происходит в финале стиха: «(...)вчера // У дороги на буровую // Дед откопал // Две туши обезглавленных оленей, // Полмесяца назад пропавших // В соседнем стойбище» [Вэлла 2000: 104]. Здесь очевидно, что смерть, разрушение увязываются с «дорогой на буровую» (приходом техники «большого мира»). Телевизор – это продолжение наступления техники «большого мира» на «малый мир» жизни в чуме, это завоевание жилища, это всепроникающее, тотальное воздействие на ум и сердце новых поколений ненцев. Уходя от открытого комментария, от «лирических формул», создавая глубину текста за счёт имитации «объективности взгляда» и ассоциативного сцепления сюжетных звеньев, Ю. К. Вэлла добивается особой пронзительности стиха.

Эпиграфы и их источники в третьей главе утверждают ценности непреходящие. Ключевая категория в первом и последнем эпиграфах – Слово, обращённое к Богу и к живущим на земле. Одно устремлено вверх, другое живёт в среднем мире. И то и другое, приходя из глубины веков, произносится только при определённых обстоятельствах. Слово оказывается тем «ядром», вокруг которого и благодаря которому формируется определённая система координат. Первый и последний эпиграфы главы «О вечном» – это Слово не рассудка, а души, демонстрирующее открытость человека. Как известно, религиозный человек живёт в «открытом» Космосе и «сам открыт в Мир (...) он сообщается с богами» и «участвует в святости Мира», он «может жить только в «открытом» Мире» [Элиаде 1994: 108]. В книге «Белые крики» не только эпиграфы, но и включённые в каждую главу циклы можно рассматривать в качестве Слова: в первой – о Небе, во второй – о Болях, в третьей – о Вечном.

Заглавие всего цикла третьей главы «Из “Медвежьего игрища”», вошедших в него произведений, а также эпиграф уведомляют, что автор лишь частично представит читателю картину праздника, на котором он сам присутствовал.

Ю. К. Вэлла пишет: «Присутствовал на Медвежьем игрище казымских ханты. Казымский диалект далёк от сургутского, который я знаю. Но прислушиваюсь, встречаю знакомые фразы, записываю. Иногда отдельное слово, произношение, поза или жест исполнителя наводят меня на самостоятельные мысли. Поэтому я не уверен, что всё записано чисто по-казымски. Наверняка есть среди записей Медвежьих игрищ, в которых я когда-то участвовал. Но основные ценности здесь народные, а я им сделал только почти дословный перевод» [Вэлла 2000: 151]. Автор подчёркивает, что речь пойдёт о «народных ценностях», в вечность (название книги, главы, стихотворения) которых он верит. Цикл «Из “Медвежьего игрища”» представляет записи одной «беседы двух соседей» и восьми песен, текст их приводится не полностью, а отрывком, потому в названия внесены уточнения: «из песни», «из беседы». В цикл включены песни хозяев земли (казымского жителя и аганского жителя), духов-охранителей отдельных родов, рек, озёр, лесов (Хозяйки Казыма и Хозяйки Агана), представителей живой природы (Красной Белки, налима, ворона), песня путника. Медвежий праздник – важнейшая составная часть культа медведя, среди многих смыслов его – примирение медведя с добывшим зверя охотником, что связано с представлением о нём как о предке [Молданов 1999: 9], а также развлечение большого зверя и увеселение охотников и их друзей [Карьялайнен 1996: 153, 154]. В большинстве медвежьих песен обычно говорится о его жизни на земле, о наказании медведя или человека за нарушение обычаев. Начинает цикл «Из “Медвежьего игрища”» обращение к «Медведю»: «Через ствол ружья // На тебя нацеленного // Из тайги на нашу жизнь внимательно оглянись. // Может, увидишь нас улучшенными?...» [Вэлла 1991: 151]. Границы, разделяющие мифологическое и историческое время, размываются, не случайно медведь должен посмотреть «через ствол ружья». Затем в песнях возникнет другой предмет, из-под которого Хозяйка Агана на

людей оглянется, в мир внимательно взглянется, – это лук со стрелами. Ружьё и лук – предметы, по которым ворожей предсказывал будущее, будущее становится когда-то сегодняшним днём. В песни цикла включена небезоценочная информация о том, что изменилось с новыми временами на Тропе, «выверенной жизнью»: «всюду иссохшие души», «всюду жадные лица», «всюду просящие позы» [Вэлла 2000: 153]; у истока реки Аган – «мутители Воды» [Вэлла 2000: 155]; на Вершине Реки можно встретить людей, живущих в «иных» домах, «возможно, каменных», пасущих «иных» лошадей, коров, оленей» [Вэлла 2000: 158]; у Устья Вершины Ватъёгана звери «разогнаны», рыба в реке «выведена» [Вэлла 2000: 161]; трава под деревьями «примята»; земля «потоптана-испорчена» [Вэлла 2000: 163]. В двух песнях задаётся вопрос, который не раз звучал в главе «Белые крики»: «Если ж со всех сторон // На тебя валятся деревья, // Куда же тебе деваться?» [Вэлла 2000: 160]; «Если ж и под седьмым деревом // Трава примята // И земля потоптана-испорчена, // Куда ж мне тогда деваться?» [Вэлла 2000: 162]. Первый вопрос – «Из песни Путника», второй – «Из песни Ворона». Ворон, по представлениям ханты, – вестник Жизни. Медвежий праздник в сознании ханты ассоциируется с домом земным («танцевальный дом», «медвежий дом») и с небесным («богов [духов] танцы») [Молданов 1999: 9]. Потому вопросы в песнях свидетельствуют: на Земле и Небе нет места не просто путнику и птице, но и самой жизни. В данный цикл Ю. К. Вэллой включены не все традиционно исполняющиеся во время Медвежьих игр песни. Вообще жанровая классификация песен Медвежьего праздника может быть представлена следующим образом. Н. В. Лукина выделяет 'песню', 'звериную песню', 'медвежью песню' [Лукина 1990: 31–35]. Т. А. Молданов, не оспаривая наблюдения Н. В. Лукиной, говорит о 'песне (духов) миш', 'песне (духов) менк', 'великих песнях', 'молитвах-песнях'. Исследователь отмечает: «Наличие специальных «медвежьих песен», излагающих в том числе

и мифы, является отличительной особенностью культа медведя обских угров» [Молданов 1999: 10, 11]. С. К. Патканов пишет о том, что часто на Медвежьем празднике исполнялись гимны [Патканов 1999: 164]. Праздник обычно начинается с «Песни о спуске (Медведя) с неба», в основу которой положен миф о небесном происхождении зверя. Третья часть Медвежьих игрищ обычно насыщена песнями «смешными», «шутливыми», «(песнями) приходящих (на игрища)», в них высмеиваются пороки людей, включаются сценки эротического характера. В четвёртой части праздника исполняются «песни менков» (неперсонифицированные лесные божества), содержащие наставления человеку по поводу его поведения на земле, воде и т. д. Не включены в цикл «песни-молитвы», «Великие песни» и т. д. [Молданов 1999: 31, 32, 131]. С одной стороны, Ю. К. Вэлла не ставит целью подробное изложение всех песен всех частей праздника (их семь). С другой – включённые в главу песни отражают сложившуюся в народном сознании картину мира, где особую цену имеют Тропа (дорога), Дом, Род, Ребёнок (дети), Вода, Небо, Земля, где Вселенная делится на пространства вертикальное и горизонтальное, внутри которых есть свой верх, середина и низ.

Песня, как известно, занимает важное место в духовной жизни и угров, и самодийцев, поётся она обычно от первого лица, автором чаще выступает один конкретный человек, реже – коллектив. В книге «Белые крики» (помимо песен Медвежьего праздника) есть ещё четыре песни, включённые в главу «Врастание»: «Песня ненецкого мальчика», «Песня бабушки Ненги», «Песня оленевода» и «Песня старого оленевода Аули». В названиях обозначена возрастная иерархия исполнителей, вынесение в заглавие имени касается только стариков, что свидетельствует об особом отношении к ним. Каждое из названных произведений представляет определённый этап процесса «врастания» человека в жизнь: детство, зрелость, старость. Песня ребёнка беззаботна, легка, весела,

маленький мальчик поёт о маленьком оленёнке, отсюда и особенность морфологических средств: «пушистый колобок», «белая рыбка», «мордочка», «ветерок», «коротенький пушок» [Вэлла 2000: 19]. «Песня оленевода» – признание любящего мужчины, жаждущего превратиться хоть в дождинку, хоть в снежинку, лишь бы прикоснуться к любимой. Песня бабушки полна заботы и любви к внуку, в правильную жизнь которого она верит («пойдёт за зверем», «будет (...) пасти оленей», «добудет нельму» – [Вэлла 2000: 16]), принимается даже возможность его ухода к геологам. Как и в «Песне оленевода», здесь есть рефрен, состоящий из одного слова, экспрессивность которого подчёркивается восклицательным знаком. В песне влюблённого это слово «Нгадьей!», после первых двух и трёх строк оно повторяется дважды, а после последующих трёх – трижды. Расположение слова в структуре стиха, его повторы создают особый ритм, обуславливают движение интонации. В слове важны звуковая его организация, наличие двух слогов, эмоциональная насыщенность. В совокупности всё это передаёт динамику чувств героя. В «Песне бабушки Ненги» слово-рефрен «Нгадьей-нго!» ни разу не удваивается, не утраивается, что подчёркивает стабильность и умеренную экспрессивность переживаемой героиней эмоции. «Песня старого оленевода Аули» – размышление многоопытного человека о жизни, здесь эмоция героя вместо восклицательной, насыщенной радостью, облекается в форму вопросительную, передающую стремление героя увериться в правоте своих жизненных установок и одновременно приглашающую читателя к соразмышлению. На вопрос «что такое Любовь?» он отвечает вопросами же. Начинается ответ допускающей многообразие ответов формулой «может быть»: может быть, это «след твоей оленьей упряжки» или «новый чум», поставленный для новой жизни; может быть, это «новый голос» новорождённого или дорога, накатанная сыном; может быть, это «первая нарта», построенная внуком или «первый тянтку»,

сшитый внучкой [Вэлла 2000: 34, 35]. Сами ответы так или иначе снимают сомнения («может быть») лирического героя, понимающего и вечность вопроса, и неисчерпаемость вариантов ответа на него. И в то же время он надеется на то, что для тех, кто жил до него, живёт рядом с ним, будет жить после него Любовь – это любимый человек рядом, дом, семья, дети, внуки, тот образ жизни, которому отдавали предпочтительные предки.

Далёкое в картине мира Ю. К. Вэллы иногда максимально приближено, а близкое может быть совершенно недостижимым. Стихи и проза поэта напоминают об иллюзорности представления, что жизнь – это дорога долгая, дорога вечная: ребёнок очень скоро становится взрослым, неожиданно всегда подступает старость, прожитая жизнь кажется мигмом. Размышляя о всех этапах человеческого бытия, особый акцент Ю. К. Вэлла делает на двух – первом (ребёнок) и последнем (старик). Далёкое пространство Неба, которое воспринималось ненцами как «стержень мироздания», символ вселенной, «божества и святости», могло быть не таким далёким и огромным, а легко уместиться в чуме или «втекать» в человека («Весенний триптих», «Возвращение»), вторить его голосу («Говорю тебе: “Здравствуй!...”»). Горячее недосыгаемое Солнце, также соотносимое народным сознанием с божественным, могло проснуться на человеческой ладони («Утро»). «Огромный клубящийся шар реки» может, «как в соломинку хрупкую», пытаться войти в человека. «Ствол одинокого облака» может «долбить» по голове («Одиночество»). Печка в чуме может «грозить теплотой» высокому Небу («Возвращение»). Это же высокое Небо фонтан нефти не просто достаёт, а успевает вымазать в чёрный цвет («Облако в нефти»). В тексте «Облака на небе высоко?» (глава «О вечном») на все вопросы, касающиеся высоты-далёкости неба, леса, солнца, облаков, звучит один ответ: «Нет»; всё оказывается достаточно близко. Финал стихотворения убеждает в том, что

близость своего, родного может быть мнимой, что быть рядом – не значит близко: «А близкий друг – // Далёк. // Хоть рука друга вот она, // Рядом, // Хоть сидим мы в одной лодке, // Но отделяет нас // Неосторожно сказанное слово» [Вэлла 2000: 121]. В «Купании на рассвете» (глава «Врастание») герой находится рядом с купающейся возлюбленной, но не он «робко» касается «пальцами ямочки» на её животе, не он осторожно прикрывает ладонью «нахально торчащие острые бугорки на груди», не он припадает «пересохшими губами к впадине между её ключицами», не он «вбирает» её «в свои объятия» [Вэлла 2000: 37]. Трепет и поклонение сделали расстояние между ним и ею непреодолимым. Он может, причём быстро и легко, сократить дистанцию, и близкое станет ещё ближе, но божественное чувство удерживает его. В стихотворении «Я назвал бы тебя солнцем...» (глава «О вечном») не воображаемые, а реальные прикосновения к любимой не создают ощущения близости, скорее, наоборот: кончики пальцев «холодеют от страха», «поцелуй не утоляет жажды», думу о ней перебивают «другие думы» [Вэлла 2000: 139]. В стихотворении «Дом» (глава «Врастание»), стоя рядом с когда-то близким домом, герой ощущает отдалённость-отстранённость от него: «за окном чужие занавески», сшитые, выглаженные, повешенные чужими людьми. Теперь это «холодный», «слепой» и «скупой» дом, а прежде, когда в доме была Она, расстояние в улицу не мешало герою ощущать тепло дома и видеть его улыбку. Физическая и духовная дистанции в системе отношений субъект-субъект проецируются на систему отношений субъект-объект. В главе «О вечном» появится уже город: «немой», «каменный», «скупой», в котором «не с кем поговорить», «некого любить», «некому сказать слово», «не с кем поссориться», город стал чужим и далёким в одночасье: её самолёт улетел («Твой самолёт улетел...») – [Вэлла 2000: 128]. В стихотворении «Письмо» (глава «Врастание») уже в эпиграфе констатируется потеря героем пространственной ориентации, ему кажется, что он в её селе,

а вторая строка стихотворения фиксирует: «ты уже живёшь в селе моём белом» [Вэлла 2000: 32]. Село одновременно «твоё» и «моё», притом что герои друг от друга далеко. Мерой расстояния между ним и ею становятся одновременно и улица села, и вся страна, и память.

В произведениях и Е. Д. Айпина, и А. П. Неркаги, и Ю. К. Вэллы герои, живя проблемами настоящего, склонны к путешествиям во времени. Они прогнозируют будущее, и этот прогноз пугает. Они погружаются в прошлое, и это погружение, с одной стороны, ещё более усугубляет представление о надвигающейся катастрофе, а с другой – даёт силы жить и противостоять движению к Хаосу. Далёкое не всегда осознаётся лирическим героем Ю. К. Вэллы, что отмечалось выше, как далёкое. Пережитое не просто накапливается, наслаиваясь, перекрывая друг друга. Всё из прошлой жизни одинаково значимо, потому не выстроено по иерархическому принципу: важнее или старее. Воспоминание даёт возможность снова и с той же силой чувств и остротой ощущений прожить уже прожитое. В стихотворении «Перед охотой» герой вспоминает далёкую охоту, но сегодня (во время воспоминаний) он видит, слышит, чувствует то же и так же, как тогда: «Сердце моё громко стучит – // Как бы зверь не услышал? // Снег под лыжами шуршит – // Как бы он меня не выдал? (...) // Выстрел короток. // Эхо долгое. // День удивлённо ахает...» [Вэлла 2000: 79]. В прозаическом «Осеннем триптихе» в части «Снегопад в Ленинграде» воспоминания, вторгаясь в сегодняшнюю повседневность, оживляют героя, возвращая, казалось бы, ставшие уже далёкими ощущения: «Я в скрипучий утренний троллейбус хмурый с недосыпу влезаю. И вдруг мои губы захотели улыбаться. Отчего? Вроде нет ничего необычного (...) И вдруг я понимаю – это же во мне вновь проснулось охотничье настроение моего деда, как и я, целое лето ожидающего первоснежья. Повеселевший, выпрыгиваю на остановке» [Вэлла 2000: 114]. Прошное, приходящее к герою Ю. К. Вэллы, очень

разное: манящее и отталкивающее, счастливое и трагическое. Он невольно может одёрнуть себя – «И чего я сегодня вспоминаю о прошлом?...» [Вэлла 2000: 70], – а оно вновь властно поведёт его по своим дорогам. Значимое место занимают воспоминания в текстах с любовной тематикой, большая часть которых вошла в состав главы «О вечном». Интересно, что ни одно произведение Ю. К. Вэллы не названо «Воспоминание», нигде не обозначено имя, даже инициалами, той, которая заставила быстрее биться сердце. Он и Она не воспринимаются читателем как бывшие возлюбленные. Любовь в мире Вэллы не просто оставляет след, она чаще всего просто жива, мерой расстояния между ним и ею становится эхо. Любовь, как голос громко говорящего или кричащего человека, сначала как бы устремляется куда-то далеко, от него, но тут же возвращается из этого далека, оказываясь совсем близко: «Эхо таится во мне – // Эхо твоих слов, // Эхо твоих глаз, // Эхо давней моей любви» («Эхо» – [Вэлла 2000: 126]). Вообще Любовь осмысливается язычниками как космогоническое начало, как сущность, вносящая гармонию в нарождающуюся Вселенную, как нечто упорядочивающее. В то же время Любовь может ассоциироваться с «пустотой», «бездной». Нередко слово со значением «любовь» отождествляется со значением «слово», «луна», «небо», с животными-небожителями, с понятием «краска», имеющим мистическую символику [Маковский 1996: 229]. В произведениях Ю. К. Вэллы Любовь – это одновременно гармония и пустота, слово и молчание, радость жизни и её бессмысленность, близость и недостижимость.

Типичными любовными ситуациями в книге «Белые крики» являются следующие: а) она близко, но недостижима; б) она далеко, но её присутствие физически ощутимо; в) они расстаются – кто-то улетает, уезжает, обрекая другого (как правило, его) на одиночество и страдания: «Ещё шаг, // И крылья твои // Коснутся моих усталых плеч. // Как долго я ждал этого прикосновения!.. // Но ты пролетаешь мимо. // И только концы

твоих крыльев // Больно задевают мои глаза...» («Холодный бульвар» – [Вэлла 2000: 127]); «Твой самолёт улетел. // Я остался один // В незнакомом мне городе (...) // Я остался один // В незнакомом мне мире (...) // Каменный город, // В котором некого любить; // Скупой город, // Где я никому не нужен, // Где никто не нуждается во мне...» («Твой самолёт улетел...» – [Вэлла 2000: 128]); «По ту сторону моего стола, // Где сидела ты прошлым вечером, // Остались только твои большие глаза. // Они и сейчас на меня глядят» («Опустел...» – [Вэлла 2000: 142]). Одно из стихотворений этого тематического ряда называется «Только в сердце песня». Заголовок уже фиксирует, что она не рядом, но одновременно очень близко, «в сердце»: «Вот и всё! // Ты уехала (...) // Только след. // Только шёпот. // Только вкус твоих губ. // Надо плечи руками скорей обхватить, // А иначе не выдержит грудь // Сердцебиения (...) // Только сердца стук. // Только в сердце песню слышу. // Вот и всё, // Что осталось // От тебя...» [Вэлла 2000: 132]. Первое «вот и всё» полно отчаяния, оно подводит черту тому, что было, и не обещает ничего в будущем, второе «вот и всё» смягчает эту безысходность: осталась память (сердце не даёт забыть о ней), осталась надежда возвращения друг к другу: «У меня есть ещё ожиданье дороги // К тебе» [Вэлла 2000: 132]. Здесь будущее – не столько катастрофа, сколько надежда на возвращение прежнего, «только», с одной стороны, ограничивает, с другой – за счёт многократного повторения расширяет спектр оставляемого ею: это и след, и шёпот, и поцелуй, и песня. Дорога, которая увела её, поначалу воспринимается героем как бездна, которую не преодолеть: «И оленья упряжка твоя // Не маячит уже вдаль (...) // А позёмка // Уже замечает следы твоей нарты. // И застывшими льдинками белого пара // Ветер в тундру твой голос уносит» [Вэлла 2000: 132], но след, оставленный в сердце, неподвластный никаким капризам погоды, сулит дорогу вполне преодолимую, дорогу возвращения. Любовь в жизни лирического героя Ю. К. Вэллы – это

что-то вполне понятное, реально переживаемое и одновременно нечто необъяснимое, эфемерное, постоянно ускользающее, потому так актуален в его произведениях мотив ухода. С одной стороны, очевидны сила чувств и темперамент героя, с другой – обстоятельства всегда складываются так, что он непосредственно реализовать их не может. Возникает образ счастья-призрака, удел лирического субъекта – провожать, ждать, вспоминать, заставляя себя думать о ней. В какой-то момент он уже не может крикнуть: «Люблю!»: «Может, язык мой отвык от слова такого? // Может, с годами я смелость утратил // И стал осторожным чрезмерно? // Может, боюсь показаться кому-то смешным // В этот яркий осенний день? // Зубы стиснув, // Заставляю себя о работе думать... // И пока // Получается» («Говорю тебе: «Здравствуй!» – [Вэлл 2000: 141]); «Быть может, // На запорошенном крыльце по-прежнему стоишь, // Из-под ладони глядя мне вослед. // Но только почему-то // Теперь я взгляда твоего не чувствую, // Как прежде» («Невезенье» – [Вэлл 2000: 145]). Но подобное состояние героя – состояние мига, который поглощается вечностью. Не случайно вопрос «что такое Любовь?» причисляется к «вечным вопросам». Смысл слова «Любовь» не исчерпывается в произведениях Ю. К. Вэллы отношениями мужчины и женщины. Любовь для поэта – это дом, дорога, старики, дети, внуки, родина, одним словом, это жизнь в её непрерывной череде перевоплощений, в её бесконечном круговороте. В данной логике значим образ «люльки-колыбели», дважды за земную жизнь испытывает в ней нужду человек: когда приходит и когда уходит. Есть ненецкая поговорка: «человеку в жизни два раза мастерят люльку-колыбель. Первый раз во время рождения, второй – к смерти» [Вэлл 2000: 138]. Здесь важна формула «к смерти», она демонстрирует понимание неизбежности ухода и необходимости приготовления к нему. Любому должно быть не безразлично, чьи руки сотворят ему вторую люльку, это должен быть близкий человек, тот, кто моложе –

такова одна из вечных истин: «дед говорил, что человек ближе к смерти чувствует того, кто будет мастерить его последнюю люльку-колыбель. Дед уверял, что для него сколочу я. Так оно и было...» [Вэлла 2000: 138]. Расстояние от одной люльки до другой вбирает в себя и миг, и вечность.

Книгу «Белые крики» открывает стихотворение о приходе в мир. В последней главе есть произведение, в котором обозначены события в жизни каждого, закреплённые за определённым возрастом:

Достичь возраста Первого шага...

Достичь возраста Метания тынзяна по носам нарт...

Достичь возраста Самостоятельной езды

на оленьей упряжке...

Достичь возраста Самостоятельной охоты (рыбалки)...

Достичь возраста Первого Поцелуя...

Достичь возраста Полноценного Поцелуя...

Достичь возраста Вскармливания дитя...

Достичь возраста Белого Шва...

Достичь возраста Своей Походки (Своей Песни)...

Достичь возраста Нарождения внука...

Достичь возраста Мудрости иносказаний...

Достичь возраста, когда главой семьи становится твой сын...

Достичь возраста Возвращения в детство...

Ступить на Тропу, проложенную Стомедвежьим Отцом, проложенную Стомедвежьей Матерью... [Вэлла 2000: 149].

Здесь сформулирована особая философия жизни: главное – не дотянуть до старости, а приближаться к ней, естественно переходя от одного «знака» смысла земного бытия к другому, не нарушая их логику. Потому становится значимой формула, с которой начинается каждая новая строка произведения и новый этап Пути: «достичь возраста». Ценно не то, что ты смог что-то сделать, а ценностна степень осознания необходимости того, что ты делаешь, тогда и цена твоей жизни иная. Книгу Ю. К. Вэллы завершает эпилог, почти в половине

строк которого (всего их тридцать четыре) автор, как шаман, наговаривает слова «жизнь», «жить», «живёт». Герой не просто хочет жить: «Разве я не хочу жить?.. // Хочу! // Ещё как хочу!» [Вэлл 2000: 163]. Жизнь не будет полна, если радоваться, любить, мечтать, страдать в одиночку. Хочется, чтобы малая жизнь одного вбирала в себя вечную Жизнь всего: снега, леса, тундры, солнца, неба, тогда приход каждого на Землю будет оправдан: «Пусть живёт во мне вечная жизнь» [Вэлл 2000: 164].

Структура книги «Белые крики» сложна. Помимо эпиграфа и посвящения читателю в ней три главы, в каждую включены циклы, названия которых в отдельных случаях фиксируют их жанровую специфику – «Весенний триптих», «Осенний триптих». «Бисчетка – шаманишка и другие» и «Венгерская сюита» и также могут рассматриваться как триптихи, но уже прозаические. Два цикла «Лесные Боли» и «Из «Медвежьего игрища» состоят из семи и девяти произведений. Содержательна у Вэллы символика чисел, обозначающих количество произведений, входящих в циклы: 3 (первая глава), 3 и 7 (вторая глава), 9 (третья глава). Вспомним: «три» обозначает мироустойчивость и завершённость, это число постоянно встречается в мифах и фольклоре ненцев (три чума, три стойбища, три ручья, трёхкрылый ястреб, три испытания и т. д.). Наряду с семёркой оно сопровождает многие ритуальные действия, особенно связанные с жертвоприношениями: тройной круг вокруг святилища, тройная петля вокруг шеи одного оленя, семь жертвенных оленей и т. д. «Семь» – это то число, через которое открывается всё, ненецкий пантеон «счисляется семёрками»: жертвенники, чумы, нарты, дети богов, костры, количество слоёв неба, число остановок в пути, кратность жизни и смерти [Головнёв 1995: 493]. Понятие «ю'» («девять»), вероятно, образовано от слова «узел» («ю»). «Узлом» выглядит девятка как связанная из трёх триад (3 x 3), «узел» используется для описания множества, в ненецких эпических песнях девятка-узел очерчивает круг родства или в виде «узла – узлов» («девять по девяти») – всё пространство обжитой земли [Головнёв 1995: 201].

Последним дан в книге цикл о Небе, дарующем и утверждающем жизнь. О приходе в мир, как отмечалось выше, – первое стихотворение «Белых криков». Таким образом, в самой структуре книги закреплена мысль о вечном круговороте жизни. В этом плане особо важны два триптиха в первой и второй главах: «Весенний триптих» и «Осенний триптих». Весна и Осень – это время «зачатия-рождения» оленей, «прилёта-отлёта» птиц, ритуального прихода-ухода человеческой души [Головнёв 1995: 329]. Весной человека хоронят, а осенью совершают обряд поминовения, то есть «окончательного» захоронения. Существующее в легендах ненцев понятие «круглый год» обозначается нередко как «прилёт-отлёт» птиц [Куприянова 1965]. По представлениям ненцев, жизнь конкретного человека, зверя, птицы и т. д. имеет своё начало, но у неё нет конца. Есть переход из одного состояния в другое, основанный во многом на уходе-возвращении. Ю. К. Вэлла в книге с подзаголовком «Книга о Вечном» вынужден констатировать, что законы вечного круговорота жизни не предусматривают максимального сохранения её сути на каждом новом витке. Утверждая незыблемость каких-либо истин, автор в то же время обнаруживает предел этой вечности: какие-то истины утрачиваются совсем, с другими происходят существенные метаморфозы. Дважды в книге автор обращается к Медвежьим игрищам. В одном случае («Венгерская сюита») он сетует на сородичей, утративших не только знание, но и уважение к празднику, что, естественно, ускоряет процесс превращения его во «вчерашний день». В то же время, как бы борясь с этой всеобщей «слепотой», Ю. К. Вэлла завершает книгу записями песен из Медвежьих игрищ, пытаясь удержать тем самым в этой жизни то, без чего она во многом теряет смысл. Поэтому в эпилоге, говоря о «вечной жизни», он акцентирует её духовно-фольклорную составляющую: «Пусть живёт во мне вечная жизнь – // Жизнь как хорошая песня, // Как чудесная сказка...» [Вэлла 2000: 164].

Число и вечность:

книга «Триптихи (Три по семь)» Ю. Вэллы

Говоря о семантике чисел и типе культуры, Ю. М. Лотман выделяет два типа внутренней организации культуры: парадигматический и синтагматический. Творчество Ю. К. Вэллы, как и творчество Е. Д. Айпина и А. П. Неркаги, выражает особенности первого типа. В этой культуре вся картина мира представляется как «некоторая внутренняя парадигма, элементы которой располагаются на разных уровнях, представляя собой различные варианты некоторого единого инвариантного значения» [Лотман 2000: 431]. И всё обретает статус «текста»: «неодушевлённая природа», «творение рук человеческих», «пришедшая из глубины веков легенда». «Именно парадигматическая структура культуры, – отмечает Ю. М. Лотман, – благоприятствует превращению числа из элемента культуры в её универсальный символ», а «все нравственные уровни» могут быть «обозначены числом (...)» А поскольку этот принцип универсален, отношения числа становятся наиболее удобной формой выражения конструкции мира» [Лотман 2000: 432, 433]. Благодаря символическому значению чисел, модель мира получает преимущественно пространственное значение, в чём и убеждают все книги Ю. К. Вэллы. И всё же книга «Триптихи» [Вэлла 2001] структурирована иначе, чем предыдущие книги Ю. К. Вэллы. В ней три части (обозначение «части» – не авторское), они пронумерованы и озаглавлены: I «Светлые триптихи»; II «Необыкновенные триптихи»; III «Вечерние триптихи». В каждую часть входит семь триптихов (есть один «диптих» и один «нетриптих» – в терминологии самого поэта). Большинство произведений первой и второй частей составляют те, где речь идёт о «своём», а третьей части – о «чужом»: I «своё»; II «своё»; III «чужое». Так «своё», находясь в центре, окружено и «своим», и «чужим». Это отражает необречённость судьбы того,

что «внутри», а внутри – «тёплое стойбище моё». По количественному составу все книги Ю. К. Вэллы существенно различаются: «Вести из стойбища» – 44 произведения и эпилог; «Белые крики» – 95 и эпилог; «Триптихи» – по 19 в первой и третьей частях, 42 – во второй, а в целом – 80 произведений.

Максимально совпадает содержание двух последних книг, но есть и значимые отличия, касающиеся состава, структурирования произведений, графического их оформления и т. д. Во-первых, большая часть произведений, не имеющих названия в «Триптихах», имеют таковое в «Белых криках». В последней книге они, как правило, располагаются под цифрами 1, 2, 3. Во-вторых, в триптихе «Ысчетка–шаманишка и другие» в последней книге графически выделен эпилог, текст которого прежде входил в состав третьей части произведения. В-третьих, в «Триптихи» вошли новые произведения: «Лёгкое стихотворение», «Триптих об олене», «Временный город», «Вариант первый (1979)». В-четвёртых, изменён состав «нетриптиха» «Из “Медвежьего игрища”», в него не вошли произведения «Из песни казымского жителя», «Из песни Красной Белки», «Из песни путника». В-пятых, «Политический разговор» представлен двумя «вариантами» (1979 и 1989), объединёнными в «диптих». В-шестых, в состав книги вошли два триптиха без перевода на русский язык: по утверждению автора, делать перевод не следует, ибо тогда исказится замысел, нарушится графически-смысловая гармония книги. В-седьмых, в «Триптихах» нет эпилога как самостоятельного элемента структуры. В-восьмых, произведения «Вест с Ватьёганского стойбища» и «Причитания Старого Усти», представленные в «Белых криках» как два самостоятельных текста, в «Триптихах» объединены в один – «Причитания Старого Усти». В-девятых, появляются новые макроформы: «нетриптих», в состав которого входит семь произведений, «три триптиха», «диптих». В-десятых, вводится посвящение в текст «Облако в нефти». Причём, если учесть последовательность

и графическое оформление частей, то «Вести с Ватьёганского стойбища» могут быть восприняты в качестве эпиграфа. Особая роль в последней книге отводится числу, зафиксированному не только в количестве частей и входящих в них произведений, а и вынесенных в название книги («Три по семь») и отдельных её составляющих: «Нетриптих (1 x 7)»; «Определители возраста (2 x 7)»; «Лесные боли (1 x 7)»; «Из “Медвежьего игрища” (1 x 7)». Название чисел обозначает для язычников определённую ориентацию в пространстве, имеющую сакральную символику. Напомним, что первый десяток натуральных чисел соотносится с названиями священных животных: оленя, коровы и т. д. [Маковский 1996: 393]. Не случайно, видимо, там, где в произведениях Ю. К. Вэллы появляются числа, всегда есть «семь», это лишний раз подтверждает, что «всё» для ненцев исчисляется «семёркой», числом, дарующим жизнь. По-ненецки «семь» – си'ив. «В основе этого слова, – пишет А. В. Головнёв, – значеный не меньше, чем у самой семёрки. Си – священная сторона чума, верхнее дымовое окно, отверстие – вход – выход, целый ряд образов предков и обитателей потустороннего мира. Из обилия возможных толкований трудно выбрать нечто общеисходное для си'ив. Может быть, это то, через что открывается (связывается, достигается) всё» [Головнёв 1995: 493, 494].

Важным в свете сказанного представляются названия частей в книге «Триптихи»: «Светлые триптихи», «Необыкновенные триптихи», «Вечерние триптихи». Обратим внимание на названия первой и третьей частей, ключевыми в которых являются слова «светлые» и «вечерние». Свет ассоциируется, обычно, с началом дня, теплом, восходом солнца, пением птиц. В произведениях первых двух триптихов с символическими заглавиями («Утренний триптих» и «Ранний триптих») акцентируется именно это время суток, с характерными для него явлениями природной жизни и сопутствующими им эмоциями человека: «У меня на ладони просыпается солнце. // У меня на

ладони птицы песни поют. // У меня на ладони дождик плачет, смеётся» [Вэлла 2001: 11]; «Встанешь утром, откинешь с окна занавеску, выглянешь во двор, а там на скамейке сидит синица (...) Глядишь на неё, и лицо твоё разглаживается, хочется улыбаться, и ты улыбаешься» [Вэлла 2001: 11]; «Утром ранним, // Когда туман висел на прибрежных кустах тальника, // Я подсмотрел, // Как ты осторожно входила в студёную воду реки (...)» [Вэлла 2001: 12]; «Гляжу сквозь низкое оконце, // Как в поле стынет синева, // И на кустах искрят под солнцем // Серебряные кружева» [Вэлла 2001: 15]; «Сегодня утром дождь // Дорогу мне переступил. // Когда-то дед мой говорил, // Что дождь такой несёт удачу. // Я по селу иду, // Лицо своё не пряча» [Вэлла 2001: 15]. Начало дня – это снег «белый», дождь «чистый», облака-«пушинки», снежинки «лёгкие». Начало в границах сезонной жизни зафиксировано в названии «Весенний триптих», но речь идёт здесь не о весне, а о небе, так как без его покровительства невозможна земная жизнь. «Небесное» – значит «Божье», человеку на Небо попасть очень трудно, там место только бессмертным. По представлениям самодийских и угорских народов, Небо – сфера мироздания, не случайно одно из стихотворений триптиха называется «Вечное небо». Небо нужно всем, оно должно быть везде, если человек окружён небом (Небо «в лицо», «в затылок», «подпирающее» слева и справа, над головой и «перед глазами»), он не оступится, не упадёт. Небо не может быть «не небом», оно не может по-другому называться, каким бы «разным» оно ни было: «Но небо зовётся небом, // Потому что оно – Небо. // А человек зовётся человеком // Только тогда, когда он – Человек.» [Вэлла 2001: 21]. Система отношений Человек–Мир оказывается тождественной системе Человек–Небо. В ненецкой мифологии, отмечает А. В. Головнёв, «мир выглядит так, будто творение его ещё не завершено, вернее, он каждый раз пересотворяется заново. Ненецкие боги не знают покоя в своих внебытийных сферах (...) Ненецкие небеса грохочут боями,

чумы богов подвергаются бесконечным нашествиям людей, а чумы людей – пришествиям духов. Создаётся впечатление, что Небо не может и не должно успокоиться, как не может остановиться кочевой аргиш оленевода» [Головнёв 1995: 383, 384]. Небо – это пространство, жизнь которого проецируется на пространство Земли (возможна и обратная проекция). Не столько человек задаёт ритм происходящему, сколько он сам находит его в природе. Небо извещает живущих на земле о наступлении утра, дня, вечера, ночи, о приходе весны, зимы, осени, лета. Последняя часть книги, как отмечалось выше, озаглавлена «Вечерние триптихи». Вечер – это заход солнца, прохлада, приглушённый свет, отсутствие птичьих голосов, постепенное затухание, затихание всего, вечер – это умирание дня, рядом с успокоением легко уживается тревога. Последнее явно доминирует в третьей части книги, о чём свидетельствуют названия триптихов («Знойный триптих», «Замазученный триптих», «Крик») и отдельных произведений: «Пожароопасная ситуация», «Облако в нефти», «Мутация», «Временный город», «Белые крики», «Заброшенный лабаз», «У телевизора» и т. д.

В природной (сезонной) жизни весна ассоциируется с началом, обновлением, светом, теплом, рождением, а осень – с концом, прохладой, сумерками, умиранием. Весна и осень, Солнце и Луна – вехи круговорота жизни природы, жизни Земли и Неба, жизни человека. Значение годовых осей в мифологии ненцев имеют, по замечанию А. В. Головнёва, «двуликие темы: 'мороза-жары', 'снега-воды', 'темноты-света' (восхода), поворотов и 'дикого оленя'. К этому же разряду двуликих можно отнести и тему прилетающих-улетающих птиц. Её значение дополняется ритуальной символикой, связанной с окончательным захоронением и поминовением усопших (...) Понятие года перекликается со значением слов 'дверь', 'промежуток' ('по, по'). Таким образом, собственно 'год' ('по ') является не пространством времени «от весны до осени», или

«от осени до весны», а 'дверью' между летом и зимой» [Головнёв 1995: 327]. По представлениям ненцев, Солнце и Луна не существуют друг без друга, они «муж (Месяц – Иры) и жена (Хаэр)». Времяисчисление у самодийцев, как и у угров, солнечно-лунное, у ненцев существуют солнечные и лунные календари, соотносимые, обычно, с христианской и языческой религиозными традициями [Конаков 1990]. Основным элементом урало-алтайской мифоритуальной культуры является дерево с Солнцем и Луной, два светила в корне дерева отсылают к очень древнему мотиву в мифологии, «где связаны воедино представления о потомках и предках, корнях и звёздах, происхождении и исходе» [Сагалаев 1991: 114]. Солнце и Луна в корне дерева также восходят к представлениям о круговороте жизни. Светила и Священное дерево – «это устойчивое сочетание среди разнообразных рисунков на шаманских бубнах Западной Сибири и Алтая» [Сагалаев 1991: 114]. Солнце–Луна–Солнце... Весна–Лето–Осень–Зима–Весна... утро–вечер–утро... рождение–смерть–рождение и т. д. Бесконечный круговорот. «Ритм бытия, – пишет А. М. Сагалаев, – не может оборваться со смертью конкретного человека, и последний аккорд эхом отзовется в последующем рождении» [Сагалаев 1991: 139]. Жизнь для ненцев – процесс периодичный, в нём особое место отводится началу и концу, что отражают и структура, и содержание последней книги Ю. К. Вэллы. Предмет размышлений автора – система взаимоотношений: Мир (с его подвижными пространственно-временными границами)–Человек, Человек–Человек. Эти отношения могут меняться, могут быть обоюдно или односторонне дружественными и враждебными, гармоничными и дисгармоничными. Обратимся к началу произведений книги «Триптихи»: «Встанешь утром, откинешь с окна занавеску»; «У меня на ладони просыпается солнце»; «Гляжу сквозь низкое оконце»; «Включил приёмник»; «Когда твой отец»; «Твой самолёт улетел»; «Спешу в родимые края»; «Мой снегоход покрылся

снегом»; «Твой дед на лебедей охотился»; «Человек уверен, что он решает»; «Меж тобою и мной»; «Однажды // Дед меня спросил»; «Ты красивее берёзы»; «Вот сошью кисы я внуку»; «В нос // Целуют у нас детей»; «Давно твоё окно»; «Молись, // Быть может, слова твои будут услышаны»; «Выпал первый снег»; «Сегодня я строил гроб для одной женщины»; «Прибыл тогдашней зимой в наше селение уполномоченный из Сургута»; «Молодым певучим снегом покрылся город»; «Сегодня я был на камерном концерте»; «Сегодня утром дождь» и т. д. В строках, начинающих большинство произведений книги, фиксируются конкретные моменты, факты, обстоятельства, этапы жизни, с одной стороны, отдельного человека, с другой – жителей стойбища, селения, всего народа. Здесь представлена в чередовании сезонов жизнь природы (снег, первый снег, дождь, дождик, комары, «прощальная гусиная песня» и т. д.), в перечне предметов – образ жизни человека (обласок, дом, ружьё, кисы, приёмник, трактор, снегоход), в сменяющихся друг друга вопросах и восклицаниях – эмоции, настроение, душевное состояние современного ненца («Что такое любовь?»; «Что со мной происходит?»; «Где тропа, // По которой кочевал мой род?»; «Помнишь Авку – оленёнка-сироту?»; «О тайга! // Нет тайги...»); «На небе ни облачка!» и т. д.).

В последней книге Ю. К. Вэллы, как и в предыдущих, незначительное место занимает тема детства. Речь идёт о самосознании, самоощущениях, мировидении зрелого человека, любящего, страдающего, радующегося, сомневающегося, пытающегося понять не только то, что происходит с ним, но и то, что творится со всеми (всем), кто (что) рядом. Это человек, не потерявший себя в привычном времени-пространстве, а ставший вдруг иначе их воспринимать, увидевший в них новые смыслы. По представлениям традиционных народов, время – «это не только то, что идёт, сколько то, что происходит», это то, «что действительно, и то, что разумно. Оно объединяет в себе языки богов, людей, зверей, деревьев, оно

охватывает не только жизнь, но и смерть, не только Землю, но и Небо (как дневное, так и ночное) (...) ненцы не ведут счёт людским годам и не празднуют дни рождения (...) Нарочитая отстранённость от реального времени свойственна мифологии ненцев» [Головнёв 1995: 295, 297, 298]. Сама категория Времени так или иначе всегда соотносилась с живой жизнью: время прихода в мир человека, прилёта и отлёта птиц, время первого снега, первой воды, спелой ягоды и т. д. Есть время ухода, но смерть для ненцев – не исчезновение совсем, а переход в иное физическое состояние. И в этом смысле время, как и жизнь, бесконечно. Но время в произведениях Ю. К. Вэлла и в произведениях Е. Д. Айпина и А. П. Неркаги вдруг обрело другую функцию, определив предел, казалось, вечному круговороту. Показательным в этом плане представляются стихотворение «Временный город» и диптих «Политический разговор» (часть II – «Необыкновенные триптихи»). Вообще сознанию ненца категория «временный» чужда, так как за ней – ненадёжность, непрочность, предельность, нестабильность, «временно» – это то, что легко разрушить, что не имеет ни прошлого, ни будущего, у чего нет корней и нет перспективы, это своеобразное Ничто. Стихотворение «Временный город» предваряет текст, графическое оформление которого и смысл позволяют воспринимать его в качестве эпиграфа: «Когалым-Лор с хантыйского переводится «Озеро, Где Вымер Мужчина». Западносибирские нефтяники из «ЛУКОЙЛа» почему-то именно так назвали свою столицу» [Вэлла 2001: 136]. Город, создаваемый для жизни, становится местом, несущим смерть. В стихотворном тексте явно акцентируются два слова, воспринимаемые как синонимы – «временный» и «мёртвый»: «временные люди», «временный бар», «временное пиво», «временное столетие», «временные минуты», «мёртвое место», «мёртвый город», «мёртвое будущее». Меры времени – минуты, столетия, будущее – противостоят «тысячелетиям», категории более понятной и более характерной

для мировосприятия ненцев, потому именно «тысячелетия» вобрал в себя взгляд «маленького оленёнка»: «Прошлого – тысячелетия. // Будущего – тысячелетия» [Вэллы 2001: 136]. Спокойствие и непринуждённость малыша – «Небрежно пишет // На ржавеющий нефтепровод» [Вэллы 2001: 136] – вселяют уверенность, что «тысячелетия» спустя другой «маленький оленёнок» здесь, на этой же земле, будет щипать мох «под ногами матери» и беспечно почёсывать копытом рожки. Первые строки стихотворения – о «блеске нефтяных рублей», о «стиснутых чумах», об «ухмыляющемся» ненце и «оскалившемся» ханты. И всё это – на «мёртвом месте», в «мёртвом городе». Люди могут приспособливаться, смиряться, предавать, изменять (и эти, «свои», которые подстроились, и те, незваные, пришлые – «временные люди»), вне времени – «беспечный» маленький оленёнок, презревший «чужое», вторгшееся в его пространство.

Следует отметить и такую особенность книг Ю. К. Вэллы: вошедшие в них произведения не датируются. Может быть, это потому, что они не столько о текущем, сиюминутном, проходящем, сколько о вечном. Напомним, подзаголовки книги «Белые крики» – «Книга о вечном», третья глава в ней озаглавлена – «О Вечном», в главе есть произведение с тем же названием. В книге «Триптихи» в первую часть вошёл триптих «Вечная тема», а в состав второй части – «Триптих о вечности». Лишь в двух произведениях последней книги Ю. К. Вэллы использованы даты, это стихотворения, вошедшие в диптих «Политический разговор» – «Вариант первый (1979)» и «Вариант второй (1989)». В названиях повторяется слово «вариант» – слово «чужое», «жёсткое», казённое, продиктовано оно, вероятно, темой разговора – политика. Политика – та сфера жизни, которую ненцы начали познавать с уходом Белого Царя. Название диптиха предполагает диалог или полилог, текст построен в форме непрямого диалога. Включённая в заглавие лексема «вариант», нумерация «вариантов» (первый, второй)

обуславливают определённое повторение ситуации и содержания диалога. В обоих случаях беседуют дед и внук, повод к разговору близкий, поведение внука абсолютно совпадает, реакция деда на объяснение внука также одинакова: «А ночью // Он ворочался, вздыхая тяжело, // Ворчал на бабушку // И проклинал приёмник, // Который с ним беседует уж много лет. // Потом, // Я видел при лунном свете, // Он сел лицом к святой стене // И тихо говорил: // “Ты стал, наверное, стар, // Как я, // И ум Твой притупился? // Зачем Ты позволяешь жить среди людей // Нечеловекам? // Оказывается, // Они создают // Для наших и своих детей // Мир, // вывернутый // наизнанку”» [Вэлла 2001: 107–108; 108–109]. «Политический разговор» в «Белых криках» и «Вариант второй (1989)» в «Триптихах» – это не один и тот же текст. Во-первых, в «Варианте втором (1989)» опущена строка: «Его имя я знаю». Во-вторых, в перечне слов, которым старается внук подобрать адекватные понятия в «своём» языке, появился «чиновничий произвол». В-третьих, вместо «а» в начале одной из строк появился союз «и» – «И ум Твой притупился?». В-четвёртых, вместо строки «Для наших детей» появляется другая – «Для наших и своих детей». Несовпадение текстов «вариантов» внутри диптиха заключается в следующем. Во-первых, второму стихотворению предшествует эпиграф. Во-вторых, в первом пятая строка – «Это имя я знаю давно», во втором – «Его упоминают давно». В-третьих, разная социально-политическая терминология. В первом «варианте»: Ленин, Рейган, «Феодализм», «Капитализм», «Империализм», «Коммунизм», «Прогресс». Во втором: Партия, Партократия, «Инфляция», «Перестройка», «Демократизация», «Межнациональные отношения», «Чиновничий произвол». Меняется время, появляются новые слова, отражающие перемены в социально-политическом устройстве общества, в эти процессы вовлекаются все, «свои» и «чужие», по желанию и без него, понимающие их смысл и далёкие от этого понимания. Но, какими бы словами ни назывались эти

процессы, суть их оставалась для аборигенов всегда античеловечной, порождающей «нечеловеков», превращающей Космос в хаос, гармоничный Мир в «Мир, вывернутый наизнанку». Десять лет отделяет один разговор от другого, но ничего не изменилось к лучшему. И если бы в начале XXI века он вновь состоялся, дед снова вопрошал бы, зачем Он не вернёт Мир в состояние, когда правят не «временные люди», господствуют не «временные понятия», а Вечные Истины.

Размышляя о сегодняшнем, Ю. К. Вэлла устремляет своё слово к незыблемому. С одной стороны, его потрясает и тревожит энергия вторжения «чужого», с другой – он хочет избавиться от ощущения обречённости, тупика, от неверия, что нет обратной дороги к истокам, что не найдутся те, кто по ней пойдут. Один оленёнок мечется с матерью по тундре в поисках глотка чистой воды, а другой оленёнок спокойно «писает» на нефтепровод, причём «ржавеющий» (деталь, свидетельствующая о «временности» этого «монстра»). Вечное – это возвращение к истокам, не случайно прозаический текст «Сегодня я строил гроб (...)» (вошёл как самостоятельное произведение с названием «О вечном» в книгу «Белые крики» и в качестве третьей части «Вечной темы» в книгу «Триптихи») сразу адресует читателя к ненецкой поговорке: «Человеку в жизни два раза мастерят люльку-колыбель. Первый раз – во время рождения, второй – к смерти». В урало-алтайской мифологии достаточно распространена тема «смысловой близости первого пристанища человека и его последнего ”жилища”» [Сагалаев 1991: 91]. Каждому уходящему не может быть безразлично, кто остаётся, кто проводит его в «другую жизнь»; и это не формальный интерес: «мне, оказывается, совсем не безразлично, кто для меня будет строить мою последнюю колыбель. Перебирал в памяти всех односельчан и не мог себе представить никого. Может быть, того человека нет сейчас возле меня? Он не родился ещё? Или я умру на чужбине? А может, труп мой будет где-то истлевать непохо-

роненным?» [Вэлла 2001: 17]. Бытовое и бытийное оказались рядом в прозаическом триптихе «Вечная тема». С одной стороны, комары, олени, дымокур, приёмник, гроб, с другой – молодость и старость, приход и уход, жизнь и смерть, музыка. О соседстве «временного» и вечного в жизни ненцев исхода XX в. размышляет лирический герой и в «Триптихе о вечном» (часть II – «Необыкновенные триптихи»), который, по сравнению с предыдущим, представляет собой более сложную макроформу. Сюда вошли произведения: «Определители возраста (2 x 7)», «Лесные боли (1 x 7)», «Из “Медвежьего игрища” (1 x 7)». Первое в определённой степени продолжает «вечную тему» жизненного круговорота. Жизнь – не просто смена возрастов (детство, юность, молодость, зрелость, старость), это понимание себя, других, Мира. Возраст потому и не закреплён числом, он соотносится с определёнными действиями или переживаниями, происходящими впервые, совершаемыми осознанно и самостоятельно: «первый шаг», «самостоятельная охота», «Первый Поцелуй», «Своя песня», первый внук и т. д. И в этом перечне выделен возраст «возвращения в детство», возвращения к первой люльке-колыбельке. «Жизнь, – пишет А. М. Сагалаев, – осознаётся как последовательная смена человеком очевидного ряда социальных ролей: младенец, ребёнок, юноша, взрослый, старик. Первая и последняя позиции в мировоззрении сближаются как наиболее близкие ко “входу” и “выходу”. Действительно, если мировоззрение стремится “замкнуть” круг земного бытия, то ребёнок и старик оказываются пугающе близки: их разделяет только смерть» [Сагалаев 1991: 99]. Две следующие части «Триптиха о вечности» состоят из семи произведений, о чём свидетельствует уже вынесенное в заглавия «(1 x 7)». В книге «Вести из стойбища» цикл «Лесные боли» состоит из трёх произведений, в «Белых криках» и «Триптихах» – из семи, везде сохранён принцип названия текстов: слово «Боль» и последовательная нумерация (первая, вторая и т. д.). Нумерация «Болей»,

с одной стороны, выполняет функцию передачи нагнетания, усиления болевого эффекта от встречи двух цивилизаций (природной и техногенной), с другой – число «семь» констатирует, что «Боль» всюду, переживаема всеми. В «Боли седьмой» говорится о том, что жизнь – это не только «румяная морошка», «стебель травы-пырея», птенец трясогузки, «мирная тундра», «оленье стадо», высоко парящий орёл и т. д. Жизнь – это крик и слеза, чужбина и «чёрная дыра» в земле, в эту «яму-могилу» не раз за свою жизнь может попадать Человек, при этом «больно ударяясь головой об землю»: «Много в человеческой жизни встречается таких ям» [Вэлл 2001: 80]. Размышления о том, что боль передаётся по наследству, что она «живёт в человеке и после его смерти», что «наследственная боль – это и есть та нить, которая связывает человека с родиной» [Вэлл 2001: 80], возвращают к представлениям автора о взаимоотношениях начала и конца в жизненном круговороте, о вечных ценностях и истинах.

Цикл Ю. К. Вэллы назван «Лесные боли», глава в повести Е. Д. Айпина «Я слушаю Землю» озаглавлена «Боль Земли». Оба писателя (ненец и ханты) сразу подчёркивают, что речь пойдёт не о боли вообще, не о боли всякой, а лишь о той, которую переживает Родина, а Родина – это не только Земля, но и «ты», чья жизнь держится на её «корнях». Об этом стихотворение, вошедшее в главу «О вечном» (книга «Белые крики»): «Ты – родина твоя. // Ты родине своей глаза // И ум, // И совесть, // И сердце, // И нет тебе прощенья, // Если родина твоя // Твоим бездействием превращена // В разрушенные временем стоянки, // В холодные, // Сиротливо покинутые чумовища, // Где даже ветру не за что зацепиться // И негде ночевать. // Где одинокий хищник, // Голодный, // В поисках добычи иль падали // Случайно набредёт. // И лишь разбитая ветрами колыбель // Напомнит // О детском плаче, // О песне колыбельной седой и мудрой старухи, // О жизни непонятой ушедшего народа» [Вэлл 2000: 122]. Часто употребляя в произведениях «ты»,

Ю. К. Вэлла имеет в виду и всех, и каждого в отдельности, его «ты» не разъединяет, напротив, объединяет. Не случайно в обращении к читателю, открывающем книгу «Белые крики», в четырёх строчках из восьми – «ты», «тебе», не случайно в первом и последнем произведениях книги «Триптихи» читаем: «встанешь утром (...) выглянешь в окно (...) глядишь (...) лицо твоё разглаживается (...) ты улыбаешься (...) и от тревожного сна, который тебя поднял»; «И тогда уже всё равно, что с тобой, что впереди тебя» [Вэлла 2001: 11, 167]. Показательно, что «ты» достаточно часто встречается в «Белых криках» в главе «О Вечном», оно здесь вполне определённо и конкретизировано: «эхо твоих слов», «эхо твоих глаз», «меж тобою и мной», «крылья твои», «ты пролетаешь мимо», «твой самолёт улетел», «ты уехала», «упряжка твоя», «вкус твоих губ», «следы твоей нарты», «твой голос», «от тебя», «к тебе», «назвал бы тебя солнцем», «прикасаюсь к тебе», «назвал бы тебя рекой», «назвал бы тебя своими думами», «как бы ты хотела», «от тебя уезжать», «твой взгляд», «говорю тебе», «ты в ответ», «твой стакан», «где сидела ты», «твои большие глаза», «взгляда твоего не чувствую» и т. д. (подчёркнуто мною. – О. Л.) Даже вне контекста данные примеры убеждают, что здесь «ты» – это Она, возлюбленная. В произведениях, завершающих главу «О Вечном» («Определители возраста», эпилог), «ты» обретает иной смысл: это и «я» лирического героя, и Она, и любой другой. Произведения о вечности в книге «Триптихи» изобилуют, напротив, местоимениями «я», «мой»: «Сегодня я строил гроб (...) Одну свою люльку я уже пережил (...) мне (...) совсем не безразлично, кто для меня будет строить мою последнюю колыбель. Может быть, того человека нет сейчас возле меня (...) или я умру на чужбине? А может, труп мой (...) Как-то мне дед говорил (...) Дед уверял, что для него сколочу я»; «Ворвался трактор в мой урман»; «Дед мой // Сквозь сон стоял // И в чём-то долго меня корил»; «Скучно стало в моём лесу (...) И весной на моих озёрах (...) На моей земле»; «По которой

кочевал мой род?.. По которой мой дед (...) По которой отец мой (...) Живительный глоток внуку моему?..»; «К кому обратиться мне (...) Доберутся и до меня?.. Сегодня я еду к тебе в Заполярье (...) Дай мне в подарок (...) Дай мне хоть раз увидеть (...) И тундра встречает меня»; «Спой мне песню (...) Расскажу я другу (...) Всё, что наболело на душе моей (...)»; «Сегодня и Я, как тот оленёнок (...) они так больно режут мою душу» [Вэлла 2001: 17, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 80]. Немаловажно, что в «Боли седьмой» в книге «Белые крики» есть фраза: «Сегодня и Он, как тот оленёнок, ясно вспоминает повёрнутый к солнцу тундровый бугор» [Вэлла 2000: 91]. «Он» – это орёл, когда-то паривший над «мирной тундрой», озиравший и «оленье стадо, и детей, строящих новый чум, и одинокого Авку на бугре, и голубенького пушистого птенца трясогузки на сером камне» [Вэлла 2000: 91]. В «Боли седьмой» в книге «Триптихи» приведённый отрывок, а значит, и весь текст, обретают иной смысл в результате замены местоимения: «Сегодня и Я, как тот оленёнок, ясно вспоминаю (...)» [Вэлла 2001: 80]. «Я», написанное с заглавной буквы, предполагает одновременно и лирического героя книги, и каждого, для кого цветущая, «мирная» и «полузаброшенная», израненная тундра – Родина. Занимавшая значимое место в главе «О вечном» (книга «Белые крики») тема любви в триптихах о вечности вообще отсутствует, в центре не отношения Он–Она, а отношения «свой»–«чужой», Я и мой род, Я и Родина. Акцентированное «Я» отражает стремление автора подчеркнуть ответственность каждого за всё, что происходит на Земле. Один человек строит гроб уходящему, один человек мастерит люльку-колыбельку пришедшему, от него (одного) во многом зависит, как каждому поживётся в этой и другой жизни.

Вышесказанное позволяет выделить ещё одну систему отношений, о которой размышляет во всех своих книгах Ю. К. Вэлла: Я и вечное. В тексте, предваряющем записи Медвежьего игрища, автор предстаёт одновременно в роли участника, наблюдателя, хранителя, информанта. От него (конкрет-

ного человека) зависит, как воспримет читатель (не ненец, не ханты) «ценности» его народа. Поэт неоднократно сетует на то, что уходят сказители, которых всегда было немного, но знали их все. Вспомним, в предисловии уже к первой книге «Вести из стойбища» Ю. К. Вэлла пишет, что потеря лучших сказителей ведёт к молчанию всего народа. В «Элегии для читателя», предваряющей книгу Е. Д. Айпина «У гаснущего очага», читаем: «Бесследно ушли и уходят Великие Шаманы, Великие Сказители, Великие Мастера. Уходят последние. И вместе с ними уходит Душа Народа. Вместе с ними уходит сам Народ. Уходит его язык. Уходит его материальная и духовная культура» [Айпин 1998: 6]. «Народные ценности», как известно, вне времени, сохранить и передать их потомкам – великая миссия отдельных людей. И Ю. К. Вэллу, и Е. Д. Айпина тревожит и сам по себе уход старых сказителей, но в большей степени то, что они не оставляют наследников, владеющих Великим Словом. «Я» для обоих писателей делится на «Я» – «своё» и «Я» – «чужое». В завершающем книгу рассказов «Время дождей» эпилоге («На пороге в другую жизнь») Е. Д. Айпин пишет о Человеке, отдавшем своей Земле всё: «цвет и блеск своих глаз, жар костра своей души, тепло своего дыхания», но в гармоничные отношения Человека и Мира врывается «шумливое», «горластое», «беспощадно бьющее» «Я-я-я» «первопроходца», «первооткрывателя», «покорителя» [Айпин 1995: 172]. Создаваемое им вряд ли будет когда-нибудь причислено к «народным ценностям». Такое «Я» творит Хаос. В произведениях Ю. К. Вэллы, и прежде всего тех, где он размышляет о Вечном, акцентируется другое «Я», радующее о сохранности тех ценностей, которым тысячелетия – не срок, это то «Я», о котором поэт говорит: «Ты – родина твоя». Можно перефразировать поэта: «Я – родина моя», осознание этого каждым – залог жизни Родины, народа.

Модель авторского мировидения представлена в трёх книгах Ю. К. Вэллы: «Вести из стойбища» (1991), «Белые крики» (1996, 2000), «Триптихи (Три по семь)» (2001). Состав

вошедших в них произведений в значительной степени совпадает, при этом каждую нельзя рассматривать как обновлённое, переработанное издание предыдущей, все названные книги «первичны», цельны, оригинальны, многосоставны, полижанровы, полисубъектны. Начало работы над книгой может быть связано с обстоятельствами «внешнего порядка», это счёл нужным и возможным написать сам Ю. К. Вэлла на экземпляре книги «Триптихи», подаренной автору данного исследования: «Книга “Триптихи” родилась неожиданно и спонтанно. Идём мы с Евой (переводчицей) по городу Ханты-Мансийску, рассуждаем о точности перевода, а навстречу нам Мишунин (по делам печати из окружения губернатора): “Губернатор хочет издать твою книгу, давай срочно рукопись”. – “У меня нет готовой рукописи”. – “Что делать?” – “А если “Белые крики” с переводом на французский, с изменениями и дополнениями? Это может называться новой книгой?” – “Да, если изменения будут весомыми. Хотя, даже если к “Белым крикам” добавить перевод... Ведь перевод на чужой язык – это уже 50 % нового текста”, – так вслух рассуждал А. Мишунин. – “Дайте нам два месяца срока, и мы придём к вам с новой (подчёркнуто мною – О. Л.) книгой”». Как известно, «в результате создания книги все произведения, включённые в неё, теряют свою абсолютную самостоятельность, становятся элементами, составляющими более сложной системы» [Кузьмина 2003: 8], новый контекст, естественно, обуславливает новое семантическое наполнение опубликованных ранее текстов. В краткой аннотации редактора к «Вестям из стойбища» читаем: «Первый сборник стихотворений ненецкого поэта», но здесь же в предисловии автор уточняет: «творчество моё – это смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки» [Вэлла 1991: 5]. Неопытный читатель вполне может растеряться, обычно считается, что сборник стихотворений – это издание, «представ-

ляющее читателю совокупность авторских произведений одного жанра, темы, тональности или хронологического этапа творчества, не имеющее общего концентрирующего архитектурного решения» [Мирошникова 2002: 25]. Из перечисленных характеристик лишь одна (тема) может быть отнесена к первой книге Ю. К. Вэллы, трудности в определении её жанровой специфики возникли ещё до выхода отдельного издания, речь идёт о публикации в журнале «Сибирские огни» (за 1988 г.). М. Н. Мельников, представляя молодого автора, писал: «Синкретична избранная Юрием Вэллой художественная форма. Попробуйте определить её жанровую принадлежность. Историко-философская публицистичность даёт начало колыбельной песне бабушки, последняя – сказке, сказка – лирическому триптиху самого поэта, лирика – преданию, сказу, юмореске... Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный “слепок” народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно» [Мельников 1988: 30, 31]. С нашей точки зрения, и первая и последующие книги Ю. К. Вэллы не являются ни сборниками стихотворений, ни книгами стихов, ни лирическими книгами. Их жанровую природу можно определить следующим образом: книга-слово.

При становлении литературной культуры народа наиболее действенной пружиной и формой «договора» являются мифорелигиозные верования. Они замещают неоформленность отношений между автором и читателем в традиции, создают первичное, надёжное, проверенное временем и жизненной практикой поле культурного взаимодействия автора с силами, вдохновляющими его на творчество, выступающими факторами религиозного покоя творца в акте эстетического созидания. Очевидно, что «все формы непрозрачности и несвободы литературного слова суть знаки несвободы самого человека и закрытости его внутренней жизни» [Аверинцев 1997: 7].

Этнопоэтика представителей традиционных культур объяснимо стимулируется желанием жить и «перемещаться в освящённом мире, т. е. в священном пространстве», поэтому и поэтика текста у них – это преимущественно «технические приёмы ориентации, которые в конечном итоге являются приёмами построения священного пространства». «Священное» же понимается как «реальное в его совершенстве, это одновременно и могущество, и действенность, и источник жизни, и плодородие» [Элиаде 1994: 26]. Национальная литература служит здесь способом «противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, существует реально, всему остальному – бесформенной протяжённости, окружающей это священное пространство». Следовательно, она должна быть космообразующей и онтологической по природе, ведь «проявление священного онтологически сотворяет мир» [Элиаде 1994: 22]. Так, проблема своего как эстетического предмета, отграниченного от чужого и превращающегося в целостность произведения, становится стержневой для внутреннего оправдания и движения литературы, для её телеологичности. Не случайно при личной встрече с нами (сентябрь 2006 г., Тюмень) Ю. К. Вэлла обратил внимание на то, что в книге «Поговори со мной» он сознательно не упоминает о нефтяниках, как будто их вообще нет (лишь одна строчка в «Автобиографии», завершающей эту книгу). Поэт ведёт речь только о своём, опуская чужое. И ещё Ю. К. Вэлла заговорил о спине, по которой читатель, народ, стоящий за ним (мастером – посвящённым), может и должен уловить, понять предмет и характер речи говорящего. Слово поэта обращено к высшим силам, обращено от имени всех, поэтому и лицо не видно читателю, народу, а видна только спина, но это спина человека ответственно, публично говорящего, говорящего о сущностном, главном, бытийном. Но и стоящие за спиной мастера объединены онтологическим ощущением: «Жизнь вечна, ибо мы переходим из одного фи-

зического состояния в другое. Но след наш остаётся» [Айпин 1986: 219], ведь «жизнь хороша тем, что ни один человек, ни один народ до самого последнего мгновения не верит в свою кончину» [Айпин 1998: 6]. Так возникает феномен «народного слова». Именно оно, считают специалисты, становится «первейшим и единственным заступником в народной беде», «залогом самостоятельности и независимости народа» [Ващенко 2002: 291].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М. : Coda, 1997. – 343 с.
2. Айпин, Е. Д. В тени старого кедра: Повести / Е. Д. Айпин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. – 256 с.
3. Айпин, Е. Д. Клятвопреступник: Избранное / Е. Д. Айпин. – М.: Наш современник, 1995. – 423 с.
4. Айпин, Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера / Е. Д. Айпин. – М.; Екатеринбург : Фактория Арктики, Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 256 с.
5. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. В 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–264.
6. Ващенко, А. В. Мы – ваша совесть. Исповедимые пути родства: хантыйская литература в свете литератур «коренных американцев» / А. В. Ващенко // Хантыйская литература. – М. : Лит. Россия, 2002. – С. 284–293.
7. Вэлла, Ю. К. Белые крики: Книга о вечном / Ю. К. Вэлла. – Сургут : Северный дом, 2000. – 168 с.
8. Вэлла, Ю. К. Вести из стойбища: Стихи / Ю. К. Вэлла. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 96 с.
9. Вэлла, Ю. К. Триптихи (Три по семь) / Ю. К. Вэлла. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. – 170 с.
10. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 606 с.
11. Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов: В 3 т. Т. 3. / К. Ф. Карьялайнен. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 264 с.

12. Конаков, Н. Д. Календарная символика уральского язычества / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар, 1990.
13. Кузьмина, Н. А. Книга как интертекст / Н. А. Кузьмина // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии-3. – Омск : Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – С. 6–9.
14. Куприянова, З. Н. Введение / З. Н. Куприянова // Эпические песни ненцев. – М. : Наука, 1965. С. 7–56.
15. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1998.–136 с.
16. Лотман, Ю. М. Семантика числа и тип культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 430–433.
17. Лукина, Н. В. Предисловие / Н. В. Лукина // Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М. : Наука, 1990. – С. 5–57.
18. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманитарный издат. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
19. Мельников, М. Н. Вести из моего стойбища / М. Н. Мельников // Сибирские огни. 1988. № 10. – С. 30–31.
20. Мирошникова, О. В. Жанровая природа лирической книги как устойчивой контекстно-циклической формы / О. В. Мирошникова // Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитекtonика и жанровая динамика. – Омск : Омский гос. ун-т, 2004. – С. 22–80.
21. Молданов, Т. А. Картина мира в песнопениях Медвежьих игрищ северных хантов / Т. А. Молданов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. – 141 с.
22. Патканов, С. К. Сочинения: В 2 т. Т. 1 / С. К. Патканов. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 400 с.
23. Сагалаев, А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип / А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука, 1991. – 155 с.
24. Терещенко, Н. М. Ненецко-русский и русско-ненецкий словарь / Н. М. Терещенко. – Л. : Просвещение, 1982. – 302 с.
25. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде / перевод с французского. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1994. – 143 с.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛЕСНОГО НЕНЦА
ЮРИЯ ВЭЛЛЫ

Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 290–307

Одно из потенциально актуальных направлений современной отечественной филологии – литературоведческие исследования, обращённые к художественным традициям народов России. При этом на сегодняшний день ощущается явный дефицит научных работ систематизирующего характера, рассматривающих национальные литературы в контексте «общего» и «особенного», в системе стадияльно-типологических проекций и параллелей. Данный вектор исследований приобретает особую значимость в аспекте моделирования теории «младописьменных» литератур. Среди известных нам трудов продуктивной теоретико-методологической новизной отличаются работы В. Р. Аминовой [1], З. А. Кучуковой, Л. Ф. Хараевой [14], К. К. Султанова [20; 21], В. Г. Родионова [18], Ю. Г. Хазанкович [23] и др. Очевидно, что литературы народов России находятся на разных стадиях развития, характеризуются широким спектром внутренних и внешних проблем. Вместе с тем речь может (и должна) идти и об объективных общих механизмах становления, параметрах обновления литературных систем, о разносторонней реальности их сближения. В данной статье в контексте обозначенных выше перспектив исследования осуществляется поиск индивидуально-авторских маркеров, определяющих специфику «движения» литературы конкретной культурно-региональной зоны и/или их перекрестья, предпринимается попытка рассмотрения художественного творчества Юрия Вэллы.

Юрий Кылевич Вэлла (Айваседа) (1948–2013) – один из наиболее интересных и при этом недостаточно оценённых национальных поэтов конца XX – начала XXI вв. Ему, как и другим писателям из народов России, приходилось заниматься многим, осваивать разные профессии. Он придерживался традиционного северного образа жизни – был охотником, рыбаком, звероводом, оленеводом. В конце 1980-х гг. вынужден был пойти в политику – так хотя бы в какой-то мере можно было отстаивать права коренного населения. Вэлла был глубоким исследователем материальной и духовной культуры лесных ненцев, без отрыва от окружающей этнографической действительности работал научным сотрудником, создал музей под открытым небом. Наконец, он получил образование в Литературном институте имени А. М. Горького.

Юрий Вэлла – поэт столкновений, больших внутренних конфронтаций. Словесность стала для него, пожалуй, основной формой личностного сопротивления. Речь идёт не только о неравном противостоянии нефтедобывающим корпорациям, поглощающим ненецкие и хантыйские просторы. Вэлла пытался бороться с реальностью лингвистической несправедливости, стремился сконструировать «иврит» диалекта лесных ненцев. Параллельно пробовал писать по-хантыйски, в итоге окончательно перешёл на русский, сумев создать синкретическое художественное пространство диалога трёх культур, литератур. Долгое время творчество Ю. Вэллы находилось как бы вне контекста принадлежности к какой-либо национальной традиции. Он словно оказался между народов, языков. Однако со временем всё более очевидными и закономерными стали внутренние связи его художественного дискурса именно с ненецкой литературой. Изначальная территориальная, языковая удалённость от ойкумены тундровых ненцев была преодолена самим поэтом, ориентированным на тексты ненецких писателей-классиков (В. Ледков, Л. Ненянг). Ю. Вэлла, будучи этническим ненцем, не мог не ассоцииро-

вать свои произведения с ненецкой литературной традицией, пусть и представляющей другую вариацию языка. Творческое наследие Ю. Вэллы только в последние годы постепенно становится объектом научного рассмотрения. Его тексты исследуются не только литературоведами [2; 13; 15; 16; 22], но и этнологами [17; 19]. Основные книги Вэллы вышли ещё при жизни автора (это и сборники стихов, прозы [3; 4; 6; 10], и научно-популярные работы [7; 8; 9]). Очевидна необходимость многотиражных новых систематизирующих изданий, отражающих в наиболее полном формате сумму произведений поэта. Остались рукописи, неопубликованные материалы, также претендующие на отдельное издание. На сегодняшний день отсутствуют монографические труды, в которых бы осмысливался феномен художественного мира Вэллы.

Своеобразие поэтической системы Юрия Вэллы определяется рядом особенностей, которые мы хотели бы обозначить непосредственно перед аналитическим прочтением конкретных текстов. Ю. Вэлла отдаёт предпочтение форме верлибра. Однако среди его стихотворений имеют место и рифмованные, которые, как правило, жанрово маркированы (например, песни). Стихотворные произведения Ю. Вэллы отличаются достаточно большими текстовыми объёмами, тексты-миниатюры встречаются редко. Отчасти это специфическое явление обусловлено ярко выраженной сюжетностью стихов: в них развёрнуто представлены жизненные ситуации, истории переживания, картины ненецкого мироустройства, описываются глобальные изменения экологической мир-системы ненцев. Для творчества Ю. Вэллы характерна выверенность, продуманность художественного пространства, его книги чётко структурированы, отчётливо прослеживается проблемно-тематическая классификация текстов, большинство стихотворений озаглавлены. Поэтической модели Вэллы свойственна высокая степень циклообразования, чаще встречается форма триптиха. Многие стихотворения Ю. Вэллы

имеют эпитафии, преимущественно состоящие из отрывков беседы ненцев или ненецких пословиц, предваряющих лирический сюжет наблюдений.

Поэзия Юрия Вэллы в значительной степени автобиографична. Автор творчески откликается на события, которые происходят непосредственно с ним, с его ближним кругом (семья – род – народ). Границы его художественного мира, как правило, совпадают с пространством малой родины, с континуумом личного опыта.

Книги Юрия Вэллы (речь идёт о художественных изданиях) лишь с оговорками можно назвать стихотворными сборниками. Поэтические тексты «разбиваются» прозаическими вставками, ненецкий писатель обращается к разным жанровым форматам. Фрагменты прозаического письма (короткие истории) тематически, сюжетно корреспондируют с поэтическим блоком. Стихотворные сборники Юрия Вэллы, вышедшие в 1990–2000-е гг., имеют общий текстовой «каркас». Автор добавляет к ранее изданным стихам несколько новых, при этом расширяет языковое пространство каждой последующей книги, включает в них переводы на другие языки (например, на французский). Поэт каждый раз по-новому размещает тексты в структуре издания, собирает прежде разрозненные стихи в циклы, тем самым создавая новый художественный контекст их бытования.

Отдельной ремарки заслуживает качество русского языка стихов Юрия Вэллы. В его текстах нет стилистического напряжения неродного слова, выраженных грамматических неправильностей, синтаксического «коллапса». Его русский, слегка «разбавленный» терминами ненецкой духовной и материальной культуры, кажется абсолютно естественной формой творческого самовыражения. Вэлла гармонично представляет по-русски свой сложный, символически и ситуативно насыщенный ненецкий мир. Ю. Вэлле удалось избежать «языковой ломки», преследующей многих писателей-этнофоров, рискнувших творить по-русски.

Главная тема творчества Юрия Вэллы – тема случившейся экологической катастрофы. Северные территории Западной Сибири, места исконного проживания лесных ненцев, ханты и манси, на протяжении десятилетий осваиваются нефтедобытчиками. Вырубались леса, истреблялись животные, природе был нанесён невосполнимый ущерб. Прежде обширные природно-культурные пространства сузились до островков хрупкой стабильности. Привычный уклад жизни коренных народов оказался под угрозой, обострились социальные проблемы, ассимиляция приобрела огромные масштабы, процесс утраты миноритарных языков региона, кажется, уже невозможно остановить. Юрий Вэлла, многие другие национальные писатели Югры (например, хантыйский прозаик Еремей Айпин) восприняли происходящее как личный апокалипсис. Примечательно, что экологическая тематика в произведениях большинства ненецких писателей отсутствует или обозначена факультативно. В случае с Ю. Вэллой один из факторов радикализации этноэкологической проблематики – месторасположение его стойбища, земель его рода. Окрестности Нижневартовска, Сургута, Ханты-Мансийска пострадали особенно сильно. Здесь регулярно случались техногенные аварии, которые обычно замалчивались, скрывались от общественности. Поэтическое освещение, осмысление катаклизмов Вэллой в некотором роде нужно прочитывать как опыт коллективного духовного сопротивления, как попытку создания особого дискурса этнической травмированности.

Одно из наиболее ярких, пронзительных, глубоко пессимистичных стихотворений ненецкого поэта – «Мутация». Текст открывается фрагментом разговора деда и внука, в котором сообщается о жутковатом улове (в родном озере поймали щуку с четырьмя ноздрями, рогами). Автор не ограничивается описанием, придумыванием внешних мутаций (предъявляет читателю образ своего мутированного деда), он предполагает наличие мутаций внутренних, ментально-экзистенциальных,

деформирующих сознание и поведение человека. Вэллс почти всегда придаёт своим финальным строкам выраженное философское звучание: «Люди! / Может, такая мутация / В нас уже началась? / Или пока, слава богу, нет ещё / Двоеголовых и троеруких? / Но, может, / Для нас незаметно / В нашей жизни уже наступила / Мутация наших поступков, / Мутация отношений, / Мутация наших чувств?» [10, с. 135].

Ю. Вэллс часто выдумывает колоритных персонажей, говорит от их имени, подбирает оригинальную жанровую конструкцию. Такая стратегия текстопорождения явлена в произведении «Причитания Старого Усти». Это причитания человека, не мыслящего себя вне своего этнокультурного ландшафта, природного универсума. Сталкиваясь с ужасающей реальностью современной промышленной цивилизации, герой испытывает постоянную физическую и душевную боль. Его тело и тяжело раненная индустриальными вторжениями природа родного края образуют единый живой организм. Внутренние терзания, сопротивление Усти, мучительное ощущение текущей ситуации получают языковое выражение в виде частицы «не»: уже невозможно что-либо изменить и невозможно принять происходящее. На наш взгляд, не случайна внутритекстовая актуализация «инфинитивного ресурса»: не уснуть, не проснуться, некуда деться, некогда оглянуться, некогда задуматься. Инфинитивное письмо в структуре текстового целого нередко указывает на особый риторический статус, свидетельствует о высоком уровне экспрессивности высказывания. Уничтожение экосистемы для лирического «Я» равноценно самоуничтожению. Поэт в рассматриваемом стихотворении оперирует категорией «род», которая в его творчестве являет собой многогранную смысловую синкрету. Род у Ю. Вэллса – особое этническое, природное, духовно-ценностное измерение. Тундра, тайга, ягель, деревья выступают как образные заместители ушедших из жизни бабушки, дедушки. Одним из говорящих рефренов текста становится глагольная форма

«стонет», несущая открытый психосемантический посыл. В художественной ткани стихотворения задействованы цветные символы, также характеризующие реальность этноса, бытие этнофора: «Олений мой род, / Тёплую грудь / Пытаясь росой и дождями отмыть / От чёрной смертельной боли, / Стонет, / Стонет сквозь ноздри, / Едкою массой залитые, / Стонет глазами, / Где вместо слёз – / Нефтяные разливы» [10, с. 149]. «Экологические» стихотворения в творчестве Ю. Вэллы особенно объёмны. По-видимому, поэт хочет многое в них вместить, показать, привести разные художественные аргументы. В основе этих текстов – повторение определённых мотивов, образов, ситуаций. Одна из заметных деталей лирики ненецкого автора – обилие вопросительных знаков, вопросительных контекстов. Лирическое «Я» постоянно находится в режиме вопросительности. Произведение «Отнята земля – отнята душа» начинается и заканчивается вопросами, ответы на которые очевидны и сложны одновременно: «Где тропа, / По которой кочевал мой род? / Где урочище, что зверьём их кормило? / Где река, / Из которой поили детей? / Что с их небом, / Которому не только молились?» [4, с. 7].

В стихотворении постулируется мотив потери древнего ненецкого мира, своих корней, обыкновений. Этот мир ушёл вместе с поколением бабушек / дедушек, его уже не вернуть, не возродить. Моделируется картина того, как было раньше, приводятся принятые в системе этноса модели, нормы повседневного отношения к природе, которые перестали работать, соблюдаться. В произведении фигурируют колористические эпитеты (белый месяц, белое солнце), символизирующие сакральный статус небесных светил.

Взаимосвязи природы и человека в представлении Ю. Вэллы глубинны. Их разрыв всегда чрезвычайно болезненный, несправедливый. В произведении «Заброшенный лабаз» обыгрывается мотив одиночества природы, которая остро переживает

длительное отсутствие общения с людьми: «Тропинка заросла. / Уже лет двадцать / Хозяин на упряжке не был здесь. / Забыл свой лабаз? / Сам сгинул? / Или покинул родину свою? / Молчит сурово бор, / Заросший сосняком... / Молчит ручей соседний / С просохшим дном...» [4, с. 13]. В данном случае речь идёт и о «разлуке» природы и этноса.

В стихах Ю. Вэллы хорошо выписан образ врага. Поэт редко изображает в этой ипостаси людей. Он на первый план выводит машины: «Здесь росла берёза... / Бульдозер вырвал её с корнями / И гусеницами стальными в липкую грязь вмолил...» [4, с. 12]; «Отнята земля / И брошена на растерзание / Под стальные гусеницы твои. / А проголодавшийся экскаватор, / Лязгая неистово, / Уже вынимает внутренности...» [4, с. 7]. Враги, вредители – это и «размытое» множественное число, отсутствие какой-либо персонификации: «О, тайга! – / Нет тайги — её вырубил, / О, родная земля! – / Не осталось земли – / Её превратили в сплошные дороги, / Её превратили в сплошные карьеры, / Её превратили в сплошные окраины городов» [4, с. 31].

Особое место в поэтическом отображении природной катастрофы Югры занимает образ нефти. Нефть становится своеобразной «мёртвой водой», она замещает собой живую воду сибирских рек: «Не выпита река, / А залита нефтью, / Не осушена река, / А закачивается по притоку в час / Каждый день / Вот уже сотню месяцев / В нефтяные пласты...» [4, с. 8]; «По Ватъёгану плывёт / Нефть, / Нефть, / Нефть. / Лодку, сети и весло / Пропитала нефть. / Щуку вспорешь — / Нож в нефти» [10, с. 133].

Среди основных человеческих персонажей поэзии Юрия Вэллы – дедушки и бабушки. Они носители традиционной культуры, хранители рода, для них существует только один ненецкий мир с его ещё не разорённой природой, живым, богатым языком. Дедушки и бабушки – постоянные герои экологических стихотворений. Это и реальные люди, стол-

кнущиеся с неразрешимыми проблемами глобального индустриального наступления, и одновременно добрые духи, посылающие сигналы тревоги своим потомкам. Яркий пример стихотворений данного типа – «Песня бабушки Ненги». Песня – один из ключевых жанров не только ненецкого, хантыйского фольклора, но и поэтической системы Ю. Вэллы. Бабушка Ненги шьёт обувь и поёт песню, в которой как бы проступают сюжеты будущего, предвидятся события жизни повзрослевшего внука. В тексте реализована заклинательная функция, в качестве этнического маркера используется ненецкое междометие: «Вот сошью кисы я внуку. / Нгадьей-нго! / Чтоб не мёрз в мороз и вьюгу. / Нгадьей-нго! / А когда пойдёт за зверем / Далеко, / Чтобы лыжи не скрипели. / Нгадьей-нго! / Будет он пасти оленей. / Нгадьей-нго! / Из реки добудет нельму. / Нгадьей-нго!» [10, с. 27].

С большой нежностью, художественной достоверностью создан образ старой ненки Ымчи. Она беспокоится о сыне, находящемся в далёких краях, искренне не понимает, для чего людям нужно покидать отчий дом, жить по другим правилам, принимать обыкновения чужих. Одна из деталей лирического портрета – ненецкие звуковые рефрены: «Маленький мой, / Разве для тебя / Нет улова в родной реке? / Маленький мой, / Разве в нашем стаде / Нет оленёнка для твоего тынзяна? / Маленький мой, / Отчего ты сегодня не со мной? / Ёх-хо-хо-хов! / Что-то тревожно твоё письмо. / Ёх-хо-хо-хов!» [10, с. 33].

Ключевой символ художественного мира Юрия Вэллы – образ неба. Ему приписываются антропоморфные свойства. Оно взаимодействует с лирическим героем, отвечает на его реплики, чувствует настроение, отвечает на эмоциональные порывы. Очень часто лексема «небо» употребляется с притяжательным местоимением «мой», подчёркивается особая метафизическая сопряжённость неба и человека. «Своё» небо – это прежде всего небо малой родины: «Говорю тебе: «Здравствуй!» / И небо моё / Следом за мной / Тысячу раз повторяет: / «Здравствуй!» /

Хочется крикнуть: «Люблю!» / И небо моё ждёт, / Чтоб следом за мной / Тысячу раз повторить этот возглас...» [4, с. 23]. Небо в стихах Вэллы может быть и чужим, безучастным, отстранённым, неожиданно равнодушным по отношению к происходящим в жизни лирического «Я» событиям. Небо ревностно относится к перемещениям героя, опасается его существенных внутренних изменений после встречи с чужими землями: «И вот / Я снова возвращаюсь / С пляжного лета / На тундровый простор. / Как долго здесь я не был! / В глаза мои со всех сторон / Испытующе глядит / Доверчивое небо. / И чувствую, / Оно меня спросить желает: / – Не стал ли и ты / Серым / Среди серых людей? / Вернулся ли прежним – / Белым?» [4, с. 39].

Наряду с образом неба одним из излюбленных лирических символов Юрия Вэллы является дождь. Это несколько нетипичный выбор для ненецкого поэта: главным атмосферно-символическим явлением северного художественного ландшафта обычно становится снег. Однако Вэлла изменяет этой традиции, по-видимому, не столько в силу несколько иного географического положения своей малой родины (южные границы ненецких этнических территорий), сколько по причине лирико-семантической многоплановости дождя. В некотором роде, актуализируя изобразительные коды и психологические подтексты этого символа, поэт вступает в диалог с традициями «большой» словесности. Осенний дождь в одноимённом стихотворении [10, с. 14] оказывается объектом созерцания. Лирический герой наблюдает за ним, описывает, как дождь меняет картинку за окном. Размываются границы внешнего мира, но при этом визуально обостряются отдельные составляющие панорамы. В тексте дождь сравнивается с юрким червём, проникшим глубоко в землю. Он активен, ему хочется попасть в человеческое пространство, он ассоциируется с ненецким шаманом.

В стихотворном корпусе Юрия Вэллы заметное место занимают урбанистические нарративы. Любопытно, что поэт от-

казывается от изображения городов, которые находятся рядом с его родовыми землями. Основное городское пространство у Вэллы образуют московские топосы. Художественное упоминание столицы, по-видимому, имеет автобиографические корни (поэт учился в Литературном институте им. А. М. Горького). И вместе с тем Москва для Ю. Вэллы абсолютно чужая. Здесь люди живут другими заботами, преследуют другие цели. К урбанистическим стихам относится текст «На троллейбусной остановке». Лирическое «Я», просматривая объявления, испытывает чувство недоумения, внутреннее несогласие. Картина мира, потребности и ценности москвичей кажутся субъекту-этнофору ненастоящими, лишёнными подлинного смысла: «Стою возле будки / На остановке, / Читаю обрывки бумажных фраз: / «Меняется...», / «Срочно меняем...», / «Разъезд...» / «...трёхкомнатную, / С балконом на юг. / К концу пятилетки...» / И подумалось вдруг: / Неужели когда-то / На развилке оленьих дорог / И мои сородичи / Станут звать: / «Семья развалилась, / Меняется чум...», / «Мой муж алкоголик, / Меняю семью...», / «Поссорились с зятем, / Меняется род...» [10, с. 66–67]. Отражённая в приведённых строках советская действительность уже «предсказывает» скорые разъезды, переезды, глобальные изменения, исчезновения. Город у Вэллы рифмуется с одиночеством, ассоциируется с молчанием, он угнетает, давит, лирическому герою здесь неуютно, холодно.

Города у Юрия Вэллы подразделяются на настоящие и ненастоящие, временные. Об урбанистическом топосе второго типа стихотворение «Временный город». Когалым Лор, построенный для нефтяников, – локус-призрак, воплощающий ложные материальные ценности и духовную ограниченность живущих здесь людей. Хантыйская этимология искусственного города глубоко символична: это мёртвое место, земля умерших. Не знающий языков и древних имён человек со стёртым этническим обликом возводит жилище там, где нельзя. Любопытно художественное представление коренных народов. Ненцы,

ханты с некоторым злорадством наблюдают за обыкновениями приезжих-чужих: «Пышен блеск нефтяных рублей. / Чумы стиснуты поодаль. / Хант смеётся в оскал бубна. / Ненец в ресницы ухмыляется – / На мёртвом месте / Мёртвый город / Мёртвым будущим бахваляется. / Временные люди / Во временном баре / Временное пиво / С жадностью отхлёбывают. / Временное столетие / Над их плечами / Временные минуты / В часах отстукивает...» [10, с. 136].

В целом в поэзии Юрия Вэллы город представляет собой визуально не активированный хронотоп. Лирический субъект делится с реципиентом набором ситуаций, своими внутренними переживаниями, но не зрительными впечатлениями. Урбанистические тексты ненецкого поэта оказываются психологически концентрированными, пессимистическими, отличаются скупой образностью, доминированием внутреннего над внешним. Изображение города в стихотворениях Ю. Вэллы корреспондирует со стратегиями его негативного художественного представления, описания, сложившимися в других литературах народов России.

Интересный в аналитическом плане жанровый эксперимент Ю. Вэллы – поэтический диалог с русской югорской поэтессой Татьяной Юргенсон, получивший название «Охота на лебедей» [11]. Это переключка стихотворений, взаимодействие двух разных стилей, иногда «устремлённых» навстречу друг другу. Входящие в данную жанровую модификацию тексты на первый взгляд тематически разноплановые. Вместе с тем Вэлла предлагает творческому собеседнику набор своих инвариантных лирических мотивов, предлагает разделить его мировидение. Соавтор включается в эту игру, пытается настроить оптику ненецкого этнофора. Реплики, реакции лирического «Я» Т. Юргенсон принадлежат человеку города, осторожно, с интересом познающему миры природы. «Охота на лебедей» – развивающаяся цепочка сюжетов и форм: диалог начинается с загадки, продолжается текстами-наблюдениями за жизнью рек, текстами-мечтами о полёте, парении, потом

происходит переключение на философско-социальную проблематику. При этом именно стихи Юрия Вэллы привычно транслируют состояния значительного эмоционального напряжения, образы опасной современности. Уже невозможно просто так спрятаться в свой мир, укрыться от внешних неблагоприятных, расшатывающих этническое мироздание условий, рамок бытия.

Художественно значимый пласт поэзии Юрия Вэллы составляет любовная лирика. Любовь в его стихотворениях полна романтизма, самопожертвования, вдохновения, недосказанности, печали. Отношения между мужчиной и женщиной в традиционном ненецком обществе были регламентированы народными предписаниями. Любить человека нужно правильно, оглядываясь на обычаи. При этом глубокое знание «кодекса любви» предков не мешает автору создавать собственную реальность чувства, свою этику. В тексте «Иду на охоту» [4, с. 20] символическое определение любви – эхо, сопровождающее лирического героя повсюду. Метафорическое эхо Ю. Вэллы – явление многогранное, не только акустическое, но и визуальное, воображаемое, эмоциональное, тактильное. Вновь настоящее большого чувства соотнесено с прошлым.

Там, где возникает сильное психологическое напряжение, у Ю. Вэллы начинают говорить, оживать вещи. Предметный код актуализирован в произведении «Опустел мой дом» [4, с. 26]. Это одно из наиболее проникновенных стихотворений ненецкого поэта. С лирическим героем печаль расставания делят объекты материального мира – крыльцо, стол, стул, дверь, окно. Вещи, дом выступают как свидетели общего, единого прошлого «Я» и «Ты». Символы двери, окна подчёркивают ситуацию пограничья, усиливают ощущение одиночества. В стихотворении «Вроде всё» [4, с. 26] «оживают» дверь и порог, в традиционной культуре символизирующие границу, переход из одного состояния в другое. Данная мифологическая функция образов срабатывает, лирический субъект,

выделяя указанные пространственно-предметные реалии, предчувствует их сакральное предназначение. Перешагивая через порог, захлопнув дверь, он выходит из отношений. Любовную лирику Вэллы отличает деликатность. Поэт уклоняется от художественной передачи неудобных подробностей распадающихся отношений. Его привлекают, вдохновляют высокие переживания, послевкусие разлуки. Возлюбленная лирического «Я» загадочна, закрыта от читателя.

За несколько лет до смерти Ю. Вэлла побывал в США. Путешествие, одним из организаторов которого был известный российский филолог, переводчик, профессор МГУ А. В. Ващенко, «переросло» в серию стихотворений и путевых заметок. Этот срез художественного наследия Вэллы, как и многие его поздние тексты, полностью не опубликован. Отдельные фрагменты были размещены в Интернете. Поэта интересуют прежде всего бытие и быт американских индейцев, с которыми он ассоциирует ненцев, находит немало общего в их исторической судьбе и повседневности. Центральным образом американских стихов становится река Рио-Гранде. Представленное в тексте «ритуальное общение» лирического героя с рекой восходит к фольклорно-мифологическим представлениям ненецкого этноса, сакрализующим воду, реки. Рио-Гранде для него – одно из воплощений «большой живой воды» человечества, духовной памяти предков. «Я»-субъект, невзирая на огромное расстояние между Америкой и Сибирью, ощущает ментальную близость, родство двух исчезающих народов. Однако эта авторская сентенция прочитывается между строк, не эксплицируется. Для Вэллы значительно важнее проявить внутреннее единство со своим этносом, который в лице отдельно взятого этнофора постигает Америку:

«Я опустил в реку монетку за себя, за то, что
осмелился топтать здешнюю землю, корни растений,

за то, что осмелился пить здешнюю воду,
вдыхать здешний воздух.

Я опустил монетку за своих товарищей-
родственников, которые здесь, вместе со мной,
в Америке, и наши следы, наше влияние останутся.

Я опустил в реку монетку за близких, которые
остались дома, на Тюйтяхе и в Варьёгане,
потому что я всё время чувствую, что и они
со мной здесь, что мысленно и они вместе со мной
топчут здешнюю траву, трогают воду здешней реки
и вдыхают высокогорный воздух здешней земли.

Я чувствую себя проводником
между разными континентами.

Я чувствую себя проводником между полюсами
нашей Планеты.

Я гляжу на здешнее Солнце, но чувствую тепло
Солнца моей тундры.

Я моюсь прохладой здешней реки Rio Grande,
но чувствую в этот миг прохладу Тюйтяхи и Оби.
Спасибо вам, Боги, за то, что я есть,
за то, что я чувствую окружающий Мир,
за то, что я способен ещё любить Жизнь!». [12]

Вэлла – поэт, живший и писавший наедине со всеми. Не-
взирая на регулярные апелляции к коллективному (осознан-
ному коллективно-родовому началу, неосознанному советско-
му), он был абсолютным раненым одиночеством, северным
индивидуалистом. Отсюда – очень развитое чувство ответ-
ственности, вдохновляющее и разрушительное одновре-
менно. Некоторая наивность поэтической картины мира
Юрия Вэллы, по-видимому, осознанная художественная
стратегия, воздействующая на реципиента и повышающая

степень драматичности восприятия текстов. В некотором смысле Ю. Вэлла – поэт-артист, понимающий, чего от него ждут читатели и критики, знающий, на какие «кнопки» словесности нужно нажимать. Традиционная культура, этноментальные особенности коммуникации лирических субъектов «погружены» в сложный синтетический дискурс современно-го верлибра. Вэлла – поэт взаимодействия, взаимоналожения различных культурных форм, разных семиотических систем. Очевидно, что творчество Юрия Вэллы – один из редких художественно-эстетических «прорывов» младописьменной литературы на рубеже XX–XXI столетий.

Примеры «малых» литератур отсылают к большим проблемам народов Крайнего Севера, которые в советские годы были вырваны из привычной колеи, «приручены», переселены на «рельсы» социализма, соцреализма. Мировидение, мирочувствование – сложнейшие, тончайшие категории бытия, которые невозможно в одночасье отменить, перенастроить. История, реальность развития младописьменных литературно-художественных традиций (в данном случае – ненецкой) – предмет не только литературоведения, но и этнографии, философии. Речь идёт о глобальных проблемах обустройства жизни, о больших цивилизационных «сломах», об ответственности больших народов перед малочисленными, прирученными и в значительной степени брошенными, оставленными наедине с жестоким и прагматичным, деэтнизирующим индустриальным миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминева В. Р. Сопоставительное изучение русской и татарской литературы. Казань : Редакционно-издат. центр «Школа», 2017. 264 с.
2. Арзамазов А. А. Белые крики в черной тишине: этнопоэтический мир Юрия Вэллы // Эскизы: варианты, интертексты, стратегии, тактики, семиосферы, стиходвижение. Ижевск : Инвожо, 2005. С. 89–93.

3. Вэлла Ю. Белые крики: Книга о вечном. Сургут : Северный дом, 1996. 168 с.
4. Вэлла Ю. Вести из стойбища. Радужный : Гор. тип., 1991. 48 с.
5. Вэлла Ю. Земля любви: Диалоги. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. 208 с.
6. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. СПб. : Миралл, 2007. 152 с.
7. Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн реки Аган. Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. Ч. 1. 146 с.
8. Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн реки Аган. Ханты-Мансийск : Доминус, 2012. Ч. 2. 186 с.
9. Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн реки Аган. Ханты-Мансийск : Юграфика, 2012. Ч. 3. 150 с.
10. Вэлла Ю. Триптихи. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. 168 с.
11. Вэлла Ю., Юргенсон Т. Охота на лебедей : Диалог. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. 10 с.
12. Дым Ю. Америка Юрия Вэллы. URL: <https://www.proza.ru> (дата обращения: 15.11.2019).
13. Жулёва А. С. Юрий Вэлла: литератор, просветитель, оленевод // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 3 (35). С. 18–27.
14. Кучукова З. А., Хараева Л. Ф. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик : Издат. тип. «Принт Центр», 2018. 192 с.
15. Лагунова О. К. Поэтика книги Ю. К. Вэллы «Белые крики» // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4. С. 45–61.
16. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 258 с.
17. Новикова Н. И. Модель многокультурности Юрия Вэллы // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 376–384.
18. Родионов В. Г. Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика. Чебоксары : Новое время, 2017. 92 с.
19. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Новосибирск : Издат. центр «Агро»; издат. группа «Солярис»; «ЦЭРИС», 2001. 124 с.
20. Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М. : Наука, 2007. 302 с.
21. Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.

22. Тулуз Е. Две ветви одного дерева / пер. с франц. Марии Ерёмченко // Мир Севера. 2000. № 5. С. 70–73.
23. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 131 с.

Наталья Новикова

ДИАЛОГИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ ВЭЛЛЫ

Специально для «Юрий Вэлла. Избранное»

Юрий Вэлла (Айваседа) – поэт, оленевод, общественный деятель, собиратель фольклора²⁶. Создатель экомuzeя Стойбище-на-Тюйтяхе, музея под открытым небом в селе Варьёган. Организатор стойбищной школы. Герой многих фильмов и лауреат нескольких премий. Глава большой семьи. Хозяин (хотя и без документов) родового угодья (территории традиционного природопользования регионального значения). Создатель книг на разных языках и издатель газеты на ненецком языке. Друг, партнёр, учитель, информант для многих российских и зарубежных антропологов.

Подводя некоторые итоги размышлениям о нём и его произведениях, я выделяю Диалоги как наиболее характерную черту его жизни и творчества. Для меня как антрополога интерес представляет обращение к анализу его различных ролей – поэта, оленевода, вождя (общественного деятеля), создателя

---

²⁶ В данном тексте использованы полевые материалы автора, а также ранее опубликованные работы: Новикова Н. И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М., 2014; Новикова Н. И. Модель многокультурности Юрия Вэллы // Вестник утраведения. 2018. Т. 8. №. 2. С. 376–384. В тексте термины антропология и этнография, аборигены и коренные народы используются как синонимы.

книг... Интерес к этой теме вызван как широким резонансом его акций для сообщества коренных народов, так и уникальностью его опыта создания многочисленных переводов произведений, собранных под одной обложкой, в одном издании. Он видел своего читателя знатоком разных языков и широкого спектра культур, сопричастных им. А. А. Арзамазов так заканчивает свой филологический анализ творчества Юрия Вэллы: «На фоне литератур народов Севера Вэлла – поэт взаимодействия, взаимоналожения различных культурных форм, разных семиотических систем. Очевидно, что творчество Юрия Вэллы – один из редких художественно-эстетических «прорывов» младописьменной литературы на рубеже XX–XXI столетий»²⁷. Вступая в диалог с этим исследователем, я хочу предложить антропологический подход к изучению его творчества, поделиться своими размышлениями о художественном и жизненном кредо поэта и оленевода Юрия Вэллы. Он все свои роли играл одновременно. Может, ему помогала в этом эмпатия ко всему живому, а в картине мира коренных народов далеко не только человек – живой, права есть и должны соблюдаться у всех видимых и невидимых обитателей этого мира. В одном из произведений Вэлла написал: «Пусть меня зовут *homo affectionalis* – человек эмоциональный...».

Юрий Вэлла получил профессиональное образование в Литературном институте имени А. М. Горького, потом немного учился на юридическом факультете, но его книги стали примером именно антропологического подхода в жизни, особого способа мышления. Антропологический взгляд Юрия Вэллы особенно интересен, так как в его творчестве соединились автоэтнография и анализ изнутри ненецкой культуры.

Многие правила оленеводческого образа жизни были жизненными правилами Ю. Вэллы, а благодаря его книгам они стали видимыми для всего мира. Свою роль в общественном

---

²⁷ Арзамазов А. А. Наедине со всеми: художественный мир лесного ненца Юрия Вэллы // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 290–307.

поле Вэлла определил в одной из публикаций, назвав себя вождём племени, как это делают коренные народы Америки. В традиционном мировоззрении быть вождём означает не столько иметь власть, сколько брать на себя ответственность.

Жизненный стиль

На рубеже 1980–1990-х годов активисты, писатели из числа коренных народов совершили поворот в политике: появились специальная статья в Конституции РФ, федеральные и региональные законы, общественное движение оформилось в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. По всему Северу началась активная деятельность по самоорганизации аборигенов, презентации их культуры.

Возрождение культуры коренных народов Севера, начавшееся в конце 1980-х годов, сегодня часто воспринимается и учёными, и самими аборигенами как что-то ненастоящее, искусственное, фестивальное. Это правда, но не вся. Это во многом были низовые инициативы, свидетельство самоорганизации коренных народов. Движения коренных народов были направлены на получение своего места в многокультурном мире, его освоение через активный диалог.

Юрий Вэлла написал несколько книг, они представляют большой интерес для антрополога, причём не только как источник сведений о коренных народах, но и как презентация особого жизненного стиля коллеги. Именно поэтому я рассматриваю его культурные и литературные проекты с позиции антрополога. Они строились на диалоге, стремлении восстановить порядок и упорядочить жизнь. В одной фразе он сформулировал это так: «Земля – ягель – олень – оленевод – внук оленевода – хрупкая, но единая цепочка». Многие события нарушали этот порядок, даже стали для него угрозой.

Для Ханты-Мансийского автономного округа это в первую очередь нефтяное освоение, и Юрий Вэлла пытался урегулировать отношения с нефтяниками. Он участвовал в работе над нормативными документами, а когда это не получалось, совершал различные акции. Опишу здесь некоторые из них.

Самые простые и очевидные символы для установления диалога подсказывала жизнь. Далекое не все аборигены живут в чуме, но представление о своей культуре в современном мире они могут дать без лишних слов, поставив чум в городе.

Чум как жилище отражает образ жизни. Он не только максимально адаптирован к природным условиям, но по нему можно проследить и социальный статус живущих в нём людей, и их мифологические представления, а при более глубоком исследовании и в целом существующую у них модель мира. Взаимоотношения коренных народов с нефтяными компаниями сначала носили характер противостояния. С 1990 года они переросли в конфликт. Коренные народы выразили его в форме пикетов, центром которых и стал чум. Организатором пикетов был Юрий Вэлла. В первый раз перекрыли дорогу и поставили чум на мосту через реку Лухкопл недалеко от города Радужного. Потом пришлось несколько раз повторять такие акции.

Включая политическую борьбу в свою жизнь, а значит и культуру, коренные народы придают ей те формы, которые значимы для их образа жизни. В их культуре больше используется действие, чем слово. Многие понятия вообще никогда не выражаются словами. Отстаивая права коренных народов, Юрий Вэлла ритуализировал политическую борьбу через обряд. Если в чуме умирал человек, его могли там оставить, повернув чум входом на «ночную сторону». Он поставил чум перед зданием администрации. На чуме надпись «Осторожно! В чуме больной. Не кричать!». На чучеле, изображавшем администрацию, листовка: «Приблизительный диагноз – нефтяная чума? Окончательный диагноз – ...». До

пикета Юрий так рассказывал о своих планах: «Если администрация будет с нами говорить и согласится не трогать нашу землю, мы поймём, что администрация вылечилась, и разберём этот чум, если нет, мы будем считать, что больной умер, и чум оставим прямо на площади, повернув его на ночную сторону». Яркая театральность пикета не только привлекла к нему большое внимание, но и показала поиски компромисса со стороны аборигенов. Обращение к ритуалу и ритуализованное поведение свидетельствуют о стремлении быть услышанными, донести до власти свои требования, когда обычные правовые методы оказываются малоэффективными. Чум на площади – это и демонстрация своей жизни, и освоение чужого (городского, властного) пространства. Эти пикеты стали попыткой восстановительного правосудия со стороны коренных народов. Кульминацией противостояния стал открытый конфликт с компанией «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь». Эта борьба была проявлением ответственности за свою землю, за судьбу своих оленей и своих внуков. С этой компанией Юра воевал до последних дней: судился, пытался остановить на границах своих родовых угодий простой надписью «Здесь живут олени с оленятами» и топором порубив колёса машин. Сегодня политика некоторых компаний изменилась, например, в ЛУКОЙЛе появились многие полезные документы, определяющие правила поведения нефтяников в местах проживания аборигенов. Хочется верить, что именно его борьба привела к этим изменениям.

Поиски моделей диалога

В складывании социального диалога между коренными народами и бизнесом определённую роль сыграл и Варьёганский музей под открытым небом, созданный Юрием Вэллой. Во время одного из конфликтов туда для разговора пригласи-

ли генерального директора нефтяной компании. Как рассказывал Вэлла: «Побили в бубен для настроения, приготовили на открытом огне чай, рыбу. Нефтяника посадили на оленью шкуру в музее...». Все эти нехитрые жесты должны были не только показать жизнь коренных народов, но и заинтересовать ею нефтяников.

Музеи были одним из главных культурных проектов Юрия Вэллы. В начале 1990-х годов по всему Северу, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе, стали создаваться народные музеи. Вообще, музей чужд традиционной культуре, музеификация скорее явление колониальной и постколониальной идеологии. «Живые» (народные) музеи продемонстрировали иной оригинальный подход, они отвоевали место для аборигенной культуры в современном полиэтничном пространстве. Музей в Варьёгане – музей от первого лица. Юрий так объяснял его смысл: «Мы строили его для себя, своих детей, внуков, чтобы они понимали душу каждой вещи, знали, как с ней обращаться, умели сделать её сами, если надо». Вэлла, когда проводил экскурсии, как будто принимал гостей на своём стойбище: так рассказывал, чтобы людям захотелось задержаться, а может и пожить здесь. Потом сходную роль выполняло и его стойбище, в которое приезжали не только соседи и родственники, учёные, студенты, школьники, но и чиновники, нефтяники. Для него было очень важно показать свою жизнь не как экзотику, а как настоящую современную жизнь. Он хотел, чтобы музей стал частью жизни и приезжих, чтобы человек из города в своих воспоминаниях снова возвращался на Север, мысленно продолжал общаться, чтобы это стойбище на него подействовало. Для Юрия было важно установить связь с теми, кто приезжал, он переживал, если гость оказывался глухим к образу жизни оленеводов. Это случалось, но, насколько я знаю, не часто. Через такие авторские музеи аборигены пытались представлять свою культуру, интересовывать окружающий мир через образы культуры,

демонстрируя совершенство традиционных знаний и навыков через материальные предметы. В современных условиях многие из них уже стали диковинными или редко используемыми. Поэтому экспонаты из музея мог взять любой человек, если такая вещь понадобилась в хозяйстве или для проведения обряда, но нужно было обязательно вернуть – ту же или сделанную по её образцу. По замыслу Ю. Вэллы, таким образом люди должны были учиться делать необходимые для ведения традиционного хозяйства вещи. Так музей становился мостом между традиционной и модерной/технологичной жизнью ненцев и ханты.

Опыт музея от первого лица был высоко оценён, на его основе Ю. Вэлла создал экспозицию на Первой Красноярской музейной биеннале в декабре 1995 года. Благодаря своей уникальности его перформанс «Летнее стойбище оленевода» получил первую премию. Эта экспозиция располагалась в подвальном техническом помещении Красноярского музейного центра, где фоном для неё служили вентиляционные короба. Чум, в котором Вэлла с женой угощали чаем посетителей, фрагмент корабля, хозяйственные постройки, лодка-обласок оказались окружёнными индустриальными предметами. Так «лаконичными средствами был создан образ традиционной северной культуры, теснимой со всех сторон освоителями нефтяных и газовых месторождений», как писал об этой экспозиции М. Гнедовский²⁸.

Музей в Варьёгане был попыткой включить современный мир в жизнь местного населения. А одновременно расширить границы аборигенной культуры, сделать её интересной и полезной для современных людей. Юрий во всех своих проектах выходил за границы традиционного понимания этой культуры. Его проекты были одновременно и уникальными, и соответствующими мировым трендам. На первый

---

²⁸ Гнедовский М. Мой дом – мой космос // Северные просторы, 1996, № 3–4, с. 19.

взгляд, музеи, похожие на музейный проект Вэллы, объединяет простота. Культура представлена как повседневная. Незамысловатость экспозиции приобретает значение в ходе экскурсии. В этом музее обязательно должен быть экскурсовод, чаще всего это сам создатель музея. И только благодаря его рассказам собрание вещей становится собранием муз. В этом смысле музей в Варьёгане был похож на деревенские музеи в канадских общинах. В 2008 году я побывала в общине алконгинов Китиган зибби в Квебеке (Канада). Это довольно успешная община, одной из сфер деятельности которой является туризм. В их культурном центре сделана небольшая экспозиция, которая в ходе показа старейшины превращается в музей, где представлена вся богатая мифология и культура этого народа. Общей чертой таких музеев является отказ от историзма. В них могут быть представлены несколько археологических артефактов, но их создатели сознательно уходят от представления культуры своего народа в прошлом. Для создателей и хранителей таких музеев и в России, и в других странах, в том числе в США и Канаде, важно показать, что эти народы живут сейчас. Ведь представленная здесь культура называется традиционной, потому что механизм её передачи – устная традиция, а не потому, что её носители пользуются старинными вещами. А если вспомнить, что при традиционном природопользовании ресурсы используются щадяще, аборигены соблюдают норму, не берут лишнего, то становится очевидно, что они, может быть, в большей степени люди будущего, чем окружающий их современный мир.

Сегодня в Варьёгане работает ещё один музей – Дом Юрия Вэллы. Душой его стала старшая дочь Тайна. Но он важен не только для семьи, но и для многих односельчан. В музее сохранена обстановка жилого дома, благодаря чему посетители чувствуют себя в гостях у поэта. А гостевание всегда основа установления отношений, диалога.

Одним из механизмов взаимодействия коренных народов с окружающим их миром в современных условиях является образование. Поэтому не случайно Юрий Вэлла придумал и воплотил в жизнь проект стойбищной школы. Он считал, что не нужно заставлять детей и внуков учить языки ханты и ненцев, но нужно сделать так, чтобы они захотели изучать их. Он хотел, чтобы дети коренных народов могли получить высшее образование, которое он считал условием жизни на стойбище, не потеряв традиционные знания. Сам пройдя через интернат, Вэлла не хотел такой судьбы для своих внуков. Его школа должна была подготовить детей к поступлению в вуз, дать им необходимое в современных условиях образование, но при этом не оторвать их от земли и оленей. Школа должна была создать пространство многокультурности, при этом сохранить для детей теплоту семейных отношений и близость к природе.

Определённую роль, возможно, сыграла открытость семейного стойбища. Посетителей там было сравнительно немного, но они были разнообразны: журналисты, учёные, студенты, которые приезжали на летнюю практику, школьники из интерната, представители администрации и нефтяники. И дети могли многому научиться, присутствуя на таких встречах, слушая гостей. На Севере есть поговорка «Глаза есть, смотри». Это основной метод воспитания и обучения детей коренных народов. Юрий Вэлла стал студентом юридического факультета в Нижневартовске не только, чтобы знать законы, но и чтобы показать своим внукам «опыт студента оленевода». Они многое видели, а также всегда были уверены в поддержке бабушки.

Проект оказался сложным, трудно было найти учителей, не было специальных программ, но этот опыт не пропал, он изучается и может быть использован в многочисленных современных вариантах альтернативного образования для коренного, в первую очередь кочевого населения.

Важными элементами сложившейся синкретичной политической культуры коренных народов Севера стала презентация «своей» культуры через образы культуры «пришлого» населения и включение политической системы страны в картину мира аборигенов. Стержнем культуры коренных народов Севера и её важнейшим символом является олень. Между оленем и человеком существует неразрывная связь, поэтому неслучайно в непростой современной жизни именно через оленя Ю. Вэлла попытался установить контакт с государством и Президентом, как гарантом Конституции, сделать главу государства сопричастным людям, которые в своей жизни идут за оленем. Олень, даже став домашним, сохраняет долю самостоятельности, подчиняется, но не до конца. Человек в северном мире просто идёт за оленем, а иногда даже не идёт, а только думает, «мысленно пасёт олень». Эти животные сами знают, где и чем кормиться, где отдыхать, когда возвращаться домой. Олени свободны. Обладание оленем позволяет человеку быть свободным, даёт ему ощущение ценности своей жизни.

В «Азбуке оленевода» Ю. Вэлла записал:

«Встретились у воды два тумана.

Один шёл от озера – розовый.

Другой из лесу – фиолетовый.

– Ты кто?

– Я туман,

– И я туман.

– А почему я тебя не вижу?

– Я тоже тебя не вижу...

А в это время олень лежал рядом в кустах, зажмурив глаза, жевал жвачку и всё видел и слышал».

«Человек уверен, что он решает судьбу оленя, а олень знает: оленевод без оленя – Нечеловек».

Ритуал посвящения оленя Президенту являлся попыткой установить связь между главой государства и оленеводами, которые уже самим фактом своего существования отстаивают право на инаковость в современном мире. В 1996 году Юрий с женой специально купили оленя и совершили обряд на священном месте в Нумто. По их мнению, обретение оленя для человека – большой почёт и большая ответственность. Ю. Вэлла мечтал, чтобы олень влиял на Президента.

В Ханты-Мансийском округе нефтяное освоение стало объектом художественного, в том числе поэтического творчества многих людей. Поэзия как бы разлита над этой землёй. Юрий Вэлла стал наиболее ярким её представителем.

В 1996 году он написал такое стихотворение:

Облако в нефти

«Ежегодно, во время паводка, по реке Ватьёган со стороны Повховского месторождения плывёт толстая плёнка нефти. Нам стало очень трудно жить...».

*Из заявления местных жителей
в исполком Аганского сельского Совета*

По Ватьёгану плывёт
Нефть, нефть, нефть.
Лодку, сети и весло
Пропитала нефть.
Щуку вспорешь –
Нож в нефти.
За водой для чайника
Некуда идти.
Ноги у оленей
Пропитались нефтью –
От соседей прибежали
С бедственной вестью.

Даже у вороны
Брюхо пожирнело.
Облако на небе
Тоже почернело.
На подоле чума
Масляные кляксы.
Лес мой перечёркнут
Чёрной полосой...
Оленёнок детства,
Что так горько плачешь?
Я твой нос чумазый
Вымою росой.

Поэт хочет отмыть его, чтобы ушла эта печаль, слёзы, которые принесли на их землю нефтяники. В творчестве Юрия Вэлла нефть стала таким же актором, как и в современной жизни коренных народов Западной Сибири. Обратите внимание на название этого стихотворения – Облако в нефти. Что это означает? Нефть заполонила не только землю, где живут люди, но и небо? Образ неба один из ключевых в ненецкой мифологии. Это слово определяет и собственно небо, и погоду, и жизненную ситуацию, и верховное божество, и удачу. Эпиграфом к стихотворению «Разноцветное небо» поэт приводит слова из сказок бабушки Ненги: «Распахнул бедный охотник свой дымный чум. Вдохнул широко. Влетело в чум небо. Превратилось оно в достаток и счастье. Так до сих пор и живёт с человеком». А к следующему в этом триптихе стихотворению слова деда: «Не выбирай себе, сынок, только хорошее небо. Настоящему человеку, трудолюбивому рыбаку и охотнику любое небо годится для жизни». Но не нарушит ли этот порядок нефть? По мнению поэта, выход подсказывает олень, как Вэлла пишет в другом стихотворении – «Временный город». На фоне временных людей беспечен маленький оленёнок:

В глубине его глаз
Прошлого – тысячелетия,
Будущего – тысячелетия.
И, почесав копытцем рожки,
Небрежно писяет
На ржавеющий нефтепровод.

Аборигены и нефтяники стали соседями по трубе, Вэлла хотел сделать их добрыми соседями. Для этого нужно знать землю, на которой живут и те, и другие. Вэлла думал, что топонимические исследования, которыми он занимался в последние годы, важны, чтобы подсказать нефтяникам и чиновникам, какие территории нужно оставить не тронутыми промышленным освоением. Внимательно приглядываясь к практике других стран, он считал, что резервировать нужно и нефтяные месторождения, пока нет совершенных технологий. Как и многим ненцам и ханты на Севере, ему пришлось самостоятельно постигать не только общественные науки, но и многие технологические процессы. Вэлла был очень современным человеком, любил различные технические новшества, активно ими пользовался. Именно открытость, способность учиться и вести диалог и помогали ему в осуществлении многих культурных, политических и издательских проектов.

Создатель книг

Юрий не просто писал стихи и прозу, он создавал свои книги. Каждая из них выстроена вокруг одного стержня. Не только оформление, но и свои рисованные подписи он придумывал такие, чтобы каждая подаренная им книга была непохожа на другие. В его творчестве всегда сочетались стихи, часто свободные, и проза. Истоки его литературных произведений мы можем найти в фольклоре ненцев, который, как учила его ба-

бушка и отмечают исследователи, сочетает поэтическую и прозаическую речь, напевы и рассказы, предания, индивидуальность и коллективность. При этом Юрий часто был сказителем, когда читал свои произведения. Он вслед за своей бабушкой считал необходимым пропеть и рассказать, сочетать стихи и прозу, повторить, чтобы точнее донести свои мысли до слушателей. Вэлла объяснял, почему много пишет по-русски, тем, что он, как его многие современники, уже утратил умение «певучей ненецкой речи», а с другой стороны, просто потому, что считал русский язык своим главным оружием, чтобы быть понятным нефтяниками. А тексты на ненецком и других языках чаще появлялись именно в его книгах-диалогах.

Роль бабушки в жизни Юрия Вэллы была очень велика. В ненецкой культуре традиции, знания устойчиво передаются от дедушек и бабушек к внукам. На такую особенность мира персонажей Вэллы обратил внимание и филолог и поэт А. А. Арзамазов. Пока только начинается диалог между антропологами и филологами в изучении творчества Юрия Вэллы, но интересно, что мы часто отмечаем одни и те же детали. Юрий не только в стихах, но и в жизни был «бабушкин внук». Он сам рассказывал об этом, когда я как этнограф говорила с ним об одной из самых интересных традиций ненцев. Для внутренних связей сообщества и его устойчивости у них сложился обычай – одного ребёнка отдавать бабушке с дедушкой. Этот ребёнок растёт в их семье, они имеют больше времени и возможностей передать ему все знания, навыки, традиции. Ребёнок становится их опорой в старости, называет такую бабушку своей мамой, хотя и хорошо знает родную мать. Бабушка дарит ему всю свою любовь как лучшее воспитание.

Свои беседы с бабушкой Вэлла описал в миниатюре «Молчание»: «Незримо-неслышно она передаёт мне свои ощущения, своё восприятие мира. Нет, она не передаёт мне своих мыслей. А я начинаю видеть её глазами нашу залитую солнцем прохладную реку, я начинаю слышать её ушами дальше

курлыканье журавлей за болотом, я начинаю воспринимать её сердцем наше стойбище и каждый звук, каждый шорох, каждый вздох в нём». Молчание как коммуникация во многом открытие коренных народов. Оно важнейший пароль во взаимодействии их с окружающим миром и часть их знаний о нём. Молчание можно сравнить с вечной мерзлотой – основой сохранения арктической природы. В творчестве Юрия именно это умение позволяло ему создавать миниатюры. Такие произведения, как и разговоры на стойбище, окружены ореолом. Люди всегда говорят меньше, чем знают. При этом они рассчитывают, что окружающие понимают больше, чем сказано. Как сказал другой северный философ ханты Леонтий Тарагупта: «Эта система внезаковая, самая жизненная. Мир этот настолько реальный, что там слово уже не слово, вся мыслительная деятельность – уже действие». Так философским, жизненным становится маленькое стихотворение:

Ранним утром
По двору скачет сорока...
Ну и что ж?.

От такого стихотворения как круги по воде расходятся смыслы, каждый может подумать о чём-то своём или просто насладиться этим сиюминутным образом мира. И это стихотворение открывает одну из самых значительных книг Юрия Вэллы «Триптихи», собрание текстов на русском, ненецком и французском языках.

В его творчестве мы увидим диалог со временем, амбивалентное восприятие традиционной и современной культуры. В книге «Нити родства» приводится рассказ бабушки Ненги о том, откуда появились люди. Она говорит, что «Все люди на земле произошли от одной Мамы и одного Папы»... Они родственники, и поэтому, если внимательно слушать, можно понять любой язык. «Иная земля и иное дело рождали новые

языки. Но все эти языки связаны между собой тонкими нитями – нитями родства». Завет бабушки – быть внимательным к собеседнику – стал важным ключом в отношениях с людьми для поэта. Этому он учился и во время своих многочисленных путешествий, устанавливая родство с другими народами, что особенно ярко проявилось в его заметках и стихах о поездке в Америку. Юрий Вэлла не учит своих читателей, он приглашает их к диалогу:

– Мы, писатели, должны искать родство в Слове. Я думаю, что истинное родство разноязыких народов проявляется в поэзии, в чувствах, побуждаемых поэзией, не в отдельных словах и строках, а за словами или между строк – там, где поэт глубоко прячет своё сокровенное или чуть-чуть приоткрывает своё нечто тайное и сакральное, доступное и понятное возвышенным душам любой национальности... Давайте поговорим на этом уровне!..

В течение последних десяти лет он издавал книги на разных языках. Сначала мне казалось это странным – зачем печатать под одной обложкой текст на русском и французском, русском и английском и т. п., ведь читатели обычно знают и используют один язык? В 2001 году вышла книга «Триптихи» на русском и французском языках, в 2008 «Загадка моя» на хантыйском (два диалекта), русском, английском и немецком и «Ветерок с озера» на русском и английском, в 2011 – «Нити родства» и «Земля любви: диалоги» на русском и английском. Особенно значимым проектом многоязычности стало издание «Азбуки оленевода» на семи языках: ненецком, хантыйском, мансийском, русском, коми, английском, французском. В этой маленькой книжке собрана вся мудрость оленевода, понимание им того, что он в жизни идёт за оленем, что именно олень определяет его жизнь, центр его существования. Здесь и правила поведения оленевода, и знания о том, сколько нужно оленей («Арифметика оленевода»), и сакральная азбука, и приметы, и определители возраста – правила любви,

и рассказ о стойбищной школе и мире детей от лица оленёнка Нямпалаты. И всё это автор передаёт от имени кота Котофея. Таким образом, в мир оленевода включаются и животные, и люди, говорящие на разных языках. Одно из правил «Азбуки оленевода» гласит: «Устраивая свою жизнь, всегда в первую очередь думай и поступай так, чтобы было хорошо и удобно твоим оленям и оленятам; и только во вторую очередь думай о себе и своих детях. Помни, если сегодня хорошо твоим оленям, то завтра будет хорошо вам». Первое издание этой книги относится к 2005 году и имеет подзаголовок «В помощь тому, кто изучает этнографию, культурологию и оленеводство». В этом проекте участвовали многие люди, переводили, а значит, и узнавали, сопереживали, я думаю, менялись. Когда я перечитываю эту книгу, я каждый раз открываю для себя что-то новое. Думаю, что он писал её всю жизнь и, если бы мог, писал и сегодня. Одно из правил гласит: «В разговорах с другими оленеводами будь внимателен. Слушай, спрашивай, запоминай. Но в жизни поступай так, как тебе подскажет сердце. Не копируй никого». Наверное, со мной согласятся читатели – он руководствовался этим правилом и в творчестве, и в жизни. Другое правило: «Во время ночлега в лесу для растопки костра приготовь: летом – 3 стружки, зимой – 5 стружек, осенью – 7 стружек. Нельзя одну стружку и чётные. Но самое главное – нельзя считать стружки». Ироничность, парадоксальность, амбивалентность пронизывают всё творчество Вэллы. Правила становятся не навязыванием, а размышлением.

Его книги много дают для понимания мировоззрения коренных народов, их взаимоотношений с окружающим миром и людьми сегодня. В произведениях нет идеализации аборигенов. Юрий чутко реагировал на то, что происходит с людьми в условиях промышленного освоения. Во время путешествия в США в его записной книжке появляются такие наброски: «Приход нефтяников отравляет сознание Моих родственни-

ков. Приход нефтяников уничтожает память Моих родственников. Они уже не желают охотиться. Они уже не желают рыбачить. Они уже не желают влюбляться. Они уже не желают выживать. Только бы хапнуть КОМПЕНСАЦИЮ...». Но он не хочет быть судьёй своим сородичам, стремится понять их. Он задумывается: «Так ли уж непоколебима твоя правда?». Он проверяет себя: «Не перестарался ли я?.. Нет ли в моих строках оттенка ненависти?.. Но кто сказал, что ненависть не может служить инструментом поэзии?..».

Диалог, умение его выстраивать в аборигенной культуре проявляется, может быть, в большей степени, потому что эти люди более чувствительны к необходимости сосуществования. Живут в экстремальных природных условиях, среди преобладающего и по языку, и по властным полномочиям другого населения, зависят от биологических ресурсов. Диалогическую форму имеют и некоторые жанры их фольклора, и даже игры детей могут строиться как вопросы и ответы.

Диалоги неминуемо должны были появиться в творчестве Юрия Вэлла. Примечательна его книга «Земля любви. Диалоги»²⁹. Однажды Юрий получил письмо от монахини из монастыря на Волге, которая написала, что её потрясли его стихи, и она решила прислать ему свои. Вэлла никогда не встречался с этой женщиной, но она стала его соавтором. Н. из монастыря на Волге и Вэлла со Стойбища-на-Тюйтяхе создали диалог «Этот совершенный мир». Стихи и проза перемежаются и создают ощущение разговора двух людей, которые хотят понять, что значит совершенный мир, гармония. Есть в книге и диалог с поэтом Татьяной Юргенсон:

А близкий друг –
Далёк.

---

²⁹ Вэлла Ю. Земля Любви: диалоги. Второе издание, дополненное. Ханты-Мансийск, 2011.

Хоть рука друга –
Вот она,
Рядом,
Хоть сидим мы в одной лодке,
Но отделяет нас
Неосторожно сказанное слово.

В этой же книге есть ещё диалог Вэллы и Н. Скотта Момадэя – американского писателя индейского происхождения – «Размышления в ожидании Медвежьего игрища»³⁰. Юрий и Скотт стали собеседниками, хотя говорили и писали на разных языках. Не случайно их в книге объединил именно Медвежий праздник, на котором всегда с древних времён были представлены разные культуры, и который объединял эти культуры и разных людей.

Схожи и пути к творчеству этих писателей. Скотт в интервью мне говорил, что когда он начинал писать, от него как от индейца ждали рассказов о вигвамах, и он стал писать детективы. Юрий тоже сравнительно мало писал о фольклорных сюжетах в своих произведениях. Собираение фольклора было его профессиональной деятельностью, он записывал своих «сородичей», собирал архив лесных ненцев. А в жизни и творчестве Вэллы использовал скорее не фольклорные сведения, а знания лесных ненцев, расшифровывая, разъясняя, переводя их для нас.

Творчество и общественная деятельность Юрия Вэллы сыграли безусловно большую роль в распространении знаний о языке и культуре коренных народов Севера, в первую очередь ненцев, в стране и мире. Публикации его книг-диалогов уже самим фактом своего существования ставят знак равенства

---

³⁰ В окончательном варианте этого произведения, изданного в 2013 году отдельной книгой в авторской редакции, диалог называется «Размышления после Медвежьего игрища» – *Прим. сост.*

между разными языками, людьми и народами. В современном мире развитие северных культур сталкивается с многочисленными препятствиями. Это и промышленное освоение, и изменение климата, но ещё в большей степени отсутствие понимания важности культурного разнообразия, диалога. Проекты Юрия Вэллы направлены не только на сохранение хрупкой цепочки «земля – ягель – олень – оленевод – внук оленевода», но и на развитие сопричастности, гуманитарных идей многокультурности в общепланетарном масштабе.

АВТОРЫ ПУБЛИКАЦИЙ

АЙВАСЕДА Атени Соболевна (1930–2022) – мать Ю. К. Айваседы (Вэллы). Родилась в 1930 г. на р. Пур, из рода Тётт. Всю жизнь проработала в пос. Варьёган: в школе, в колхозе, ПОХе. Косила сено, рыбачила, жила в лесу. Односельчане отмечают её огромное трудолюбие. Вырастила троих детей. Знала досконально хантыйский и ненецкий языки, традиции. Муж, Казамкин Ефрем Ильич, был первым в своё время коммунистом. Атени Соболевна обладала природным даром запоминать всё из своей культуры. Участница многочисленных выставок, конкурсов, фестивалей. Выступала в ансамблях “Пяшита”, “Щэ’эв ни”. Обладала удивительно сказочным голосом.

АЙВАСЕДА Елена Фёдоровна – жена Ю. К. Айваседы (Вэллы). Глава большого рода Айваседа (Вэллы), в котором четверо её дочерей, 16 внуков и 12 правнуков.

АЙПИН Еремей Данилович – государственный и общественный деятель, советский и российский писатель, член Союза писателей СССР/России (с 1981 года), Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа (1998), лауреат Международной литературной премии «Югра» (2013), лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2014), Президент Ассоциации финно-угорских писателей (2023). Автор 44 прозаических произведений, которые переведены на английский, французский, финский, венгерский и другие языки.

АРЗАМАЗОВ Алексей Андреевич – доктор филологических наук, профессор Института русского языка РУДН им. Патриса Лумумбы, руководитель Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН. Автор 25 книг (монографии, учебные пособия, сборники поэтических текстов, публицистики), свыше 150 научных работ в отечественных и зарубежных изданиях (журналы WoS, Scopus, ВАК, РИНЦ) по финно-угристикe и тюркологии, теории литературы, литературоведческой компаративистике. Член Союза писателей России.

БАЛАЛАЕВА Ольга Эдуардовна – кандидат филологических наук, этнолог, финно-угровед (г. Москва).

БАТЯЕВА Ирина Григорьевна – на Север приехала в 1981 году, свою трудовую деятельность начинала корреспондентом в многотиражной газете объединения Нижневартовскнефтегаз «Нефтяник», с открытием газеты «Новости Приобья» 5 лет работала в первом составе редакции, писала на социальные темы, основной же темой была тема Севера и коренного населения.

БИКИНЯЕВА Ляйля Галиевна – учитель русского языка и литературы школы им. Якина в селе Чикча Тюменского района. В 2005 году окончила Тюменский государственный университет, магистр филологии по направлению «филология». Автор цикла статей о творчестве Ю. Вэллы.

ВАСИЛЬЕВА Ольга Владимировна – искусствовед, педагог, журналист. Основатель первого в России Музея современного искусства. В 1980–1990-е годы, живя и работая в г. Нижневартовске, активно занималась продвижением творчества Ю. Вэллы. В настоящее время живёт и работает в Москве.

ВАЩЕНКО Александр Владимирович (1947–2013) – советский и российский филолог, писатель, переводчик, специалист в области мифов народов мира, в особенности – мифов американских индейцев. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. Перевёл многие произведения Ю. Вэллы на английский язык.

ГЛУХИХ Альбина Сергеевна – заслуженный работник культуры СССР, награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», имеет звание «Легенда Югорской журналистики». 52 года проработала в окружной газете «Новости Югры».

ГНЕДОВСКИЙ Михаил Борисович – кандидат исторических наук. Ведущий аналитик Московского центра музейного развития. С 2003 по 2015 гг. – директор Института культурной политики.

ГОБЗЕВ (Карпенко) Иван Александрович – кандидат философских наук. В начале 2000-х писал статьи о литературе коренных народов Севера для «Литературной России», которые затем были изданы отдельной книгой «Цветы во льдах».

ГЫНГАЗОВ Николай Иванович – фотохудожник, 60 лет отдал Северу, был свидетелем и участником нефтяного становления Югры, работал во многих изданиях ХМАО, Тюменской области, принимал участие во многих экспедициях и изданиях Юрия Вэллы.

ДВОЕГЛАЗОВ (Купор) Владимир Петрович (1946–1985) – советский писатель-прозаик, журналист. С детских лет жил в г. Ханты-Мансийске. В 1971 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первый

тюменский прозаик, удостоенный литературной премии журнала «Сибирские огни» (1987) за повесть «Что скажет генерал?».

КАРЫМОВА Тайна Юрьевна (в девичестве Айваседа) – старшая дочь Юрия Вэллы, с 2016 по 2021 гг. – экскурсовод «Дома-музея писателя Ю. Вэллы» в Варьёгане. Ведёт исследовательскую деятельность, собирает материалы о жизни и творчестве отца, популяризирует его в соцсетях.

КИРИЛЛОВ (Северский) Игорь Викторович – с 1976 г. живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе. Член Союза российских писателей, Союза журналистов России, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

КОРНИЕНКО Ольга Геннадьевна – публицист, режиссёр документального кино, издатель, педагог. С 1996-го по 2013-й Юрий Вэлла – основной герой её публикаций, телевизионных сюжетов и передач. Автор публикаций в российских и зарубежных изданиях, издательских проектов «Загадка моя!» (на пяти языках, 2009), «Азбука оленевода» (на семи языках, 2011), «Последний монолог» (2016). Редактор-составитель (совместно с Ю. Вэлла) книги «Путём Хозяйки Агана» (по следам почтовой экспедиции, 1998), документальных фильмов о Юрии Вэлле «Путём Хозяйки Агана» (1998), «Стойбище на Тютятхе» (2001), «Жертвоприношение» (2005), «Последний монолог» (2014). С 2013-го года история жизни Ю. Вэллы становится неотъемлемой частью всех аспектов просветительской деятельности: авторских встреч, кинопоказов, семинаров и лекций в школьных, студенческих и иных аудиториях в России и за рубежом.

КОСПОЛОВ Эмиль Иванович (1940–2021) – знаток традиций обских угров, один из лучших исполнителей музыки и песен коренных малочисленных народов Югры, участник различных фестивалей, национальных праздников, один из создателей музея «Торум-Маа» в г. Ханты-Мансийске, сподвижник Юрия Вэллы по созданию Этнографического музея в Варьёгане.

КОСТЫЛЕВ Леонид Михайлович (1940–2001) – с 1971 г. работал в редакции газеты «Тюменская правда», с 1982-го – собственный корреспондент газеты в г. Новый Уренгой. Избирался членом правления областной организации Союза журналистов СССР.

ЛАГУНОВА Ольга Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии и журнали-

стики ТюмГУ (с 2008). Автор монографии «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)», Тюмень, 2007; в соавторстве с С. А. Комаровым написала монографию «На моей Земле: о поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века», Екатеринбург, 2003 (О. К. Лагуновой написаны главы о прозаиках (Е. Айпин, А. Неркаги) и поэтах (Ю. Вэлла, Р. Ругин); автор нескольких десятков работ о литературах коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири.

ЛАРИОНОВА Вера Владимировна – сокурсница Юрия Вэллы по Литературному институту имени А. М. Горького, журналист (г. Москва).

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович – окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1975). Автор многих книг прозы. Редактор-составитель литературных сборников «Кедровая грива», «Под северным небом», «Высокие широты». Член Союза писателей России. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

МАДИСОН Андрей Освальдович (1952–2009) – русский поэт, журналист, публицист. Сотрудник Музея Льва Толстого в Москве. В 1999–2000 гг. работал редактором отдела политики в интернет-издании «Русский журнал». В 1997 году был учителем в стойбищной школе Юрия Вэллы.

МЕЛЬНИКОВ Михаил Никифорович (1921–1998) – один из крупнейших учёных-фольклористов Сибири, профессор Новосибирского государственного педагогического института (университета), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей СССР.

МЕНЬШОВ Юрий Викторович – сокурсник Юрия Вэллы по Литературному институту имени А. М. Горького. В 2013 году вышла совместная с Ю. Вэлла книга «Сокурсники».

МИСЬКОВА Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра медицинской антропологии. Во время учёбы в аспирантуре и работы в МГУ предприняла долгосрочное полевое исследование в Аганском районе Ханты-Мансийского автономного округа. В 1996–97 гг. была учителем в стойбищной школе Юрия Вэллы.

МОМАДЭЙ Наварр Скотт (27.02.1934–24.01.2024) – американский писатель индейского происхождения, новеллист из племени кайова, автор

коротких рассказов, эссеист и поэт. Член Американской академии искусств и наук. Имеет 20 почётных степеней от различных колледжей и университетов. Его роман *House Made of Dawn* («Дом из рассвета») был удостоен Пулитцеровской премии за художественную литературу в 1969 году и считается первым крупным произведением эпохи Возрождения коренных американцев.

Пока мы работали над этим изданием, его не стало. Светлая память...

НОВИКОВА Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН. С 1978 г. ведёт полевые исследования у народов Севера (ханты, манси, ненцев, эскимосов, уильта, нивхов и других). Автор около 200 научных публикаций. С середины 1990-х занимается изучением взаимодействия коренных народов Севера, нефтяных компаний и органов власти в контексте правового плюрализма. Юрий Вэлла – один из героев её монографии «Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии» (Москва, Наука, 2014), которая посвящена его памяти.

ОГРЫЗКО Вячеслав Вячеславович – российский литературовед и публицист, критик, журналист, историк литературы. Главный редактор газеты «Литературная Россия» в 2004–2021 годах. Член Союза писателей России.

РАНСЕНЕ Анна – сокурсница Юрия Вэллы по Литературному институту имени А. М. Горького, поэт, драматург (г. Резекне, Латвия).

РОМЕРО Нэйтан (пуэбло Кочити) – студент из класса Сьюзен Скарбери-Гарсия Университет «IAIA» (США).

САМАХОВА Ирина Александровна – советский и российский научный журналист из новосибирского Академгородка и общественный деятель. До 1990 года – корреспондент еженедельника «Наука в Сибири», затем была собственным корреспондентом по Сибири в «Литературной газете», «Огоньке», «Общей газете».

СЕМЁНОВ Александр Николаевич – доктор педагогических наук. Автор учебников, учебных пособий для учителей, учащихся, студентов, монографий и статей по истории, теории и методике преподавания литературы. Член Союза писателей России (с 2012 года). Лауреат педагогической премии им. В. Сайле (1991), литературной премии «Югра» в области критики и литературоведения (2009), литературной премии Уральского федерального округа (2012).

СКАРБЕРРИ-ГАРСИЯ Съюзен – доктор Института искусств американских индейцев Университета Нью-Мексико.

СКОТТ Шейн – американский журналист и писатель (New York Times). С 1988 по 1991-й год – московский корреспондент Baltimore Sun. Был свидетелем переломного момента в современной истории России. Его книга «Демонтаж утопии: как информация положила конец Советскому Союзу» предоставила блестящее представление о коренных причинах падения советского строя. В это же время он пишет цикл материалов «Аборигены».

ТУЛУЗ Ева – председатель Парижского Общества по развитию финно-угорских исследований, профессор Национального института восточных языков и культур INALCO (г. Париж, Франция). Переводчик произведений Ю. Вэллы на французский язык, редактор переводов на английском, автор многих научных и научно-популярных статей о Ю. Вэлле на французском, английском, русском и эстонском языках. Соавтор (в соавторстве с Лийво Нигласом, Эстония) единственной книги о Юрии Вэлле на английском языке «Yuri Vella's fight for survival in Western Siberia: Oil, Reindeer and Gods, Cambridge scholars» (Борьба Юрия Вэллы за выживание в Западной Сибири: нефть, олени и боги. Кембридж), 2019.

УИГЕТ Эндру – антрополог, специалист по коренным народам Америки и Сибири, профессор университета Нью-Мексико (США), преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова.

ШАРАПОВ Юрий Павлович – сокурсник Юрия Вэллы по Литературному институту имени А. М. Горького.

ШАРПЕН Анн-Виктуар – д.ф.н., PhD по антропологии, профессор INALCO (г. Париж, Франция).

ШИРОНИНА Татьяна Леонтьевна – с 1984 года работала в газетах «Нефтяник», «Варта», «Местное время» (г. Нижневартовск). С 2003 по 2013 год – начальник отдела по связям с общественностью ОАО «Аганнефтегазгеология». В этот период времени при финансовой поддержке акционерного общества была выпущена в свет книга Юрия Вэллы «Поговори со мной».

ЮРГЕНСОН Татьяна Владимировна – журналист, член Союза писателей России, главный редактор альманаха «Эринтур». Соавтор Ю. Вэллы в первом диалоге «Охота на лебедей». Друг семьи.

Информация об авторах статей представлена на момент выхода настоящего издания и может не совпадать с действительной.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В издании использованы графические иллюстрации Надежды Михайловны ТАЛИГИНОЙ (кандидат исторических наук, член Союза художников России, первый профессиональный живописец из числа женщин коренных народов крайнего Севера).

* «Сосны», 1991 (том I, стр. 32-33); «Спуск», 1989 (том I, стр. 68);

«На кладбище», 1993 (том II, стр. 425):

из фондов МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва»;

* «Встреча», 1991 (том I, стр. 152-153); «Горячей золой и пеплом...», 2006 (том I, стр. 162), «Человек ростом с мизинец», 2006 (иллюстрация к одноимённой сказке Р. Ругина, том I, стр. 309); «Кормление собак», 1988 (том I, стр. 316-317); «Ноябрь. Месяц застывания Оби», 2002 (том I, стр. 329) «Май. Месяц отёла оленей», 2002 (том I, стр. 364); «Священное место», 1990 (том II, стр. 8-9:); «Свадебный поезд», 1999 (том II, стр. 184-185); «Старый дом», 1988 (том II, стр. 298):

из фондов ГАУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского»;

* «Пастбище», 1992 (том I, стр. 236-237); «Свадьба», 1992 (том II, стр. 244-245); «Жертвоприношение», 1996 (том II, стр. 356):

из фондов СП «Музейный комплекс имени Ивана Яковлевича Словцова» ГАУК Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение»;

* «Перед рыбалкой», 1998 (том II, стр. 214-215):

из фондов МБУК «Приуральский районный краеведческий музей».

Другие иллюстрации созданы специально для издания или любезно предоставлены автором из личной коллекции.

«Юрий Вэлла работал с авторами, которые адекватно его текстам создавали пространство книги. Среди тех, с кем он сотрудничал – Н. Талигина. И это, конечно, не случайно. У них обций тип художественного мышления. Оба носители традиционной культуры, глубоко знающие её, хранители и продолжатели этой культуры в современных формах – поэзии и графике. Талигина – иллюстратор ряда поэтических фольклорных сборников северных ханты. Её отличает стилистика, в которой этнографическая жизненная достоверность соединяется с поэтикой, ярким образным началом».

*Н. Фёдорова,
искусствовед*

СПИСОК ИЗДАНИЙ

- К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА – с 1956 по 1990-й год – Сургутская районная газета. С 5.05.1990 – городская газета «Сургутская трибуна».
- ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ – в 1956 году орган Ларьякского (с 1962 года – Нижневартовского) районного комитета КПСС и с 1972 года – районного Совета депутатов трудящихся. С 1.01.1991 – «Местное время».
- НЕФТЯНИК (1979 – по н.в.) – многотиражная газета ПО «Нижневартовскнефтегаз».
- ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА – старейшая газета Ханты-Мансийского автономного округа. Первый номер вышел 7.07.1931. С 1.01.1991 – «Новости Югры».
- БРАТСТВО – сборник из Серии «Большая судьба малых народов», вышедший в 1982 году в г. Новосибирске. Сборник состоит из трёх разделов: 1. Свобода, 2. Равенство, 3. Братство.
- ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА – старейшая областная газета из ныне существующих.
- ТЮМЕНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ – областная комсомольско-молодёжная газета, выходит с 1953 года. Первая публикация Ю. Вэллы в этом издании – эссе «Мать-тайга» – появляется в 1970 году.
- СЕВЕРНЫЕ ПРОСТОРЫ (1985–2006) – журнал о Севере и народах, его населяющих.
- ВАРТА (1991 – по н.в.) – газета выходит в г. Нижневартовске.
- НОВОСТИ ПРИОБЬЯ (1990 – по н.в.) – газета выходит в Нижневартовском районе.
- СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА – 4 декабря 1989 года выходом своего «нулевого» номера обозначила дерзкую попытку становления в России (тогда еще СССР) независимой межрегиональной прессы, а Новосибирск – в качестве информационной столицы Сибири на излёте XX века. Прекратила выход в 1998 году.
- РУССКИЙ ЖУРНАЛ – старейший российский сетевой журнал, первая российская политическая трибуна в интернете. Основан в 1997 году.
- ОБЩАЯ ГАЗЕТА – появилась в дни путча 1991 года как ответ на закрытие путчистами центральных и московских демократических изданий.
- СЛОВО НАРОДОВ СЕВЕРА (1993 – по н.в.) – общероссийская газета коренных народов Севера. В 2015 году переименована в «Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».
- ИНВОЖО («Солнцеворот» – удмурт.) – ежемесячный журнал для молодёжи, выпускаемый в Удмуртии с 1990 года на удмуртском и русском языках.
- ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ (1958 – по н.в.) – еженедельная литературно-публицистическая газета.
- МИР СЕВЕРА (1997 – по н.в.) – этнополитический и литературно-художественный журнал, освещает процессы, происходящие в Арктике (учредитель журнала – редакция газеты «Литературная Россия»).
- STUDIA LITTERARUM (2016 – по н.в.) – научный филологический журнал Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, посвящённый фундаментальным исследованиям по истории и теории мировой литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ³¹

1. Вести из стойбища : стихотворения / Ю. К. Вэлла ; ред. Г. А. Гилевич ; худож. Р. Я. Атлас. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 96 с. – ISBN 5-7529-0363-7.
2. Вести из стойбища : кн. 2-я / Ю. К. Вэлла. – Радужный : гор. тип., 1991. – 48 с.
3. Белые крики: Книга о вечном / Ю. К. Вэлла ; ред.-сост. Л. Цареградская ; худож. А. Мухаметова. – Сургут : Северный дом, 1996. – 168 с., 6 ил.
4. Путём Хозяйки Агана : сборник материалов фольклорно-этнографической экспедиции, осуществлённой на реке Аган Нижневартовского района в 1996 г. / О. Г. Корниенко, Ю. К. Айваседа ; худож. В. Н. Довган ; фот. : О. Г. Корниенко, Н. И. Гынгазов. – Нижневартовск : Приобье, 1999. – 112 с. ; 72 л. : фот., ил.
5. Белые крики: Книга о вечном / Ю. К. Вэлла (Айваседа) ; ред.-сост. Л. Цареградская ; худож. А. Мухаметова. – Сургут : Нефть Приобья, 2000. – 168 с. : ил. – ISBN 5-93278-008-8.
6. Лесные боли : набор закладок по творчеству Ю. Вэллы / сост. : Н. Ф. Демидова, О. В. Стряпчая ; худ. Т. Попкова ; Муниципальное информационно-культурное учреждение «Библиотечная система» Нижневартовский район. – Излучинск : Приобье, 2000. – 1 обл. (10 отд. л.) : ил. – (Экология и книга).
7. О вечном : набор закладок по творчеству Ю. Вэллы / сост. Н. Ф. Демидова ; рис. Ю. Вэлла. – Излучинск : Приобье, 2001. – 1 обл. (10 отд. л.) : рис. – (Экология и книга).
8. Охота на лебедей : диалог / Ю. К. Вэлла, Т. В. Юргенсон ; худож. Л. В. Мунтян (Левша). – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. – 10 с.
9. Триптихи : (Три по семь) / ненец., рус. Ю. К. Вэлла. ; пер. на фр. Е. Тулуз ; фото Н. Гынгазов ; худож. : А. Мухаметова, Ю. Бычков. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. – 170 с. – Текст на ненец., рус. и фр. яз. ; фото. – ISBN 5-89846-061-6.
10. Ковсой Чи: загадки от Татвы : набор закладок / Ю. К. Вэлла ; худ. пер. с ненец. яз. Ю. К. Вэлла ; пер. на фр. Э. М. Рянская ; сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; худож. Л. Мунтян ; фот. И. Репников. – Новосибирск : Солярис, 2002. – 1 обл. (9 отд. л.) : цв. ил.

---

³¹ Библиографическое описание сделано по ГОСТу 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТу 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

11. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу / Ю. К. Вэлла ; Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ; ред.-сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; перевод на эст. Арт Леэте ; фот. : Ю. П. Шарапов, А. Н. Перминов ; рис. Лилия Мунтян. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. – 136 с.: [5] вкл. л. – Текст на ненец., рус., эстон. яз. – ISBN 5-89846-386-0.
12. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу : второй вариант / Ю. К. Вэлла ; ред.-сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; фот. : Ю. П. Шарапов, А. Н. Перминов ; фото сказителя Татвы : Каур Мяги ; пер. на фр. : Э. М. Рянская, Е. Тулуз ; худож. Лилия Мунтян. – Нижневартовск : Приобье, 2004. – 127 с.: [10] вкл. л. – Текст на ненец., рус., франц. яз.
13. Азбука оленевода: В помощь тому, кто изучает этнографию, культурологию и оленеводство : 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Ю. К. Вэлла (Айваседа) ; Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ; ил. Ю. Бычков. – Нижневартовск : СПБ. : Мегасибпром, 2005. – 44 с. ; 11 цв. фото.
14. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: третий вариант / Юрий Вэлла ; ред.-сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; пер. на англ. А. В. Ващенко ; худож. : Лилия Мунтян, Юрий Бычков ; фото сказителя Татвы: Каур Мяги (Эстония) ; фото «Поцелуй» : Кристиан Фагт (Германия) ; фото Юрий Шарапов, Андрей Перминов. – Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. – 141 с., цв. фот. ; [2] вкл. л. – Текст на ненец., рус, англ. яз. – ISBN 5-89545-258-2.
15. Поговори со мной : Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу : четвёртый вариант / Юрий Вэлла ; перевод на венгерский Янош Пустаи ; фото сказителя Татвы : Каур Мяги ; фото Ю. Вэллы с Котофеем: Альберт Вахитов ; фото Юрий Шарапов, Андрей Перминов ; художник и художественный редактор Юрий Бычков. – Нижневартовск : Приобье, 2006. – 164 с. – 34 ил., 2 цв. вклейки. – ISBN 9-93104-033-1.
16. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: третий вариант/ Ю. К. Вэлла ; ред.-сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; пер. на англ. А. В. Ващенко; худож. : Л. В. Мунтян, Ю. А. Бычков. – Санкт-Петербург : ООО «Миралл», 2007. – 152 с. : ил. – Текст. на ненец., рус., англ. яз. – Изд. 2-е.
17. Ветерок с озера: проза и всё, что напоминает прозу, 7 × 7, 1968–2008, Варьёган – Стойбище-на-Тюйтяхе / Ю. Вэлла ; пер. на англ. яз. А. В. Ващенко ; коллажи Р. Н. Шайхулов ; фото : Т. Юргенсон, Ю. Шарапов, А. Перминов ; ил. Н. Талигина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 172 с. ; Книга-перевертыш. – Приплетено: Breezefrom the lake: prose and prose-like pieces, 7 × 7, 1968–2008, Variogan – Reindeer camp

- on Tui-Tiah / Y. Vella. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 163 с. – ISBN 978-5-89846-754-8.
18. Загадка моя! = Мулл-мудькемо! = Guess my riddle! = Was ist das! / авт. проекта: О. Корниенко ; составитель книги, перевод на русский язык: Ю. Вэлла; перевод на английский и ненецкие языки: рабочая группа «Западная Сибирь», Каролин Гроссе, Штефан Дудек; иллюстрации Натальи Волик-Цыбиной. – Омск : Чайка, 2009. – [87] с. : цв. ил.; 19 см + 1 CD-ROM. – Заглавие обложки: Мулл-мудькемо! – Текст на русском, хантыйском, немецком и английском языках.
  19. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу : пятый вариант с переводами на язык ханты / Ю. К. Вэлла ; Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО ; ред.-сост. : Н. Ф. Демидова, Т. В. Юргенсон ; худож. Н. М. Талигина ; фот. А. Бессмертных и др. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 159 с. – Текст на рус., хант. яз. – ISBN 978-5-89846-751-7.
  20. Земля любви: диалоги / Ю. К. Вэлла ; фот. Т. В. Юргенсон и др. ; коллажи: Р. Шайхулов ; худож. : Л. В. Мунтян, Н. М. Талигина, Ф. В. Хазырова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – 73 с. ; Книга-перевёртыш. – Приплетено: The land of love: dialogues / Y. Vella. – Khanty-Mansiysk : Polygraphist, 2009. – 74 с. – Текст на рус. и англ. яз. – ISBN 8-978-89846-867-5.
  21. Нити родства: проза / Ю. К. Вэлла ; худож. : В. Г. Миляева, сёстры Гайша и Фатима Хазыровы ; пер. на англ. яз. : А. В. Ващенко, сёстры Екатерина и Елена Журавлёвы ; фот. : А. В. Ващенко, М. Вагнер. – Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр ЮГУ, Доминус, 2010. – 74 с. ; Книга-перевёртыш. – Приплетено: Threads of Kinship / Y. Vella. – Khanty-Mansiysk, 2010. – 50 с. : ил. – Текст на рус. и англ. яз. – ISBN 978-5-9611-0056-3.
  22. Река Аган со притоками: Опыт топонимического словаря: Бассейн реки Аган. В 3 ч. Часть первая: топонимика вдоль русла реки Аган / Ю. Вэлла ; реценз. : Ева Тулуз, С. Луцкий ; фото Н. Гынгазов и др. – Ханты-Мансийск : Информ.-издат. центр Югор. гос. ун-та, 2010. – 146 с., [2] вкл. л. : ил., карты, фот. – Текст на рус., ненец., хант. яз. – ISBN 978-9611-0053-2.
  23. Азбука оленевода / Ю. Вэлла ; худ. ред. О. Корниенко ; фот. М. Вагнер. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с.
  24. Земля любви: диалоги / Ю. Вэлла ; перевод на англ. : А. Ващенко ; худож. Л. В. Мунтян и др. ; фот. Т. В. Юргенсон и др. – 2-е изд. доп. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. – 101 с. : ил., цв. фот. ; Книга-перевёртыш. – Приплетено: The land of love: dialogues / Y. Vella. –

- Khanty-Mansiysk: Print-Klass, 2011. – 107 с. – Текст на рус. и англ. яз. – ISBN 978-5-4289-0010-1.
25. Нити родства: проза / Ю. К. Вэлла ; худож. : В. Г. Миляева, Р. Н. Шайхулов ; пер. на англ. яз. : А. В. Ващенко, сёстры Екатерина и Елена Журвлёвы ; фото : А. Ващенко, из семейного альбома Ю. Вэллы. – Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр ЮГУ, 2010 ; Доминус, 2011. – 72 с. : с ил. Изд. 2-е.; (Книга-перевёртыш) – Приплетено: Vella, Yuri. Threads of kinship / Y. Vella. – Ханты-Мансийск : Доминус, 2011. – 48 с. – ISBN 978-5-9611-0056-3.
  26. Разноцветное небо : стихи, рассказы / Ю. К. Вэлла ; автор вступ. ст. В. В. Ар-Серги. – Ижевск : Известия Удмуртской Республики, 2011. – 39 с. – Библиотека «Известия Удмуртской Республики».
  27. Река Аган со притоками: Опыт топонимического словаря: Бассейн реки Аган. В 3 ч. Часть вторая: топонимика притоков реки Аган / Ю. К. Вэлла ; реценз. : Ева Тулуз, Сергей Луцкий ; фото : А. Сидаш, М. Вагнер, из семейного альбома Ю. Вэллы. – Ханты-Мансийск : ООО «Доминус», 2012. – 186 с., [2] вкл. л.: карты, ил., цв. фот. – Текст на рус., ненец., хант. яз. – ISBN 978-5-905751-07-3.
  28. Река Аган со притоками: Опыт топонимического словаря: Бассейн реки Аган. В 3 ч. Часть третья: дороги, населённые пункты, святылища, аномальные места в бассейне реки Аган. Справка об информантах / Ю. К. Вэлла, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» ; реценз. : Ева Тулуз, Сергей Луцкий. – Ханты-Мансийск : Юграфика, 2012. – 150 с., [2] вкл. л. : цв. фот., карты, фот. – Текст на рус., ненец., хант. яз. – ISBN 978-5-905751-18-9.
  29. Поговори со мной: Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: шестой вариант, с переводами на тюркские языки / Ю. К. Вэлла ; худож. : Г. В. Хазырова, Ф. В. Хазырова, Р. Н. Шайхулов. – Ханты-Мансийск : ООО «Принт-Класс», 2013. – 207 с. : ил. – Текст на ненец., рус., татар., башкир. яз. – ISBN 978-5-89846-751-7.
  30. О реке, о любви и не только... Сокурсники: диалоги / Ю. К. Вэлла, Ю. В. Меньшов ; худ. О. Павловский ; фото Ева Тулуз. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2013. – 80 с. : ил., фот. – Книга-перевёртыш. – ISBN 978-5-89988-992-9.
  31. Размышления после Медвежьего игрища: диалог / Н. С. Момадэй, Ю. К. Вэлла ; худож. В. Г. Миляева ; фот., пер. на англ. А. В. Ващенко. – Ханты-Мансийск : Юграфика, 2013. – 37 с. : цв. ил., [1] вкл. л. ; Текст рус., ненец., англ. яз. – Книга-перевёртыш.
  32. Последний монолог: стихи / Юрий Вэлла ; авт. проекта О. Корниенко ; Департамент культуры, молодёжной политики и спорта г. Сургута. –

- Екатеринбург : Уральский рабочий, 2015. – 12 с. : 15 ил. – (Год сохранения и развития традиционных промыслов и ремёсел, исторического и культурного наследия народов, населяющих Югру).
33. Последний монолог : видеофильм / О. Корниенко ; Департамент культуры, молодёжной политики и спорта г. Сургута. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2015. – 1 эл. опт. диск (DVD-ROM).
34. Живой музей / Юрий Вэлла ; записал рассказы, предисловие, перевод на англ. М. Б. Гнедовский. – Москва : Перо, 2016. – 64 с. // Vella. Y. The spirit of museum. – Moscow, Publishing house “Pero”, 2016. – 64 p. / – Книга-перевёртыш. – ISBN 978-5-906862-79-2.
35. Избранное : проза, поэзия / Ю. К. Вэлла ; сост. Т. В. Юргенсон ; ил. М. Мунтян. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2017. – 63 с. : ил. – ISBN 978-5-00047-407-5.

ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ, АЛЬМАНАХАХ

36. Пой мне, жаворонок; Осенний дождь; Кукушечка; Первый снег; Бабушке Ненги : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Близок Крайний Север : сб. произведений молодых писателей народностей Севера и Дальнего Востока / сост. И. Буркова. – Москва, 1982. – С. 178–180.
37. Песня ненецкого мальчика; Первый снег : стихотворения / Ю. К. Вэлла // На семи ветрах: Рассказы, стихи, сказки писателей народов Крайнего Севера и Дальнего Востока / сост. И. Е. Буркова ; художник В. А. Сальников. – Москва : Детская литература, 1984. – С. 44.
38. Наедине : рассказ / Ю. К. Вэлла // Охотничьи просторы : альманах. – Москва : «Физкультура и спорт», 1987. – Вып. 44. – С. 80–83.
39. Шай-ики; В буран : рассказы / Ю. К. Вэлла // Действуйте по обстоятельствам : повесть и рассказы молодых тюменских прозаиков / сост. С. Ермаков. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. – С. 235–254.
40. Первый снег; Осенний день; Ты уехала; У телевизора; На троллейбусной остановке; «Если не вернулся...»; Письмо; Белые крики; «А вокруг холодный снег...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Времена, в которые верю / сост. и авт. предисл. Н. В. Денисов. – Свердловск, 1989. – С. 15–26.
41. Бабушке Ненги : стихотворение / Ю. Вэлла // Ленинская правда. – 1990. – 6 дек. – С. 6.
42. Песня оленевода : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Стихи местных поэтов. – Нижневартовск, 1991. – С. 10–16.
43. Твоя Родина; «Ты – родина твоя...»; Песня старого оленевода Аули; Отнята земля – отнята душа; Спой мне песню, Ланэй; «Я назвал бы тебя солнцем...»; «О, тайга!...»; «Здесь была сосна...» : из книги

- «Вести из стойбища» : стихи и проза / Ю. К. Вэлла // Знамение. / ред.-сост. Е. К. Максимова. – Сургут, 1993. – С. 5–22.
44. Кукушечка; Песня ненецкого мальчика; Первый снег; Мутация; Боль вторая : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Северные родники. – Сыктывкар, 1995. – С. 290, 291, 399–401, 403.
  45. «Ты – родина твоя...»; Песня ненецкого мальчика : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Сургут поэтический. – Сургут, 1995. – С. 23.
  46. Пой мне, жаворонок; Кукушечка; Осенний дождь; Первый снег; Бабушке Ненги : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Родная литература: ненецкая, хантыйская, мансийская, селькупская / Л. В. Федорова. – Тюмень : Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1995. – Ч. 1. – С. 136–138.
  47. Весть с Ватьёганского стойбища; «Если не вернулся...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Литература Тюменского края : Хрестоматия 10–11 кл. – Тюмень, 1996. – Кн. 3. – С. 212, 219.
  48. Перед закатом солнца : стихотворение в прозе ; «Сегодня утром дождь...»; «Мне часто приходят на ум слова...» : стихотворения ; Шай-ики : рассказ ; «Облака на небе высоко?» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Литература Тюменского края : Хрестоматия 5–7 кл. – Тюмень, 1996. – Кн. 1. – С. 74, 159, 182, 246–255, 289.
  49. Бабушке Ненги; Разноцветное небо; О чём кукует кукушка : стихотворения ; сказка бабушки Ненги; Молчание : эссе / Ю. К. Вэлла // Лукоморье. – Тюмень, 1997. – С. 36–40, 223–225.
  50. Белые крики : [отр. из кн.] / Ю. Вэлла // Литература Тюменского края : Книга для учителя и ученика. – Тюмень, 1997. – С. 103–106.
  51. Весна у колодца : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Зори Самотлора : альманах ; вып. 1 / гл. ред. М. К. Анисимкова. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. – С. 17.
  52. О чём кукует кукушка : сказка; Пой мне, жаворонок, пой : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Мы – дети природы. – Ханты-Мансийск, 1997. – С. 57, 58.
  53. Песня ненецкого мальчика : проза, поэзия / Ю. К. Вэлла // Слово родного Севера : книга для чтения по литературе коренных народов Севера Западной Сибири (манси, ненцы, ханты). – Екатеринбург, 1997. – С. 127–132, 341–354.
  54. Бабушке Ненги; Разноцветное небо; Облака на небе; Сегодня утром дождь; Если не вернулся : стихотворения ; Перед закатом солнца; Мне часто приходят на ум : стихи в прозе ; О чём кукует кукушка; Сказка бабушки Ненги; Молчание; Шай-ики; Весть с Ватьёганского стойбища : проза / Ю. Вэлла // Лукоморье : Литературная хрестоматия : Книга для учащихся 5–7 кл. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – С. 312 – (Российская провинция от Карского моря до Приишимских степей).

55. Весенний триптих: Разноцветное небо; Такое разное небо; Вечное небо : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 1998. – Вып. 3. – С. 11–15.
56. Купание на рассвете; Перед охотой; Жизнь, дающая силы и мне; На троллейбусной остановке; Пожелание счастья: Предисловие к поцелую по-ненецки : стихотворения.; Ысчетка-шаманишка и другие; На уроке; Как прикажете его называть? : рассказы ; У телевизора; Белые крики; Мутация; Возвращение : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Кедровая грива : стихи и проза литераторов Нижневартовского региона : 70-летию Нижневартовского района посвящается / ред.-сост. С. А. Луцкий. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – С. 51–76.
57. Определитель возраста : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Страна без границ: литературная хрестоматия для учащихся 8–11 классов: [в 2 кн. Кн. 1.] / сост.: Н. Н. Горбачёва, Н. А. Рогачёва. – Тюмень, 1998. – С. 414.
58. Как прикажете называть? : стихотворение // Страна без границ: литературная хрестоматия для учащихся 8–11 классов: [в 2 кн. Кн. 2.] / сост. : Н. Н. Горбачёва, Н. А. Рогачёва. – Тюмень, 1998. – С. 187.
59. Отрывки из стихотворений / Ю. К. Вэлла // Рисунки из стойбища: Живопись. Графика. Декоративно-прикладное искусство / А. Мухаметова. – Мегион, 1998. – С. 20, 23, 25, 28–30, 32, 34, 47, 69.
60. Сказка лесных ненцев, рассказанная в подмосковном лесу; У заброшенных гнездовий; Ожидание : рассказы / Ю. К. Вэлла // Последнее пришествие. – М., 1998. – С. 171–185.
61. «Ты – родина твоя...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Нижневартовский район: Страницы истории. – Мегион, 1998. – С. 29.
62. Нижневартовский район на пороге нового тысячелетия, 1928–1998 : очерк о Нижневартовском районе / авт.-сост., фотограф Н. Гынгазов ; текст А. Зыковой, Л. Булаховой. – Мегион : Мега Ойл, 1998. – 59 с. : фот. цв. ; 30 см. – Текст на рус. и англ. яз.
63. Загадки с реки Тром-Аган / пер., ред. Ю. К. Вэлла (Айваседа) // Западная Сибирь: история и современность. – Екатеринбург, 1999. – С. 107–109.
64. «Если по первому снегу...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2000. – Вып. 5. – С. 204.
65. Весна у колодца; Белые крики; Земляку, поселившемуся в городе; На троллейбусной остановке; Ты – родина твоя; Облака на небе высоко? : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Литература Югры. 1930–2000 : в 2 частях. Ч. 1. Поэзия : Антология / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Москва : Унисерв, 2001. – С. 159–164.

66. Шай-ики : рассказ / Ю. К. Вэлла // Литература Югры. 1930–2000 : в 2 ч. Ч. 2. Проза: Антология / ред.-сост. Н. И. Коняев. – М. : Унисерв, 2002. – С. 208–218.
67. Кукушечка; Песня ненецкого мальчика; Первый снег; Мутация; Белые крики; Боль вторая : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Северные родники / авт.-сост. Л. В. Фёдорова. – Тюмень : Изд-во Института проблем освоения севера СО РАН, 2001. – С. 250, 251, 388–391.
68. Земляку, поселившемуся в городе; Первый снег; Песня бабушки Ненги; «Здесь была сосна...»; На троллейбусной остановке; Определитель возраста : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России / сост. : А. А. Бурькин, Е. Р. Акбальян. – М. : Северные просторы, 2002. – Кн. 4. – С. 62–67.
69. Охота на лебедей: диалог / Ю. К. Вэлла, Т. В. Юргенсон // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 7. – С. 11–21.
70. Песня ненецкого мальчика; Первая кукушка : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ямальский калейдоскоп. – Тюмень, 2003. – С. 142, 143.
71. Татва : триптих ; Наивысшая форма гармонии : эссе ; Ветерок с озера : рассказ / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Пакрус, 2003. – Вып. 8. – С. 204–217.
72. Автопортрет / Ю. Вэлла // О времени, о литературе, о себе : литературно-критический сборник / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Сократ, 2004. – С. 36–37.
73. Первый снег : стихотворение ; На тропе : мудрые мысли из книги «Поговори со мной» ; Азбука для оленевода : триптих ; Прощальная песня Евы : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Зори Самотлора: литературно-художественный альманах / Городское литературное объединение «Замысел» ; гл. ред. М. К. Анисимкова. – Нижневартовск : ПолиграфИнвест-сервис, 2004. – Вып. 3. – С. 117–124.
74. Белые крики : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Окно в Югру : атлас-путеводитель / авт.-сост. В. М. Куриков ; рец. : Б. Ф. Мазуров, С. Е. Пузырев, Е. Г. Мазурова. – Екатеринбург : Зебра, 2005. – С. 329.
75. В зимние каникулы = Мячи'тацама'; Ненецкий триптих; Из древней песни: услышанное от Аули = Ванл петял: Аулихит намтмей; Лисичка и ворона = Чоня кохонь вальни котехень; Первый снег = Хыльа; Осенний день; Ты уехала; На троллейбусной остановке; «Если не вернётся...»; «А вокруг холодный снег...»; У телевизора; Белые крики; Письмо : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Из века в век. – М., 2006. – С. 218, 219, 236–258. – Текст на рус., ненец. яз.

76. Нешан пича = Приветствие ненца : рассказ / Ю. К. Вэлла (Айваседа) // Пяцитаң неша «вача «мы» : рассказы варьёганских ненцев. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 19. – Текст на ненец., рус. яз.
77. Биографическая справка; Утренний триптих; Одиночество; Медведю : стихотворения ; Охота на лебедей : поэма-диалог / Ю. К. Вэлла ; соавтор диалога Т. В. Юргенсон // Экология духовного прикрепления : литературный сборник / ред.-сост. В. Л. Михайловский. – Шадринск : Шадринский Дом печати, 2007. – Вып. 1. – С. 75–95.
78. Автопортрет / Ю. К. Вэлла // О времени, о литературе, о себе. – Екатеринбург, 2007. – С. 36, 37.
79. Апокалипсис : былички / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2008. – Вып. 13. – С. 237–244.
80. Сказание о любви : триптих ; Неоконченный рассказ : рассказ ; Золотое руно; Прощальная песня Евы : стихотворения ; Память; Явунко и плотва; Так и осталась память : рассказы ; Наивысшая форма гармонии : эссе ; Загадки от Татвы : миниатюры / Ю. К. Вэлла // Под северным небом / ред.-сост. С. А. Луцкий. – Екатеринбург, 2008. – С. 24–35, 260–262, 299–301.
81. Земляку, поселившемуся в городе; Облако в нефти; Здесь была сосна : стихотворения ; На уроке; Молчание; За что?; Как прикажете называть? : рассказы ; У телевизора; Холодный бульвар : стихотворения ; Шай-ики : рассказ ; Давайте порассуждаем... / Ю. К. Вэлла // Современная литература Югры : хрестоматия для учащихся 9–11 классов / сост. А. Н. Семёнов. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Баско, 2008. – С. 142–156.
82. «Облака на небе высоко?...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Югорская поэма. – Тюмень, 2008. – С. 63.
83. Куккук люсьнэ мойт : рассказ / Ю. К. Вэлла // Литература 7 класс. – СПб., 2009. – 2-е изд., испр. – С. 58–64.
84. Этот совершенный мир: о тебе и обо мне : диалог ; биография / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – Вып. 14. – С. 14–45.
85. «Я мечтаю, чтобы мы – люди...»; «Где та река...»; «Если по первому снегу...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Там, где Иртыш обнимается с Обью. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 19–21.
86. Ветерок с озера : проза / Ю. К. Вэлла // Современная проза Югры : антология / ред. Н. И. Коняев ; вступ. ст. М. М. Рябий. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. – С. 84–89.

87. Нити родства: записки из Америки : проза / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2012. – Вып. 17. – С. 137–166.
88. Размышления после «Медвежьего игрища» : диалог / Ю. К. Вэлла, Н. Скотт Момадэй // Эринтур: Поющее озеро: альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2013. – Вып. 18. – С. 159–171.
89. Весенний триптих: 1. Разноцветное небо; 2. Такое разное небо; 3. Вечное небо : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Тобольск и вся Сибирь. – Тобольск, 2013. – Кн. XXII: Берёзов. – С. 120, 121.
90. Размышления после «Медвежьего игрища» : триптих / Ю. К. Вэлла // Высокие широты : Поэзия и проза Нижневартовского региона : 85-летию Нижневартовского района / ред.-сост. С. А. Луцкий. – Екатеринбург : Сократ, 2013. – С. 122–130.
91. Ненецкий триптих. Размышления после «Медвежьего игрища» (диалоги) // Югра многоликая : антология [прозы и поэзии авторов Югры на языках-оригиналах и в переводах / ред.-сост. Л. Г. Милыева (Лыткина)]. – Ханты-Мансийск, 2014. – С. 114–116, 117–129.
92. Из последних рукописей: О грехе; Оленевод / Ю. К. Вэлла // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Ханты-Мансийск, 2014. – Вып. 19. – С. 381–388.
93. Нити родства: пролог; Ворон: записки ненца, побывавшего в Америке в гостях у индейцев / Ю. К. Вэлла // От подвига к подвигу : лит.-худож. сб. произведений прозаиков, поэтов, художников, проживающих в Сибири, Ханты-Мансийском автономном округе. Вып. 2 / ред.-сост. В. Л. Михайловский. – Томск, 2015. – С. 81–98.
94. Земляку, поселившемуся в городе : стихотворение ; из «Медвежьего игрища»; глава из книги «Нити родства: Записки из Америки»; Шай-ики : проза / Ю. К. Вэлла // Хрестоматия тюменских писателей. – Тюмень, 2015. – Т. 2: XX–XXI вв. (1980–2015 гг.). – С. 217–234.
95. Живая книга Самотлора : юбилейный лит.-худож. сборник / Ю. К. Вэлла (Айваседа), Е. Д. Айпин, М. К. Анисимкова. – Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2016. – 351 с. : цв. ил. – В книге использованы рисунки учащихся ДШИ № 1 г. Нижневартовска.
96. Размышления после «Медвежьего игрища» : диалог / Ю. К. Вэлла, Н. С. Момадэй ; пер. А. В. Ващенко // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. В. Л. Михайловский. – Санкт-Петербург, 2018. – Вып. 22. – С. 394–407.
97. «Если по первому снегу...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Комсомольская муза. – Тюмень, 2018. – С. 61.

98. Выпал первый снег : стихотворение / Ю. К. Вэлла // *Ўтўпсэт няврэмт пты: книга для детей.* – Тюмень, 2018 = *Стихи для детей.* – С. 59–61.
99. Бубен : стихотворение / Ю. Вэлла // *Уральский меридиан.* – Екатеринбург, 2019. – С. 55–56.
100. Шай-ики : рассказ ; биографическая справка / Ю. К. Вэлла // *Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры.* / гл. ред. В. Л. Михайловский. – Санкт-Петербург, 2020. – Вып. 25. – С. 276–287.
101. «Облака на небе высоко?..» : стихотворение / Ю. Вэлла // *Югорская поэма* / ред. А. В. Пивоваров; фот. В. Гончаренко. – Ханты-Мансийск, [Б. г.]. – С. 63.

ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Художественные произведения

102. Сегодня Первомай : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1965. – 1 мая. – С. 3.
103. АН-24 : проза / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1965. – 4 июля (№ 80). – С. 4.
104. Было небо чистое, глубокое : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1968. – 23 фев. – С. 2.
105. Сон : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1968. – 18 мая. – С. 4.
106. Утро : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1968. – 18 мая. – С. 4.
107. В лесу : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1968. – 1 июня. – С. 4.
108. Родина : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1969. – 5 июля. – С. 4.
109. Мой подарок : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1970. – 7 марта. (№ 29). – С. 4.
110. Мать-тайга : зарисовка / Юрий Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1970. – 5 мая (№ 54). – С. 3.
111. Вспоминая Аган : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1970. – 11 июля (№ 83) – С. 3.
112. Осенний дождь : стихотворение / Ю. Айваседа // *К победе коммунизма.* – 1970. – 29 сент. (№ 117). – С. 3.
113. Мать-тайга : эссе / Ю. Айваседа // *Тюменский комсомолец.* – 1970. – 25 нояб.
114. Дари огонь : очерк : на конкурс «Север, который в сердце» / Ю. Вэлла // *К победе коммунизма.* – 1971. – 9 дек. (№ 146–147). – С. 3.

115. Первый снег : стихотворение / Ю. Вэлла // К победе коммунизма. – 1971. – 14 дек. (№ 149). – С. 3.
116. «Закружит позёмкой утренняя вьюга...»; Первый снег : стихотворения / Ю. К. Айваседа // Ленинская правда. – 1979. – 6 янв. – С. 3.
117. Первый иней; Осенний дождь; Разговор с лесом : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинская правда. – 1979. – 11 июля. – С. 3.
118. Первая капля : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинская правда. – 1980. – 18 окт. – С. 3.
119. «Прислонился у реки...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1981. – 10 янв. (№ 7). – С. 3.
120. Шай-ики : рассказ / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1981. – 15 мая. (№ 95). – С. 3–4.
121. В ожидании зимы; «С подарком я для дедушки родного...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1982. – 23 янв. (№ 16) – С. 3..
122. После рыбалки; Что со мной?; На посту : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1982. – 10 июля (№ 136). – С. 4.
123. Наедине : рассказ / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1982. – 17 июля (№ 141). – С. 3–4.
124. В ожидании зимы : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинская правда. – 1982. – 11 сент. – С. 4.
125. Новый хозяин тайги : рассказ / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1982. – 23 окт. (№ 206). – С. 3.
126. Как хорошая песня – жизнь; Мой дедушка; «Топором орудовать умею...»; Осенний дождь : стихотворения / Ю. Вэлла // Полярная звезда. – 1982. – № 4. – С. 51–52.
127. «Новый год – полярное сиянье...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 1 янв. (№ 1). – С. 1.
128. Из цикла «И живёт во мне тёплый снег» : стихотворение / Ю. К. Айваседа // Ленинское знамя. – 1983. – 26 фев. (№ 41). – С. 3.
129. Как хорошая песня – жизнь; «А вокруг холодный снег...»; Мой дедушка; «Топором орудовать умею...»; Осенний дождь; Песня охотника; Утро моей деревни; Я хотел бы стать оленем : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Полярная звезда. – 1983. – № 3. – С. 8.
130. Щеев-Чимя : сказка лесных ненцев / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 28 мая. (№ 103). – С. 3.
131. «Вихрем мчится и летит...» : стихотворение / Ю. К. Айваседа // Ленинское знамя. – 1983. – 18 июля (№ 138). – С. 3.
132. Ветерок с озера : рассказ / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 6 авг. (№ 153). – С. 3–4.

133. «Спешу в родимые края...»; «Гляжу сквозь низкое оконце...»; «Хочу туда, в безмолвные снега...»; Опустевшие юрты : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 29 дек. (№ 249). – С. 3.
134. «Белые сказки – сказки из снега...»; Утро моей деревни : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 31 дек. (№ 250). – С. 4.
135. «Давно твоё окно бесчувственно к проходим...»; Весна у колодца; Костёр; «Летит щепа...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 7 апр. (№ 69). – С. 844.
136. Так приходит, наверное, зрелость : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 1 мая (№ 86). – С. 4.
137. Снегопад в Ленинграде : миниатюра / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 5 мая (№ 88). – С. 4.
138. «Было небо чистым и глубоким...»: посвящение Д. Е. Ярославцеву : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 15 июня (№ 115). – С. 3.
139. «Мне бы ласки от солнышка горстку...»; «Вот и всё!...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 14 июля (№ 135) – С. 3.
140. Сказка бабушки Ненги : проза / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 25 авг. (№163). – С. 3.
141. Только в сердце песня; Возвращение; Через реку вброд; Зарастают звериные тропы : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Тюменский комсомолец. – 1984. – 7 сент.
142. Разноцветное небо : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1984. – 8 сент. (№ 173). – С. 3.
143. Песня бабушки Ненги : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1985. – 1 янв. (№ 1). – С. 4.
144. О дороге; Разговор в тайге; Облако в нефти; На троллейбусной остановке; Перед охотой : стихотворения / Ю. К. Вэлла ; фото. Н. Гынгазов // Ленинское знамя. – 1985. – 12 янв. (№ 9). – С. 3.
145. «Что нужно влюблённым?...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1985. – 23 фев. (№ 39). – С. 4.
146. Сестрица : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1985. – 1 июня (№ 105). – С. 4.
147. «Когда от мысли о тебе...»; После дождя : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1985. – 31 авг. (№ 169). – С. 4.
148. Белые крики; Первая капля; «Что с тобой происходит?...» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1985. – 5 окт. (№ 193). – С. 4.
149. «У меня на ладони просыпается солнце...»; «На Агане белый катер...»; «Вроде всё, впереди меня дверь и порог...»; «Ворвался трактор в бурелом...» : стихотворения / Ю. Вэлла // Нефтяник – 1985. – 3 нояб.

150. Песенка ненецкого мальчика : стихотворение / Ю. Вэлла // Нефтяник. – 1985. – 12 нояб.
151. Здравствуй!; Друзья; Песня бабушки Ненги; «Да, действительно...»; Перед охотой; Осень; «Говорю тебе: «Здравствуй!..» : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Полярная звезда. – 1985. – № 3. – С. 55–56.
152. Наедине : рассказ / Ю. Вэлла // Охотничьи просторы : альманах. – Москва, 1985. – Выпуск 44. – С. 80–83.
153. Прекрасное небо; «Я живу под цветным небом...»; Возвращение : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Литературная Россия. – 1986. – 24 янв. – С. 11.
154. Облако в нефти; «По Варьёгану плывёт...»; Земляку, поселившемуся в городе; Одиночество; Возвращение : стихотворения / Ю. Вэлла // Полярная звезда. – 1986. – № 6. – С. 37, 38.
155. Пожелание счастья : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1986. – 19 июля (№ 140). – С. 4.
156. Чем помогу; Небо; Через реку вброд : стихотворения / Ю. Вэлла ; предисл. Г. Дробиза. // Урал. – 1986. – № 9. – С. 119, 120.
157. Осенний триптих: Снегопад в Ленинграде; Возвращение; В ожидании первоснежья : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1986. – 17 нояб. (№ 221). – С. 4.
158. Времена года; Здесь была сосна; Утренняя песня : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1987. – 28 февр. (№ 42). – С. 4.
159. «Осенний дождь...»; «Облака на небе высоко?...»; «Только в сердце песня...»; «Первый снег...»; «А вокруг холодный снег...» : стихотворения / Ю. Вэлла // Нева. – 1987. – № 4. – С. 129, 130.
160. Мутация : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Полярная звезда. – 1987. – № 4. – С. 51.
161. Тревога деда; Причитания старой Ымчи над письмом от сына : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1987. – 4 июля (№ 130). – С. 4.
162. Мутация : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1987. – 1 авг. (№ 149). – С. 4.
163. «Если не вернулся...» : стихотворение / Ю. Вэлла // Тюменская правда. – 1987. – 22 авг.
164. Буровик; Песня ненецкого мальчика : стихотворения / Ю. Вэлла // Тюменская правда. – 1987. – 19 сент.
165. Песня старого оленевода Аули : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1987. – 17 окт. (№ 201). – С. 4.
166. Пожелание счастья, или Предисловие к поцелую по-ненецки : стихотворение / Ю. Вэлла // Урал. – 1988. – № 3. – С. 175.
167. Вести из стойбища : Миниатюры и стихотворения : О своих вестях; Песня бабушки Ненги; О чём кукует кукушка : рассказы ; Весенний

- триптих : стихотворения ; Ёсчетка-шаманишка и другие : рассказы ; Белые крики; Причитания старой Ёмчи над письмом от сына; Земляку, поселившемуся в городе : стихотворения ; Перед закатом солнца : рассказ ; Зарастают звериные тропы; Осенний триптих; Мутация : стихотворения / Ю. Вёлла ; предисл. М. Н. Мельников // Сибирские огни. – 1988. – № 10. – С. 30–44.
168. Однопланетянину; Жизнь, дающая силы и мне; Бабушке Ненги; «Сегодня утром дождь...»; О боли; Невезенье : стихотворения / Ю. К. Вёлла ; фото Н. Гынгазов // Ленинское знамя. – 1988. – 7 нояб. (№ 213). – С. 4.
169. Возвращение : стихотворение / Ю. К. Вёлла // Ленинское знамя. – 1989. – 21 янв. (№ 16). – С. 4.
170. Одиночество; Земляку, поселившемуся в городе; На троллейбусной остановке : стихотворения / Ю. К. Вёлла // Ленинское знамя. – 1989. – 21 февр. (№ 36). – С. 4.
171. Из поэтических тетрадей : [Подборка стихов Ю. Вёллы из сб. «Времена, в которые я верю...»] // Тюменская правда. – 1989. – 26 марта.
172. На троллейбусной остановке : стихотворение / Ю. Вёлла // Тюменская правда. – 1989. – 26 марта.
173. Только в сердце песня : стихотворение / Ю. Вёлла // Тюменский комсомолец. – 1989. – 7 сент.
174. Триптих: Снегопад в Ленинграде; Возвращение; В ожидании первоснежья : стихи в прозе ; Весна у колодца; Только в сердце песня; Осенний дождь : стихотворения / Ю. Вёлла // Ленинская правда. – 1990. – 24 марта. – С. 6.
175. Ёсчетка-шаманишка и другие : рассказ / Ю. Вёлла // Красный Север. – 1990. – Апр. (№ 17). – С. 8.
176. О чём кукует кукушка; Сказка бабушки Ненги : проза / Ю. Вёлла // Красный Север. – 1990. – № 5. – С. 15.
177. Как прикажете называть?; Молчание; На святом бору; За что? : проза; «Ты – родина твоя...»; «О тайга!..»; «Молись...» : стихотворения / Ю. Вёлла // Ленинская правда. – 1990. – 18 авг. – С. 6.
178. Пусть живёт во мне тёплый снег; Запаздывающая стая; Белые крики; На троллейбусной остановке : стихотворения / Ю. Вёлла // Сибирские огни. – 1991. – № 1. – С. 59–62.
179. Венгерская сюита : триптих ; Из «Медвежьего игрища» : стихотворение / Ю. Вёлла // Новости Радужного. – 1991. – 17 янв. – С. 3.
180. Облако в нефти; «Спешу в родимые края...»; Осенний дождь : стихотворения / Ю. Вёлла // Югра. – 1991. – № 2. – С. 48, 49.
181. Купание на рассвете : стихотворение / Ю. Вёлла // Новости Югры. – 1991. – 1 мая. – С. 6.

182. Заброшенный лабаз: создателю этнографического парка-музея «Югра» в г. Мегионе Виктории Сподиной посвящается : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 1991. – 9 мая (№ 37). – С. 4.
183. Пожелание счастья: предисловие к поцелую по-ненецки; Первая кукушка : стихотворения / Ю. К. Вэлла ; фото Н. Гынгазов // Варта. – 1991. – 7 сент. (№ 103). – С. 3.
184. «Спешу в родимые края...»; Песня ненецкого мальчика; Песня бабушки Ненги; «Ворвался трактор в мой урман...» : стихотворения / Ю. Вэлла // Новости Югры. – 1991. – 12 дек. – С. 4.
185. Земляку, поселившемуся в городе ; «Небо прощальной гусиною песней» : стихотворения / Юрий Вэлла // Сибирская газета. – 1992. – 12 марта. – С. 18.
186. Белые крики : стихотворение / Ю. Вэлла // Югра. – 1993. – № 6. – С. 38.
187. Земляку, поселившемуся в городе : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Югры. – 1993. – 30 июня. – С. 6.
188. Песня старого оленевода Аули : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Северный дом. – 1993. – 22–29 сент. (№ 18). – С. 8.
189. Моя боль : стихотворение / Ю. Вэлла // Югра. – 1993. – № 10. – С. 11.
190. Вспоминая песни бабушки : из книги «Вести из стойбища» / Ю. К. Вэлла // Стерх. – 1994. – № 1. – С. 53, 54.
191. Перед охотой; Сегодня; Вести из стойбища; Родина поэта; Песня ненецкого мальчика; В зимние каникулы : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Северный дом. – 1994. – 30 марта – 6 апр. (№ 12). – С. 8.
192. Это нужно живым : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Радужного. – 1994. – 27 янв.
193. Причитания старого Усти : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Югры. – 1994. – 26 февр. – С. 8.
194. Моя боль : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Жизнь Югры. – 1995. – 15 февр. – С. 3.
195. Перед закатом солнца : отрывок из рассказа «Вести из стойбища» / Ю. Вэлла // Новости Югры. – 1995. – 7 дек. – С. 7.
196. Песня ненецкого мальчика : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Северный дом. – 1995. – 20–27 янв. (№ 9). – С. 8.
197. Разноцветное небо : стихотворение; Белые крики : о фольклоре лесных ненцев / Ю. К. Вэлла // Северный Дом. – 1995. – 27 мая (№ 20). – С. 8.
198. Облако в нефти; Весть с Ватьёганского стойбища : стихотворения / Ю. Вэлла // Слово народов Севера. – 1996. – № 3. – С. 5.
199. «Ты – родина твоя...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Северный дом. – 1996. – 15–22 марта (№ 10). – С. 8.
200. Сказка лесных ненцев, рассказанная в подмосковном лесу / Ю. Вэлла // Северные просторы. – 1996. – № 3/4. – С. 25–28.

201. Нижневартовск поэтический: «Ты – Родина твоя!» : стихотворение / Ю. Вэлла // Северный дом. – 1996. – 15 марта. – С. 3.
202. Побег от красных и от белых : эссе / Ю. Вэлла // Литературная Россия. – 1997. – 31 янв.
203. Побег от красных и от белых : эссе / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 1997. – № 2. – С. 54.
204. Бсчетка-шаманишка и другие; Побывальщина старого Валумы : новеллы / Ю. Вэлла // Литературная Россия. – 1997. – 28 нояб.
205. «Очаг – лицо хозяйки...» : стихотворение / Ю. Вэлла // Югра. – 1998. – 1 янв. – С. 34.
206. Весенний триптих: Разноцветное небо; Такое разное небо; Вечное небо; «Сегодня...» : стихотворения / Ю. Вэлла // Северный дом. – 1998. – № 9. – С. 6.
207. Пожелание счастья; Белые крики; Мутация; Купание на рассвете : стихотворения / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 1998. – 11 марта.
208. «А вокруг холодный снег»; Эпилог : стихотворения / Ю. Вэлла // Божелесье: путешествие по Юганскому заповеднику / Е. Г. Стрельников, О. Г. Стрельникова. – Сургут : Северо-Сибирское регионал. книж. изд-во, 1998. – 31 с. : фот.
209. Побывальщина Ойси: рассказ / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 1998. – 22 июля.
210. Старый лабаз : рассказ / Ю. К. Вэлла // Литературная Россия. – 1999. – № 24. – С. 4.
211. Явунко и Плотва: рассказ Аули / Ю. Вэлла // Литературная Югра. – 1999. – 27 мая (№ 1). – С. 6.
212. Заброшенный лабаз : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Радужного. – 1999. – 2 сент. – С. 11.
213. Политический разговор: Из книги «Белые крики» : стихотворение / Ю. Вэлла // Литературная Югра. – 1999. – 28 дек. (№ 3). – С. 5.
214. Побывальщина Ойси : рассказ ; Триптих об олене : стихотворения / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2000. – № 2. – С. 36, 37.
215. На Святом Бору: «Молись»; Только в сердце песня; Одиночество; О Вечном; Венгерская сюита : стихотворения / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2001. – № 6. – С. 67, 68.
216. Охота на лебедей : поэтический диалог / Ю. Вэлла; Т. Юргенсон // Литературная Россия. – 2001. – 7 дек. (№ 49). – С. 6.
217. Охота на лебедей : поэтический диалог / Ю. К. Вэлла, Т. В. Юргенсон // Глаголь. – 2001. – № 9–10. – С. 8–10.
218. Охота на лебедей : диалог / Ю. К. Вэлла, Т. В. Юргенсон // Мир Севера. – 2002. – № 1. – С. 28, 29. – Фото.

219. Оленёнок родился : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Глаголь. – 2002. – Май (№ 1). – С. 7.
220. Оленёнок родился : стихотворение / Ю. Вэлла // Вестник. – 2002. – 31 мая. – С. 10. – здесь же: ненецкая загадка.
221. Оленёнок родился : стихотворение / Ю. Вэлла // Местное время. – 2002. – 31 окт. – С. 7.
222. Поговори со мной : стихотворение / Ю. Вэлла // Варта. – 2003. – 8 марта. – С. 5.
223. О любви : эссе / Ю. Вэлла, рис. Л. Мунтян // Местное время. – 2003. – 8 марта. – С. 9.
224. Наивысшая форма гармонии : побывальщина // Варта. – 2003. – 18 марта. – С. 7.
225. Наивысшая форма гармонии : побывальщина / Ю. К. Вэлла // Глаголь. – 2003. – сент. (№ 1). – С. 17.
226. «У меня на ладони просыпается солнце...» : триптих ; Бабушка Ненги; Дорога к тебе; Лесная боль; Эпилог; Утренний триптих; Грустный триптих : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Музейное дело. – 2003. – Окт. – С. 7.
227. Татва : триптих / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 2003. – 16 окт. – С. 6.
228. Вечное небо : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Глаголь. – 2003. – нояб. (№ 2). – С. 4.
229. Сказание о любви : триптих / Ю. Вэлла // Литературная Россия. – 2003. – № 12. – С. 7.
230. Всё пухнут более сомненья... : Вести из стойбища / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2003. – № 1. – С. 81, 82.
231. Облако в нефти : стихотворение / Ю. Вэлла // Северяне. – 2003. – № 3. – С. 27.
232. Утро первого ноября; У реки своё лицо...; Мне же в городе...; Поговори со мной : стихотворения / Ю. Вэлла // Моя библиотека. – 2004. – № 1–2. – С. 8.
233. Ветерок с озера : рассказ / Ю. К. Вэлла // Глаголь. – 2004. – Апр. (№ 3). – С. 17–18.
234. Золотое руно : стихотворение / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 2004. – 7 авг. – С. 3.
235. Оленеводческая азбука: Заповеди оленевода; Арифметика оленевода : Сакральная азбука / Ю. Вэлла // Северные просторы. – 2004/2005. – С. 26, 27. – Фото.
236. Знакомьтесь: поэт Юрий Вэлла / Юрий Вэлла // Кристалл. – 2005. – № 5. – С. 43.
237. Первый снег : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Новости Югры. – 2006. – 6 июля. – С. 18.

238. Белые крики : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Российский писатель. – 2006. – № 18. – С. 7.
239. Память: триптих лесного ненца / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2007. – № 4. – С. 12, 13.
240. Правдивые небылицы: Однажды на стойбище; Побывальщина Ойси; Так и осталась память; Телесеанс; Явунко и Плотва: Об этом мне рассказал Аули; Побывальщина старого Валюмы : рассказы / Ю. К. Вэлла // Литературная Россия. – 2008. – 12 сент. (№ 37). – С. 14, 15.
241. Ветерок с озера : фрагменты новой книги : Утром у озера; Определители возраста; Вечером у очага; Поутру на стойбище; Вечером в деревне; Возле почты в деревне; На уроке; Колыбель; За что? : миниатюры / Юрий Вэлла // Полярная сова. – 2008. – № 2 (8). – С. 34–37. – Фото.
242. Школа; ФЗУ; «Гаубица»; Апокалипсис : рассказы / Ю. К. Вэлла // Новости Югры. – 2008. – 20 марта. – С. 17.
243. Апокалипсис : былички / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2008. – № 4. – С. 52–56.
244. Этот совершенный мир: О тебе и обо мне : диалог / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2009. – № 3. – С. 43–51.
245. «Говорю тебе «Здравствуй!»...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Новости Югры. – 2009. – 19 марта. – С. 18.
246. Старый лабаз / Ю. Вэлла // Мир Севера. – 2009. – № 1–2. – С. 33–35.
247. Новый чум поставим на снегу : отрывок из диалога «Этот совершенный мир (о тебе и обо мне)» / Юрий Вэлла // Литературная газета. – 2010. – 24 нояб. (№ 47-48).
248. Сумею ли когда-нибудь вернуться к началу пути?: Пролог; Ворон: записки ненца, побывавшего в Америке в гостях у индейцев; Эпилог : записки / Ю. К. Вэлла // Дружба народов. – 2010. – № 12. – С. 164–175.
249. Ставь чум выходом к солнцу: Триптих об оленевode; На новом стойбище; Один день из жизни стойбищной школы; Азбука оленевода; Вечером у очага; Наставление бабушки; Перед закатом солнца; Эпилог: художественно-этнографический мотив : стихотворения и проза / Ю. К. Вэлла // Дружба народов. – 2011. – № 4. – С. 160–165.
250. Призвание; И вот я здесь!; Пусть так оно и будет; Мой сон; Бабушкины ценности : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Мир Севера. – 2013. – № 1. – С. 24–29.
251. Всюду просящие позы : «Сегодня мы живём по Конституции...» : стихотворение ; О грехе : эссе ; В дорогу; Ненастье наших взаимоотношений; Почти по Омару Хайяму; Что может случиться с Ненцем : стихотворения ; Оленевод : эссе / Ю. К. Вэлла // Литературная Россия. – 2013. – 3 мая (№ 18). – С. 1, 7.

252. Бабушкины ценности : стихотворение / Ю. Вэлла // Кристалл. – 2013. – № 4 (Декабрь). – С. 39 : цв. фот.
253. «Если не вернулся...» : стихотворение / Ю. К. Вэлла // Северяне. – 2019. – № 4 (Октябрь). – С. 65.

Публицистика

254. На далёкой звероферме / Ю. Айваседа // К победе коммунизма. – 1965. – 25 июля (№ 88–89). – С. 3.
255. Сельский клуб и досуг трудящихся / Ю. Айваседа // К победе коммунизма. – 1969. – 16 дек. (№ 149). – С. 1.
256. Дари огонь / Ю. Вэлла // К победе коммунизма. – 1971. – 9 дек. – С. 3.
257. Судьба семьи в судьбе страны : публицистика / Ю. К. Айваседа // Ленинское знамя. – 1982. – 30 дек. (№ 250). – С. 3.
258. Мелодия жизни : худож.-автобиографич. очерк / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1983. – 23 апр. (№ 80) – С. 3.
259. Выпускать только Белого оленя: Несколько мыслей о романе Николая Шундика «Древний знак» / Ю. Вэлла // Полярная звезда. – 1987. – № 1. – С. 110–112.
260. Солнце над Самотлором : о фотохудожнике Н. Гынгазове / Ю. Вэлла // Урал. – 1988. – № 5. – С. 192.
261. «Спой мне песню, Ланэй!» : на трибуну парт. конф. : нац. вопрос / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1988. – 12 нояб. (№ 216). – С. 4.
262. Прерванная песня / Ю. Вэлла // Литературная Россия. – 1990. – 30 марта.
263. Вести из моего стойбища / Ю. Вэлла // Ленинская правда. – 1990. – 23 июня. – С. 4.
264. Я объявлен браконьером на родной земле / Ю. К. Вэлла // Ленинское знамя. – 1990. – 2 нояб. (№ 210). – С. 3. + фото.
265. А сказки мы слушаем : [о языке ненец. народ. сказок] / Ю. Вэлла // Красный Север. – 1990. – Ноябрь. (№ 47). – С. 48.
266. Люди просят уголья / Ю. Вэлла // Новости Югры. – 1991. – 25 июля.
267. Их зовут «Лесные духи» : [о бюрократической волоките при создании фермерских хозяйств в Варьёгане] / Ю. Вэлла // Местное время. – 1991. – 4 сент. (№ 172). – С. 3.
268. «Ищу домашнего учителя» : [о необходимости создания стойбищной школы и переезде Ю. Вэллы на стойбище] / Ю. Вэлла // Местное время. – 1991. – 3 окт. (№ 193). – С. 2.
269. Философия жизни и смерти / Ю. Вэлла // Новости Приобья. – 1992. – № 99.
270. Вспоминая песни бабушки / Ю. Вэлла // Стерх. – 1994. – № 1. – С. 53–54.

271. Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла), оленевод, поэт : автопортрет / Ю. К. Вэлла // Новости Приобья. – 1995. – 17 февр.
272. Мы не исчезнем с лица Земли : автобиография / Ю. Вэлла // Северные просторы. – 1996. – № 3/4. – С. 16–18, 21.
273. Обретение Родины : Выступление на конференции «Нефть и абorigены Севера» / Ю. Вэлла ; записал Л. Костылев // Тюменская правда. – 1998. – 17 июля.
274. В начале была мелодия... : воспоминания / Ю. К. Вэлла // Новости Радужного. – 1999. – 23 сент. – С. 4.
275. Белые крики : из посвящения читателю / Ю. К. Вэлла / Глаголь. – 2001. – март (№ 5–6). – С. 19.
276. Выступление в сессии III «Определение приоритетных областей деятельности по сохранению и развитию нематериального культурного наследия сибирских народов / Ю. К. Айваседа // Семинар по выполнению рекомендаций Юнеско (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации : сб. выступлений участников семинара (Якутск, Республика Саха (Якутия), 19–22 августа 2001 г.) ; ред. М. И. Егорова. – Якутск, 2003. – С. 128, 129.
277. Когалым-Лор – Озеро, Где Вымер Мужчина / Юрий Айваседа // Uhanalaisten kansojen puolesta ry (От имени народов, находящихся под угрозой исчезновения) / Коренные народы и нефть : отчёт по семинару, проведённому в Финляндии. – Uudenmaank. 1, FIN-20500 Turku, Финляндия, 2003. – С. 12–14.
278. Как я стал вождём племени : воспоминания / Ю. К. Вэлла // Слово народов Севера. – 2006. – № 1. – С. 12.
279. Поздравления в связи с 10-летием Ассамблеи коренных малочисленных народов / Ю. К. Айваседа // Слово народов Севера. – 2006. – № 2 (20). – С. 13.
280. Автопортрет / Юрий Вэлла // О времени, о литературе, о себе : литературно-критический сборник. – Екатеринбург, 2007. – С. 37–39.
281. Моим родственникам : поздравление с днём рождения Нижневартовского р-на / Ю. К. Вэлла // Новости Приобья. – 2011. – 11 июня. – С. 4.

Беседы и интервью

282. Не потерять себя : [о наблюдениях за взаимоотношениями канадских аборигенов и бизнеса в Канаде, сравнение с Россией] / Ю. К. Вэлла в беседе с Т. Широной ; фото Н. Гынгазов // Варта. – 1991. – 13 апр. (№ 43). – С. 3.
283. Люди просят угодья : [беседа с Ю. К. Вэллоу о родовых угодьях] / Ю. К. Вэлла ; записала А. Глухих // Новости Югры. – 1991. – 25 июля. – С. 4.

284. Уезжаю жить на стойбище : интервью с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записала С. Ковальчук // Новости Радужного. – 1991. – 24 сент. – С. 3.
285. Уезжаю жить на стойбище : интервью с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записала С. Ковальчук // Новости Югры. – 1991. – 24 окт. – С. 6.
286. Поэт или политик?: встреча с неординарным человеком : беседа с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записала И. Батяева // Новости Приобья. – 1994. – 15 февр. – С. 2.
287. Вэлла, Ю. К. С точки зрения сибиряков / Ю. К. Вэлла ; беседу ведёт А. Петрученя // Новости Приобья. – 1995. – 17 февр. – С. 2.
288. Оленные люди : интервью с Ю. К. Вэллой о проблемах оленеводческих хозяйств региона / Ю. К. Вэлла ; записала О. Корниенко // Новости Югры. – 1997. – 9 янв. – С. 5.
289. Неравновесие души : [беседа с писателем о его творчестве] / Ю. Вэлла ; вела Г. Борисова // Вестник. – 1997. – 26 дек. – С. 13.
290. Озарённый светом : интервью с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла // Варьёганские вести. – 1999. – 16 сент. – С. 1.
291. Вэлла, Ю. К. От первого лица / Ю. К. Вэлла ; записал М. Гнедовский // Вестник. – 2000. – Спец. вып. – С. 4–18.
292. Гусев Б. Н. Беседы с Юрием Вэллой / Б. Н. Гусев // Западная Сибирь: история и современность : Вып. 3. – Екатеринбург, 2000. – С. 104–106.
293. Вэлла, Ю. К. Вождь коренных народов Варьёганского региона : интервью с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записал Е. Д. Айпин // Слово народов Севера. – 2006. – № 1. – С. 12.
294. Главные боги – это женщины : беседа с Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записал А. Омельчук // Труд-7. – 2006. – 14 дек. – С. 5.
295. Вростания / Юрий Вэлла ; беседовала Ольга Корниенко ; фото А. Вахитова // Мир Севера. – 2008. – № 3. – С. 27–29.
296. Поэт. Писатель. Персонально: интервью с ненецким писателем Ю. К. Вэллой / Ю. К. Вэлла ; записал М. Федосеенков // Литературная Россия. – 2008. – 18 апр. (№ 16). – С. 8, 9.
297. Юрий Вэлла: «Нефть правит нашей властью!» / Юрий Вэлла ; беседовал Антон Ковальский // Новый город. – 2008. – 26 апр. – С. 6–7.
298. Пастух-мыслитель : [интервью с Ю. К. Айваседой о творчестве, образовании, науке, культуре, политике, семье] / Ю. К. Айваседа ; записала О. Корниенко ; фот. А. Вахитов ; коллаж Р. Шайхулов // Югра. – 2009. – № 3. – С. 42–47.
299. Юрий Вэлла: «Что я не успел сказать губернатору» / беседовала Ольга Корниенко // Новый город. – 2011. – 18 янв. – С. 4–5.
300. Вэлла, Ю. К. Почему щука тонет? / Ю. К. Вэлла ; беседу ведёт Н. Степанова ; фот. А. Гребенщикова ; ил. А. Вахитов // Новости Приобья. – 2013. – 6 сент. – С. 5.

301. Маленький человек, которого знал мир: Юрий Вэлла не боялся быть неудобным для власти : интервью с ненецким писателем Ю. К. Вэллой / Ю. Вэлла ; записали О. Зеленина, В. Журавлёв // Аргументы и факты. Югра. – 2013. – 25 сент. № 39 (306). – С. 6, 7.

ПУБЛИКАЦИИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

302. Айпин, Е. Д. Ритмы охотничьей тропы / Е. Д. Айпин // Ленинская правда. – 1979. – 11 июля. – С. 3.
303. Загваздин, В. Подклишовка: [о Ю. К. Вэлле как о депутате и рыбаке-охотнике] / В. Загваздин, фото автора // Ленинская правда. – 1981. – 30 сент. (№ 188). – С. 2. – Портрет.
304. Двоглазов, В. Народный депутат : [о депутатской деятельности Ю. Вэллы] / В. Двоглазов // Братство. – Новосибирск, 1982. – С. 164–171.
305. Еремеев, А. Близок Крайний Север : [о творчестве Ю. Вэллы] / А. Еремеев // Тюменская правда. – 1983. – 8 янв.
306. Шарапов, Ю. Праздник Севера: литературный портрет ненца Юрия Айваседы (Вэллы) / Ю. Шарапов // Ленинское знамя. – 1984. – 14 июля. (№ 135). – С. 3.
307. Васильева, О. Юные художники в гостях у поэта: [о посещении стойбища Ю. Вэллы] / О. Васильева ; фото Н. Гынгазов. // Ленинское знамя. – 1985. – 16 февр. (№ 34). – С. 4.
308. Дробиз, Г. О ненецком поэте Ю. Вэлле : предисловие к публикации стихов / Г. Дробиз // Урал. – 1986. – № 9. – С. 119.
309. Васильева, О. Юные графики : [о работе юных художников ДШИ над иллюстрациями к литературным произведениям, в том числе к стихам Ю. Вэллы] / О. Васильева ; ил. И. Шульга // Ленинское знамя. – 1987. – 18 фев. (№ 34). – С. 4.
310. Кириллов, И. В. На перекрёстке оленьих путей: В гостях у Юрия Вэллы / И. В. Кириллов // Ленинская правда. – 1988. – 11 февр. – С. 4.
311. Гусев, Б. Певец родного края : подклишовка под фото / Б. Гусев ; фото Н. Гынгазов // Ленинское знамя. – 1988. – 9 июля (№ 132). – С. 1.
312. Васильева, О. Духи, хранители Варьёган : [об открытии этнографического музея в пос. Варьёган] / О. Васильева // Ленинское знамя. – 1988. – 14 сент. (№ 178) – С. 2.
313. Мельников, М. Н. Вести из моего стойбища : [о творчестве Ю. Вэллы] / М. Н. Мельников // Сибирские огни. – 1988. – № 10. – С. 30, 31.
314. Васильева, О. Не за экзотикой : [об открытии этнографического музея в пос. Варьёган] / О. Васильева // Диалог. – 1989. – № 1. – С. 27, 28.
315. Огрызко, В. О Севере без умиления : [о молодых писателях, в т.ч. о Ю. Вэлле] / В. Огрызко // Учительская газета. – 1989. – 28 февр.

316. Васильева, О. Экзотика?: В посёлке Варьёган открыт этнографический музей культуры и быта народов Севера / О. Васильева // Тюменский комсомолец. – 1989. – 15 марта.
317. Костылев, Л. Ханты: настоящее и будущее: новосибирские кинодокументалисты снимают фильм о межнациональных отношениях по сценарию Ю. Вэллы / Л. Костылев // Тюменская правда. – 1989. – 5 мая.
318. Васильева, О. В объективе – тревога и радость : [о творчестве Н. Гынгазова и его творческой дружбе с Ю. К. Вэллой] / О. Васильева ; фото Н. Гынгазов // Ленинское знамя. – 1989. – 7 июля (№ 127). – С. 4.
319. Монастырская, Е. Варьёганский вальс : [кидовцы в гостях у Ю. Вэллы] / Е. Монастырская // Ленинское знамя. – 1989. – 3 нояб. (№ 211). – С. 3.
320. Уфимцева, А. Откуда взялось слово «лабаз» / А. Уфимцева // Ленинская правда. – 1989. – 7 нояб. – С. 7.
321. Сподина, В. И. Открыл для себя целый мир / В. И. Сподина // Ленинское знамя. – 1989. – 14 нояб. (№ 216). – С. 3.
322. Мухаметова, А. Ф. Напоминание начала / А. Ф. Мухаметова // Ленинское знамя. – 1989. – 14 нояб. (№ 216). – С. 3.
323. Сыновья земли югорской / Координационный Совет Нижневартовского районного отделения ассоциации «Спасение Югры»; фото Ю. Филатов // Ленинское знамя. – 1990. – 6 фев. (№ 24–25). – С. 2.
324. Васильева, О. Почтальон «живых» писем : [о поездках Ю. К. Вэллы в стойбища оленеводов] / О. Васильева // Тюменский комсомолец. – 1990. – 5 мая.
325. Глухих, А. Аганских ненцев писанина / Альбина Глухих // Ленинская правда. – 1990. – 2 июня. – С. 5.
326. Глухих, А. Третий номер «Тильвсамы» / А. Глухих // Ленинская правда. – 1990. – 7 авг. – С. 1.
327. Гынгазов, Н. Конфликт на Родине / Н. Гынгазов // Нефтяник. – 1990. – 7 нояб.
328. Сергеева, А. Олень мой смиренный был... / А. Сергеева // Ленинская правда. – 1990. – 15 дек. – С. 6.
329. Сподина, В. Как поставить чум : [о практическом занятии в этнографическом заповеднике «Югра» по постановке чума, проведённом Ю. Вэллой] / В. Сподина ; ил. А. Мухаметова // Новости Приобья. – 1991. – 23 янв. (№ 7). – С. 6.
330. Васильева, О. Стало очень грустно : [первые впечатления Ю. Вэллы от поездки в Канаду] / О. Васильева // Новости Приобья. – 1991. – 27 марта. (№ 25). – С. 5.
331. Шейн, С. Аборигены : [о жизни коренных народов Среднего Приобья на примере семьи Ю. Вэллы] / Скотт Шейн ; перевод Л. Тимошенко // Местное время. – 1991. – 28 марта. (№ 60). – С. 3. – Фото.

332. Томская, Т. Праздник в Варьёгане : [о музее в Варьёгане] / Т. Томская // Варта. – 1991. – 4 апр. (№ 39). – С. 1.
333. Васильева, О. Канада вызвала у Вэллы меланхолию : [впечатления Ю. К. Вэллы от поездки в Канаду] / О. Васильева // Тюменский комсомолец. – 1991. – 18 апр.
334. Сырпин, Б. Мистер Айваседа – вождь ненцев : [о поездке Ю. К. Айваседы в Канаду и взаимоотношениях коренных жителей Варьёгана с нефтяниками] / Б. Сырпин // Ленинское знамя. – 1991. – 25 апр. (№ 81). – С. 3.
335. Полякова, О. Одно из лучших мест на земле : [впечатление юной художницы из Саратовской области о поездке в Варьёган и знакомстве с Юрием Вэллой] / О. Полякова // Новости Приобья. – 1991. – 3 авг. (№ 62). – С. 4, 5. – 3 рис.
336. Сырпин, Б. В знак протеста : [о намерении Ю. К. Вэллы снять с себя депутатские полномочия] / Б. Сырпин; фото И. Ясько // Ленинское знамя. – 1991. – 6 авг. (№ 151). – С. 3. – Фото.
337. Полякова, О. Нельзя ночевать в лабазе : [экскурсия по «живому музею» Варьёгана с Ю. Вэллой и рассказанная им сказка о том, как два брата переночевали в лабазе] / О. Полякова // Новости Приобья. – 1991. – 14 авг. (№ 66). – С. 5.
338. Полякова, О. Легенды и мифы старого Варьёгана : [о музее в Варьёгане, созданном Ю. К. Вэллой] / О. Полякова // Варта. – 1991. – 17 авг. (№ 93). – С. 4.
339. Васильева, О. Из оленьего рода : [о сб. стихов Ю. К. Вэллы «Вести из стойбища»] / О. Васильева // Новости Югры. – 1991. – 5 сент. – С. 5.
340. Алексеева, Т. Чум на асфальте : [о пикете у Нижневартовской нефтяной биржи] / Т. Алексеева // Варта. – 1991. – 26 сент. (№ 111). – С. 1. – Фото.
341. Васильева, О. Из оленьего рода : [о сб. стихов Ю. Вэллы «Вести из стойбища»] / О. Васильева // Тюменский комсомолец. – 1991. – 12 окт. – С. 4.
342. Васильева, О. Вести из стойбища / О. Васильева // Новости Приобья. – 1991. – 26 окт. (№ 86). – С. 4, 5.
343. Глухих, А. Человек со стойбища : [о выпуске газеты на ненецком языке «Тильвивсама»] / А. Глухих // Новости Югры. – 1991. – 12 дек. – С. 4.
344. Полякова, О. Чайная церемония в музее: Югорские россыпи : [об этнографическом музее в пос. Варьёган, созданном Ю. Вэллой] / О. Полякова // Новости Югры. – 1991. – 12 окт. – С. 4.
345. Саваровский, Н. Пикет : [пикетирование дороги Нижневартовск – Радужный коренными жителями во главе с Ю. Вэллой в защиту окр. среды] / Н. Саваровский, фото В. Жарова // Северные просторы. – 1991. – № 3. – С. 18–22.

346. Сырпин, Б. Наследие предков / Б. Сырпин // Новости Радужного. – 1991. – 17 янв. – С. 3.
347. Сырпин, Б. Мистер Айваседа – вождь ненцев / Б. Сырпин // Местное время. – 1991. – 25 апр.
348. Трифонов, А. Уходящий Вэлла / А. Трифонов ; фото Л. Березницкий // Сибирская газета. – 1992. – № 12. – С. 18. ; портр.
349. Семёнова, Л. Грустные песни бубна... : [о посещении стойбища Ю. Вэллы работниками краеведч. музея] / Л. Семёнова // Варта. – 1992. – 18 апр.
350. Шайдуллина, Д. «Это так прекрасно, что мы все разные...» / Джамилля Шайдуллина ; рисунки «Были», «Доброта» Альфия Мухаметова // Мегионские новости. – 1993. – 9 фев. (№ 12). – С. 3.
351. Сподина, В. И. Вести из стойбища : «Кровяной хлеб» / В. И. Сподина // Мегионские новости. – 1993. – 23 фев. (№ 16) – С. 2.
352. Лазарева, В. Живёт одна девушка... / В. Лазарева // Мегионские новости. – 1993. – 30 марта. (№ 25). – С. 3.
353. Мироненко, В. Поэт, философ и хитрец / В. Мироненко // Варта. – 1993. – 4 дек.
354. Глухих, А. Боли Юрия Вэллы / А. Глухих // Новости Югры. – 1994. – 17 февр. – С. 3.
355. Гнедовский, М. Тайны под открытым небом / М. Гнедовский // Мир музея. – 1994. – № 3. – С. 8–19, 60.
356. Цареградская, Л. О поэзии Ю. К. Вэллы / Л. Цареградская // Северный дом. – 1994. – 30 марта – 6 апр. (№ 12). – С. 8.
357. Зыкова, А. Пусть в стойбище оленей будет много: письмо из Германии / А. Зыкова // Новости Приобья. – 1994. – 8 июня. – С. 4.
358. Шайдуллина, Д. Предстоит борьба / Джамилля Шайдуллина ; фото Матвея Щербо // Мегионские новости. – 1994. – 29 нояб. (№ 120). – С. 3.
359. Захарко, И. Нефть: факты и комментарии : [Ю. К. Вэлла о правах аборигенов] / И. Захарко // Вестник. – 1995. – 13 янв. – С. 3.
360. Глухих, А. Мы желаем вам свободно жить на земле: немецкий учёный прислал письмо Ю. К. Вэлле // Новости Югры. – 1995. – 14 февр. – С. 5.
361. Широлина, Т. В чуме, у ненецкого поэта / Т. Широлина // Варта. – 1995. – 14 февр.
362. Манько, В. Юрий Вэлла знает о своём народе то, чего не знаем мы / В. Манько // Местное время. – 1995. – 1 марта. – С. 7.
363. Манько, В. Да здравствует любовь! / В. Манько // Местное время. – 1995. – 8 марта. – С. 5.
364. Мухаметова, А. Подарок от Юрия Вэллы / А. Мухаметова // Тюменские известия. – 1995. – 10 марта. – С. 6.

365. Зыкова, А. В гостях у Мысымпеты : [дети-сироты из районного воспитательного центра «Родничок» в гостях на стойбище Ю. Вэллы] / А. Зыкова // Новости Приобья. – 1995. – 23 мая.
366. Манько, В. Юрий Вэлла знает о своём народе то, чего не знаем мы / В. Манько // Северный дом. – 1995. – 7 дек. – С. 4.
367. Сподина, В. И. О чём твоя песня, Аули? / В. И. Сподина ; рец.: З. П. Соколова, Ю. К. Вэлла. – М., 1995. – 32 с. ; цв. ил.
368. Новикова, Н. Как огонь или звёзды / Н. Новикова // Северные просторы. – 1996. – № 1/2. – С. 15.
369. Время больших проектов : [о победе Ю. Вэллы на биеннале с выставкой «Летнее стойбище оленевода»] // Мир музея. – 1996. – № 5. – С. 15–23.
370. Гнедовский, М. Мой дом – мой космос : [о музее, созданном Ю. Вэллой в пос. Варьёган] / М. Гнедовский // Северные просторы. – 1996. – № 3/4. – С. 19, 20.
371. Корниенко, О. Последние: Моя Югория : [экспедиция Ю. К. Вэллы по р. Аган] / О. Корниенко // Вестник. – 1996. – 23 авг. – С. 7.
372. Кошурникова, А. Лесные ненцы на территории Нижневартовского р-на : [экспедиция Айваседы по родовым угодьям] / А. Кошурникова // Новости Югры. – 1996. – 27 авг. – С. 2. – (Прил.: Краевед; № 8).
373. Манько, В. А. Проблемы культуры обско-угорских народов: на материалах творчества Ю. Вэллы / В. А. Манько. // Философия. Культура. Образование. – Нижневартовск, 1996. – С. 74–79.
374. Миськова, Е. Не отнимайте малицу / Е. Миськова // Северные просторы. – 1996. – № 3/4. – С. 22–24.
375. Новикова, Н. И. Нгэм`тер – содержимое земли / Н. И. Новикова // Северные просторы. – 1996. – № 3/4. – С. 59–60.
376. Соловейчик, Н. Уникальная экспедиция / Н. Соловейчик // Вестник. – 1996. – 9 авг. – С. 1.
377. Рогачёва, Н. А. Мифологические мотивы в творчестве писателей Тюменского Севера : [в т. ч. о Юрии Вэлле] / Н. А. Рогачёва // Космос Севера. – Тюмень, 1996. – С. 73.
378. Огрызко, В. В. Поэт пикетирует нефтяников / В. В. Огрызко // Слово народов Севера. – 1997. – № 1. – С. 7.
379. Манько, В. Юрий Вэлла знает о своём народе то, чего не знаем мы : [о деятельности Ю. Вэллы по сохранению традиционной культуры и отражению этой темы в его творчестве] / В. Манько // Югра. – 1997. – № 1/2. – С. 8, 9. – Фото.
380. Кошурникова, А. 2. Оленеводство лесных ненцев: на примере исследования стойбищ Ю. К. Айваседы, О. П. Айваседы / Александра Кошурникова, Владимир Потиха // Югра. – 1997. – № 3, март. – С. 58–60. – 2 фото.
381. Владимирова, Т. Где-то на стойбище Туютгяха пасётся олень по кличке Культуролог / Т. Владимирова // Югра. – 1997. – № 4, апрель. – С. 9.

382. Ненецкий поэт Юрий Вэлла : пособие для учителей / сост. Е. А. Нёмысова ; НИИ ВОУН. – Москва : ИКАР, 1997. – 54 с. – На манси, рус. яз.
383. Огрызко, В. В. Югорская сюита / В. В. Огрызко // Литературная Россия. – 1997. – 28 нояб.
384. Рогачёва, Н. Сказовое начало в литературе края : [О книге Ю. Вэллы «Белые крики»] / Н. Рогачёва // Литература Тюменского края : Книга для учителя и ученика. – Тюмень, 1997. – С. 103–109.
385. Глухих, А. Олений человек Вэлла / А. Глухих // Новости Югры. – 1998. – 5 марта. – С. 5.
386. Корниенко, О. Живи долго, Большой человек / О. Корниенко // Северный дом. – 1998. – Март (№ 9). – С. 5.
387. Ванюжина, В. Рандеву с музами: [юбилей поэта Ю. Вэллы] / В. Ванюжина // Новости Приобья. – 1998. – 11 марта. – С. 3
388. Ванюжина, В. С. Спешу в родимые края... / В. С. Ванюжина // Местное время. – 1998. – 13 марта.
389. Ванюжина, В. С. Поздравляем юбиляров: Ю. К. Вэлле исполнилось 50 лет / В. С. Ванюжина // Вестник культуры. – 1998. – № 10. – С. 26.
390. Огрызко, В. Белые крики: к 50-летию юбилею поэта Юрия Вэллы / В. Огрызко // Новости Югры. – 1998. – 5 марта. – С. 2.
391. Огрызко, В. В. Югорская сюита / В. В. Огрызко // Северный дом. – 1998. – Март (№ 9). – С. 6–7.
392. Рождение новой книги : [о кн. Ю. К. Вэллы «Путём Хозяйки Агана»] // Северный дом. – 1998. – 6–13 марта (№ 9). – С. 5.
393. Глухих, А. Олений человек Вэлла / А. Глухих // Новости Югры. – 1998. – 11 апр. – С. 2.
394. Ванюжина, В. Так рождаются песни : к 50-летию ненецкого поэта Ю. Вэллы / Валентина Ванюжина // Югра. – 1998. – № 5. – С. 18. – Фото.
395. Юрий Айваседа – гость «Справедливости земли» // Местное время. – 1998. – 24 нояб. – С. 2.
396. Его сам Сорос приметил // Местное время. – 1999. – 26 янв. – С. 4.
397. Новикова, Н. Олень президента: о деятельности Ю. К. Вэллы / Н. Новикова // Труд-7. – 1999. – 12 февр. – С. 19.
398. Гусев, Б. В единении с природой / Б. Гусев // Югра. – 1999. – № 4. – С. 50.
399. Маслова, О. Собственность хозяина Кремля : [о вручении Ю. Вэлле премии Института «Открытое общество» «Фонд Сороса – Россия» «За подвижничество» (1998) за создание этнографического музея в селе Варьёган] // Независимая газета. – 1999. – 25 мая.
400. Компьютер на стойбище // Новости Югры. – 1999. – 17 авг. – С. 1.
401. Ковальчук, С. Уроки памяти Юрия Вэллы / С. Ковальчук // Новости Радужного. – 1999. – 2 сент. – С. 11.

402. Новикова, Н. В чуме ждут ответа: коренные народы подают на нефтяников в суд / Н. Новикова // Независимая газета. – 1999. – 17 сент.
403. Ковальчук, С. По законам природы живёт ненецкий поэт Ю. Вэлла / С. Ковальчук // Новости Радужного. – 1999. – 23 сент. – С. 4.
404. Тулуз, Е. Две ветви одного дерева : [О Е. Д. Айпине и Ю. К. Вэлле] / Е. Тулуз ; пер. с франц. М. Ерёмченко // Мир Севера. – 2000. – № 5. – С. 70–73.
405. Кузнецов, Ю. Два случая с переводом // Мир Севера. – 2000. – № 1. – С. 74.
406. Айваседа Юрий Кылевич // Сибирь в лицах. – Новосибирск, 2001. – С. 492.
407. Айваседа Юрий Кылевич / В. И. Сподина // Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района / В. И. Сподина ; ред. З. П. Соколова ; ред. Д. А. Функ. – Нижневартовск : Агро, 2001. – С. 113–114.
408. Вэлла Юрий Кылевич // Северные родники / авт.-сост. Л. В. Фёдорова. – Тюмень : Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – С. 425.
409. Иванов Л. Две жены в одной постели / Леонид Иванов // Труд-7. – 2001. – 1 фев.
410. Поздравления Ю. К. Вэлле с принятием в члены Союза писателей Югры // Литературная Югра. – 2001. – 7 февр. (№ 1). – С. 8.
411. Самахова, И. С топором против «ЛУКОЙЛа»: вождь Айваседа в схватке с частным капиталом / И. Самахова // Общая газета. – 2001. – 22 февр.
412. Коновалова, С. Нефтяники и аборигены: война и мир? / С. Коновалова // Местное время. – 2001. – 17 марта. – С. 1, 3.
413. Сибирцева, Л. Против лома нет приёма: Дело Айваседы / Фот. Р. Путкарадзе, Л. Сибирцева // Варта. – 2001. – 22 марта. – С. 2.
414. Неруш, Н. Три по семь // Варта. – 2001. – 4 апр. – С. 1. (Издана книга Ю. Вэллы «Триптихи».)
415. Ковальчук, С. На стойбище ненецкого поэта Юрия Вэллы : [быт и проблемы аборигенов в наши дни] / С. Ковальчук // Югра. – 2001. – № 5. – С. 46, 47.
416. Глухих, А. Поэт стойбищ... / А. Глухих // Новости Югры. – 2001. – 29 сент. – С. 3.
417. Ковальчук, С. Звонящий кедр / С. Ковальчук // Новости Югры. – 2001. – 18 окт. – С. 5.
418. Зинченко, Н. Взаимный обмен / Н. Зинченко // Мир Севера. – 2002. – № 1. – С. 30.
419. Огрызко, В. В поисках компромисса : [позиция Ю. Вэллы по вопросу взаимоотношений нефтяников и аборигенов] / В. Огрызко // Мир Севера. – 2002. – № 1. – С. 26, 27.

420. Корниенко, О. Новые книги Юрия Вэллы: «Охота на лебедей», «Триптихи»: на ненецком, русском, французском языках; «О вечном»: набор открыток с рисунками автора / О. Корниенко // Вестник. – 2002. – Янв. (№ 3). – С. 5.
421. Глухих, А. За шлагбаумом: Несколько моментов из жизни стойбища / Альбина Глухих // Новости Югры. – 2002. – 2 фев.
422. Пашук, А. Г. Эко-музей в Варьёгане / А. Г. Пашук // Югра. – 2002. – № 4. – С. 73–75.
423. Тулуз, Е. Две ветви одного дерева / Е. Тулуз; пер. с фр. М. Ерёменко // Хантыйская литература. – Москва, 2002. – С. 164–170.
424. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич // Ненецкая литература: сборник / сост. В. Огрызко. – Москва: Литературная Россия, 2003. – С. 313; 344.
425. Лагунова, О. Неповреждённый корень жизни: [о кн. Ю. К. Вэллы «Белые крики»] / О. Лагунова // Ненецкая литература. – Москва, 2003. – С. 265–273.
426. Лагунова, О. К. Неповреждённый корень жизни: Интуиция «врастания» в книге Юрия Вэллы «Белые крики» / О. К. Лагунова // Ненецкая литература. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 258–264.
427. Мельников, М. Н. Сила настоящего искусства: о творчестве Ю. К. Вэллы / М. Н. Мельников // Ненецкая литература. – М., 2003. – С. 255–257.
428. Огрызко, В. В. Югорская сюита / В. В. Огрызко // Ненецкая литература. – Москва, 2003. – С. 249–254.
429. Зинченко, Н. Н. Покой нам только снится / Н. Н. Зинченко // Ненецкая литература: сборник / сост. В. Огрызко. – М., 2003. – С. 265–273.
430. Голушко В. Поэт и оленевод: Персона гранта // Варта. – 2003. – 5 февраля. – С. 1.
431. Глухих, А. С. Такой разный Вэлла / А. С. Глухих // Новости Югры. – 2003. – 3 апр. – С. 8.
432. Серякова, М. Кладезь народной мудрости / М. Серякова // Новости Приобья. – 2003. – 12 апр. – С. 2.
433. Луцкий, С. Рождённый свободным / С. Луцкий // Новости Приобья. – 2003. – 18 апр. – С. 2.
434. Особенное звание – Почётный гражданин // Новости Приобья. – 2003. – 28 июня. – С. 4–5. (Краткие биографии почётных граждан Нижневартковского района.)
435. Луцкай, Л. Его Книга о Вечном / Л. Луцкай // Аргументы и факты. – 2003. – 20 июля. – С. 11.
436. Корниенко, О. Юрина правда / О. Корниенко // Югра. – 2003. – № 8. – С. 66, 67.
437. Рогачёв, В. А. Весной бывают реки мутными...: обзор югорской поэзии последних лет: в том числе о творчестве Ю. К. Вэллы / В. А. Рогачёв //

- Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 8. – С. 295–317.
438. Лагунова, О. Юрий Вэллы. Небо от сердца до сердца : [литературоведческие размышления о поэзии Юрия Вэллы] / О. Лагунова // На моей земле: о поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века: памяти Константина Яковлевича Лагунова посвящается / С. А. Комаров; О. К. Лагунова. – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во, 2003. – С. 79–102.
439. Салмин В. Д. Юрий Айваседа / В. Д. Салмин // Салмин, В. Д. Звёзды Приобья : очерки о людях, посвятивших жизнь экономическому, социальному и культурному развитию Югорской земли. – Екатеринбург, 2003. – С. 242–249.
440. Тулуз, Е. Между прошлым и будущим / Ненецкая литература : сб. / Сост. В. В. Огрызко. – М. : Лит. Россия, 2003. – 352 с. – (Библиотека писательской артели «Литрос») – ISBN 978-5-7809-0055-9.
441. Кашина, Л. Д., Сподина В. И. Айваседа Юрий Кылевич. Мегионский краеведческий музей: экспозиции и коллекции / Л. Д. Кашина; В. И. Сподина // СПб. : Иван Фёдоров, 2004. – С. 70.
442. Книжка для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу : [газетная презентация 1-го выпуска книги «Поговори со мной»] / ред. статья // Глаголь. – 2004. – сент-окт. (№ 6–7). – С. 31. – Фото.
443. Лагунова, О. Этнопоэтика книг Ю. Вэллы / О. Лагунова // Врата Сибири. – 2004. – № 3 (Нояб.). – С. 231–239.
444. Лушай, Л. Его книга о вечном / Л. Лушай // Югра. – 2004. – № 12. – С. 94. – Фото.
445. Салмин, В. Поэт и вождь: О Ю. К. Вэлле / В. Салмин // О времени, о литературе, о себе: литературно-критический сборник / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Сократ, 2004. – С. 78–81.
446. А это игрушки, в которые играют дети людей, живущих на этой земле : выставки в научной библиотеке: «Река Аган со притоками» ; фотовыставка иллюстраций топонимического словаря Ю. К. Вэллы и «Кое-что из детских игрушек жителей стойбища на Тюйтяхе // XI Международный фестиваль финно-угорских народов, Ханты-Мансийск, 27 июня – 3 июля 2005 г. = XI International Finno-Ugrian Peoples Folk Festival, Khanty-Mansiysk, June 27 – July 3, 2005. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. – С. 7.
447. Степанова, Е. П. Хранитель ненецкой культуры: о творчестве Ю. К. Вэллы / Е. П. Степанова, Н. М. Постика // Вестник угроведения : науч. и культурно-просветительский журнал / гл. ред. Т. В. Волдина. – М. : ИКАР, 2005. – № 1. – С. 247–249.

448. Лагунова, О. К. Этнопоэтика книги Ю. К. Вэллы «Триптихи» / О. К. Лагунова // Космос Севера. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. – Вып. 4. – С. 130–153.
449. Луцдай, Л. В. Его книга о вечном / Любовь Луцдай // Соединяя миры: очерки / Любовь Луцдай. – Екатеринбург, 2005. – С. 413–417.
450. Салмин В. Д. Давайте жить дружно / В. Д. Салмин // Салмин, В. Д. Сибиряк: книга очерков. – Екатеринбург, 2005. – С. 280–286.
451. Шлыкова, Т. Услышать душу ненца / Т. Шлыкова // Местное время. – 2005. – 21 окт. – С. 5.
452. Айпин, Е. Вождь коренных народов Варьёганского региона / Е. Айпин // Слово народов Севера. – 2006 – № 1 (19) – С. 12.
453. Неруш, Н. Азбука, да не та? / Н. Неруш; фот. Ю. Бычков // Варта. – 2006. – 19 янв. – С. 3.
454. Салмин, В. Д. Юрий Айваседа, поэт и вождь / В. Д. Салмин // Тюменские известия. – 2006. – 16 февр. – С. 8, 9.
455. Хранитель красоты и гармонии / Управление по информационной политике Нижневартовского района // Новости Приобья. – 2007. – 30 янв. – С. 1. [Победитель конкурса общественного признания за 2006 г. в номинации «Мэтр года».]
456. Губайдуллин, М. Простая азбука Юрия Вэллы / М. Губайдуллин // Тюменские известия. – 2007. – 16 марта. – С. 1–3.
457. Зинченко, Нина. Мудрая мать и знаменитый сын: [о жизни А. С. Казамкиной, матери Ю. Вэллы] / Н. Зинченко // Югра. – 2007. – № 4. – С. 38, 39. – Фото.
458. Зинченко, Н. Хайманрап. Топконат – Варьёган : [об этнографическом музее в селе Варьёган] / Н. Зинченко // Югра. – 2007. – № 12. – С. 70.
459. Салмин, В. Д. Поэт и вождь / В. Д. Салмин // О времени, о литературе, о себе : литературно-критический сборник. – Екатеринбург, 2007. – С. 78–81.
460. Этнические страницы : в т. ч. о книге Ю. К. Вэллы «Азбука оленевода» // Листая страницы заветной земли. – Советский, 2007. – С. 28.
461. Венго, Т. А. Вклад Юрия Вэллы (Ю. К. Айваседы) в современное развитие культуры лесных ненцев / Т. А. Венго // Природные богатства Югры в культуре обских угров. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 45–49.
462. Корниенко, О. Вростания: Мир Юрия Вэллы / О. Корниенко // Мир Севера. – 2008. – № 3. – С. 22–27.
463. Бурмасов, И. Юрий Вэлла: «У каждого человека свой путь к счастью!» : 12 марта в Сургуте прошли творческие встречи писателя Юрия Вэллы/ Игорь Бурмасов // Сургутская трибуна. – 2008. – 15 марта. (№ 43). – С. 1, 5.
464. Борец за сохранение традиций Югры // Новости Приобья. – 2008. – 15 марта. – С. 2. [60-летие поэта].

465. Поговори с Вэллой! // Сургутские ведомости. – 2008. – Март (№ 9). – С. 2.
466. Юрий Вэлла готовит оленей для Дмитрия Медведева // Новый город. – 2008. – 15 марта. (№ 46). – С. 2.
467. Боровых, Г. Великий сын своего народа // Новости Приобья. – 2008. – 3 апр. – С. 2. [Юбилейный вечер поэта].
468. Неруш, Н. «...И оставляем ветру неосторожность фраз» / Н. Неруш // Варта. – 2008. – 8 апр. – С. 5.
469. Гобзев, И. Разные формы одной души: Юрий Вэлла и Мацуо Басё : [о кн. Ю. К. Вэллы «Триптихи»] / И. Гобзев // Литературная Россия. – 2008. – 23 мая (№ 21). – С. 8, 9.
470. Ващенко, А. Уроки Юрия Вэллы: перестанет болеть душа, значит, нет твоей родины / А. Ващенко // Литературная Россия. – 2008. – 23 мая (№ 21). – С. 8, 9.
471. Цукор, А. Жить жизнью поэта : о жизни и творчестве Ю. Вэллы / А. Цукор // Литературная Россия. – 2008. – 12 сент. (№ 37). – С. 14, 15.
472. Храпова, Е. Древний мир в новом искусстве. Раздумья ненецкие, раздумья башкирские : [о влиянии творчества и личности Ю. Вэллы на творчество Р. Шайхулова] / Е. Храпова ; коллажи Р. Шайхулов // Югра. – 2009. – № 3. – С. 92–95.
473. Корниенко, О. «Хитрый Вэлла»: «Сайт защитит писателя и расскажет о нём всему миру» : о презентации сайта Ю. К. Вэллы / О. Корниенко // Аргументы и факты – Югра. – 2009. – Окт. (№ 43). – С. 1.
474. Неруш, Н. Всероссийская премия у Юрия Вэллы // Варта. – 2009. – 26 дек. – С. 2.
475. Ханзерова, И. Семь заповедей Юрия Вэллы / Ирина Ханзерова // Нарьян вындер : Красный тундровик. – 2010. – 10 мар.
476. Бакиева, Г. Ф. Размышления о непредсказуемых закономерностях поэзии Юрия Вэллы / Г. Ф. Бакиева // Научный вестник Ханты-Мансийской государственной медицинской академии. – 2010. – № 4. – С. 12–15.
477. Ар-Серги, В. Ближние родники / В. Ар-Серги // Известия Удмуртской Республики. – 2010. – 14 мая.
478. Глобальное потепление: миф, который придумали учёные, или реальная угроза для нашей планеты / Игорь Муравский [и др.] // Югра. – 2010. – № 7. – С. 24–25.
479. Гынгазов, Н. Один день из жизни... : [об одном дне из жизни Ю. К. Айваседы из рода Вэллы] / Н. Гынгазов, фото автора // Югра. – 2010. – № 8. – С. 40–43. – 8 фото.
480. Горбунова, Ю. Вэлла вышел во Всемирную сеть // Местное время. – 2010. – 24 авг. – С. 3.
481. Гынгазов, Н. Один день из жизни в тайге / Н. Гынгазов // Родина. – 2010. – № 12. – С. 114.

482. Ар-Серги, В. Сближаются люди – в беде... : о творчестве Ю. К. Вэллы / В. Ар-Серги // Дружба народов. – 2010. – № 12. – С. 176–178.
483. Юрий Вэлла (Айваседа) / Ю. Вэлла (Айваседа) // Современная проза Югры : антология / ред. Н. И. Коняев; вступ. ст. М. М. Рябий. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. – С. 376.
484. Югра многолика / фот. Евгений Листюк [и др.] // Югра. – 2010. – № 12. – С. 24–29.
485. Веч, Г. П. Знакомая незнакомка / Галина Веч ; фот. Алексея Бессмертных // Вестник. – 2010. – Ноябрь. (№ 45). – С. 15.
486. Айпин, Е. Д. Ритмы оленьей тропы / Е. Д. Айпин // Сборник материалов по вопросам коренных малочисленных народов Арктического региона. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 133–134.
487. Бакиева, Г. Размышления о поэзии Юрия Вэллы / Гусель Бакиева // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев – Ханты-Мансийск, 2010. – Вып. 15. – С. 310–315.
488. Борисов, Н. Что посеял, то пожал... : Юрий Вэлла выпустил в этом году три свои книги / Николай Борисов ; фото Ольги Корниенко // Новый город. – 2011. – 19 февр. – С. 3.
489. Луцкий, С. Юрий Вэлла: ещё одна ипостась : [о кн. Ю. К. Вэллы «Река Аган со притоками»] / С. Луцкий // Новости Приобья. – 2011. – 26 апр. (№ 44). – С. 5.
490. Кириллов, И. Прочитать газету смогли... только сами авторы // Местное время. – 2011. – 31 мая. – С. 7.
491. Титов, В. Юрий Вэлла – певец земли Югорской / В. Титов // Тюменские известия. – 2011. – 24 нояб. – С. 10.
492. Ганиева, Э. Певец земли Югорской / Э. Ганиева // Новости Приобья. – 2011. – 29 нояб. – С. 6.
493. Сержант, Ю. На стойбище Тюйтяха / Юлия Сержант // Мегионские новости. – 2011. – 9 дек. (№ 87). – С. 5.
494. Цукор, А. И. Жить жизнью поэта / А. И. Цукор // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Баско, 2011. – Вып. № 16. – С. 237–242.
495. Ярыгина, А. В. Образная система в лирике Юрия Вэллы / А. В. Ярыгина // Научный вестник Ханты-Мансийской государственной медицинской академии – 2011. – № 3/4. – С. 103–105.
496. Глухих, А. Все они – югорцы / А. Глухих ; фот. Н. Анадеева // Новости Югры. – 2012. – 9 авг. – С. 9.
497. К поездке на стойбище готовы // Мегионские новости. – 2012. – 9 нояб. (№ 81). – С. 10.
498. Его чистые помыслы берут за душу // Местное время. – 2012. – 21 нояб (№ 207).
499. Жить надо только по совести // Местное время. – 2012. – 30 нояб.

500. Сержант, Ю. Мир, где живут олени / Ю. Сержант // Мегионские новости. – 2012. – 7 дек. (№ 89). – С. 1, 11.
501. Ярыгина, А. Образная система в лирике Юрия Вэллы / Анна Ярыгина // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. Н. И. Кошняев. – Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2012. – Вып. 17. – С. 305–309.
502. Вэлла Юрий: певец земли Югорской // Мужские темы [в 2 т. Т. 1.] / ред. Э. Осипян. – Нижневартовск, 2013. – С. 68–69.
503. Ващенко, А. Вечное там – вечное здесь : [о диалогах Ю. К. Вэллы и Н. Скотта Момадэя] / А. Ващенко // Мир Севера. – 2013. – № 1. – С. 23–29.
504. Генько О. Кто получил премию // Новости Югры. – 2013. – Февр. (№ 13). – С. 3.
505. Юрий Вэлла в Ханты-Мансийске презентовал свою новую книгу // АйФ-Югра. – 2013. – 28 марта.
506. Глухих, А. Неподражаемый Вэлла: о Юрии Вэлле трудно писать. Настолько интересна его биография, значимы дела для коренных жителей / Альбина Глухих // Новости Югры. – 2013. – 2 мая (№ 49). – С. 27. – 2 фот.
507. Чуваткина, Л. Этнографический музей с. Варьёган / Л. Чуваткина // Музейное дело. – 2013. – № 24/25 (Июнь). – С. 10. : цв. фот.
508. Огрызко, В. Я согласен быть вороном / В. Огрызко // Литературная Россия. – 2013. – 2 авг. (№ 31/32). – С. 16.
509. Огрызко, В. В. Я согласен быть вороном: политическая деятельность Ю. К. Вэллы / В. В. Огрызко // Мир Севера. – 2013. – № 4 (Авг.). – С. 34–36.
510. Юрий Вэлла (Айваседа) // Новый город. – 2013. – 17 сент. – С. 2. – 1 фот.
511. Последний философ своего народа: Некролог Ю. Вэлле / Информационная служба «СТ» // Сургутская трибуна. – 2013. – 17 сент. – С. 2.
512. Бессонова, Г. Ты – родина твоя // Местное время. – 2013. – 17 сент. – С. 1, 3.
513. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич : Некролог // Аргументы и факты – Югра : региональное приложение. – 2013. – 18 сент. (№ 38). – С. 1 : цв. фот.
514. Ушёл из жизни Юрий Вэлла // Югорское время. – 2013. – 18 сент. (№ 37). – С. 14.
515. Глухих, А. Какой светильник разума угас! / Альбина Глухих // Новости Югры. – 2013. – 19 сент. (№ 108). – С. 3. – 1 фот.
516. Огрызко, В. В. Жизнь скоротечная штука: умер Юрий Вэлла : [некролог] / В. В. Огрызко // Литературная Россия. – 2013. – 20 сент. (№ 38). – С. 1.
517. Омельчук, А. К. Седьмой поцелуй : воспоминания о Ю. К. Вэлле / А. К. Омельчук // Литературная Россия. – 2013. – 20 сент. (№ 38). – С. 6. – (Каждый поэт – жертва).

518. Уигет, Э. Последняя весть: из стойбища Юрия Вэллы : воспоминания о Ю. К. Вэлле / Э. Уигет // Литературная Россия. – 2013. – 20 сент. (№ 38). – С. 6. – (Каждый поэт – жертва).
519. Зеленина, О. Маленький человек, которого знал мир // Аргументы и факты – Югра. – 2013. – 25 сент. – 1 окт. – С. 6–7.
520. Тарабаева, И. Традиции под открытым небом / Ирина Тарабаева ; фото Дмитрия Ткачука // Тюменские известия. – 2013. – 4 окт. – С. 6.
521. Зеленская, М. Поэты не уходят до конца... / М. Зеленская; фот. М. Зеленская // Новости Приобья. – 2013. – 19 нояб. – С. 4.
522. Юргенсон, Т. В. Вэлла и Время: памяти ненецкого поэта Юрия Кылевича Вэллы / Т. В. Юргенсон, фото авт. // Кристалл. – 2013. – № 4 – С. 39.
523. Ушли Маргарита Анисимкова и Юрий Вэлла // Местное время. – 2013. – 31 дек. – С. 3.
524. Берязев, В. Возвращение по первому снегу / Владимир Берязев // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. – Н. И. Кошняев. – Ханты-Мансийск, 2014. – Вып. 19. – С. 378–380.
525. Веч, Г. Опередивший время / Галина Веч ; фото Алеся Антоновича // Вестник. – 2014. – 4 апр. (№ 14). – С. 10.
526. Новикова, Н. Люди планеты знают, что есть такое стойбище... : В Эстонии прошла Международная конференция, посвящённая памяти ненецкого поэта-оленевода Юрия Вэллы / Интервью с ведущим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Натальей Новиковой ; беседовала Ольга Маслова // Новости Югры. – 2014. – 27 марта. (№ 33). – С. 24. – 2 фот. – (Северный дом).
527. Сербина, О. Писатель Юрий Вэлла и его «последний монолог» / О. Сербина // Московский комсомолец – Югра. – 2014. – 2 апр. (№ 14). – С. 19. – Фот.
528. Батищева, Г. В. Великое наследие Югры: на родине ненецкого поэта и писателя Юрия Вэллы в деревне Варьёган при поддержке администрации округа решено создать Дом-музей писателя / Галина Батищева // Сургутская трибуна. – 2014. – 9 апр. – С. 6.
529. Шлыкова, Татьяна. Поэты не уходят навсегда... // Новости Приобья. – 2014. – 17 апр. – С. 1.
530. Глухих, А. Ещё один музей рождается / Альбина Глухих // Новости Югры. – 2014. – Июнь (№ 66). – С. 31. – 1 фот.
531. Насонова, Ю. В его стихах шумит тайга и тихо падает снег / Ю. Насонова; фот. М. Плещкой // Варта. – 2014. – 22 окт. – С. 5.
532. Корниенко, О. Ольга Корниенко: «Диалог с детьми я начинаю со слов Юрия Вэллы» : директор Сургутской независимой студии неигрового кино – о творческих проектах / Ольга Корниенко ; записала Ксения Артеева ; фот. Ирины Швец // Сургутская трибуна. – 2014. – 28 нояб. – С. 4.

533. Отрошко, А. Юрий Вэллэ «О совершенстве» / Анастасия Отрошко // Глазами молодых : литературно-критические этюды, статьи, рецензии. – Ханты-Мансийск, 2015. – С. 50.
534. Черепанова, И. О Юрии Вэллэ с любовью // Местное время. – 2015. – 11 марта. – С. 3.
535. Веч, Г. Он учил любить этот мир / Галина Веч // Вестник. – 2015. – 27 марта. (№ 13). – С. 15.
536. Романова, С. По обычаю предков / Светлана Романова ; фото Владимира Шевалдина // Нефть Приобья. – 2015. – Март. (№ 13). – С. 10. – (PROART. ПРО арт: темат. прил. к газ. «Нефть Приобья»).
537. Батищева, Г. В. Что ни строчка, то урок добра : писатели из Югры и Санкт-Петербурга призвали сургутян помнить заветы предков и жить в ладу с природой / Галина Батищева ; фото Александра Онопы // Сургутская трибуна. – 2015. – 27 нояб. – С. 11.
538. Вэллэ (Айваседа) Юрий Кылевич // Хрестоматия тюменских писателей. – Тюмень, 2015. – Т. 2: XX–XXI вв. (1980–2015 гг.). – С. 216, 217.
539. Зеленская, М. Поэт земли Югорской / М. Зеленская // Новости Приобья. – 2015. – 21 марта (№ 28). – С. 5.
540. Коняев, Н. И. «В согласии с законами земли...» / И. Н. Коняев // Национальные культуры региона. – Тюмень, 2015. – Вып. 27 : Литературы Тюменского региона. – С. 70–74.
541. Корниенко, О. Метаморфозы Вэллы: каким мы запомним югорского писателя и философа / О. Корниенко // Аргументы и факты – Югра: региональное приложение – 2016. – 15 июня (№ 24). – С. 3.
542. Зуева, Т. Т. Загадка Агана: новеллы в стихах / Тамара Зуева. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2016. – 51, [1] с.: портр., фот. цв. ; 20 см.
543. Владимирова, А. В Варьёгане откроется музей Юрия Вэллы // Местное время. – 2016. – 16 марта. – С. 3.
544. Зеленская, М. Талант земляка будет жить в веках // Новости Приобья. – 2016. – 16 июня. – С. 1.
545. Степанова, Н. Тайна одной семьи / Н. Степанова // Новости Приобья. – 2016. – 7 июля (№ 72). – С. 2.
546. Рудаков, М. Музей счастливейшего человека планеты / М. Рудаков // Новости Приобья. – 2016. – 19 июля (№ 77). – С. 4.
547. Черепанова, И. Жизнь – как хорошая песня // Местное время. – 2016. – 17 сент. – С. 3.
548. Карымова, Т. Ю. Почему дятел потерял свою шапочку / Т. Ю. Карымова // Новости Приобья. – 2016. – 4 окт. (№ 110). – С. 4.
549. Карымова, Т. Ю. Тайна Юрия Вэллы / Т. Ю. Карымова ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2017. – 4 июля (№ 71). – С. 5.

550. Батищева, Г. В. Так что же осталось за кадром? / Галина Батищева // Сургутская трибуна. – 2017. – 1 июня. – С. 4.
551. Стаброва, Н. Человек жив, пока счастлив / Н. Стаброва // Местное время. – 2017. – 2 июня (№ 99). – С. 2.
552. Маслова, О. Пока болит душа... / Ольга Маслова // Новости Югры. – 2017. – 7 сент. – С. 25.
553. Зеленская, М. Великий сын своего народа / М. Зеленская // Новости Приобья. – 2018. – 13 марта (№ 25). – С. 2: фот.
554. Карымова, Т. Ю. «Что-то я снова, как в юности, стал чаще и чаще глядеть в небо...» / Т. Ю. Карымова ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2018. – 24 апр. (№ 43). – С. 5: фот.
555. Зеленская, М. По маршруту великого земляка / М. Зеленская // Новости Приобья. – 2018. – 24 июля (№ 79). – С. 3: фот.
556. Карымова, Т. Ю. Пусть в веках поют наши дети, что подобны шишкам сосновым! / Т. Ю. Карымова ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2018. – 11 авг. (№ 87). – С. 6.
557. Северский, И. В. Семь поцелуев Юрия Вэллы / И. В. Северский // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. В. Л. Михайловский. – Санкт-Петербург, 2018. – Вып. 22. – С. 528–544.
558. Щербина, К. Юрий Вэлла. Поэт с топором : о неравнодушном писателе, оленевode, гражданине / К. Щербина // Местное время. – 2018. – 15 сент. (№ 106). – С. 9 : фот. цв. – Фото из архива дома-музея Юрия Вэллы.
559. Колюхова, И. Родной язык – живое наследие народа : история создания букварей // Новости Приобья. – 2019. – 12 марта. – С. 6.
560. Иванова, Т. Певец ненецкой души: слово и мысли Юрия Вэллы хранят его книги и музеи Югры / Т. Иванова // Московский комсомолец – Югра. – 2019. – 13 марта (№ 12). – С. 14.
561. Ярыгина, С. Бабушкина песня зазвучит в Югре // Новости Приобья. – 2019. – 20 июня. – С. 2.
562. Корниенко, О. благородный рыцарь света / Ольга Корниенко // Новости Югры. – 2019. – Сент. (№ 104). – С. 23. – Фото из арх. семьи Айвасада.
563. Стаброва, Н. Юрий Вэлла : муж, отец, дедушка : его называют человеком-легендой, человеком-планетой, но мы всегда знали, что жизнь отца заключена в семье : воспоминания о Ю. К. Вэлле / Н. Стаброва ; фот. Ю. Панова // Местное время. – 2019. – 5 февр. (№ 12). – С. 5.
564. Корниенко, О. Время Юрия Вэллы: он был из тех, кто уважает свою нацию, своё происхождение / О. Корниенко // Местное время. – 2019. – 24 сент. (№ 110). – С. 8. – Фото из архива семьи Вэллы.
565. Юргенсон, Т. В. И жизнью, и душой связан с Югрой / Т. В. Юргенсон ; записал М. Рудаков // Новости Приобья. – 2019. – 10 дек. (№ 138). – С. 1, 5.

566. Карымова, Т. Так протяни свою ладонь! / Т. Карымова ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2019. – 28 дек. (№ 146). – С. 6: фот.
567. Зеленская, М. Памяти великого земляка / М. Зеленская ; фото автора // Новости Приобья. – 2020. – 14 марта (№ 26). – С. 4: фот.
568. Юргенсон, Т. В. Значит, все люди на земле родственники? / Т. В. Юргенсон ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2020. – 3 окт. (№ 109). – С. 5: фот.
569. Айваседа, Е. Ф. То единственно верное счастье, которого желаю / Е. Ф. Айваседа ; записала Н. Степанова // Новости Приобья. – 2020. – 13 окт. (№ 113). – С. 4: фот.
570. Ярыгина, С. Короткий метр о смысле бытия: в Варьёгане сегодня начались съёмки фильма о нашем земляке, югорском писателе Юрии Вэлле // Новости Приобья. – 2020. – 15 окт. – С. 1–2.
571. Стаброва, Н. Кино приехало в Варьёган: в селе завершились съёмки фильма о писателе, общественном деятеле Юрии Вэлле // Местное время. – 2020. – 20 окт. – С. 8.
572. Карманова, Е. Юрий Вэлла: «Что такое жизнь?» / Елена Карманова // Новости Югры. – 2020. – Окт. (№ 125). – С. 15.
573. Стаброва, Н. Таёжное укрытие : пятилетний юбилей – эта маленькая дата способна вместить целую жизнь / Н. Стаброва; фот. Ю. Панова // Местное время. – 2021. – 22 июня. – С. 8.
574. Зеленская, М. Из-под его пера не выйдет больше сказок... // Новости Приобья. – 2022. – 18 янв. – С. 5: фот.
575. Страбыкин, А. Связь мира с ним не прекратится... // Новости Приобья. – 2023. – 18 марта. – С. 3: фот.
576. Плещая, Ю. Храня наследие / Ю. Плещая // Новости Приобья. – 2022. – 5 апр. (№ 35). – С. 2: фот.
577. Аладинская, А. Сохраняя душу лесного человека / Анастасия Аладинская // Сургутская трибуна. – 2022. – 8 апр. – С. 11. – Фото предоставила Ольга Корниенко.
578. Брит, Е. Юрий Вэлла с нами / Е. Брит // Новости Приобья. – 2022. – 16 авг. (№ 89). – С. 1.
579. Козлов, С. Новеллы доброго Вэллы: памяти ненецкого поэта и писателя / Сергей Козлов // Тюменская область сегодня. – 2023. – 30 марта. (№ 53). – С. 15. – 2 фото.
580. Айваседа, Е. Ф. Я живу под цветным небом / Е. Ф. Айваседа; фот. Н. Степанова // Новости Приобья. – 2023. – 8 апр. – С. 5: фот.

СТАТЬИ В ИЗДАНИЯХ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВАК

581. Лагунова, О. К. Культура прозы и стиха коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири (Е. Айпин, Ю. Вэллы) / О. К. Лагунова // Вестник Тюменского госуниверситета. – 1998. – № 1. – С. 151–159.
582. Лагунова, О. К. Поэтика книги Ю. К. Вэллы «Белые крики» // Вестник Тюменского государственного университета. 2003, № 4. – С. 45–61.
583. Арзамазов, А. А. Белые крики в чёрной тишине: этнопоэтический мир Юрия Вэллы // Эскизы: варианты, интертексты, стратегии, тактики, семиосферы, стиходвижение. – Ижевск : Инвожо, 2005. – С. 89–93.
584. Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэллы, А. Неркаги) : монография / О. Лагунова ; М-во образования и науки, ГОУ ВПО Тюменский гос. ун-т. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. – 258 с. – Библиогр.: С. 215–254. – Имен. указ.: С. 255–257.
585. Бикиняева, Л. Г. Мотивы неба и вечности в книге Юрия Вэллы «Белые крики» / Л. Г. Бикиняева // От текста к контексту: межвузовский сб. науч. работ / под ред. З. Я. Селицкой. – Ишим : Издательство ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. С. 100–103.
586. Жулёва, А. С. Юрий Вэллы: литератор, просветитель, оленевод // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017, № (35). – С.18–27.
587. Новикова, Н. И. Модель многокультурности Юрия Вэллы / Н. И. Новикова // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8, № 2 (Апр.). – С. 376–384. – Библиография в конце статьи.
588. Арзамазов, А. А. Известный и неизвестный ненецкий поэт Юрий Вэллы : этнохудожественные нарративы / А. А. Арзамазов // Наследие. – 2020 – № 2(17). – С. 146–167.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

589. Шамсутдинова, А. Р. Художественный мир поэзии Юрия Вэллы // Тезисы докладов и сообщений VI регион. науч.-практ. краеведч. конф. «Взаимодействие культур», посвященной 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / редкол.: Н. А. Гасникова, А. Мазин. – Нижневартовск : Редакция газеты «Нефтяник», 2005. – С. 91–93.
590. Михайлова, О. М. Языковые средства выражения образов природы и человека в стихотворении Юрия Вэллы «Если не вернулся...» : о творчестве Ю. К. Вэллы / О. М. Михайлова // Материалы III окружной

- научно-практической конференции «Русская сибирская литература: история, сущность, современные проблемы. – Ханты-Мансийск, 2014. – С. 17–19.
591. Давыдова, А. В. Проблема сохранения национального мира в лирике Ю. Вэллы / Алёна Владимировна Давыдова // Филологическое образование в российско-европейском образовательном пространстве : сб. статей Междунар. интернет-конф., проходившей в рамках Года науки и культуры Россия-ЕС, 10–12 апреля 2014 г. – Сургут, 2014. – С. 26–30.
592. Катаева, Н. А. Юрий Кылевич Вэлла / Н. А. Катаева // Шатиловские чтения : материалы XV краеведческой конференции. – Нижневартовск, 2014. – С. 219–221.
593. Макарова, А. Н. Образ автора в поэзии Ю. Вэллы / А. Н. Макарова // Русская сибирская литература: история, сущность, современные проблемы : мат-лы IV окружной науч.-практ. конференции (24–25 октября 2014 г.). – Ханты-Мансийск, 2015. – С. 89–91.
594. Карымова Т. Ю. Сохранение и популяризация литературного наследия Юрия Кылевича Вэллы в деятельности Дома-музея Ю. К. Вэллы / Т. Ю. Карымова // Этно-экология человека в контексте краеведческой деятельности : мат-лы открытой районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2017. – С. 5–7.
595. Минеева, Л. А. Этно-экология как составляющая литературного творчества Ю. К. Вэллы и Е. Д. Айпина / Л. А. Минеева // Этно-экология человека в контексте краеведческой деятельности : мат-лы открытой районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2017. – С. 7–8.
596. Филатова (Пяк), Л. В. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность Ю. К. Вэллы по фольклору лесных ненцев / Л. В. Филатова // Этно-экология человека в контексте краеведческой деятельности : мат-лы открытой районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2017. – С. 9–13.
597. Карымова, Т. Ю. Детство Юрия Кылевича Вэллы / Т. Ю. Карымова // Нижневартовский район – земля легендарных людей и событий : мат-лы II открытой районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2019. – С. 6–11.
598. Филатова (Пяк), Л. В. Сохранение, использование и популяризация творческого наследия Ю. Вэллы / Л. В. Филатова // Нижневартовский район – земля легендарных людей и событий : мат-лы II открытой районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2019. – С. 11–17.
599. Гизатуллина, Ф. А. Фольклорно-этнографические традиции в творчестве Ю. Вэллы / Ф. А. Гизатуллина // Нижневартовский район – земля легендарных людей и событий : мат-лы II откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2019. – С. 18–22.

600. Зеленина, О. В. Значение творчества поэта и писателя Ю. Вэллы в сохранении традиционных ценностей народов Севера / О. В. Зеленина // Этнокультурные традиции и ценности российской семьи : мат-лы III откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2021. – С. 5.
601. Васильков, М. Мой прадедушка – поэт Югры / Мирослав Васильков // Этнокультурные традиции и ценности российской семьи : мат-лы III откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2021. – С. 6.
602. Карымова, Т. Ю. Философия жизни: заповеди Юрия Вэллы / Т. Ю. Карымова // Этнокультурные традиции и ценности российской семьи : мат-лы III откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2021. – С. 6–9.
603. Карымова, Т. Ю. Сохранение культурного наследия Юрия Вэллы / Т. Ю. Карымова // Наука, общество, образование, культура: перспективы взаимодействия в современном мире : мат-лы V откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2021. – С. 3–6.
604. Байдельдинова, К. А. Из истории Варьёганского музея / К. А. Байдельдинова // Наука, общество, образование, культура: перспективы взаимодействия в современном мире : мат-лы V откр. районной краеведч. конф. имени Ю. К. Вэллы. – Излучинск, 2021. – С. 6–9.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ, СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

605. Юрий Вэлла : биография / подгот. Э. И. Косполов // Россыпи Югры. – Ханты-Мансийск, [1988?]. – С. 1.
606. Югорские краеведы : материалы к биобиблиографическому словарю / Ханты-Мансийская окружная б-ка, отдел краевед. литературы и библиографии; подгот. В. К. Белобородовым, Т. В. Пуртовой. – Шадринск : Исеть, 1995. – 134 с. – Библиогр. в конце ст.
607. Юрий Вэлла : крат. биогр. справка // Литература Тюменского края. – Тюмень, 1996. – Кн. 1. – С. 293.
608. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич: 50 лет со дня рождения // Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. авт. окр. на 1998 г. – Ханты-Мансийск, 1997. – С. 17–19.
609. Белобородов, В. К. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич : биография / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова // Учёные и краеведы Югры : Библиографический словарь / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень, 1997. – С. 21, 22.
610. Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла) : библиогр. указатель (к 50-летию со дня рождения) / Нижневарт. муницип. учреждение «Библиотечно-

- информационная система» ; сост. В. С. Ванюжина ; авт. вступ. ст. Е. Д. Айпин. – Нижневартовск, 1998. – 27 с. – [Препринт].
611. Огрызко, В. В. Юрий Кылевич Вэлла (Айваседа) / В. В. Огрызко // Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока : биобиблиогр. справочник / В. В. Огрызко. – М., 1998. – Т. 1. – С. 174–177.
612. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич // Писатели города Нижневартовска : биобиблиогр. указ. – Екатеринбург, 2000. – С. 46–52.
613. Комаров, С. А. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. : в 3 т. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Сократ, 2000. – Т. 1. – С. 55.
614. Сподина, В. И. Сведения об информаторах : в т. ч. биография Ю. К. Айваседы / В. И. Сподина // Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. – Новосибирск : Агро : ЦЭРИС, 2001. – С. 112–116.
615. Дробиз, Г. Юрий Вэлла (Айваседа): биография / Г. Дробиз // Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Москва : Унисерв, 2001. – Ч. 1: Поэзия. – С. 159.
616. Юрий Вэлла (Айваседа) // Литература Югры. – 1930–2000. Проза. Антология / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Москва : Унисерв, 2002. – Ч. 2. – С. 208.
617. Айваседа (Вэлла) Юрию Кылевичу – 55 лет // Краеведческий календарь: памятные даты Ханты-Манс. авт. окр. – Югры на 2003 г. ; Гос. центр. б-ка ХМАО ; сост. О. Павлова ; ред. В. Белобородов ; отв. за вып. Э. Сургутскова. – Ханты-Мансийск, 2003. – С. 17.
618. Юрий Кылевич Вэлла (Айваседа) : библиографический указатель / Муниципальное культурно-информационное учреждение «Библиотечная система» Нижневартовского района; Справочно-библиографический отдел ; сост. Е. А. Коротких. – Нижневартовск : Приобье, 2003. – 28 с.
619. Вэлла Юрий: автобиография // О времени, о литературе, о себе : литературно-критический сборник / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Сократ, 2004. – С. 187.
620. Лагунова, О. К. Айваседа Ю. К.; Айпин Е. Д. / О. К. Лагунова // Большая Тюменская энциклопедия: в 3 т. – Тюмень, 2004. – Т. 1.
621. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич // Писатели Югры : библиогр. указатель / сост. : С. Ю. Волженина, М. Н. Мадьярова, О. М. Павлова, Т. В. Пуртова, Э. П. Сургутскова ; отв. за вып. Н. И. Коняев. – Екатеринбург : Сократ, 2004. – С. 34–44.
622. Юрий Кылевич Вэлла (Айваседа) // Окно в Югру : атлас путеводитель / авт.-сост. : В. М. Куриков ; рец. : Б. Ф. Мазуров, С. Е. Пузырев, Е. Г. Мазурова. – Екатеринбург : ЗЕБРА, 2005. – С. 329.
623. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич // Писатели Югры: биобиблиогр. указ. – Екатеринбург, 2004. – С. 36–44. Вэлла (Айваседа) Юрий Кыле-

- вич // Писатели Югры : фотографии писателей. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. – С. 7.
624. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич // Североведы России : материалы к биогр. словарю / В. Огрызко. – М. : Литературная Россия, 2007. – С. 15.
625. Айваседа (Вэлла) Юрию Кылевичу – 60 лет // Краеведческий календарь: юбилейные и памятные даты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2008 год / Гос. б-ка Югры ; сост. Т. В. Пуртова ; ред.: Е. И. Табаченко, О. А. Хасанова. – Екатеринбург : Баско, 2007. – С. 26–28.
626. Вэлла Юрий : биография // О времени, о литературе, о себе: литературно-критический сборник. – Екатеринбург, 2007. – С. 187.
627. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич // Листая страницы заветной земли : путеводитель по книгам. – Советский, 2007. – Вып. 1. – С. 81.
628. Краеведческий календарь: юбилей. и памят. даты ХМАО-Югры на 2008 год / Гос. б-ка Югры, Отдел краевед. лит. и библиогр. ; сост. Т. В. Пуртова ; ред.: О. А. Хасанова, Е. И. Табаченко. – Ханты-Мансийск : Баско, 2007. – 94 с. – Имен. указ.: С. 82–89.
629. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич: биография // Современная литература Югры : хрестоматия для учащихся 9–11 классов / сост. А. Н. Семёнов. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Баско, 2008. – С. 141.
630. Сподина, В. И. Айваседа Юрий Кылевич : биография / В. И. Сподина // рец. З. П. Соколова, В. А. Соловар. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев: по материалам традиционной культуры и языка – Ханты-Мансийск : Печатное дело, 2010. – С. 106, 107.
631. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич // Краеведческий календарь: юбилейные и памятные даты Ханты-Манс. авт. окр. на 2013 г. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2012. – С. 42, 43.
632. Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла) // Календарь – 2013 год: даты, факты, события финно-угорского мира / сост.: Г. И. Егорова, З. С. Рябчикова ; отв. за вып. Н. Г. Алексеева. – Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2013. – С. 8.
633. Юрий Вэлла: биографическая справка // Высокие широты. – Екатеринбург, 2013. – С. 589.
634. Вэлла Юрий Кылевич // Литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Лица и лики: библиографический справочник: в 2 томах / Вячеслав Огрызко. – Москва, 2013. – Т. 1. – С. 221–229.
635. Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич: библиогр. указ. к 65-летию со дня рождения / сост. Е. П. Степанова. – Ханты-Мансийск : ОУИПИИР, 2013. – 64 с.
636. Лауреаты Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. 2009 год : Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич // XV

- конференция Ассоциации писателей Урала : презентационный буклет. – Сургут, 2014. – С. 49.
637. Юрий Кылевич Вэлла : биографическая справка // От подвига к подвигу: литературно-художественный сборник произведений прозаиков, поэтов, художников, проживающих в Сибири, Ханты-Мансийском автономном округе. Вып. 2 / ред.-сост. В. Л. Михайловский. – Томск, 2015. – С. 379. – фото.
638. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич (1948–2013) // Лауреаты премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы. – Сургут, 2021. – С. 9–10.

ПОСВЯЩЕНИЯ

639. Белоусова, Л. Юрию Вэлле : стихотворение / Л. Белоусова // Ленинское знамя. – 1985. – 2 март. (№ 44). – С. 4.
640. Шкода, Л. Созвучие поэту Юрию Вэлле : стихотворение / Л. Шкода // Ленинское знамя. – 1988. – 20 авг. (№ 162). – С. 4.
641. Новикова, Н. И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии: Посвящается памяти Юрия Вэллы – оленевода, поэта, общественного деятеля. – М. : Наука, 2014. – 407 с.
642. Корниенко, О. Уходящая натура: что осталось за кадром: памяти Юрия Вэллы – оленевода, поэта, общественного деятеля посвящается... / Ольга Корниенко ; худож. М. Г. Мунтян ; на обложке фото М. Вагнер]. – Воронеж : Издат-Принт, 2016. – 298, [1] с. : ил., фот.
643. Литература Сибири : миссия, этничность, аксиология : монография / С. А. Комаров, О. К. Лагунова / Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – Памяти Юрия Кылевича Вэллы посвящается.
644. Юргенсон, Т. В. Цикл стихов «С памятью о нём»: посвящённых Юрию Вэлле / Т. В. Юргенсон // Эринтур: Поющее озеро : альманах писателей Югры / гл. ред. В. Л. Михайловский. – СПб., 2018. – Вып. 22. – С. 225–230.
645. Такранов, Ю. Глухарь: Дневник, которого не было / Юрий Такранов // Стихи. ру. – <https://stihi.ru/2019/10/31/349> (дата обращения: 03.07.2023). – Текст : электронный.
646. Максимчук, Л. Поэту Юрию Вэлле (1948–2013) / Людмила Максимчук. Лепестки: Литературно-образовательный цикл. – М. : У Никитских ворот. – 2020. – 544 с. – ISBN: 978-5-00095-981-7.

ФОТОГРАФИИ

647. Фото: Ю. Вэлла / фото Ю. Филатов // Ленинская правда. – 1989. – 2 дек. – С. 1.
648. Фото: Ю. Вэлла / фото Ю. Филатов // Ленинская правда. – 1990. – 10 фев. – С. 1.
649. Фото: Айваседа Текле Халович и Юрий Вэлла / фото В. Мироненко // Местное время. – 1992. – 19 мая (№ 93). – С. 3.
650. Дни коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа : фоторепортаж : Ю Вэлла, фото в центре / фото: Леонид Березицкий // Югра. – 1998. – № 1 (январь). – 2 стр. обложки.
651. Фото: Ю. Вэлла, поэт : к материалам с международной конференции «Ханты и манси на пороге третьего тысячелетия. Опыт. Проблемы. Развитие» // Югра. Дела и люди. – 1999. № 3. – С. 58.
652. Фото: Ю. Вэлла в мастерской Геннадия Райшева // Югра. – 2004. – № 4. – С. 4.
653. Фото: Ю. Вэлла и его внук Кольчу Иуси / фото Л. Березницкий // Югра. – 2004. – № 10–11. – С. 158.
654. Фото: Ю. Вэлла : портрет / фото Н. Гынгазов // Югра. – 2010. – Август (№ 8). – С. 1. (обложка).

УПОМИНАНИЯ

655. Анатолев, И. Встречи с юными книголюбями / И. Анатолев ; фото В. Загваздин // Ленинская правда. – 1978. – 31 март. (№ 65). – С. 4. – [на фото Ю. Айваседа].
656. На краю ойкумены : круглый стол «Литературной России» / Ленинская правда. – 1987. – 4 июля. – С. 4.
657. Дни «Литературной России» : [ред. статья] // Ленинская правда. – 1987. – 4 июля (№ 129). – С. 1.
658. Глухих, А. Варьёган принимал гостей / А. Глухих // Ленинская правда. – 1988. – 1 окт. – С. 7.
659. Смирнов, Н. О беде, которая есть : [интервью с В. С. Сондыковым] / Н. Смирнов // Ленинская правда. – 1989. – 5 янв. – С. 6.
660. Глухих, А. Варьёган: двадцать лет спустя / А. Глухих // Ленинская правда. – 1990. 12 мая. – С. 6.
661. Осокина, Э. Долги наши / Э. Осокина // Ленинская правда. – 1990. – 13 окт. – С. 2, 3.
662. Никольская, Анжелика. Сберегут ли оленеводы округа своё богатство? / А. Никольская // Югра. – 1996. – № 7, июль. – С. 42.
663. Сподина, В. Деревянные глаза / В. Сподина // МНГ – Вести. – 1995.

664. Кошурникова, Александра. 3. Традиционные технологии заготовки сырья у лесных ненцев / Александра Кошурникова, Владимир Потиха // Югра. – 1997. – № 4, апрель. – С. 36, 37.
665. Кривошапка, Н. Олень – живое сокровище обских угров / Нина Кривошапка // Югра. – 1998. – № 2 (февраль). – С. 2–3.
666. Гоголева, Татьяна. Мы – за равноправные партнёрские отношения / Татьяна Гоголева // Югра. Дела и люди. – 1999. – № 3. – С. 57.
667. Глушко, В. Творить или не творить – вот в чём вопрос / В. Глушко, С. Маркелова // Варта. – 2003. – 7 февр. – С. 7. [В школе № 40 прошло заседание клуба «Поколение-XXI», на него был приглашён Ю. Вэлла.]
668. Ковалёва, Л. История одного неотправленного письма // Моя библиотека. – 2004. – № 1–2. – С. 9, 17. [Проблемы обучения детей на стойбище Ю. Вэллы.]
669. Маслова, О. Оленевод победил корпорацию, потому что так решили стажёры «Школы лидерства» // Новости Югры. – 2005. – 12 нояб. – С. 3. [Выступление Е. Айпина и Ю. Вэллы в «Первой школе лидерства».]
670. Петренко, Л. А написано на нартах // Варта. – 2007. – 9 февр. – С. 1. [Ю. Вэлла – приглашённый гость в Центре детского творчества.]
671. Захарова, Г. Духовное богатство России прирастает Сибирью : [о научно-практической конференции «Природные богатства Югры в культуре обских угров»] / Галина Захарова ; фото Виктора Балина // Югра. – 2008. – № 6. – С. 38–39, портрет.

ИЗДАНИЯ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Отдельные издания

672. Хопьюхие рома поляс; Ай пешие (Юри ай пухи ар); Нэни щациимия / Ю. Вэлла // Ханты ясан = Хантыйский язык / Г. А. Обатина. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 152–154.
673. Dudeck, Stephan, and Caroline Grosse. 1999. 'Ethnographische Expedition Auf Dem Fluss Agan'. In Europa et Sibiria, Beiträge Zu Sprache Und Kultur Der Kleinen Finnougrischen, Samojedischen Und Paläoasiatischen Völker / Gedenkband Für Wolfgang Veenker, edited by Cornelius Hasselblatt and Paula Jääsalmi-Krüger, 51:139–45. Veröffentlichungen Der Societas Uralo-Altaica. Wiesbaden: Harrassowitz.
674. Сус ерт; Олан лоньсь : стихотворения / Ю. Вэлла // Хатлые = Солнышко : кн. для дополнительного чтения в 3–4 кл. хант. шк. (казым).

- диалект) / Е. Н. Рандымова, С. П. Молданова. – Санкт-Петербург : Просвещение, 2002. – С. 6, 26. – на хант. яз.
675. Butenschön, Marianne. 2003. 'Jelzin, Putin Und Die Präsidentenkuh: Vom Einsamen Kampf Des Rentierzüchters Jurij Vella Gegen Den Ölkonzern LUKoil'. Freitag, no. 03.
676. Vella Jurij. Fenér Kiáltások : válogatta, szerkesztette és fordította / Jurij Vella ; Puztay János ; borító és grafika Masszi Ferenc. – Szombathely, 2004. – ISSN 1419-6360 ; ISBN 963 9531 26 x.
677. Niglas, L.; Toulouze, E. (2004). Yuri Vella's worldview as a tool for survival: what filming reveals. Terje Anepaio ; Pille Runnel. Perceptions of Worldviews Pro ethnologia. (95–114). Tartu: Eesti Rahva Muuseum. (Лийво Ниглас, Ева Тулуз. Мировоззрение Юрия Вэллы как инструмент для выживания: что показывают снимки). – На англ. яз.
678. Niglas, Liivo. 2005a. 'An Individual's Attempt of Resistance to the Colonial Policy: Yuri Vella's Play with Visual Media'. In The Northern Peoples and States: Changing Relationships, 5:112–41. Studies in Folk Culture.
679. Niglas, Liivo. 2005b. 'Yuri Vella's Play with Visual Media'. Studies in Folk Culture 5: 110.
680. Breeze from the lake: prose and prose-like pieces, 7x7, 1968–2008, Variogan-Reindeer camp on Tui-Tiah / Y. Vella. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 163 с. – Приплетено: Ветерок с озера: проза и всё, что напоминает прозу, 7 × 7, 1968–2008, Варьёган – Стойбище-на-Гюйтяхе / Ю. К. Вэлла ; пер. на англ. яз. А. Ващенко ; худож. Н. Тагилина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 172 с.
681. Тёды куараос: кылбурьёс = Белые голоса: стихотворения / Ю. Вэлла ; пер. на удмуртский язык Вячеслава Ар-Серги. – Ижевск : Полигр. комбинат, 2008. – 44 с.
682. Räägi minuga / J. Vella. – Tallinn : Kirjastuskeskus, 2009. – 79, [1] с. : ил. – (Väikeste Rahvaste Suur Kirjandus). – Текст на эст. яз.
683. The land of love: dialogues / Yu. Vella. – Khanty-Mansiysk : Polygraphist, 2009. – 74 с. – Приплетено: Земля любви: диалоги / Ю. К. Вэлла ; фот. Т. Юргенсон и др. ; худож.: Л. Мунтян, Н. Талигина, Ф. Хазырова]. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – 73 с.
684. Threads of Kinship / Y. Vella. – Khanty-Mansiysk, 2010. – 50 с. : ил. – Приплетено: Нити родства / Ю. Вэлла ; худож. В. Миляева, Г. Хазырова, Ф. Хазырова ; пер. на англ. яз. Е. Журавлёва, К. Журавлёва, А. Ващенко ; фот. А. Ващенко, М. Вагнер. – Ханты-Мансийск : Доминус, 2010. – 74 с.
685. Toulouze, E.(toim.) (2011). Deux écrivain autochtones de Sibérie: Erémeï Aïpine et Iouri Vella. Paris: L'Harmattan, ADEFO. – (Ева

- Тулуз. Два коренных писателя Сибири: Еремей Айпин и Юрий Вэлла : Сборник статей). – На франц. яз.
686. Toulouze Eva (2011) Iouri Vella Triptyques et autres écrits, ADEFO – Poésies ouraliennes 224 p. (Ева тулуз. Юрий Вэлла: Триптихи и другие произведения). – Переводы на франц. яз.
687. The land of love : dialogues / Y. Vella. – Khanty-Mansiysk : Print-Klass, 2011. – 107 с. – Приплетено: Земля любви: диалоги / Ю. Вэлла ; худож. Л. Мунтян и др. ; фот. Т. Юргенсон и др. – 2-е изд. доп. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. – 208 с. : ил., цв. фот. – (Книга-перевёртыш). – Текст на рус. и англ. яз.
688. Анбур кэрдорсален / Ю. К. Вэлла ; худ. ред. О. Корниенко ; пер. на коми яз., фот. Э. Хозяинов. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с. : ил., цв. фот. – Перевод заглавия: Азбука оленевода. – Текст на коми. яз.
689. L'abécédale de l'éleveur de rennes / I. Vella ; худ. ред. О. Корниенко ; пер. на фр. Е. Toulouze ; фот. А. Pachouk. – Surgut : Studio O. K., 2011. – 43 p. : ил., цв. фот. – Перевод заглавия: Азбука оленевода. – Текст на фр. яз.
690. Салы янмалтан хѳтпа азбукагэ / Ю. К. Вэлла ; худ. ред. О. Корниенко ; пер. на манс. К. Афанасьева. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с. : фот., ил. – Текст на манс. яз.
691. Тиливсал таслат / Ю. К. Вэлла ; Тюлято Вэ'ла ; худ. ред. О. Корниенко ; фот. М. Вагнер. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с. : ил., фот. – Перевод заглавия: Азбука оленевода. – Текст на нен. яз.
692. Ясэн вўлы лавэлты ёх пайта / Ю. К. Вэлла ; пер. на хант. Э. Немес ; фот. Н. Гынгазов. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с. : ил., цв. фот. – Перевод заглавия: Азбука оленевода. – Текст на хант. яз.
693. A deer herders's ABC / Yuri Vella; the translation into English Alexander Vashchenko ; the photographer Gorge Korchyonkin ; computer design Tatyana Kadochnikov ; худ. ред. О. Корниенко. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 p. : цв. ил. – Перевод заглавия: Азбука оленевода. – Текст на англ. яз. – ISBN 978-5-85540-643-6.
694. Järvetuul: proosa ja kõik mis sarnaneb proosaga / J. Vella. – Tallin : Varrak, 2011. – 197, [1] с. : ил. – Текст на эст. яз. – Перевод заглавия: Ветерок с озера.
695. Dudeck, Stephan. 2013. 'Challenging the State Educational System in Western Siberia: Taiga School at the Tiuityakha River'. In Sustaining Indigenous Knowledge : Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage, edited by Erich Kasten and Tjeerd de Graaf, 129–57. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.

696. Dudeck, Stephan. Der Tag des Rentierzüchters: Repräsentation indigener Lebensstile zwischen Taigawohnplatz und Erdölstadt in Westsibirien / Stephan Dudeck. – SEC Publications, 2013. – 352 с. – ISBN – 978-3-942883-17-7.
697. Няжадовш : Ненецкий триптих / Ю. Вэлла; перевод на русский язык Ю. Вэлла, В. Широкова; Апытю’ шана’ку Мэ’су’ махат (но’пт вачей чи’) / Ю. Вэлла; Размышления после «Медвежьего игрища» : диалоги / Н. Скотт Момадэй, Ю. Вэлла ; перевод на русский язык Ю. Вэллы, А. Ващенко. // Югра многоликая: антология прозы и поэзии авторов Югры на языках-оригиналах и в переводах. – Ханты-Мансийск, 2014. – С. 114–131.
698. Toulouze, Eva (2014). Juri Vella ja Scott Momaday dialoog: karu räagib karuga. – (Диалог Юрия Вэллы и Скотта Момадэя: медведь говорит с медведем). – Переводы на англ., рус., ненец., франц. и эстон. яз.
699. Dudeck, Stephan, dir. 2015. The Taiga School at the Tiuitiakha River. DVD. Sustaining Indigenous Knowledge Comparative Views on Indigenous Learning Situations from Russia, Peru and Papua New Guinea. English / Russian / Spanish Subtitles. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien.
700. Vella, Juri. 2016. Rakkauden maa: runoja ja dialogeja. Translated by Karina Lukin. Kemi: Atrain. (Юрий Вэлла. Земля любви. Стихи и диалоги). – На фин. яз.
701. Toulouze, Eva; Liivo, Niglas. 2016. ‘Power of Words in a Culture of Silence: An Attempt in Yuri Vella’s Speech Analysis’. In Symposium “Word Power” April 25–27 2016, University of Tartu, 21.
702. Живой музей = The spirit of museum / Юрий Вэлла ; предисловие, перевод на английский М. Б. Гнедовского ; ил. : Сабины Хоссейн, Рубины Хоссейн. – М. : Перо, 2016. – 32, 32 с. – Текст русский, английский. – Книга-перевёртыш.
703. Dudeck, Stephan. 2018. ‘Dialogical Relationships and the Bear in Indigenous Poetry’. *Sibirica* 17 (2): 114–20. – На англ. яз.
704. Toulouze, Eva, and Liivo Niglas. 2019. Yuri Vella’s Fight for Survival in Western Siberia : Oil, Reindeer and Gods. Cambridge Scholars Publishing. – (Ева Тулуз, Лийво Ниглас. Борьба Юрия Вэллы за выживание в Западной Сибири : нефть, олени и боги). – На англ. яз.
705. Dudeck, Stephan, Zsófia Schön, Christian Vagt, Agrafena Pesikova, Yosif Kechimov, Vasiliï Usanov, and Yuri Vella. 2021. ‘Troubling Visits and Uncanny Encounters – Indigenous Concepts of Other Than Humans and Their Homes’. *TRANSLOCAL. Culturas Contemporâneas Locais e Urbanas*, no. 5 – Espaços (Des)Habitados | (Un)Inhabited Spaces, Funchal: UMa-CIERL/CMF/IA., 1–26.

706. Vella, Yuri. 2023. 'A Legend about the Deserted Tent'. In *Enfleshed – Ecologies of Entities and Beings*, edited by Kristiina Koskentola and Marjolein van der Loo, 83–85. *Onomatopoe 241*, Kristiina Koskentola, Marjolein van der Loo, 2023. 176 p. ISBN – 978-94-93148-94-9. – (Юрий Вэлла. Легенда о заброшенном чуме). – На фин. яз.

Публикации в сборниках и периодике

707. Сус ерт; Олан лоньсь : [стихотворения] // Хатлые = Солнышко: кн. для дополнительного чтения в 3–4 кл. хант. шк. (казым. диалект) / Ю. Вэлла / Е. Н. Рандымова, С. П. Молданова. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1994. – С. 4, 22.
708. Хопьюхие рома лоляс; Ай пешие (Юри ай пухие ар); Нэни щащи-имия : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Ханты ясан = Хантыйский язык / Г. А. Обатина. – СПб., 1995. – С. 152–154. – Текст на хант. яз.
709. Ненецкий поэт Юрий Вэлла : пособие для учителей / Научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов; сост. Е. А. Немысова. – М. : Икар, 1997. – 54 с. : фот. – Библиогр.: С. 52. – Текст парал. хант., нен., рус.
710. Toulouze, Eva (1998). Les cinquante ans de Juri Vella. *Études finno-ougriennes*, 30, 216–219. (Тулуз Ева. 50. Юбилей Юрия Вэлла). – На франц. яз.
711. Toulouze, Eva (1999). Traagiline jõud ja rahulik jõud: Eremej Ajpin ja Juri Vella Varjogani kirjanikud. *Looming*, 11, 1698–1705. (Тулуз Ева. Две ветви одного дерева). – На эстон. яз.
712. Toulouze, Eva (2001). Eremei Aipine et Youri Vella: les écrivains de Variogane. *Boréales : revue du Centre de recherches inter-nordiques*, 78–81, 185–194. (Тулуз Ева. Две ветви одного дерева). – На франц. яз.
713. Сусой, Е. Г. Юрий Кылевич Вэлла / Е. Г. Сусой // Ненецкие литература = Ненецкая литература. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 148, 149. – На ненец. яз.
714. Youri Vella, écrivain nenetse forets // *Missives : Litteratures des peuples autochtones de Sibérie*. – 2001. – Sept. – С. 37, 38, 64. – Содерж. : Nuage dans le pétrole; Au bois sacré. – (Юрий Вэлла. Облако в нефти / Послания : Народная литература коренных жителей Сибири). – На франц. яз. пер.: Dominique Samson Normand de Chambourg (Доминик Самсон Норман де Шамбур).
715. Янда хобациян ниб»нянда ту» ; Илева' е»эмня ; И' хэмбиле»мя» ; Нув' серма» : стихотворения ; Усти нэвасыда маянд' еремы ; Ирини вада» хаха»нани ноб' со» : рассказы / Ю. К. Вэлла // Ненецкие литература = Ненецкая литература / Е. Г. Сусой. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 148, 149. – Текст на ненец. яз.

716. ТИЛЬИВСАМА' № 1 (9): Ковсуй; Татва; Ты'мулу' нат; Комэй ковсой, ковсой чи: газета в газете / Ю. К. Вэлла // Глаголь. – 2003. – сент. (№ 1). – С. 23.
717. Toulouze, E. (2003). Forest Nenets as a Dual Language Minority – Multiethnic Communities in the Past and Present. *Pro Ethnologia*, 15, 95–108. (Тулуз Ева. Язык лесных ненцев – двойной миноритетный язык.) – На англ. яз.
718. Toulouze, E. (2003). *Juri Vella ou la construction de l'utopie*. *Slovo*, 28-29, 193–211. (Тулуз Ева. Юрий Вэлла, или конструкция Утопии). – На франц. яз.
719. Куккук люсьнэ мойт: рассказ / Ю. К. Вэлла // Литература 7 класс : учебная хрестоматия на мансийском языке для общеобразовательных учреждений. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 58–64. – Текст на манс. яз.
720. Юрий Кылевич Вэлла 55 талэ товлыс : О творчестве Ю. Вэлла // Луима Сэрипос. – 2003. – 6 апр. – С. 4.
721. Енов, В. Ёрн мир поэт 55 тала йис : о творчестве Ю. К. Вэлла / В. Енов // Хӓнты ясаӓ. – 2003. – 19 апр. – С. 4. – Текст на хант. яз.
722. Зеленина, О. «Гюйтях» немпи йшкола : лесная школа Ю. Вэллы / О. Зеленина // Хӓнты ясаӓ. – 2005. – 10 дек. (№ 50). – С. 2.
723. Из века в век : поэзия ханты, манси и ненцев / сост. С. Н. Гловюк, С. Б. Мартовский, А. С. Тарханов. – М. : Пранат, 2006. – 270, [1] С. – (Поэзия народов кириллической азбуки).
724. Toulouze, E.; Niglas, L. (2006). *Parler de soi pour changer le monde : Juri Vella et la parole*. *Sign Systems Studies*, 34 (2), 509–525. (Ева Тулуз, Лийво Ниглас. Говорить о себе, чтобы менять мир). – На франц. яз.
725. ТИЛЬИВСАМА' № 10: Лунтап лыпина лунтап : газета в газете / Ю. К. Вэлла; Т. В. Юргенсон // Югорский глаголь. – 2007. – окт. (№ 1). – С. 7–10.
726. Овыл туйт; Рут мам молямлэгум : стихотворения / Ю. К. Вэлла // Литература : учебная хрестоматия на мансийском языке для 5–6 классов общеобразовательных учреждений. – 3-е изд. – СПб., 2008. – С. 95–97. – Текст на манс. яз.
727. Вах, Н. Мўв-ават давалты хэ: Творчество ненецкого поэта Ю. К. Вэлла / Н. Вах // Хӓнты ясаӓ. – 2008. – 31 мая. – С. 3.
728. Олаӓ доньц : стихотворение «Первый снег» / Ю. Вэлла // Хӓнты ясаӓ. – 2008. – 9 февраля. – С. 4.
729. Вах, Н. Мўв-ават давалты хэ: о творчестве Ю. К. Вэллы / Н. Вах // Хӓнты ясаӓ. – 2008. – 22 нояб. – С. 4.
730. Микули, А. Йӓрхан арӓх дӓхта / А. Микули // Хӓнты ясаӓ. – 2011. – 26 марта (№ 12). – С. 4.

731. Niglas, Liivo. 2011. 'Yuri Vella on the Move: Driving an Uazik in Western Siberia'. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, no. 49: 31–70.
732. Toulouze, Eva (2011). Northern native religious representations at the beginning of the 21st century: Yuri Vella's example. In: *New movements in religion. Theories and trends.* (238–239). EASR10. Budapest 18-22/09/2011. Budapest. (Тулуз Ева. Северные коренные репрезентации в начале XXI в., пример Юрия Вэллы). – Аннотация к презентации. – На англ. яз.
733. Toulouze, Eva (2011). Préface. Iouri Vella, Tryptiques et autres écrits. (7–8). Paris: ADEFO. (Poésies ouraliennes; 3). (Тулуз Ева, Предисловие к поэтической книги Юрия Вэллы). – На франц. яз.
734. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2012). Native spirituality in (re)constructed personhood: observing and filming Yuri Vella. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 133–170. (Коренная духовность в реконструированной личности : наблюдая и снимая Юрия Вэллу). – На англ. яз.
735. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2012). Parler de soi pour changer le monde. Eva Toulouze; Dominique Samson Normand de Chambourg. Deux écrivains autochtones de Sibérie: Érêmeï Aïpine et Iouri Vella. (305–316). L'Harmattan. (Bibliothèque finno-ougrienne; 22). (Тулуз Ева, Ниглас Лийво. Говорить о себе, чтобы менять мир). – На франц. яз.
736. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2012). Spiritualité autochtone et personnalité (re)construite – Observer et filmer Iouri Vella. Eva Toulouze; Dominique Samson Normand de Chambourg. Deux écrivains autochtones de Sibérie: Érêmeï Aïpine et Iouri Vella. (317–361). L'Harmattan. (Bibliothèque finno-ougrienne; 22). (Коренная духовность в реконструированной личности : наблюдая и снимая Юрия Вэллу). – На франц. яз.
737. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2013). Inimene, kellel olid põhjarõdras ja roeesia. Juri Vella mälestuseks. *Sirp*, 17. (Тулуз Ева, Ниглас Лийво. Человек, у которого были олени и поэзия). – На эстон. яз.
738. Toulouze, Eva (2014). Eriprogramm : Juri Vella in memoriam: filmida ja olla filmitav. *Maailmafilm 2014 Festivali kataloog*. (118–123). Tartu. (Тулуз, Ева. Специальная программа кинофестиваля Maailmafilm : Юрий Вэлла на память: снимать и быть объектом съёмки). – На эстон. яз.
739. Toulouze, Eva (2014). Femme sur le terrain : difficultés et défis dans la taïga de Sibérie occidentale. *Slovo*, 2, 259–281. (Тулуз Ева. Женщина в поле : трудности и вызовы в тайге Западной Сибири). – На франц. яз.
740. Toulouze, Eva (2015). Juri Vella väga tavaline ja väga eriline põliselanikust haritlane. *Soome-ugri sõlmed*, 2014, 8–18. (Тулуз Ева. Юрий Вэлла – очень обыкновенный и очень своеобразный коренной интеллигент). – На эстон. яз.

741. Toulouze, Eva (2015). Les Nénètes des forêts: identité et modernité. Léonard, Jean-Léo; Avilés Gonzalés, Karla Janiré. Documentation et revitalisation des langues en danger : épistémologie et praxis. (223–252). Michel Houdiard Éditeur. (Тулуз, Ева. Лесные ненцы, идентичность и современность). – На франц. яз.
742. Dudeck, Stephan. 2015. 'If You Want to Have Reindeer – a Trilingual Book with Poems of Yuri Vella Made by Anne Bouin | Stephan Dudeck – Arctic Fieldwork'. Blog. If You Want to Have Reindeer – a Trilingual Book with Poems of Yuri Vella Made by Anne Bouin. 15 July 2015. – На англ. яз.
743. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2016). Fixity and movement in Western Siberia: when oil worker, native and reindeer paths cross. In: Anu Kannike, Monika Tasa (Ed.). The dynamics of cultural borders. (46-84). Tartu: University of Tartu Press. (Approaches to Culture Theory; 5). (Ева Тулуз; Лийво Ниглас. Осёдлость и движение в Западной Сибири: когда пересекаются пути нефтяников, коренных жителей и оленей.) – На англ. яз.
744. Toulouze, Eva (2016). Donne sul campo: difficoltà e sfide nella taiga della Siberia Occidentale. Il polo, LXXI (3), 37–52. (Ева Тулуз. Женщина в поле : трудности и вызовы в тайге Западной Сибири). – На франц. яз.
745. Toulouze, Eva ; Dudeck, Stephan (2016), Johdanto Juri Vella Rakkauden Maa Helsinki : Atrain Kustannus 7-25 (Ева Тулуз, Штефан Дудек. Предисловие. Юрий Вэлла. Земля Любви). – На финск. яз.
746. Toulouze, Eva (2017). Autobiographie d'un autochtone de la taïga de Sibérie occidentale : Iouri Vella et la projection dans l'avenir. Slovo, 47, 61–89. (Ева Тулуз. Автобиография таёжного коренного жителя : Юрий Вэлла и представление о будущем). – На итал. яз.
747. Toulouze, Eva (2017). Reconfigurations of indigenous personhood in Western Siberia. In: Lidia Guzy, James Kapalo (Ed.). Marginalised and Endangered Worldviews. Comparative studies on contemporary Eurasio; India and South America. (89–115). Lit Verlag Berlin: LIT Verl (Ева Тулуз. Реконфигурация коренной личности в Западной Сибири). – На англ. яз.
748. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo (2019). Metsaneetsi animism üksikisiku näitel. Sirp, 9 (3731) , 40. (Ева Тулуз, Лийво Ниглас. Анимизм у лесных ненцев на примере одного индивида). – На эстон. яз.
749. Toulouze, Eva (2021). Juri Vellan peilit. Idäntutkimus: The Finnish Review of East European Studies, 28 (1), 66–73. (Ева Тулуз. Зеркала Юрия Вэллы). – На финск. яз.
750. Toulouze, Eva (2021). Autobiografia di un autoctono della taiga siberiana occidentale: Yuri Vella e la proiezione nel futuro. Il polo, LXXVI (4),

- 47–65. (Автобиография таёжного коренного жителя: Юрий Вэлла и представление о будущем). – На итал. яз.
751. Toulouze, Eva; Niglas, Liivo; Vallikivi, Laur (2022). Buying a God in Paris: Cultural Hybridity in the Thinking of Yuri Vella, Forest Nenets Intellectual. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 16 (2), 22–42. DOI: 10.2478/jef-2022-0012. (Ева Тулуз, Лийво Ниглас, Лаур Валликиви. Купить бога в Париже: культурная гибридность в мышлении лесного ненца Юрия Вэллы). – На англ. яз.

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

752. Песни реки Аган / Региональный историко-культурный и экологический центр, Комитет по культуре и кино Нижневартовского района; научный редактор З. П. Соколова ; редактор А. Д. Казамкина ; перевод на хантыйский и ненецкий П. Я. Айваседа, Ю. К. Айваседа ; автор примечаний В. И. Сподина. – Мегин : Инфорес Принт, 2003. – 85 с. : фот. – Текст русский, хантыйский, ненецкий.
753. Стерхи над Югрой... : учебник-хрестоматия для 7 кл. по программе спецкурса по литературе «Литература и культурные традиции Обь-Иртышского Севера» / авт.-сост.: Т. С. Астраханцева, Т. П. Антипова, А. И. Сагдеева и др. ; науч. ред.: А. В. Ефремов, гл. ред.: Т. С. Астраханцева ; Автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования». – Ханты-Мансийск : РИО ИРО, 2013. – 188 с. : цв. ил.
754. Поэты Югорского Пояса : [сборник] / Галерея современного искусства «Стерх» и др. ; сост.: В. Назанский, Р. Сунгурова ; переводчики: А. Атрашкевич и др. ; редактор Е. Корнеева ; ил. Ю. Бычкова. – Сургут ; Ханты-Мансийск ; Санкт-Петербург : Артефакт, 2014. – 113 с. : ил.
755. Глазами молодых: литературно-критические этюды, статьи, рецензии : [сборник / ред. И. Г. Рябин]. – Ханты-Мансийск : [б. и.], 2015. – 233 с. : портр. – (Молодая критика Югры). – На тит. л. : 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается.
756. Как появились очки у куликов-турухтанов = Куше тылышуути хэмта пя ычимя»: ненецкая сказка: (аганский говор лесного диалекта ненецкого языка) / Департамент образования и молодёжной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок ; составитель В. И. Сподина ; под редакцией Н. Б. Кошкарёвой, С. И. Бурковой ; перевод на русский язык: Ю. К. Айваседа (Вэлла) ; перевод на английский язык: М. Г. Волдина ; перевод на венгерский язык: М. Чепреги ; художник И. В. Соколова. – Ханты-Ман-

сыйск : Югорский формат, 2016. – 19 с. : ил. – Текст на ненецком, русском, английском, венгерском языках. – ISBN 978-5-9908661-0-2.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

757. Северные люди: художник Владимир Игошев, этнограф Лев Гумилёв, поэты Юван Шесталов и Юрий Вэлла о людях, природе, легендах Югры. – Изображение (движущееся; двухмерное): видео // Дни нашей жизни, 1953–1956: документальный сериал / режиссёр Владимир Герчиков. – [Екатеринбург], 2004. – 1 вк.; 20 см (208 мин.), звук на том же нос., 8 мм, изобр. реал., касс. 2к, VHS : комбин. – (История Югры: события и судьбы). – (В кор.).
758. Мадисон, Андрей. Как подморозить Россию / А. Мадисон // Русский журнал [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные. – Режим доступа: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-12-04/madis.htm.
759. Загадка моя!: [видеоприложение] / [авт. проекта Ольга Корниенко]. – Сургут : Студия О. К., 2008. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM): ил. – Обязат. экз. – Систем. требования: DVD-Video; DVD-ROM. – Текст на рус. и хант. яз.
760. Азбука оленевода / Юрий Вэлла; фот. Мартин Вагнер; компьютер. дизайн Татьяна Кадочникова; худож. ред. Ольга Корниенко. – Сургут : Студия О. К., 2011. – 43 с. : фот., ил. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
761. Юрий Вэлла. Последний монолог: [Департамент культуры, молодёжной политики и спорта г. Сургута; автор фильма Ольга Корниенко]. [видеофильм]. – Екатеринбург, 2015. – 1 эл. опт. диск (DVD-ROM) (15 мин.): цв., зв. + 1 брошюра (12 с.). – Заглавие с этикетки диска. – Изображение (движущееся; двухмерное): видео.
762. Toulouze, Eva (2018). Juri Vella, Yuri Vella, Юрий Вэлла. Niglas, Liivo (2018). Juri Vella maailm. Armastuse maa (DVD kogumik). F-Seitse & MP DOC. Буклет и субтитры: на русс., англ., эстон и франц. языках.
763. Toulouze, Eva (2018). A man of words and silence: a Siberian intellectual mixed pattern of communication. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 12 (2), 79–94. DOI: 10.2478/jef-2018-0012. (Ева Тулуз, Человек слов и молчания: смешанные модели общения сибирского интеллигента). – на англ. яз.
764. Юрий Айваседа из рода Вэлла // Медвежий угол [Электронный ресурс]: ежекварт. изд. ИСАР-Сибирь. – Электрон. журн. – № 16. – Режим доступа: <http://www.ecoclub.nsu.ru/isar/mu16/01.htm>. – Текст: электронный.
765. Сербина, О. Писатель Юрий Вэлла и его «Последний монолог» [в эстонском городе Тарту прошли Дни памяти югорского писателя] / О. Сербина // MKRu

- Югра [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ugra.mk.ru/article/2014/04/02/1007480-pisatel-yuriy-vella-i-ego-posledniy-monolog.html>.
766. Царькова, Л. Юрий Вэлла и его книга о гармонии «Поговори со мной» / Л. Царькова // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/04/05/1534>.
767. Вэлла, Ю. К. Юрий Айваседа из рода Вэлла: [беседа с Ю. К. Вэллой] / Ю. К. Вэлла // Экодело [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ecodelo.org/8649-yurii_ayvaseda_iz_roda_vella-
768. Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич: [биографическая справка] // Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [сайт]. – URL: <https://kmns.admhmao.ru/personalii/tvorcheskaya-intelligentsiya/299467/ayvaseda-vella-yuriy-kylevich/> (дата обращения 23.12.2022). – Текст : электронный.
769. О чём кукует кукушка: сказка бабушки Ненги / Юрий Вэлла; читают на русском и ненецком языках Маргарита Вынтымовна Венго, Ярослав Похило. – Устная речь (исполнительская): электронная // Музыкальные истории. Сказки моей бабушки: аудиосборник. – Нижневартовск, 2019. – 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM); 13 см. – Систем. требования: ОС Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7; 128 Мб оперативной памяти; CD-ROM привод; звуковая карта; мышь. – Загл. с этикетки диска.
770. [Стихотворения] / Юрий Вэлла // Стихи.ру: [сайт]. – URL: <https://stihi.ru/avtor/olenevod> (дата обращения 23.12.2022). – Текст : электронный.
771. Карымова, Т. Детские годы Юрия Кылевича Айваседа (Вэллы) / Т. Карымова // Хранители Родины: живая история деревень, сёл и городов России: [сайт]. – URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=21819> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст : электронный.
772. Дом-музей Юрия Кылевича Вэлла: официальное представительство в социальной сети «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/id598190206> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст : электронный.
773. Дом-музей Ю. К. Вэллы: экскурсия // Этнографический парк-музей с. Варьёган: [официальный сайт]. – URL: <https://museum-varegan.com/> (дата обращения 23.12.2022). – Текст : электронный.
774. Гражданин планеты. Прощаясь с Юрием Вэллой // ugranow.ru: сайт – <http://ugranow.ru/2013/09/13/> (дата обращения 12.10.2013). – Текст : электронный.
775. Олень президентский // Ленправда: информационно-аналитическое интернет-издание: сайт. – 2010. – 3 окт. – <https://www.lenpravda.ru/digest/federal/263821.html> (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.

776. Глухих, А. За шлагбаумом: Несколько моментов из жизни стойбища / А. Глухих // Виперсон: сайт – <https://viperson.ru/articles/novosti-yugryhantu-man-sk-ot-02-02-2002> (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.
777. Писатель, оленевод и философ Юрий Вэлла встретился с читателями / ЗИЦ «Югра» ; Филиал ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Финно-угорский центр Российской Федерации»: сайт – 2013. – 28 мар. – <https://finnougoria.ru/news/31689/> (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.
778. Горбачёва, А. Школа на стойбище / А. Горбачёва // Московский комсомолец.ру: сайт. – 2010. – 3 нояб. – <https://tumen.mk.ru/articles/2010/11/03/541656-shkola-na-stoybische.html> (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.
779. Романова, М. Лесная цивилизация / Марина Романова // Эксперт : сайт. – 2002. – 15 июля. – https://expert.ru/ural/2002/27/27ur-obsh_71896/ (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.
780. Царькова, Л. Юрий Вэлла и его книга о гармонии «Поговори со мной» / Любовь Царькова // Проза.ру : сайт – 2012. – <https://proza.ru/2012/04/05/1534> (дата обращения 6.06.2023). – Текст : электронный.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Корниенко О. Герой моего времени	7
БИОГРАФИЯ 1948–1980	
<i>(Достичь возраста Полноценного Поцелуя...)</i>	12
Айваседа Атени <i>(из рассказов о сыне)</i>	14
Вэлла Юрий <i>(из рассказов о себе)</i>	15
Айваседа Елена <i>(из рассказов о семье)</i>	16
Вэлла Юрий <i>(из рассказов о себе)</i>	17
Айваседа Елена <i>(из рассказов о семье)</i>	18
Вэлла Юрий <i>(из рассказов о себе)</i>	18
Айпин Е. Рифмы охотничьей тропы	20
Айваседа Ю. Судьба семьи в судьбе страны	21
Двоеглазов В. Народный депутат	24
БИОГРАФИЯ 1980–1989	
<i>(Достичь возраста Выбора Своего Пути...)</i>	36
Вэлла Юрий. Из рассказов о себе	38
Казамкина Агафья <i>(из воспоминаний)</i>	41
Корниенко О. Перестройка	42
Айваседа Ю. Мелодия жизни	46
Шарапов Ю. Праздник Севера	51
Вэлла Ю. Выпускать только белого оленя	57
Кириллов И. На перекрёстке оленьих путей	63
Вэлла Ю. Спой мне песню, Ланэй!	70
Мельников М. Вести из моего стойбища	76
Костылев Л. Ханты: настоящее и будущее	81

БИОГРАФИЯ 1990–1999	
<i>(Достичь возраста Своей Походки...)</i>	84
Вэлла Юрий <i>(из рассказов о себе)</i>	86
Васильева О. Почтальон «живых» писем	94
Глухих А. Аганских ненцев писанина	96
Третий номер «Тильвсамы»	99
Олень мой смиренный был...	100
Сваровский Н. Пикет	102
Вэлла Ю. Я объявлен браконьером на родной земле	111
Скотт Ш. Аборигены	116
Широнина Т. Не потерять себя	121
Глухих А. Люди просят угодья	127
В знак протеста	129
Вэлла Ю. Ищу домашнего учителя	130
Васильева О. Вести из стойбища	132
Вэлла Ю. Философия жизни и смерти	140
Трифонов А. Уходящий Вэлла	147
Батяева И. Поэт или политик?	151
Гнедовский М. Мой дом – мой космос	160
Миськова Е. Не отнимайте малицу	164
Корниенко О. Оленные люди	174
Вэлла Ю. «Я» и «они» несовместимы. Пока...	179
Миськова Е. Юрий Вэлла и его рассказы	181
Мадисон А. Как подморозить Россию	192
БИОГРАФИЯ 2000–2013	
<i>(Достичь возраста Мудрости Иносказаний...)</i>	200
Ширманов Игорь <i>(из воспоминаний)</i>	202
Чепреги Марта <i>(из переписки)</i>	203
Лихачёва Елена <i>(из воспоминаний)</i>	203
Гоголева Татьяна <i>(из воспоминаний)</i>	203
Арзамазов Алексей <i>(из литературной критики)</i>	204
Колодкина Анастасия <i>(из сочинения)</i>	204
Ларкович Дмитрий <i>(из отзывов)</i>	205
Пушкарёва Елена <i>(из отзывов)</i>	205
Корниенко Ольга <i>(из воспоминаний)</i>	205

Самахова И. С топором против «ЛУКОЙЛа»	206
Айваседа Ю. Об экомузее и не только...	209
Айпин Е. Вождь коренных народов Варьёганского региона	212
Вэлла Ю. Как я стал вождём племени	216
Айваседа Ю. Просто жизнь...	219
Арзамазов А. Белые крики в чёрной тишине	223
Огрызко В. Я согласен быть вороном	229
Ларионова В. Благородный рыцарь света	236
Корниенко О. Последний монолог	240
В поисках легенды	246
Памяти Юрия Вэллы	
Шаррен А.-В.	250
Скарберри-Гарсия С.	251
Уигет Э., Балалаева О.	252
Ромеро Н. Северные созвездья	254
Водитель оленей	255
Поющая	256
Мост	257

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

(О творчестве)

Бикиняева Л., Вэлла Ю. Диалог с магистранткой	260
Гобзев И. Разные формы одной души:	
Юрий Вэлла и Мацуо Басё	262
Ващенко А. Вечное здесь – вечное там	267
Лагунова О. Интуиции вранения и боли	
Книга о вечном «Белые крики» Ю. Вэллы	288
Аксиология слова и композиции: книга «Вести из стойбища» и книга о вечном «Белые крики» Ю. Вэллы	313
Число и вечность: книга «Триптихи (Три по семь)» Ю. Вэллы	336
Арзамазов А. Наедине со всеми: художественный мир лесного ненца Юрия Вэллы	357
Новикова Н. Диалоги в жизни и творчестве Юрия Вэллы	374
Авторы публикаций	394
Иллюстрации	400
Список изданий	401
БИБЛИОГРАФИЯ	402

**ЮРИЙ КЫЛЕВИЧ ВЭЛЛА
(АЙВАСЕДА)**

Избранное. В трёх томах.
Т. III

К 75-летию со дня рождения

Стихи.ру. <https://stihi.ru/avtor/olenevod>

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом «Центр гражданских и социальных инициатив Югры» – оператором грантов Губернатора

Автономная некоммерческая организация содействия информационно-просветительской деятельности «Югорский свет»

Составители:

Корниенко Ольга Геннадьевна
Юргенсон Татьяна Владимировна
Карымова Тайна Юрьевна

В издании использованы фотографии:

Юрия Шарапова, Георгия Корчёнкина, Владимира Никитина, Александра Ардалионова; Николая Гынгазова, Ольги Корниенко, Татьяны Юргенсон, Марины Айпиной, Алеся Антоновича, Евы Тулуз, а также из архива семьи Айваседа, архива Нижневартовского района, архива Этнографического парка-музея села Варьёган.

Художник Н. М. Талигина
Дизайн О. В. Шпилева
Вёрстка Т. В. Юргенсон
Корректор Л. П. Иванова
Фото Г. Н. Корчёнкин

